

НАТАЛЬЯ СПОСОБИНА

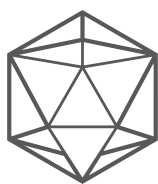
An artistic illustration of a young man and woman in a close embrace. The man, with dark hair and wearing a dark blue hoodie, is leaning over the woman. The woman, with reddish-brown hair and wearing a light-colored top, looks down with a somber expression. The background is a solid light pink color.

Много- гранники

Young
Adult

МИОО

Red Violet. Задержи дыхание

Наталья Способина

Много- гранники

Москва
«Манн, Иванов и Фербер»
2022

УДК 82-311.2(470+571)
ББК 84(2Рос)6-443
С73

Способина, Наталья

С73 Многогранники / Наталья Способина. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2022. — 480 с. — (Red Violet. Задержи дыхание).

ISBN 978-5-00195-393-7

Маша, девушка из простой семьи, учится в престижном столичном вузе. И хотя Маша не вписывается в блестящий мир «золотых деток», ее лучший друг Димка – один из них. Димка намеренно игнорирует однокурсников, предпочитая всем общество Маши. Когда в их группу переводится студент из Англии по имени Роман, это не только бросает вызов дружбе Маши и Димки, но и запускает цепочку событий, которые навсегда изменят жизни многих людей.

УДК 82-311.2(470+571)
ББК 84(2Рос)6-443

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

ISBN 978-5-00195-393-7

Все права защищены.
Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© ООО «Манн, Иванов
и Фербер», 2022
© Текст, Наталья Способина,
2022

Глава 1

Ты — многогранник, и я — многогранник.

На экране телефона высветилось: «Ты скоропостижно скончалась».

Следом телефон пикинул во второй раз: «?»

Машу бесила Димкина привычка досылать знаки препинания отдельно. И Димка бесил. И помада, которая не желала выкручиваться. И мамино платье, которое оказалось ей впору, но немилосердно открывало острые Машины коленки, отчего их все время хотелось обтянуть подолом, но ткань не давалась.

— Мария, Дмитрий звонит в домофон, — раздался мамин голос. — Ты скоро?

— Бли-и-ин, — простонала Маша и, схватив телефон, надиктовала: — Пять минут. Еще раз меня дернешь — убью.

Через секунду в ответ пришел ржущий смайлик.

Маша отступила на шаг от зеркала и, окинув взглядом свое отражение, попыталась утешиться мыслью, что не нравится она себе исключительно потому, что вообще не носит платьев. Утешение вышло слабым.

— Маш, ну ты тут до вечера будешь? — Мама заглянула в комнату.

— Да! — отрезала Маша, натягивая очередной бабушкин шедевр — кружевной жакет.

Мама была права: белый жакет отлично подошел к темно-серому платью, но это же все равно платье!

— Мам, ну посмотри на меня! — в отчаянии воскликнула Маша и неловко повернулась вокруг своей оси. Подол закрутился, открывая ноги еще сильнее. Маша его поймала и вновь попробовала прикрыть колени. — Ну куда мне платье?

— Машка, прекрати! У тебя прекрасные ноги. Иди уже, а то Волков твой там насмерть табаком отравится.

— А может, мне не идти? — Маша поплелась по коридору, неся мамины праздничные туфли за каблуки. — Крестовский был явно не в себе, когда раздавал приглашения. Он даже имени моего не помнит. Он это приглашение на мою парту по ошибке положил. А имя мое там тоже случайно написалось. Ма-а-ам!

Когда мама не ответила, Маша обернулась и увидела, что та стоит, засунув руки в карманы домашнего платья, и хмурится.

— Я совсем плохо выгляжу? — обреченно спросила Маша и, поставив туфли на пол, сунула в них ноги.

Мама помотала головой и, подойдя, поправила кулон на Машиной шее.

— Нет, ты у меня самая красивая. А Крестовский... Роман не пригласил бы тебя, если бы не хотел видеть.

Маша в очередной раз отметила, что мама произносит эту фамилию почти скороговоркой, будто хочет быстрее от нее отделаться и больше с ней не сталкиваться. Маша и сама была бы не прочь не сталкиваться ни с фамилией, ни с ее обладателем.

Мама повесила Маше на плечо сумочку, сунула в руки сверток с подарком и почти силой выставила ее за дверь.

Димка сидел на спинке скамейки и крутил в руках зажигалку. Увидев Машу, он спрыгнул на землю и щелчком отправил в урну недокуренную сигарету. Маша в очередной раз попыталась обтянуть подол и почувствовала, что краснеет, особенно когда Димка окинул ее оценивающим взглядом.

— Прекрати! — прошипела Маша.

— Хочется выразить свой восторг нецензурно, — вынес вердикт Димка и, разглядывая Машины ноги, добавил: — Можно?

— Можно, — разрешила она. — Только про себя.

Димка усмехнулся и широким жестом указал на темно-синюю «ауди», припаркованную напротив подъезда. Водитель, заметив это, завел мотор. Маша поймала себя

на мысли, что вновь хочет прикрыть колени. Вместо этого она оглянулась и отыскала взглядом окно с синими занавесками на пятом этаже. Мама, конечно, стояла там. Маша ей помахала, мама помахала в ответ. Димка проследил за ее взглядом и вежливо кивнул, почти беззвучно прошептав:

— Здравсте, Ирина Петровна.

Маша прыснула, а Димка простонал:

— Блин, нам же третью главу «Театра» к понедельнику?

Маша нервно рассмеялась и, забравшись в машину, сказала:

— Только не говори, что каждый раз при виде моей мамы ты вспоминаешь про домашку, которую все равно не будешь делать.

Димка захлопнул дверь и, откинувшись на сиденье, протянул ей жвачку. Маша помотала головой, тогда он закинул пластинку в рот и произнес:

— Ее домашние задания я делаю всегда. Не гони. Их ваче все делают. Попробовали бы не...

— Не такой уж она и монстр.

— Угу, — буркнул Димка и обратился к водителю: — Поехали.

Водитель молча кивнул, и машина тронулась. Маша вздохнула, понимая, что ей ведь еще предстоит подарок Крестовскому вручать.

— Чего вздыхаешь? — вдруг очень серьезно спросил Димка, повернувшись к ней.

Когда он смотрел вот так, прямо и внимательно, она почему-то всегда немного смущалась.

— Я не хочу ехать на этот праздник, — озвучила она то, что так и не решилась сказать маме.

Димке сказать об этом оказалось гораздо легче. Ведь именно он был причиной этого нежелания.

— Почему? — все так же серьезно спросил Димка и тут же предупредил: — Только не ври, что исключительно из солидарности со мной.

Маша окинула Димку внимательным взглядом. В институт он ходил в джинсах и толстовках, поэтому видеть его сегодня в костюме было жутко непривычно. Немного

примирило с реальностью то, что темные волосы, как всегда, торчали в разные стороны, будто Димка только отлепил-ся от подушки.

— Потому что я буду там чувствовать себя душой.

— Почему? — Димка наклонился к ней, впиваясь взглядом в ее лицо.

— Дим, ну ты же сам все понимаешь. Где я, а где вся наша группа?

— Ты со мной в машине, а группа... — Димка бросил взгляд на массивные часы на запястье, — уже явно на яхте.

— Не придуривайся! — нахмурилась Маша, а когда Димка насмешливо поднял бровь, прошипела: — Потому что я в мамином платье, потому что в первый раз на этих дурацких каблуках! Выгляжу идиоткой, чувствую себя так же.

Маша зло откинулась на сиденье и вновь потянула подол, стараясь прикрыть колени.

Димка наклонился вперед и внимательно посмотрел на ее туфли.

— Ну да. Нелегко, наверное, — посочувствовал он, а когда Маша прищурилась, добавил: — Хватит гнать, Машка! Ничего не понимаю в платьях, но тебе, по-моему, идет.

— Там все будут на стиле, при макияже. Шилова будет блистать...

Машка запнулась, когда поняла, что выдала Димке настоящую причину своего беспокойства. Она прекрасно понимала, что не была ровней девушкам из своей группы. Те проводили новогодние каникулы, катаясь на сноубордах в Альпах, ездили в языковые лагеря, могли отпраздновать день рождения в Париже, как Шилова в прошлом году. Маша убеждала себя, что ее это не задевает, но как же трудно было смириться с реальностью, которая заключалась в том, что Маши в их мире не было, потому что лето она проводила на даче, а на сноуборде стояла один раз в жизни, и то потому, что Димка вытащил ее на базу в Подмоскowie. Димка, в сущности, был единственной точкой соприкосновения ее мира с миром ее одноклассников. Он сам был из их мира. Только по неведомой ей причине презирал все то, что они ценили, порой делая это чересчур демонстративно.

К слову сказать, если бы не Димка, одноклассники ее вряд ли бы вообще замечали. Но извечное стремление хороших девочек к плохим мальчикам делало свое дело, и порой ухоженные красавицы, окутанные ароматами дорогого парфюма, подсаживались к Маше и пытались выяснить что-нибудь о ее единственном друге. Это всегда были очень неловкие моменты.

После слов про Шилову уголок Димкиной губы дернулся, а сам он снова откинулся на спинку сиденья и отвернулся к окну. Маша дико не любила такие перепады его настроения. Это означало, что он взвинчен, а значит, может опять что-то выкинуть.

— Ну прости, что я такая мнительная дура, — примирительно произнесла она, думая, что для Андрея — Димкиного водителя — каждая их поездка похожа на бесплатный цирк.

Димка провел рукой по волосам, взъерошив челку, и вновь повернулся к ней:

— Ты реально считаешь себя хуже пассии Крестовского?

Теперь отвернулась Маша, понимая, что спор зашел в тупик. Она считает. Димка — нет. Шилова крутилась вокруг него весь первый семестр в прошлом году, пока к ним в группу не появился Крестовский. Димка его сразу невзлюбил. Маша сначала решила, что из-за Шиловой, которая забила на игнорировавшего ее заигрывания Димку и переметнулась к новенькому, но потом поняла, что дело в чем-то другом. Слишком незамутненно Димка не переваривал блистательного Крестовского.

До пристани доехали в молчании. Димка посматривал на часы, будто боялся опоздать — хотя на Машиной памяти его никогда не волновали такие вещи, — иногда тер висок, из чего Маша заключила, что его бессонница опять вернулась, а с ней — и мигрени, которые почти не снимались лекарствами; и все это вкупе с самим праздником предвещало ей отвратительный вечер.

Настоящую яхту Маша видела вблизи в первый раз. Она возвышалась у причала, а на ее темно-синем глянцевом боку красовалась надпись «Рене». Похоже, ждали только

их, потому что на причале больше никого не было, и, судя по звукам, доносившимся с яхты, веселье там уже началось. Если бы Маша собиралась чуть быстрее, они бы с Димкой успели затеряться среди прочих гостей.

Димка похлопал себя по карманам, будто хотел заку-
пить, и при этом едва не уронил подарок.

— Что ты даришь? — спросила Маша вполголоса, ста-
раясь не смотреть на яхту.

Димка, нашедший наконец зажигалку, рассеянно на нее
оглянулся:

— Самолет. А ты?

— Самолет? — Маша посмотрела на коробку средних
размеров, которую Димка прижимал локтем к боку.

— Крестовский коллекционирует самолеты. Причуда
такая.

— Надеюсь, не настоящие, — усмехнулась Маша.

Димка шутку не поддержал, что было для него нехарак-
терно. Молча протянул ей руку, помогая перешагнуть
через цепь, ограждавшую пристань. Маша боялась под-
нять взгляд на яхту, зная, что оттуда они с Димкой видны
как на ладони, при этом ни один из них даже не делает вид,
что торопится.

— А у меня Акройд. Shakespeare: The Biography.

— Узнаю руку Ирины Петровны, — наконец улыбнулся
Димка.

— Ну не самой же мне было придумывать подарок. Я же
его совсем не знаю. Кстати, а как ты узнал про самолеты?

Осведомленность Димки о вкусах Крестовского в самом
деле стала для Маши неожиданностью. Но услышать ответ
ей было не суждено, потому что с яхты раздался мужской
голос:

— Ну наконец-то! А я уже все телефоны Сергею оборвал!

Маша задрала голову и с удивлением увидела рядом
с Крестовским высокого мужчину. То, что это Крестовский-
старший, не вызывало сомнения. Они были удивительно
похожи с сыном. Те же каштановые волосы, те же карие
глаза и улыбка совсем как у Крестовского.

— Здрасьте, дядь Лёв, мы в пробку попали, — нагло соврал Димка и, бесцеремонно схватив Машу за руку, потащил ее по трапу.

Маша растянула губы в вежливой улыбке, пытаясь сообразить, что сейчас произошло. «Дядь Лёв?»

Димка ступил на палубу первым и тут же оказался в объятиях Крестовского-старшего.

— Димыч! Вымахал-то как! — произнес мужчина, крепко прижав Димку к себе и взлохматив тому волосы на затылке.

Маша впервые заметила, что Димка правда почти догнал ростом Крестовских.

— А это?.. — вопросительно приподнял брови отец Крестовского.

— Это Мария, моя девушка.

Маша едва не поперхнулась воздухом от неожиданности, однако улыбаться не перестала.

— Добро пожаловать, Мария! Очень рад знакомству. Лев.

— А отчество? — невпопад ляпнула Маша, хотя собиралась всего лишь сказать «очень приятно».

Лев расхохотался и хлопнул Димку по плечу, будто нашел Машину реплику невозможно забавной.

— Просто Лев.

— Даже стареющий Лев остается львом, — пробормотал Димка, и Маше показалось, что Крестовский-младший одновременно с ним закончил эту фразу.

Лев же посмотрел на Димку, потом на сына, после чего крепко обнял Димку еще раз и произнес:

— Спасибо, что пришел. Отдыхайте.

Он улыбнулся Маше и поспешил вглубь яхты, откуда секунду назад послышался визг.

— Поздравляю, — не глядя на Крестовского, сказал Димка и ткнул тому подарком в живот.

Крестовский, вероятно, этого ожидал: с легкостью перехватил коробку и ровным голосом сказал: «Спасибо». Димка расправил плечи и ушел вслед за Львом, бросив Машу одну.

— Ну что, Роман Львович, трогаемся? — весело уточнил подошедший мужчина в таких белых футболке и брюках, что Маша невольно отвела взгляд. На ярком солнце смотреть на это было невозможно.

— Да, спасибо, — отозвался Крестовский и протянул руку Маше.

Та уставилась на его руку. Повисла неловкая пауза.

— Для того чтобы мы могли отчалить, нужно убрать трап, а на нем стоишь ты, — пояснил Крестовский, и Маша почувствовала, что краснеет еще сильнее, хотя, казалось бы, куда уж больше.

Она неловко положила на протянутую ладонь подарок и поднялась на борт, проклиная свое неумение общаться с людьми. Ну подумаешь, Крестовский. Обычный человек ведь. Чего она так дергается?

— Спасибо, — невозмутимо произнес Крестовский и указал рукой с Димкиным подарком в сторону лестницы.

Однако не успела Маша сделать и шага, как по ступенькам спустилась Шилова. Вот уж кого Маша хотела сегодня видеть меньше всего. Даже меньше именинника.

— Рома, ты где? Там без тебя не начинают.

Голос у Шиловой был низкий и сиплый. Маша поначалу думала, что дело в чрезмерном курении, а потом случайно узнала, что Юлю неудачно прооперировали, повредив связки. Об этом свидетельствовал тонкий шрам над загорелыми ключицами. Маша очень пожалела, что узнала правду, потому что не любить Шилову стало сложнее.

— Привет, а ты без Волкова? — спросила Шилова, заметив Машу.

«А ведь Димка по-прежнему интересен Шиловой», — подумала Маша, вслух же сказала:

— Привет. С Волковым, просто он уже там. — И покосилась на Крестовского.

Тот разглядывал Димкин подарок так, будто пытался угадать, что там. Кажется, будь в нем поменьше воспитания, он бы уже тряс коробкой возле уха.

Шилова убрала с лица прядь длинных светлых волос, звякнув браслетом. Маша отметила, что зря так волновалась,

ожидая вечерних нарядов. На Шиловой было довольно простое белое платье и белый же кардиган. Сидело все, конечно, безупречно, но с Шиловой всегда так. Говорили, что все ее вещи шьются на заказ. Девочка, запрятанная глубоко внутри Маши, немного этому завидовала. Особенно сейчас, когда на ней было мамино платье и связанный бабушкой жакет.

— Ух ты! — Шилова спустилась с последней ступеньки и неожиданно ухватила Машу за полу жакета. — Какая винтажная штучка. Где купила?

Маша перевела нервный взгляд на Крестовского, который перестал изучать подарок и смотрел теперь на Машин жакет. По его лицу, как обычно, было непонятно, о чем он думает. Маша сжала челюсти и посмотрела на Шилову, ожидая насмешки, однако та выглядела вроде бы даже заинтересованной.

— Бабушка связала, — с вызовом ответила Маша.

— Круто. А моя бабушка не вяжет, — в голосе Шиловой прозвучало подобие сожаления.

— Сочувствую, — процедила Маша, так и не определившись, издевается Шилова или нет.

Хотелось плюнуть на все и пойти домой, но яхта со странным именем «Рене» уже отошла от берега.

— Идемте! — Шилова первая поднялась по ступеням.

Крестовский — черт бы побрал его воспитание! — не двинулся с места, и Маше пришлось идти за Шиловой, думая о том, что Крестовский поднимается за ней, а она в платье, и у нее тощие ноги, а заодно бесится, недоумевая, с чего ее вообще это волнует.

На верхней палубе было многолюдно. Маша негромко поздоровалась, несколько человек даже услышали и ответили. Крестовский протиснулся мимо застывшей Маши, слегка задев ее плечом и вежливо извинившись. Маша вдруг поняла, что за сегодняшний день Крестовский сказал ей больше слов, чем за все время совместной учебы.

Предатель Димка отыскался быстро. Он стоял со Львом у противоположного борта спиной к остальным. Отец Крестовского обнимал Димку за плечи и что-то ему говорил.

Маша не решилась их побеспокоить. Вместо этого осмотрелась.

Обнаружив в первый учебный день на своей парте приглашение на день рождения Романа Крестовского, она решила, что это какая-то шутка. Однако на открытке с черно-белой фотографией яхты «Рене» почерком Крестовского было написано ее имя. Только заметив такие же приглашения у остальных одноклассников, даже у Костика, которого все обходили стороной из-за его жуткой привычки грузить собеседников бесконечными теориями заговора, Маша успокоилась. Крестовский просто пригласил всю группу. Это было немного странно, потому что сам он почти ни с кем не общался. Разве что с Шиловой и ее подругами. Вообще их группа была на редкость недружной. Не было даже намека на студенческое братство, о котором так мечтала Маша. Раньше ей казалось, что стоит вырваться из школьных стен, где к ней намертво прицепилась репутация зубрилы, как все сразу изменится. Она думала о студенческих вечеринках, о друзьях, с которыми у нее будут общие интересы: ведь не зря же они выбрали одну специальность, — но жизнь быстро показала, какой наивной дурой была Маша Рябинина.

Мама была против поступления Маши в этот вуз, хотя сама оканчивала именно его и уже больше десяти лет там преподавала. Она уверяла, что Маше никогда не стать своей в этой среде. Но Маша, очень гордившаяся мамой, приехавшей в свое время из маленького городка в столицу и сумевшей безо всяких связей поступить в престижный вуз на бюджет, хотела повторить ее успех. Да и, по правде сказать, на платное отделение денег в их семье все равно не было. Несмотря на статусность вуза, зарплата у мамы была весьма средней. Что уж говорить об отце, служившем скрипачом в театральном оркестре?

Поначалу Маша была уверена, что все же сумеет найти друзей, для которых достаток ее семьи не будет иметь значения. Отчасти эта наивность подогревалась появлением в ее жизни Димки, которому было совершенно наплевать

на всю ту шелуху, которой заполняли свои «инстаграмы» золотые детки.

Но реальность подтвердила мамину правоту. Никто из одноклассников Машу специально не унижал, однако она чувствовала разницу в их стиле жизни буквально кожей. Ей отчаянно хотелось быть выше обид и мелочной зависти, но не получалось. Особенно при взгляде на ту же Шилову, которой до Маши не было никакого дела. Например, сейчас та, цепляясь за локоть Крестовского, сняла туфлю, что-то из нее вытряхнула и вновь надела, не переставая о чем-то рассказывать стоявшим рядом подружкам. И вышло у нее это так естественно и красиво, как Маше никогда не повторить.

— О, Рябикина!

Мысленно застонав, Маша повернулась к Костику, приготовившись слушать очередную теорию. Судя по румянцу на щеках и блестящим глазам, тот уже успел выпить. Маша вздохнула и, стараясь не терять из поля зрения Димку, выпала из жизни на ближайшие сорок две минуты. Заткнулся Костик, только когда всех пригласили спуститься к столу. До этого, кажется, были какие-то конкурсы. И, кажется, Крестовский даже позорно проиграл в какой-то викторине на знание отечественного кинематографа. Еще бы. Он, небось, в своей Англии и фильмов-то русских не смотрел.

Маша вместе с Костиком направилась к лестнице, возле которой стоял именинник, дожидаясь, пока гости покинут палубу. Димки уже не было. Поскольку Лев явно взял над ним шефство, Маша решила, что можно выдохнуть. Вряд ли в ближайшее время Димка что-нибудь учудит.

У Крестовского зазвонил телефон, и он, ответив, затахтел на английском с такой скоростью, которой Маша в нем и не подозревала, — обычно он говорил спокойно и неторопливо, чем ее тоже раздражал. Сама она говорила быстро, часто даже не успевая подумать.

Костик, проходя мимо Крестовского, фамильярно хлопнул того плечу, на что в обычном своем состоянии вряд ли бы решился. Однако Крестовский отреагировал вполне

адекватно, улыбнулся и, не прекращая разговора, хлопнул Костика по плечу в ответ. Маша же неожиданно для самой себя остановилась и принялась разглядывать не обращавшего на нее внимания именинника.

Он был высоким. Выше Димки. Кажется, занимался каким-то спортом, потому что на физкультуре в командных играх был одним из лучших. Если бы они хоть раз попали с Димкой в одну команду, у соперников не осталось бы шансов. Но они принципиально оказывались по разные стороны, и каждая игра выливалась в нешуточное противостояние. Особенно в контактных видах спорта. В результате кто-то из них обязательно оказывался с содранными локтями или коленями и даже порой с разбитым носом. Чаще всего это был Крестовский. Поначалу Маша думала, что это потому, что Димка спортивной и сильней, а потом поняла, что в Димку будто кто-то вселялся, стоило Крестовскому оказаться поблизости. Крестовский тоже вел себя странно. За столько месяцев он ни разу не врезал Димке за провокации, просто изредка тоже сбивал его с ног и не помогал подняться. Однажды Крестовский особенно сильно сбил Димку и даже протянул ему руку, но Димка по протянутой руке ударил, на том и разошлись.

Димка вопросы о Крестовском игнорировал, а с самим Крестовским Маше даже в голову не пришло бы заговорить, поэтому она смирилась с тем, что так ничего и не узнает. А сегодня вдруг оказалось, что отец Крестовского не просто знаком с Димкой, а явно очень хорошо к нему относится. Маша пообещала себе, что не отстанет от Димки, пока не докопается до правды.

Крестовский наконец обернулся, заметил Машу, тут же извинившись перед собеседником, прервал разговор и засунул телефон в карман светло-серых брюк. Некоторое время он безо всякого выражения смотрел на Машу, а потом произнес:

— Все внизу.

— Я знаю. Просто любовалась видом.

Крестовский рассеянно оглянулся и провел рукой по волосам. Налетевший ветер заставил Машу поежиться и запахнуть жакет. Крестовский тоже втянул голову в плечи. Тонкая рубашка с коротким рукавом вряд ли спасала его от холода.

— Ты спускаешься или побудешь здесь? — обратился он к ней и, не дождавшись ответа от впавшей в ступор Маши, добавил: — Я могу попросить официанта накрыть тебе ужин на палубе.

— Для одной меня? — искренне удивилась Маша.

— Можно для одной, можно с... Волковым. Как хочешь.

Перед Димкиной фамилией Крестовский чуть запнулся. Маша же в очередной раз поразилась различию в их мирах. Он вот так, просто, предлагал напрямч обслуживающий персонал, чтобы организовать еще один мини-банкет.

— Ты не обязана идти ко всем, если тебе там некомфортно, — добавил Крестовский.

Маша посмотрела на его лицо, стараясь понять, не шутит ли он. Однако он выглядел вполне серьезным. И немного замерзшим.

— Нет, я... спущусь, — решила Маша и прошла мимо него к лестнице, думая о том, что странным образом Крестовский умудрился заметить, что ей некомфортно, хотя ей всегда казалось, что он и имени-то ее не помнит.

На середине лестницы она внезапно остановилась и, быстро развернувшись, выпалила:

— Ты хоть знаешь, как меня зовут?

Не ожидавший этого Крестовский затормозил и ухватился обеими руками за поручни. Несколько секунд он смотрел на Машу сверху вниз, а потом медленно и четко произнес:

— Рябинина Мария Юрьевна.

— Ах да! Ты же подписывал приглашения, — произнесла Маша, пряча за раздражением неловкость.

Зачем она это спросила? Можно подумать, ей не все равно. Вот только в голове билась мысль, что отчества в приглашении не было. И фамилии — тоже.

Чувствуя себя полной дурой, Маша сбежала по лестнице, быстро прошла в ту часть салона, где был накрыт стол, и плюхнулась на свободное место рядом с Димкой.

Крестовский занял место во главе стола. По одну руку от него сидел Лев, по другую — Шилова.

Поскольку ведущий, мучивший всех конкурсами наверху, на время утомился, а сам именинник не требовал внимания к своей персоне, разговор за столом распался на отдельные беседы. Маша повернулась к Димке и невольно нахмурилась. Она ожидала, что после разговора со Львом, которого Димка явно хорошо знал и которому вроде бы даже обрадовался, настроение у друга улучшится, однако тот встретил ее хмурым взглядом.

— Ты зачем там с Крестовским оставалась?

В голосе Димки слышалась едва сдерживаемая злость.

— Где «там»?

— На палубе! Костик спустился, а ты осталась.

— Дим, ты что? — искренне удивилась Маша. — Крестовский разговаривал по телефону, а я просто смотрела на окрестности. Я первый раз на яхте.

— С кем он разговаривал? — наклонившись к самому ее уху, спросил Димка.

— Да я откуда знаю? — шепотом возмутилась Маша. — Он тархтит на английском как пулемет.

Димка резко от нее отодвинулся и, схватив стоявший перед ним стакан, залпом его осушил. Маша поморщилась. Он обещал сегодня не пить, но, кажется, все пошло не по плану.

— Это сок. Не надо на меня так смотреть! — не поворачиваясь к ней, процедил Димка.

— Хорошо, — ответила Маша и положила себе первый попавшийся салат.

Подцепив вилкой креветку, она невольно бросила взгляд на именинника. Тот, наклонившись к столу, внимательно слушал Валерку, который сидел от него через пару человек. Когда находящаяся между ними Шилова начала смеяться какой-то шутке Льва, Крестовский-младший поморщился и склонился еще ниже, рискуя испачкать свою пижонскую рубашку. Наконец он рассмеялся и, помотав головой,

что-то ответил Валерке, а Маша вдруг поймала себя на мысли, что, возможно, Крестовский почти не общается ни с кем не из-за снобизма. Разве стал бы сноб сейчас так внимательно и сосредоточенно слушать Валерку — второго после Маши ботана в группе?

— Хватит уже любоваться, а, — раздраженно буркнул Димка, и Маша, вздрогнув, отвела взгляд.

— Я не люблюсь, — спокойно ответила она. — Просто вдруг подумала, что ему сложнее говорить на русском, чем на английском. Он же много лет там прожил, кажется, да?

— Он там родился, — неожиданно ответил Димка и, прижав пальцем столовый нож, стал возить им по скатерти.

Значит, они вправду давно знакомы. Но откуда тогда столько злости?

Маша накрыла ладонью Димкину руку, пока он не снес посуду со стола, и, наклонившись, прошептала, повторяя слова Крестовского:

— Ты не обязан здесь быть, если тебе некомфортно. Мы можем уйти.

О том, что Крестовский предлагал организовать им столик на двоих, Маша решила благоразумно умолчать.

Димкина рука под ее ладонью замерла, а сам он поднял голову и посмотрел на нее в упор. Он успел снять пиджак, и его глаза, оттененные голубой рубашкой, приобрели какой-то фантастический сине-зеленый оттенок. Маша подумала, что, пожалуй, Шиловой есть отчего вздыхать, несмотря на наличие Крестовского под боком. Все-таки у Димки была яркая внешность. Пожалуй, даже слишком.

Внезапно она почувствовала, что за ними кто-то наблюдает, и бросила взгляд на дальний край стола. Крестовский тут же отвернулся. Димка же наконец отмер и, взяв Машу за руку, потащил ее прочь из салона.

На верхней палубе гулял ветер, и выбежавшему без пиджака Димке наверняка было холодно. Маше — точно было. Но она молча куталась в жакет, гадая, что случилось на этот раз.

— Ты говоришь, в первый раз на яхте? — громко спросил отошедший к самому борту Димка.

Маша кивнула, хотя было понятно, что ответа от нее не требуется.

— Ну, тогда смотри.

Димка быстро подошел к ней и, схватив за плечи, развернул в сторону носа:

— Яхты бывают парусные и моторные. «Рене» — моторная. Вон там кокпит. На главной палубе салон, который мы так невежливо покинули. По отдельным трапам можно спуститься к гостевым каютам. Хочешь, покажу?

Он резко развернул Машу к себе, отчего она едва не упала.

— Разгоняется, насколько я помню, до двадцати пяти узлов. Хотя могу врать. — Димка был похож на экскурсовода, только очень нервного.

— Дима, — позвала Маша, касаясь дрожащей рукой его холодной щеки, — что случилось?

— Левый борт, — вместо ответа объявил Димка, отпуская Машины плечи, и добавил, указав на диванчик: — И место для коктейля.

Он подошел к дивану и остановился у него, словно не решаясь сесть. А потом вдруг рванул к борту и, одним махом запрыгнув на него, уселся лицом к Маше. Машино сердце замерло.

— Слезь, пожалуйста. Ты можешь упасть.

Димка отклонился назад, держась руками за борт, и Маша едва не заорала. Он же, вывернув шею, посмотрел вниз.

— Вода ледяная, — попыталась воззвать к его разуму Маша.

— Я не упаду в воду. Там нижняя палуба.

— Дима, хватит! — крикнула Маша, однако подойти не решилась.

— Моя мама обожала «Рене». Она помогала дяде Лёве все здесь обустраивать. И вот это место для коктейля было ее любимым.

Маша невольно шагнула вперед, но снова замерла, опасаясь приближаться. Димка никогда не говорил о родителях. Напрасно сгоравшие от любопытства одноклассницы вроде Шиловой пытались выпросить у Маши подробности. Она их просто не знала. Знала лишь, что он живет

с дядей и младшей сестрой, которая находится на домашнем обучении и сутками зависает в интернете, почти не выходя в реальный мир. Димка в реальный мир выходил, но иногда совершенно не мог в нем находиться. Как сейчас.

— Расскажи, если хочешь, — предложила Маша, делая еще один осторожный шаг вперед.

Димка помотал головой и качнулся назад. Маша невольно вскрикнула.

— Обними меня, — вдруг попросил он, и она бросилась вперед, едва не упав на дурацких каблуках.

Крепко обхватив его за плечи, Маша подумала, что, если он сейчас отклонится, они упадут оба, потому что он больше не держался за борт — он изо всех сил держался за нее. Но ей почему-то не было страшно. Все казалось каким-то ненастоящим.

Димка прерывисто дышал ей в шею, будто старался сдерживать слезы, и Маша чувствовала, как ее накрывает невыносимым сочувствием. У нее были мама и папа. У Димки же — только память.

Вдруг кто-то резко навалился на Машино плечо, и Димка, потеряв равновесие, начал заваливаться назад, увлекая Машу за собой. Однако не успела она толком испугаться, как этот кто-то обхватил их обоих за плечи и втащил обратно на палубу. Нога на дурацком каблуке подвернулась, и, если бы ее не держали сразу две пары рук, Маша точно упала бы.

Выпрямившись, Маша оглянулась на того, кто держал их мертвой хваткой. Лев Крестовский кривил губы в улыбку, но в его глазах притаился испуг.

— Димыч, у меня послание от Петра Васильевича. Он настоятельно просил не марать палубу ничьими мозгами.

— И не собирался, — буркнул Димка, отворачиваясь, но Маша успела увидеть, что щеки его блесят.

— А, ну он, значит, понял неправильно. В наше-то время с девушками так экстремально не обнимались, сам понимаешь. Отстали мы от вас, горячих парней.

Крестовский говорил весело, но Димкино плечо не отпуская.

— Дядь Лёв, да отпустите вы. Не прыгну я. Я ж не идиот.

— Ну и славно, что не идиот. Пойдем в каюты спустимся. Отдохнешь, в себя придешь.

— Да в себе я! — Димка вывернулся из-под руки Крестовского и направился к лестнице, ведущей в салон.

Маша медленно выдохнула и потеряла лицо ладонями, чувствуя, что ее начинает запоздало колотить от испуга.

— Сложный тебе мальчик достался, — проговорил Крестовский, глядя вслед Димке. — Три года, а все никак...

Достав пачку сигарет, он открыл ее и протянул Маше. Та помотала головой и обхватила себя за плечи. Она не знала, как теперь быть с Димкой. Подозревала, что у его срывов должна быть причина, знала, что он встречается с психологом, но в душу никогда не лезла, а вот сегодня вдруг поняла, что зря она была так нелюбопытна. Может быть, смогла бы что-то сделать, и Димку так не коржило бы сейчас.

Лев затынулся и, отвернувшись к борту, оперся на него локтями. На Машу он больше не смотрел, и Маша решила оставить его в одиночестве.

В салоне было шумно. Звенела посуда, играла музыка, кто-то танцевал. Димка держал в руках пока еще закрытую банку с пивом и смеялся над словами Шиловой. Маша не стала подходить. Прислонившись к стене, она прикрыла глаза.

Кто-то легонько коснулся ее плеча, и Маша, вздрогнув, открыла глаза, чтобы встретиться взглядом с возвышавшимся над ней Романом Крестовским. Он выглядел обеспокоенным.

— Волков в норме? — спросил он, наклонившись к ней, чтобы быть услышанным.

Маша честно пожала плечами. Она вправду не знала, в норме ли Димка, справился ли он с собой или только делает вид. Крестовский кивнул и отправился на зов Шиловой. При его приближении Димка ретировался, однако направился не к Маше, а к одной из подружек Шиловой, по пути открывая банку с пивом. Маша подумала, что вскоре начнется «веселье», и не ошиблась.

Следующие два часа сидевшая на диване Маша размышляла о том, что сборище богатых деток в подпитии ничем

не отличается от ее бывших одноклассников на выпускном или тех подростков в деревне, с которыми она изредка ходила на дискотеку в небольшой сельский клуб. Костика рвало за борт, и добрый официант то и дело подавал ему влажное полотенце и гладил по спине. Димка накачался пивом, и до Маши время от времени долетал его неестественно громкий смех, которому вторило хихиканье подвыпивших однокурсниц. Шилова рыдала в углу, а присевший перед ней на корточки Крестовский тщетно пытался ее успокоить. Если бы Машин день рождения закончился вот так, она бы неделю из комнаты от стыда не показывалась. Но остальных это, похоже, на заботило. Даже Лев Крестовский, который, казалось бы, должен был являться оплотом здравого смысла и уберегать подростков от всего этого, выглядел вполне довольным жизнью: о чем-то болтал с Димкой, танцевал с успокоившейся наконец Шиловой, шутил, смеялся. Будто он был здесь именинником. Сам именинник ходил среди гостей с нейтрально-вежливым выражением лица, и было совершенно непонятно, что он думает о стадии, в которую перешло посвященное ему торжество.

Димка куда-то пропал с Мокровой, а Маша, у которой жутко разболелась голова, выбралась на палубу и устроилась на любимом диванчике Димкиной мамы, закутавшись в лежавший здесь плед. Глядя на береговые огни и слушая отголоски веселья внизу, она думала, что мама была права, повторяя ей, что она никогда не сможет влиться в мир ее нынешних одноклассников. В их мире звучала музыка, пахло сладковатым дымом вишневых сигарет, лилось шампанское...

Появившийся из темноты официант молча зажег свечку в стеклянном фонаре и закрепил его на столе. Так же молча поставил перед Машей блюдо с закусками и бокал шампанского. Маша поблагодарила, не решившись спросить, это инициатива или Крестовский все же организовал ей уединенный столик. Дорогое шампанское ударило пузырьками в нос так же, как и дешевое, и Маше сразу вспомнились и Димкин срыв, и нервно курящий Лев Крестовский, и слезы Шиловой. Вздохнув, Маша прикрыла глаза.

Разбудил ее все тот же официант. Он выглядел усталым, но не перестал вежливо улыбаться.

— Мы причалили, — объявил он.

Маша сонно поморгала и завертела головой. Они вправду стояли у пристани. Внизу по-прежнему играла музыка и слышались голоса. Маша поблагодарила официанта, отыскала свалившуюся туфлю и побрела на выход, размышляя о том, что официант ненамного старше ее. Интересно, о чем он думает, обслуживая подобные мероприятия?

Гости уже покинули салон, и персонал приступил к уборке. Маша отыскала свою сумочку, проверила заряд телефона и обратилась к девушке, собиравшей со стола бокалы:

— А все уже ушли?

Та дежурно улыбнулась в ответ:

— Да, вы последняя. На пристани ждет микроавтобус.

Зайдя в автобус, Маша едва поборола желание запечатлеть на телефон чудную картину: утомившиеся одnogруппники так живописно распластались по сиденьям, что грозили войти в топы на «Ютьюбе».

Справившись с недостойным порывом, Маша прошла по салону и вдруг поняла, что Димки нет. Мокровой не было тоже, но это ничего не значило: та могла уехать с Шиловой.

Маша мысленно застонала. Куда делся этот придурок?

— Простите, — обратилась она к водителю, — а вы не видели, синяя «ауди» не забирала молодого человека? Модель я не помню.

— А человек был особой модели? — серьезно спросил водитель, но, увидев, как Маша потеряла висок, решил сжалиться: — Все здесь, кроме уехавших на хозяйских машинах.

— А кто на них уехал? — чувствуя себя дурой, все же уточнила Маша.

— На одной уехал Лев Константинович, на другой — Роман с девушкой.

— С одной? — уточнила Маша, думая о Мокровой.

— А это важно, сколько девушек увез к себе именинник? — все с тем же серьезным лицом откликнулся водитель.

— Да я не об этом! — возмутилась Маша и все же спросила: — А Лев Константинович парня такого в голубой рубашке не забирал?

— Я видел только его.

Маша мысленно застонала, поняв, что Волков, кажется, умудрился остаться на яхте, и неизвестно, в каком он состоянии. Злясь на Волкова, нарушившего свое обещание не надираться и бросившего ее в итоге одну, Маша с тоской поняла, что все равно не сможет его здесь оставить. Вот такая она дура.

Глава 2

Мы потерялись в себе и в пространстве.

Алкоголь действовал на Юлу нестандартно. Она начинала плакать. Даже не плакать — рыдать, с причитаниями, признаниями в том, что она никчемная и жизнь не удалась, что родители развелись, а ей не оставили выбора, что она ненавидит себя слабую и чтобы «не смели на нее смотреть». И еще кучей всего в том же ключе. Роман половину из ее слов не понимал, потому что связки в такие моменты у Юлы заклинивало окончательно, и всхлипы переходили в невнятный сип. От этого ее накрывало еще больше.

Роман не любил, когда Юла выпивала, потому что каждый раз ему становилось жутко ее жалко, а помочь он никак не мог. Оставалось лишь ждать, когда она наконец прорыдается и уснет. Впрочем, случались подобные срывы нечасто. К счастью, сегодня стадия «весь мир — черная дыра, в которую нас засасывает одного за другим» довольно быстро перешла в следующую: «кажется, я сплю». Теперь Юла сопела на пассажирском сиденье, укрытая его пиджаком, а сам Роман медленно катил по безлюдным улицам, чувствуя себя весьма неуверенным участником правостороннего движения.

Он получил права год назад в Британии. Вот только примерно в то же время в его семье все пошло наперекосяк, в результате чего он оказался в заснеженной Москве, в которой его ждало правостороннее движение и еще восемь месяцев — по местным законам — до официального разрешения водить машину.

Юла всхрипнула рядом и тоненько захныкала. Роман вздохнул и положил ладонь на ее колено, успокаивающе поглаживая. Юлу было жалко до кома в горле. Ведь он как

никто ее понимал. Навигатор сообщил, что до места назначения осталось двести метров, и Роман позволил себе выдохнуть. Это славно, что Юла спала. Он бы не хотел, чтобы она видела, какой он фиговый водитель.

Вытащить девушку из машины оказалось непосильной задачей. Пришлось звонить Петру Сергеевичу — Юлькиному водителю. Роман до этого сообщил ему, что сам отвезет Юлю, на что Пётр Сергеевич лишь усмехнулся и сообщил, что дождется их возвращения в лобби жилого комплекса. Роман немного удивился, но время показало, что опытный в вопросах доставки девушек с вечеринок водитель был прав: его помощь пригодилась.

Вдвоем они вытащили сопротивлявшуюся Юлу из машины. Пётр Сергеевич придержал дверь, подобрал свалившиеся с Юльки туфли и даже глазом не моргнул, когда Юля начала говорить весьма смущающие вещи. Роман отметил, что его собственное отражение в сверкающем зеркале лифта изрядно покраснело, а Пётр Сергеевич — ничего, закаленный мужик.

Перед дверью квартиры Роман засомневался, уместно ли звонить, но добиться от Юлы ответа, есть ли у нее ключ, оказалось нереальным. Пришлось жать на кнопку звонка.

Дверь открыли почти сразу.

— Здравствуйте, Жанна Эдуардовна, — вежливо произнес Роман и слегка подтолкнул коленом сползавшую с рук Юлу.

— О времена, о нравы! — хорошо поставленным голосом продекламировала бабушка Юли, «та самая, которая не вязала», вдруг некстати вспомнил Роман, и отступила, впуская их внутрь.

Она явно еще не ложилась. На бархатный халат была накинута теплая шаль, очки поблескивали оправой, а прическа выглядела так, будто Жанна Эдуардовна только что вышла из гримерной перед вечерним спектаклем.

— Пётр, спасибо, вы свободны. Завтра вы нам не понадобитесь, — произнесла она и заперла дверь за вошедшим Романом.

Юла весила килограммов пятьдесят. Ерунда, конечно, но когда висела вот так, безжизненным телом, становилось по-настоящему тяжело, и руки ощутимо затекали.

— Спасибо вам, Роман, за то, что доставили сие сокровище. И именно на этот адрес, а не на свой.

Роман неловко кашлянул. Юлькина бабушка так строила свою речь, что разговаривать с ней было сложно. Спасала Романа только ее безупречная дикция и еще то, что она говорила довольно медленно. Иначе он бы и половины ее речи не понимал. Очевидно, актриса и в самом деле бывшей не бывает, как сказала когда-то Юла.

— Ну, извольте отнести в опочивальню.

Роман не смог сдержать улыбки и, сбросив ботинки, потащил Юлу по длинному коридору. Стоило уложить ее на кровать, как она ухватила его за руку и сонно пробормотала:

— Ромусик, ты же останешься?

— Конечно, — соврал Роман, невольно поморщившись от прозвища, которое порой проскальзывало у Юлы в моменты игривости.

Он укрыл Юлку теплым пледом, зажег лампу на прикроватной тумбочке и, проведя рукой по светлым спутанным волосам, вышел из комнаты, тихонько прикрыв дверь.

Сейчас последний рывок до дома — и можно будет наконец отдохнуть. День рождения пережили, отец порадовался. Теперь его, Романа, совесть чиста. В прихожей Роман достал из кармана мобильник и посмотрел на экран. 2:18. И ни одного пропущенного. А он до последнего надеялся, что мать позвонит.

Из кухни раздался голос Жанны Эдуардовны:

— Роман, почему бы нам не выпить кофе? Вы выглядите так, будто он вам не помешает.

— С удовольствием, — откликнулся Роман и снял надевший ботинок.

В уютной кухне пахло апельсинами и цикорием. Жанна Эдуардовна колдовала над туркой.

— Да вы садитесь, садитесь. Давайте без церемоний, — махнула она в сторону диванчика. — И как ваш праздник?

— Без жертв, — улыбнулся Роман, опускаясь на диван. Бабушка Юлы ему необъяснимо нравилась.

— Это славно. А позвольте спросить, отчего вы трезвы как стеклышко? В ваши-то юные годы прийти в таком виде с собственного совершеннолетия просто неприлично!

— Знаете, вы антибабушка, — поделился наблюдением Роман. — Бабушка наоборот.

— Не все, что говорит женщина, нужно воспринимать буквально, — рассмеялась Жанна Эдуардовна. — Алкоголь не красит в любом возрасте. Кстати, можно еще сказать «квазибабушка». Сможете найти синонимы?

Роман со стоном опустил голову на сложенные на столешнице руки и невнятно пробормотал:

— Псевдо? Хотя я не уверен.

— Получилось. Еще можно сказать «лже-».

— Пожалейте меня, Жанна Эдуардовна. Я, как вы выразились в прошлый раз, постигаю эту науку неустанно, неусыпно и... как там было еще?

Запах свежесваренного кофе заставил его поднять голову.

— Но говорите вы уже намного лучше, — заметила старая леди. — Как вам живется здесь?

Роман вздохнул и сжал переносицу. Жутко хотелось снять линзы.

— Скучаю, — наконец признался он. — Думал, будет проще. Сегодня проиграл викторину по старым советским фильмам.

— Ну, это позор, Роман Львович! Сущий позор.

— Знаю, но — увы.

— А как отец? — сменила тему Жанна Эдуардовна, отпив кофе из маленькой фарфоровой чашки.

— Не знаю, — признался Роман, делая глоток восхитительного напитка. Так только мама умела варить. — Ему тоже, наверное, сложно. Но скучать ему некогда. Вон праздник мне организовал.

— Он праздник себе организовал, Роман. А вы это позволили.

— Но разве не в этом заключается помощь ближнему — сделать все, чтобы ему было хорошо?

— Но и о себе забывать не нужно.

Роман посмотрел в свою чашку. Жанна Эдуардовна была права, вот только беда в том, что сам он не знал, что ему нужно. Последние месяцы он просто плыл по течению и делал вид, что все отлично, потому что все силы уходили на то, чтобы приспособиться к языку, суматохе, новым людям. А еще здесь он почти каждый день видел Волкова, и каждая такая встреча была хождением по краю.

— А знаете что, Роман, оставайтесь-ка вы у нас.

Роман удивленно приподнял бровь и, копируя интонации Жанны Эдуардовны, воскликнул:

— Но позвольте, а как же приличия?

Смех Жанны Эдуардовны можно было записывать саундтреком и слушать, когда совсем тошно.

— У нас две гостевые, — отсмеявшись, игриво откликнулась бабушка Юлы, и Роман понял, что предложение не лишено привлекательности. Только нужно спуститься за очками в машину, чтобы снять наконец линзы.

Он уже собирался сообщить о своем решении остаться, когда телефон в кармане завибрировал. Роман выхватил трубку, решив, что мать все-таки вспомнила и позвонила, однако на экране высветился незнакомый номер российского оператора.

— Алло.

— Алло, здравствуйте, а... это Роман?

— Да, — произнес он, услышав смутно знакомый голос.

— Это Маша... Рябинина. Извини, что так поздно. Ты можешь говорить?

— Э... да. Что случилось?

Разморенный беседой, он даже не сразу смог собраться.

— У меня небольшая неприятность.

— Я чем могу помочь? — перебил он, потом понял, что это могло прозвучать невежливо, и поправился: — Я готов помочь. Что случилось?

Кажется, прозвучало еще хуже. Роман хлопнул себя ладонью по лбу и откинулся на спинку диванчика.

— Я кое-что забыла на вашей яхте. А меня теперь туда не пускают. Говорят, что без распоряжения хозяина запрещено. Ты не мог бы попросить меня пустить? Я ненадолго.

— Я приеду, — зачем-то сказал Роман, выбираясь из-за стола.

— Нет, что ты! Не стоит беспокоиться. Просто попроси меня пустить ненадолго. Я пройду там в сопровождении кого-нибудь. Ничего не случится. Обещаю.

— Я приеду, — повторил он и, нажав отбой, повернулся к гостеприимной хозяйке. — Простите, Жанна Эдуардовна. Там форс-мажор у яхты. Однотруппница забыла что-то на борту. Пусть Юлия позвонит, как проснется. Спасибо за кофе. Он волшебный.

— Я провожу вас, Роман, — едва заметно улыбнулась Жанна Эдуардовна.

Весь путь до причала его ощутимо потряхивало. То ли от кофе, то ли от недосыпа. Роман думал, что логичнее было бы позвонить отцу, тот бы связался с охраной и все уладил. Так было бы правильно. Вместо этого Роман ехал в ночи на встречу с девушкой Волкова и старался не думать о последствиях.

Машу он увидел сразу. Та куталась в свой жакетик и пританцовывала на каблуках у ограждения причала. Роман заглушил мотор и выбрался из машины, с непонятным чувством вины думая о том, что заставил ее мерзнуть лишних двадцать минут, хотя мог не ехать сюда, а просто позвонить. Не факт, что охрана его послушала бы, но попробовать стоило.

— Привет, что случилось? — произнес Роман, не успев толком подумать, стащил с себя пиджак и протянул девушке.

Маша удивленно посмотрела сначала на пиджак, потом на него.

— Надень. Ты же замерзла.

— А ты? — спросила она, не делая попытки взять одежду.

— А я не стоял на холоде столько времени, — ответил Роман и, обойдя Машу, накинул пиджак ей на плечи, поверх блестящих в свете фонаря длинных волос. Маша тут же просунула руки в рукава и запахнулась. Пиджак был ей по колено.

— Так что случилось? — повторил Роман, а когда Маша подняла на него виноватый взгляд, понял, что сейчас ему скажут что-то неприятное.

— Димки не было в автобусе со всеми. Водитель сказал, что, кроме тебя и твоего отца, больше никто не уезжал.

Сердце Романа дернулось, как всегда случалось при упоминании Волкова.

— Ты ему звонила? — спросил он.

— А ты думаешь, я сразу бросилась звонить тебе? — огрызнулась Маша. — Он не берет трубку. Он... иногда так делает.

— А зачем ты хотела попасть на яхту? — вздохнул Роман, прикидывая, где им теперь искать Волкова и как бы избежать включения в поисковый отряд. Волков по-любому не будет в восторге.

— Ты меня слушал вообще? — воинственно переспросила Маша и еще плотнее запахла его пиджак.

Она едва доставала Роману до плеча даже на своих каблуках, но вид у нее был такой суровый, что он невольно улыбнулся.

— Что смешного? — прищурилась она, и ему пришлось закусить губу, потому что смотреть на маленькую и грозную Машу было вправду смешно.

— Прости, — попытавшись сохранить серьезное лицо, ответил он. — Просто, когда ты сказала, что что-то забыла на яхте, я не думал, что это что-то — Волков.

— Очень смешно, — буркнула Маша и сердито посмотрела на Романа.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга, а потом Маша закусила губу, чтобы не рассмеяться, и Роман, не выдержав, расхохотался. Маша зажала рот ладонью и еще какое-то время пыталась сохранить серьезное лицо, но тоже не выдержала. Наверное, они выглядели как два придурка, потому что ржали в третьем часу ночи на пустой пристани, и эхо их смеха отражалось от воды.

Отсмеявшись, Роман вдруг понял, что впервые за бесконечные минувшие сутки он вообще ни о чем не думал, а просто хохотал как ненормальный.

— Ладно. Пойдем выручать узника замка Иф, — произнес он и подал Маше руку, чтобы помочь перешагнуть через невысокое ограждение. Несколько секунд она смотрела

на его ладонь, и Роман вспомнил, что сегодня они это уже проходили. Ну что же он, опять на те же грабли? Пока он лихорадочно придумывал, как с достоинством выйти из этой неловкой ситуации, Маша коснулась его ладони, и он автоматически сжал ее холодные пальцы. Перешагнув через цепь, Маша неловко отняла руку, и он подумал, что ему все-таки не стоило приезжать. Нужно было позвонить охране.

Их пустили на борт без вопросов. Отец собирался утром выходить на «Рене» с кем-то из своих друзей, поэтому яхта оставалась на ходу, а на борту ночевали два охранника. Один из них включил дежурное освещение, и Роман, взяв у него магнитный пропуск, уверенно повел Машу в нижние каюты по полутемным коридорам, потому что, если Волков и был на яхте, то оказаться мог только там. В других местах на него уже наткнулись бы.

Дойдя до гостевой каюты, Роман деликатно постучал, прежде чем воспользоваться ключом, а в ответ на вопросительный взгляд Маши пояснил:

— Даю ему шанс надеть штаны, — и тут же понял, что ляпнул, а главное — кому. — Прости. Я иногда очень неудачно шучу. Почти всегда на самом деле. Мама говорит, это у меня от отца.

Тут он замолчал, разозлившись на себя за то, что несет чушь.

— Ты тоже нервничаешь? — вдруг спросила Маша, и Роман повернулся к ней, не донеся магнитный ключ до прорези.

— А ты? — спросил он.

— Очень, — призналась Маша.

Роман отвел взгляд и, наконец воспользовавшись ключом, вынужденно признал:

— Я тоже.

Он решил, что подумает позже, почему в груди вдруг что-то дрогнуло.

В каюте никого не оказалось. Маша, словно не поверив ему на слово, вошла внутрь, прошла мимо кровати, заглянула в санузел и растерянно обернулась к Роману:

— А еще каюты есть?

Во второй гостевой Волкова тоже не оказалось, и Роман, уже зная, что никакого Волкова на борту нет, открыл для Маши мастер-каюту, но сам даже не стал заходить. Маша вошла, оглядела большую кровать, полки, задержалась взглядом на фотографии, которую Роман очень любил и не любил одновременно, и, коснувшись ручки санузла, спросила:

— Можно там посмотреть?

Роман молча кивнул.

В санузле Волкова предсказуемо не оказалось, и растерянная Маша присела на кровать.

— А что теперь делать? — спросила она и, вытащив ногу из туфли, болезненно поморщилась.

— Ты натерла ногу? — тут же отреагировал Роман, хотя понимал, что его это вообще не касается. Волкова касается, а его — нет.

— Неважно, — голос Маши звучал устало. — Ты... спасибо, что приехал. Извини, что я тебя в твой праздник дернула. От гостей оторвала.

Слово «гостей» она произнесла как-то по-особому, и Роман не был уверен, как должен отреагировать, поэтому, последовав Машиному примеру, решил сказать правду:

— Гостей не было. Бабушка Юлы предлагала переночевать у них, чтобы не ехать домой, но ты меня спасла. Потому что старая леди умеет уговаривать, а завтра мне было бы неловко.

Маша смотрела на него не отрываясь, а Роман отметил, что он опять несет что-то несусветное.

— Куда теперь? — спросил он, чтобы сменить тему.

Маша огляделась по сторонам и подскочила, поняв, что сидит на кровати.

— Ой, прости, пожалуйста, — пробормотала она, поправляя покрывало. — Я...

— Маша, — Роман напрягся от ее суетливых попыток привести все в порядок, — это вообще ерунда. Стюард завтра поправит, отец сам поправит, это неважно.

Он шагнул вглубь каюты, на ходу придумывая, что бы еще сказать, но Маша вдруг шарахнулась так, будто он собирался сделать что-то плохое, и затравленно огляделась.

— Маша, ты что? — Роман замер на месте. — Ты так выглядишь, будто я маньяк.

— А ты нет? — нервно спросила она, кутаясь в его пиджак.

— Пока за собой не замечал, — осторожно ответил он и предложил: — Идем?

Маша первой вылетела из каюты, будто он вправду мог что-то ей сделать. Может, Волков что-то ей наплел? Иначе с чего она так себя вела?

Дорогу назад Маша нашла сама. Ему оставалось лишь идти за ней, думая о том, где теперь искать чертова Волкова.

Из Машиной сумочки зазвучала вторая сюита Баха, и она со вздохом облегчения вытащила телефон.

— Где тебя носит, придурок? — прошипела она в трубку, оглянувшись через плечо на Романа. — Ой, доброй ночи, Сергей. Да?.. Хорошо... Спасибо, что позвонили. Нет-нет, я доберусь. Честное слово... Я сама завтра его убью, не мажьте руки.

Нажав отбой, Маша выдохнула:

— Волкову не придется читать третью главу «Театра». Я его убью, порежу на мелкие части и... и... — она огляделась и решила: — скормлю чайкам. Хоть какая-то польза от его тупой башки!

Облегчение смешалось в Романа с удивлением. Маша злилась так непосредственно, что это немного сбивало с толку.

— Нашелся?

— Он дома! Представляешь? Телефон валяется в холле, а он вырубился, потому что нажрался. Сергей, его дядя, увидел от меня пропущенные и перезвонил.

Маша потеряла виски и, покачнувшись на каблуках, ойкнула.

— Так, — хлопнул в ладоши Роман, — поднимайся на верхнюю палубу. Я сейчас.

Роману нужна была пауза, впрочем, он понимал, что берет ее, просто чтобы прийти в себя, а не чтобы предотвратить бедствие.

— Вот сейчас ты похож на маньяка, — неловко пошутила Маша.

Роман лишь улыбнулся в ответ и решительно направился в салон, твердо намереваясь не думать о том, что он творит. Пусть раскаяние подождет. У него, в конце концов, был день рождения.

Спустя несколько минут он поднялся на палубу с подносом, на котором стояли два горячих контейнера с едой, пакет сока и ваза с шоколадом.

Маша, закутавшаяся в плед, стояла у борта и смотрела на него слегка удивленно.

— Не знаю, как ты, а я сегодня так и не поел толком, — признался он. — Волкова ведь уже не надо спасать, так?

Маша колебалась несколько секунд, и Роман почти хотел, чтобы она отказалась. Потому что он, кажется, был настроен творить ерунду, и последствия, неотвратимые и суровые, маячили на горизонте. Сам он остановиться уже не мог. Оставалось надеяться на Машу, но та, не оправдав его ожиданий, кивнула и направилась к диванчику.

— Хорошо, но только ты ответишь на несколько вопросов.

В ее тоне было столько непрекращаемой уверенности, что он мысленно вздохнул, однако отступать было поздно:

— Идет. Только после еды.

Роман зажег пару свечей в фонарях, уселся в кресло напротив диванчика и закутался во второй плед, так и не попросив Машу вернуть его пиджак. Потом, поколебавшись, все же достал из кармана прихваченную из аптечки упаковку пластырей и антисептическую мазь. Те секунды, в течение которых Маша смотрела на него в восхищенном удивлении, были бесценными.

Пока они не спеша ели в уютной тишине, Роман поймал себя на мысли, что паршивый по всем параметрам день каким-то образом умудрился превратиться в почти идеальную ночь. Портила ее только внутренняя борьба, происходившая в самом Романи. С одной стороны, ему было необъяснимо хорошо и спокойно с Машей, с другой — он не мог отмахнуться от мысли, что она — девушка Волкова и что, как бы ни было хорошо ему здесь и сейчас, завтра неминуемо наступит и принесет проблемы.

Забывшись, Роман задержал взгляд на Маше дольше допустимого. Она, заметив его внимание, отложила вилку и нервно поежилась. Роман тут же вспомнил о ее странном поведении в каюте.

— Маша, а можно сначала я спрошу? — решился он и, дождавшись ее кивка, произнес: — Почему ты так испугалась в каюте? Ты всерьез решила, что я что-то сделаю тебе?

Впервые кто-то заподозрил Романа в подобном, и оставить это без внимания он не мог. Маша довольно долго молчала, а потом совсем по-детски попросила:

— Только обещай, что никому не расскажешь.

— Обещаю, — откликнулся Роман, понимая, что, кажется, вляпывается по полной.

— Мне было тринадцать. У бабушкиных соседей в деревне гостил дядя Коля. Мерзкий такой. Он однажды пришел к нам, когда бабушки не было... — Маша замолчала, подбирая слова, а Роман поймал себя на том, что изо всех сил сжал стакан с соком. — Он попытался ко мне пристать. Нет-нет, не смотри так. Ничего не случилось. Я убежала. В окно выпрыгнула, прямо в куст ежевики — вся ободралась. Бабушка меня потом отругала за куст.

Маша замолчала и принялась крутить вилку, глядя на нее так, словно на зубах было что-то написано, и она пыталась это прочесть в тусклом свете свечей.

— Ты ей не сказала? — Роман не узнал своего голоса.

— Я постеснялась. — Она подняла на него полный надежды взгляд, словно прося ее понять, но Роман помотал головой и, тут же спохватившись, заговорил:

— Я... не понимаю, почему постеснялась. Извини.

— Это очень стыдно. Ну, будто я сама виновата в том, что он полез. Он говорил, что я специально ношу такую короткую юбку... Еще говорил всякое. А я просто выросла резко, вот сарафан коротким и стал. Я на улицу в нем не выходила. Он меня через забор с соседнего участка увидел. Я никогда больше юбки не носила, — призналась Маша, вновь разглядывая вилку. — Сегодня в первый раз надела. У меня даже на выпускном костюме брючный был. И тут я в юбке, а ты вошел в комнату, и я...

— Господи, Маша! — Роман ошарашенно запустил пальцы в волосы. — Ты там в каюте решила, что дело снова в юбке, а не в том, что я могу оказаться?..

Он почувствовал, что у него не только руки трясутся — его самого колотило от злости.

— Ты не понимаешь, он сказал...

— Маша! — Романа будто сдуло с кресла. Зацепившийся за столик плед упал на палубу, а сам Роман опустился на корточки рядом с подлокотником дивана и посмотрел на девушку снизу вверх. — Ты не виновата в том, что какой-то урод что-то пытался с тобой сделать. Даже если бы ты ходила вообще без юбки! Это так не работает.

— Ты просто не маньяк и ничего в этом не понимаешь, — дрожащими губами улыбнулась Маша.

Роман зажмурился и помотал головой, не зная, что делать с ее откровенностью и со своей реакцией на нее. У него не было сестры, но он на миг представил себе, что кто-то мог бы обидеть Ляльку или Юлу, и у него перехватило дыхание.

— Ладно бабушке, но отцу ты почему не сказала? — спросил он, не в силах просто закрыть эту тему.

— Папа очень мягкий. Он никогда ни с кем не конфликтует. К тому же я думала, что дело правда в юбке.

— Отстань ты от юбки! — воскликнул он. — Каким бы мягким ни был твой папа, я уверен, он бы его убил. Ты же его. Никто не имеет права так с тобой...

— Боже, Крестовский, если у тебя будет дочь, ты, похоже, будешь отстреливать всех потенциальных бойфрендов на подходе к дому.

Роман закатил глаза, а потом на миг задумался о будущем и признал:

— Наверное. И она будет носить любые юбки, какие захочет, — назидательно поднял он палец.

Маша рассмеялась, и ее смех тоже можно было записывать как саундтрек. Ее левый верхний клык немного торчал вперед, выбиваясь из стройного ряда, и это выглядело неожиданно мило. Поймав себя на этой мысли, Роман разом опомнился и встал. Взъерошив волосы, он подобрал

с палубы плед, начал было его складывать, но порыв ветра напомнил, для чего этот плед был ему нужен. Роман накинул его на плечи и наконец уселся в свое кресло.

— Спасибо тебе, — несмело улыбнулась Маша и снова попросила: — Только ты никому не говори, ладно? Об этом никто не знает.

— Даже Волков? — спросил Роман, подобравшись.

Маша помотала головой.

— Я не скажу. Обещаю, — откликнулся он, чувствуя себя неуютно оттого, что у них появился общий секрет.

— Спасибо, — снова улыбнулась Маша и без перехода спросила: — Ты правда давно знаком с Димкой? На той фотке в каюте твои и его родители?

Роман кивнул и, откинувшись на спинку кресла, посмотрел на звездное небо. Вот и закончились уютные посиделки.

— Наши родители дружили, — произнес он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— И правда, что Димкина мама помогала твоему отцу с обустройством «Рене»?

Он снова кивнул, чувствуя, как на него волной накатывает тоска. Так бывало всегда, стоило вспомнить о родителях Волкова. Поэтому он и не вспоминал. Запретил себе вспоминать.

— Тетя Аня знала о яхтах все, — услышал он себя будто со стороны. — Она была дизайнером интерьеров и очень любила море. «Рене» — ее детище.

Роман продолжал смотреть на небо, потому что боялся, что стоит ему опустить голову, как слезы, щипавшие в носу, потекут. Зачем он начал об этом говорить? Словами ничего не изменишь и не вернешь. Не хватало еще позорно расплакаться перед девушкой Волкова. Мысль о том, что Маша — девушка Волкова, немного приглушила эмоции. Роман медленно вдохнул, выдохнул и, посмотрев на Машу, произнес ровным голосом:

— Нам пора.

На Машином лице отражалось такое сострадание, что в носу у него снова защипало.

— Что с ней случилось? — прошептала Маша, будто не слышала его слов.

— Их самолет разбился. Дядя Лёша сам его пилотировал. Тел так и не нашли. Так что они числятся без вести пропавшими, — зачем-то рассказал Роман, хотя собирался повторить, что им пора заканчивать посиделки.

На последних словах его голос предательски дрогнул, и он совсем не по-мужски шмыгнул носом, злясь на себя за то, что так расклеился. Не стоило затевать этот ужин, не стоило говорить с Машей, когда он едва себя контролирует от усталости.

— Но это означает, что они могли выжить? — детская надежда в голосе Маши окончательно взбесила.

— Не скажи этого Волкову! — резко произнес он. — Он три года этой идеей фикс всем мозги выносит.

Роман говорил нарочно грубо, будто не понимал Волкова, будто сам вел бы себя на его месте иначе.

Маша уловила перемену его настроения и, сняв с себя плед, аккуратно сложила его на подлокотнике дивана. Роман, продолжая злиться, собрал со стола контейнеры, выбросил все разом в оставленный официантом мусорный мешок и, отряхнув руки, наконец решился посмотреть на Машу. Он ожидал осуждения во взгляде, однако та смотрела печально.

— Что? — не выдержал Роман, понимая, что дело не в Маше. Он злился на себя за то, что устроил этот никому не нужный ужин, да еще наболтал всякого.

— Ты бы тоже их искал, если бы, не дай бог, оказался на месте Димки, — негромко произнесла Маша.

— Похоже на то, что у меня есть проблемы со здравым смыслом? — хмуро уточнил Роман, точно зная, каким был бы его ответ на этот вопрос.

— Похоже, что у тебя есть проблемы с Волковым, — спокойно ответила Маша и, сняв пиджак, протянула ему.

Роман молча надел пиджак, чувствуя, что к запаху духов Юлы теперь примешался запах Машиных.

На причале Маша сама перебралась через ограду и зашагала по дорожке в сторону припаркованных такси. Роман, засунув руки в карманы, молча брел следом и думал, что

самое правильное, что он сейчас может сделать, — посадить ее в такси, поблагодарить за вечер, а завтра сделать вид, что ничего не случилось, но прекрасно понимал, что здравый смысл сегодня не будет услышан. Что-то не давало отпустить ее, не извинившись.

— Маша, — сдался он, догоняя девушку. «Девушку Волкова», — напомнил внутренний голос. — Подожди. Я тебя отвезу.

Маша обернулась так резко, что распущенные волосы взметнулись волной и закрутились вокруг ее плеч.

— Не стоит. Спасибо, что приехал, извини еще раз, что отвлекла. Забудь, пожалуйста, обо всем, что я сегодня наговорила. Не знаю, что на меня нашло.

Она заправила волосы за ухо, потерла висок, будто у нее болела голова, и открыла было рот, чтобы что-то еще добавить, но потом передумала.

— Я не отпущу тебя одну, — настойчиво произнес он, подыскивая слова, чтобы убедить ее поехать с ним. Просто извиниться вдруг показалось глупым.

— Да ты тут вообще ничего не решаешь! — вздернула подбородок Маша, и Роман обрадовался: спорить легче, чем уговаривать.

— Так, я сейчас поведу себя как маньяк — засуну тебя в машину силой, — пригрозил он, обалдевая от собственной наглости.

— Я закричу.

— Охрана моего отца точно будет на моей стороне, — улыбнулся Роман. Внутри все дрожало от азарта.

— Боже, как это низко — прикрываться папочкой, — сложила руки на груди Маша.

— *Á la guerre, comme á la guerre*, — довольно сообщил он и примирительно добавил: — Правда, поехали.

Маша смерила его нечитаемым взглядом, но все же пошла к его машине.

Заведя мотор, Роман обреченно подумал, что он сегодня почти разнылся на ее глазах, наговорил чуши, а вот сейчас блеснет своими водительским навыками. Да Волков его еще благодарить после такого должен.

— Мы поедем очень медленно, — предупредил Роман, выезжая с парковки.

— Почему? — с подозрением спросила Маша.

— Потому что я сел за руль только позавчера, — пояснил он, намеренно не глядя в ее сторону.

— Ты не умеешь водить? — схватившись за ручку над головой, пискнула Маша.

— Я водил в Англии. Но здесь же движение правостороннее.

— А со скольких лет водят в Англии? — в голосе Маши все еще слышалось подозрение.

— Скутеры и мелкую технику — с четырнадцати, а машину самостоятельно — с семнадцати. Я права год назад получил и водил там, пока сюда не переехал. Мне первое время здесь даже на пассажирском сиденье глаза закрыть хотелось, — неожиданно для самого себя признался он.

Некоторое время в машине царила тишина, а потом Маша, выпустив наконец ручку, спросила:

— Тебе сложно здесь?

Он бросил на нее быстрый взгляд. Она смотрела внимательно, изучающе, и он как-то сразу забыл, почему им не стоит общаться.

— Немного. Мне в универе сложно. Многие термины иногда не сразу понимаю. Ну и вообще бывает... Вон в викторине почти ни одну цитату не узнал.

— Но ты ведь хорошо говоришь по-русски, — поделилась наблюдением Маша. — Я на семинарах заметила. Ты всегда очень внятно отвечаешь. И мысли формулируешь хорошо. Иногда бывает, что строишь предложения слишком буквально, но очень редко.

Сердце Романа неожиданно зачастило. Ему почему-то не приходило в голову, что девушка Волкова могла наблюдать за ним все эти месяцы и так много успела увидеть. В мозгу вновь зажглась сигнальная лампочка. Роман бросил на Машу быстрый взгляд и понял, что от него требуется ответ. Тщательно следя за тем, что говорит, он сухо произнес:

— Отец всегда говорил со мной только на русском. И у меня были русские няни.

Маша, кажется, поняла, что он хочет покончить с разговором, потому что молча вытащила из сумочки мобильник и погрузилась в дебри «ВКонтакте». На светофоре Роман бросил на нее взгляд, но лица не увидел: его скрывали распущенные волосы. Тогда Роман посмотрел на ее тонкие пальцы, скользившие по экрану, и подумал о том, что Маша Рябинина, наверное, играет на каком-нибудь инструменте. В пользу этого говорил ее рингтон — сюита Баха. Роман тоже несколько лет занимался музыкой и сейчас старался изо всех сил думать о тех беззаботных годах, когда миссис Фэнкл три раза в неделю давала ему уроки. Эти мысли были безопасными.

У многоэтажки в спальном районе свободного парковочного места не оказалось, и Роман задумался, уместно ли бросить машину с включенной аварийкой посреди двора, чтобы проводить Машу. Нарушает ли это закон?

Маша интерпретировала его задумчивость по-своему. Выпорхнув из остановившейся машины, она бросила напоследок: «Спасибо». Роман понимал, что отпустить девушку ночью одну в исписанный граффити подъезд — верх идиотизма, но дверь уже мигнула кодовым замком и закрылась за Машей. Роман потер лицо и подумал, что не отказался бы от возможности стереть последние несколько часов из памяти.

Глава 3

Сколько таких нас, нелепых и ранних?

В голове уместился средних размеров колокол, а во рту было как в кедах. Димка на ощупь попытался дотянуться до будильника, но вместо этого смахнул с тумбочки книгу и стакан с водой. Будильник орал, колокол в голове ему вторил, в лицо из-за незадернутой шторы светило солнце.

— Заткнись, — хрипло прошептал Димка, но будильник, понятное дело, не послушался.

Димка засунул голову под подушку, но это не помогло. Тошнило, хотелось пить и почему-то плакать. Кто-то сдернул с его головы подушку, и Димка понял, что в комнате тихо. Какой-то добрый ангел вырубил наконец проклятый будильник.

— Вставайте, граф, вас ждут великие дела! — произнес Сергей тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

— Пять минут, — проскрипел Димка.

— Подъем!

— Три.

— Одна, и я скидываю тебя с кровати.

Димка представил, как встряхнутся при этом его бедные мозги, и его замутило с новой силой. Стараясь не делать резких движений, он встал на четвереньки, потом сел на кровати и свесил ноги, только теперь заметив, что он до сих пор в брюках и рубашке.

— Красавец, — поделился наблюдением Сергей.

Димка поморщился и поднял наконец взгляд на дядю. Сергей был в домашних джинсах и растянутой футболке и выглядел так, будто не спал всю ночь.

— Ругать будешь? — обреченно спросил Димка, прикидывая, одолеет ли он путь до ванной или лучше попросить дядю принести тазик.

Сергей на самом деле добрый. Просто задолбался с ними.

— Сначала аспирин или побежишь? — Дядя указал на дверь ванной красноречивым взглядом.

Димка посмотрел на пол, где в луже воды из чудом не разбившегося стакана мок «Театр» Моэма, и грустно выдохнул:

— Побегу.

Добежать, а точнее, почти доползти, до ванной он успел. Благо ванная у него была отдельная. Отлепившись от унитаза и посмотрев на свое отражение в зеркале, Димка пообещал себе, что никогда больше... Так же и сдохнуть можно. Кое-как приняв душ и замотавшись в большое полотенце, он вернулся в комнату, надеясь, что там уже нет ни Сергея, ни стакана, ни «Театра», главу которого ему надо прочесть к завтрашнему уроку. Мысль о главе засела в мозгу намертво.

Не повезло. Дядя стоял в комнате спиной к нему, глядя в окно. Вода все так же блестела на полу, «Театр» все так же в ней плавал. Даже если Сергей принес аспирин, запить его теперь все равно нечем, а значит, придется тащиться на кухню. Глядя на прямую спину Сергея, Димка понял, что день сегодня будет не из легких.

— Беспорядок убери. — Сергей повернулся к нему и кивком указал на пол.

Димка вздохнул и, стараясь не растрясать последние мозги, поплелся в ванную за тряпкой. Кое-как вытерев пол и пристроив Моэма на подоконник, Димка бросил тряпку в открытую дверь ванной. Сергей проследил за ее полетом, но ничего не сказал. Димка со стоном опустился на кровать, мечтая о таблетке от головной боли.

— Что это вчера было? — спросил Сергей, и Димка обхватил себя за плечи.

Он так толком и не вытерся, и теперь сидеть в одном полотенце было холодно.

— Выпил немного, — буркнул он, не поднимая головы.

— Немного?

— Я не рассчитал.

— Не рассчитал?! — Сергей наконец заорал, и Димка еле удержался от того, чтобы зажать уши. В висках запульсировало с удвоенной силой.

Он хотел заорать в ответ, но понял, что голова ему этого не простит, поэтому просто посмотрел на дядю исподлобья, собираясь напомнить, что он вообще-то совершеннолетний и может в любую минуту отсюда съехать. Однако стоило ему посмотреть на Сергея, как желание орать пропало окончательно. Сергей сжимал в кулаке занавеску, и на его шее пульсировала жилка. Димка разом вспомнил, что он давал обещание не пить и дяде, и Машке и что ожидаемо его нарушил, вспомнил, сколько еще таких данных Сергею обещаний он также не выполнил, и в его душе зашевелился стыд.

— Этого не повторится, — пробормотал он.

Сергей рассмеялся громко и неестественно, а потом выпустил штору и, подойдя к креслу, скинул с него сваленные в кучу толстовку, спортивные штаны и почему-то один кед. Опустившись в кресло, Сергей уперся локтями в колени и обхватил голову руками. В Димке поднялась новая волна стыда, когда дядя сказал:

— Как же меня это все достало, Дим. Я ведь, дурак, думал, что тебе стукнет восемнадцать, и вся эта блажь пройдет, что ты поймешь: ничего не изменится оттого, что ты будешь пить, нюхать какую-то дрянь...

— Я не нюхаю, — подал голос Димка.

— И то хлеб, — вздохнул Сергей, хотя Димке почему-то показалось, что дядя не поверил.

— Я правда не нюхаю. И пить вчера не собирался. Просто на... на «Рене» праздновали, и я что-то...

Сергей поднял голову и несколько секунд внимательно на него смотрел, а потом резко поднялся и, на ходу вытаскивая телефон из заднего кармана джинсов, молча вышел из комнаты. Димка, придерживая полотенце, направился за ним.

Сергей сбежал по ступенькам вниз, а Димка притаился на лестнице, прислушиваясь к приглушенному голосу дяди.

— Лев, это я. И тебе. Объясни мне, мил человек, какого черта ты потащил Димку на яхту? В Москве ресторанов мало?

Какое-то время стояла тишина, а потом Сергей заорал в трубку так, что Димка подскочил от неожиданности:

— Тебя кто-то просил, психолог ты недоделанный?! Не вздумай больше его дергать никуда, понятно? Я не горячусь! Знаешь, что можешь сделать со своими извинениями?!

Наступила тишина. Димка стоял на верхней ступени, переминаясь с ноги на ногу, и думал о том, что Сергей невероятно крут. Он и предположить не мог, что кто-то способен так орать на дядю Лёву, и еще ему было необъяснимо приятно, что Сергей, который, казалось, совсем его не понимает, может так наехать на кого-то, защищая его. Как будто он нужен, как будто Сергей не вздохнул бы с облегчением, если бы пьяный Димка свалился за борт и освободил его наконец от своего присутствия. Димке вдруг стало тошно от себя самого. У Крестовского днюхи на яхте, машина и длинноногая Шилова под боком, а у него из хорошего только Машка, и та, похоже... Додумывать мысль было очень неприятно, поэтому Димка поплелся одеваться и разыскивать аспири́н.

Дядя сидел на кухне и пил кофе, будто ничего не произошло. Перед ним была развернута газета с кроссвордом, а рядом лежал мобильный, светящийся беззвучным сигналом вызова. С экрана улыбался Лев Крестовский.

— То, что должно появиться у человека, достигшего совершеннолетия, — объявил Сергей, глядя в газету. — Четырнадцать букв. Первая «о», вторая «т».

— Такое в кроссвордах не печатают, — сказал Димка и, пройдя мимо большого обеденного стола, достал из холодильника минералку. Сделав глоток, он посмотрел на сидевшего теперь к нему спиной Сергея. — Ответственность.

— Угадал, — ответил тот и что-то вписал в газету.

Телефон продолжал беззвучно светиться входящим вызовом.

— Ты так на дядю Лёву орал, что я тебя прямо зауважал, — бухнул Димка.

— А до этого типа не уважал? — тут же откликнулся Сергей и снова что-то вписал в газету.

Димка промолчал, потому что благодарить дядю за то, что тот из-за него на кого-то наорал, и не просто на кого-то там, а на самого Крестовского, было тупо. Да и не смог бы он выразить это словами. У него всегда какая-то ерунда из слов выходила. Во всяком случае, Сергей его никогда не понимал.

— Завтракать будешь? — спросил Сергей.

При мысли о завтраке отступившая было тошнота напомнила о себе.

— Не. Чё-то я как-то сыт.

— Ну и круто, — хлопнул по столу газетой Сергей, потом посмотрел на мобильник и выключил его совсем. — У тебя десять минут на сборы, — объявил дядя и вышел из кухни, оставив на столе безжизненный телефон.

— На какие сборы? — заорал ему вслед Димка, и голова тут же взорвалась болью.

Сергей не ответил, Димка же решил, что сейчас главное — найти таблетку от головной боли, все остальное — потом.

Через десять минут он тихо сидел в своей комнате и ждал, когда подействует аспирин, гадая, куда он должен был собраться. Сергей дал ему дополнительные пять минут, а потом вошел в комнату, предварительно громко стукнув по косяку. Димка поморщился.

— Ты идешь так? — невозмутимо уточнил Сергей, кивая на Димкины домашние шорты и голый торс.

— Я вообще никуда не иду, — на всякий случай огрызнулся Димка, хотя ему все еще было стыдно.

— Сегодня девятое, — Сергей пока проявлял терпение и даже подобие сочувствия его состоянию: говорил вполголоса.

— И? — попробовал побузить Димка, хотя уже понял, что это бесполезно.

Лялькин психолог обязал его и Сергея устраивать семейные выходы не реже раза в месяц, чтобы выдергивать сестру из виртуальной реальности и возвращать в мир

живых людей. Димка тогда решил, что идея тухлая, потому что заставить пятнадцатилетнего подростка что-то делать против воли невозможно, но Сергей был непреклонен. Иногда он умел так вынести мозги, что в конце концов даже социофоб Лялька согласилась на два дня в месяц и сама определила даты: девятое и двадцать девятое. Видимо, чтобы соскакать с одной обязаловки в феврале. В этот раз они собирались в кино и пиццерию, и Димка заранее страдал, понимая, что его башка в кинотеатре просто треснет.

— Меня стошнит сначала в кинотеатре, а потом в пиццерии, — хмуро сообщил он, разглядывая свои босые ступни.

— Наверняка, — согласился Сергей. — Именно поэтому не стоило вчера нажираться.

Димка потер лицо ладонями. Головная боль начала потихоньку отпускать.

— Почему ты сказал, что дядю Лёву не просили? Он что, специально меня пригласил на «Рене»?

Сергей ответил не сразу, и Димка поднял на него взгляд. В джинсах и толстовке Сергей выглядел моложе, чем в деловом костюме. Димка вдруг вспомнил, что дяде всего тридцать один. Как же тупо тот влип, когда на его голову свалились два депрессивных подростка. Эта мысль примирила его с тем, что Сергей иногда орал и требовал от него соблюдения правил, которые Димке очень хотелось нарушать. Несколько раз в месяц Димка орал, что съедет. Сергей орал в ответ, что он может валить на все четыре стороны, а через полчаса они уже могли вполне мирно обсуждать новый фильм или компьютерную игрушку. Димка никогда не извинялся. Сергей никогда этого не требовал. Требовал убирать в комнате, хотя у них была домработница, требовал ходить в универ и не доводить до хвостов, требовал посещать психолога и не пить. Димка игнорировал половину требований, решив, что его чувство вины перед Сергеем за то, что на того свалился не только бизнес отца, но и племянники, уже ничем не усугубишь. Но в такие дни, как сегодня, он понимал, что ошибался.

— Лев хотел тебя... адаптировать, — наконец произнес Сергей, и Димка удивленно поднял брови.

— Чего?

— Ты не знаешь слово «адаптировать»?

Димка смерил Сергея взглядом, давая понять, что думает о его остротах. На Сергея это, разумеется, не произвело никакого впечатления.

— Он тоже о тебе заботится, — помолчав, произнес Сергей. — Никому из нас не нравится то, куда ты катишься.

— А куда я качусь? — тут же окрысился Димка.

— А сам как думаешь, к чему приведет то, что ты сейчас делаешь? Если тебя выгонят из универа, ни о каком управлении отцовским бизнесом речи идти не будет. Если ты будешь...

— А ты и рад будешь? — перебил Димка.

— В смысле? — прищурился Сергей.

— Ну, деньги у тебя останутся. Сколько назначит совет директоров на содержание меня, убогого, стольким и откупишься, да? — Димка на самом деле так не думал, но он терпеть не мог, когда Сергей учил его жизни.

Сергей посмотрел на Димку долгим взглядом, и Димка приготовился услышать крик или язвительное замечание, потому что он вправду зарвался, однако дядя молча вышел из комнаты, хлопнув ладонью по косяку. Димка слышал, как он стучит в Лялькину дверь, слышал, как они над чем-то смеются. Голоса переместились вниз, и Димка раздраженно направился к шкафу с одеждой.

Когда он сбежал по лестнице, стараясь не морщиться от так и не прошедшей до конца головной боли, дядя с сестрой уже обулись и, ожидая его, обсуждали какую-то мангу. Димка невольно обалдел, когда понял, что Сергей однозначно в теме: он не просто знал персонажей по именам, сейчас они спорили о концовке какого-то эпизода. Димка молча шнуровал кеды, чувствуя себя неуютно оттого, что на него никто не обращает внимания. Лялька, видимо, была в курсе его вчерашней выходки, поэтому дулась. Сергей, против своего обыкновения, тоже делал вид, что Димки нет. Неужели вправду обиделся на в сердцах брошенное замечание?

В висевшем на стене зеркале отражалась часть кухни. Бросив на него взгляд, Димка увидел телефон Сергея, выделявшийся на светлой столешнице черным пятном.

— Ты мобильник забыл, — буркнул Димка, желая пойти на мировую.

— Он мне не нужен, — ровным голосом ответил Сергей и вышел на крыльцо.

Лялька вышла за ним, вставляя наушники в уши и врубая плеер.

Ну и подумаешь! Нежные все, караул.

Андрей довез их до торгово-развлекательного центра. При этом был он, как всегда, молчалив и незаметен. Поскольку сидевший на переднем сиденье Сергей тоже сегодня общаться не желал, а Лялька слушала музыку, ехали в унылой тишине, чему Димка отчасти даже радовался: был шанс накопить силы перед кинозалом.

Однако оказалось, что Лялька передумала и они идут в океанариум. Сергей идею поддержал, а Димку никто не спросил. Они неторопливо бродили по океанариуму, и, кажется, какое-то подобие удовольствия получала только Лялька. Сергей молча шел за ней, думая о чем-то своем, Димка тащился последним, морщась от каждого восторженного писка юных океанологов, с диким топотом носившихся вокруг. Лялька добрела до бассейна с акулами и застыла у бортика. Димка посмотрел на нее и вдруг понял, что, смыв наконец черную краску с волос, Лялька стала невыносимо похожа на маму: те же светлые прямые волосы, тот же тонкий с горбинкой нос, бледные губы и серо-зеленые глаза. Только мама много смеялась, Лялькины же искренний смех он слышал в последний раз очень давно. Димка вспомнил, что сегодня утром ему хотелось плакать. И понял почему. Вчера он так отчетливо увидел перед мысленным взором маму на ее любимом коктейльном диванчике на «Рене», что возвращение в сегодня было очень... страшным? Болезненным? Димка не знал, каким словом это описать. Просто казалось, что из него вдруг выдернули позвоночник, а потом вставили обратно кое-как.

Он даже дышал с трудом, и похмелье здесь было совершенно ни при чем.

Чтобы как-то отвлечься, он подошел к задумчиво глядящему на акул Сергею и спросил:

— Ты реально читал Лялькину мангу?

— Ну так на что не пойдешь ради денег? — ровно ответил Сергей, не глядя на Димку.

Ничего себе, как обиделся. На памяти Димки это был первый раз, когда дядя так надолго завелся.

Димка досадливо повернулся к Ляльке, потому что не придумал, что еще сказать. В этот миг Лялька наклонилась вниз, почти свесившись за бортик, и Димка, не успев подумать, рванул к ней, схватил ее за плечи и дернул назад. Не ожидавшая этого Лялька ударила его локтем под дых. Удар был такой силы, что Димка, вцепившийся в плечи сестры, согнулся пополам. Его кеды заскользили по разлитой кем-то воде, и они с Лялькой рухнули на пол. Лялька вскрикнула и нецензурно высказалась.

— Лена! — повысил голос оказавшийся рядом Сергей. — Дети кругом.

— Ты что меня хватаешь, придурок? — прошипела Лялька, отталкивая Димку.

Тот, едва отдышавшись, огрызнулся:

— Ты туда свалиться собиралась?

— Совсем дурак?! Если этот ваш недоумок-психолог считает, что у меня суицидальные мысли, то это не значит, что они есть! Если бы я собиралась что-то сделать, я бы не падала в бассейн с акулами!

— А чё, с акулами круто, — вдруг подал голос какой-то парень и хотел еще что-то добавить, но резко вскочивший Димка рванул к нему с намерением ударить.

Сергей ловко перехватил Димку на полпути. Рыпаться было бесполезно: хоть они и были одного роста, но Сергей, в отличие от жилистого Димки, был коренастым и крепким и весил килограммов на пятнадцать больше. Рядом кто-то завизжал. Краем глаза Димка увидел, что к ним спешит охранник. Сергей же встряхнул его так, что в висках снова запульсировало. Димка перестал дергаться, и Сергей, с силой

оттолкнув его в сторону, направился навстречу охраннику. Димка, чудом не навернувшийся во второй раз, потер солнечное сплетение и хмуро посмотрел на Ляльку. Та стояла, обхватив себя за плечи, в ее ушах снова торчали наушники, хотя до этого по просьбе Сергея она их вынимала.

После того как Сергей уладил дело с охранником, стало понятно, что любоваться морскими обитателями дальше ни у кого желания нет.

В пиццерии пахло едой и долбила по мозгам жизнерадостная музыка. Димка пил минералку и тихо страдал. Лялька переписывалась с кем-то из своих виртуальных знакомых и стучала кедом по полу в такт музыке из наушников. Сергей смотрел в окно и вертел в руках нож. Нетронутая пицца одиноко дымилась на столе. Они определенно провалили этот выход в люди.

Не выдержав царящего за столом «безудержного веселья», Димка встал и вышел на улицу. Ни Сергей, ни Лялька даже не посмотрели в его сторону. Достав телефон, Димка заметил, что по экрану паутиной тянутся трещины. Опять. Он открыл контакт Машки и долго смотрел на ее фото. Он сфоткал ее на каком-то концерте года полтора назад. Машка со скрипкой на плече выглядела такой серьезной и правильной, что Димка не решился позвонить. Набрал в месенджере:

«ты дома»

«?»

Машка прочла сразу, но ответила только через четыре минуты:

«Да».

«я приеду».

Он прождал три минуты, но Машка не ответила, и Димка решил ехать наудачу.

Вернувшись к их столику, он объявил:

— Я еду к Машке.

Сергей соизволил повернуться и, поглядев на его помятую морду, уточнил:

— С таким перегарищем?

— Я жвачку куплю, — буркнул Димка.

— Ну-ну. На Андрея не рассчитывай — он везет нас с Леной.

Сергей расплатился, и пиццу им упаковали с собой. На улице Димка понял, что не взял бумажник. В кармане толстовки обнаружили двести рублей. Чертыхнувшись, он посмотрел на Сергея, но тот, сделав вид, что не обращает на племянника внимания, направился к машине.

Димка потряс за плечо сестру. Та недовольно оторвалась от созерцания лужи с масляными разводами.

— Ляль, у тебя деньги есть?

Лялька несколько секунд смотрела на него так, будто не поняла вопроса, потом полезла в карман узких джинсов и, вытащив смятую пятидесятирублевую купюру, протянула ее Димке. Димка тяжело вздохнул, понимая, что Лялька настолько оторвана от нормальной жизни, что даже о ценности денег понятия не имеет. Надо ее, наверное, с собой как-нибудь в магазин взять.

— Мне не хватит, — признался Димка.

Лялька пожала плечами и направилась к непонятного вида мужику, сидевшему на тротуаре на газетке и гладившему лохматого рыжего пса. Положив купюру в жестяную баночку у ног мужика, она погладила собаку. Димка напрягся, когда мужик что-то сказал Ляльке, однако ничего страшного не случилось, наоборот, Лялька присела на корточки и обняла собаку. Димка вздохнул и поплелся к Сергею.

— Это ненормально, — начал он, указывая на Ляльку. — Она подошла к левому мужику. К левой псине. Ты бы с ней поговорил!

— А может, ты бы с ней поговорил? — откликнулся Сергей, шелкая зажигалкой, хотя сигарет в его руках не было. Он никогда не курил при племянниках.

— А что я ей скажу?

— Да хоть что! У нас проблема, Дима. Я делаю все, что от меня зависит, выполняю все рекомендации, но этого мало. Я для нее — чужой человек, которого она видела пару раз в детстве. Я даже не могу понять, приходит ли она в норму. Я не видел ее до случившегося несколько лет. Ее семья — ты.

Димка поморщился и посмотрел на сестру.

— А ты, вместо того чтобы помогать, лишь добавляешь нам головной боли. Думаешь, ей нравятся твои выходки?

— Надо было сдать нас в детдом, — буркнул Димка.

— Точно. И как я не подумал?! — делано удивился Сергей. — Деньги бы все равно при мне были, а расходов — меньше и головной боли никакой. Навещал бы раз в две недели и жил бы себе припеваючи.

— Да что ты к деньгам этим привязался? Я просто так ляпнул, понятно?

— Не, Дим, непонятно. Это Лена тебя может в сердцах придурком назвать, хотя так не думает, потому что ей пятнадцать, а ты — уже взрослый человек.

— А если я не ощущаю разницы между своими пятнадцатью и восемнадцатью? — не выдержал Димка.

— Тогда беда, — вздохнул Сергей и позвал: — Лена, поедем?

Лялька оторвалась от собаки и направилась к ним.

— Может, ей собаку завести? — вырвалось у Димки.

— Мне только собаки для полного счастья не хватало.

— А что? Будет тебя с работы встречать, хвостом вилять, любить тебя будет.

— А это мысль, — Сергей сделал вид, что задумался. — Хотя что-то приятное будет ждать дома.

Сергей открыл дверь, и Лялька плюхнулась на сиденье.

— Пока, Ляль, — сказал Димка.

Сестра не ответила. То ли не услышала в наушниках, то ли сделала вид.

— Ну, давай, — сказал Сергей и открыл переднюю дверь.

— Я без денег, — признался Димка.

— С телефона оплаты. В чем проблема?

— Не во всех такси можно, наверное, — произнес Димка и понял, что не ездил на такси сто лет.

— В киосках продаются билеты на общественный транспорт. Там можно, — отозвался Сергей и сел в машину.

Димка зло выдохнул и пошел прочь. Сзади посигналили, и он, выругавшись, вернулся к машине. Дядя опустил стекло и спросил:

— Сколько надо?

— На такси до Машки. На жвачку у меня есть.

Сергей откинул голову на подлокотник и на миг зажмурился.

— Ты прешься к девушке извиняться за то, что бросил ее ночью одну, со жвачкой?

Димка засунул руки в карманы и хмуро посмотрел на Сергея. Достал он уже со своим воспитанием.

Дядя тяжело вздохнул, вытащил бумажник и протянул ему три тысячные купюры.

— Спасибо, — хмуро откликнулся Димка и подумал, что надо бы все-таки извиниться, но при Андрее и Ляльке делать это не хотелось.

Ладно, вечером уже.

Глава 4

Ищем стабильность в непостоянстве.

Сигнал сообщения выдернул Машу из полудремы. Поборов в себе желание укрыться пледом с головой и сделать вид, что ничего не слышала, Маша пошарила рукой на стоявшем у кровати письменном столе, нащупала телефон и поднесла его к лицу. Из-за задернутых штор в комнате царил полумрак, и смотреть на яркий экран было неприятно.

Димка спрашивал, дома ли она. Маша вернула телефон на стол и уставилась на полоску света на потолке. Она понимала, что Димка спрашивает не просто так. Он наверняка собирается приехать. А если Волков собирается что-то сделать, то помешать ему не сможет никто. Маша вздохнула и поняла, что меньше всего хочет сегодня общаться с Димкой. Она, конечно, пообещала вчера Сергею, что прибьет Димку при встрече, но прекрасно знала, что на деле все будет совсем иначе. Она могла орать на него по телефону, могла грозить смертными карами и разорванной навеки дружбой, однако стоило взглянуть на его виноватый вид, как она готова была простить ему все на свете.

Их дружба была очень-очень странной. Временами Маша думала, дружба ли это.

Зачем этот паразит представил отцу Крестовского ее как свою девушку?

Маша зажмурилась и все-таки натянула плед на голову. Думать об ужине с Крестовским было до умопомрачения стыдно. Будто Маша сделала что-то дурное. Она вдруг поняла, что не хочет видеть Димку не только потому, что он очень сильно ее обидел, но еще и потому, что смертельно боялась его реакции на их посиделки с Крестовским.

Только оттягивать объяснение себе дороже. С этой мыслью Маша отбросила плед и вновь взяла телефон.

После того как она напечатала «да», Димка предсказуемо прислал: «Я приеду». И это даже не было вопросом. Димка хотел — Димка делал. Маша встала с кровати и поплелась умываться и завтракать, хотя уже было время обеда.

Мама появилась в дверном проеме кухни неслышно, и Маша, достававшая из холодильника сыр с маслом, едва не уронила масленку на пол.

— Ты меня напугала, — пробормотала она и спросила: — Будешь бутерброды?

Мама молча вошла и опустилась на табуретку. Маша села на соседнюю и подвинула маме тарелку с нарезанным хлебом:

— Чаю сделать?

Она почему-то чувствовала себя виноватой. Хотя и не понимала почему.

— Маша, а кто тебя сегодня подвозил?

— Ну я же сказала уже: одноклассник.

Маша действительно сказала это еще ночью, когда выяснилось, что мама не спит, а ждет ее возвращения. Быстро поцеловав маму, она сообщила, что вечеринка была скучной, и убежала в свою комнату. Сейчас же убежать, похоже, не получится.

— Что за одноклассник?

— Мам, ну ты все равно их не... — начала Маша и нервно рассмеялась. Мама знала всех ее одноклассников.

По тому, как мама подняла бровь, было понятно, что она прекрасно раскусила Машин маневр. Маше же жутко не хотелось признаваться, что этот одноклассник — Роман Крестовский, потому что мама его явно недолюбливала, хоть и говорила, что Маше это только кажется.

— Ну так что? — спросила мама, непривычно пристально глядя на Машу.

— Мам, ты так спрашиваешь, как будто в чем-то меня подозреваешь. А я, между прочим, уже совершеннолетняя.

Мама приподняла бровь, как делала это на занятиях, когда кто-то из студентов начинал нести явную околесицу.

— Это ты сейчас к чему? — спросила она, и голос у нее тоже прозвучал по-учительски.

— Да ни к чему, — ответила Маша и откусила бутерброд. — Мы же договорились, что я смогу даже заночевать там вместе со всеми. А теперь ты предъявляешь претензии, что я поздно приехала...

— Я ни слова не сказала про то, что ты поздно приехала. Я видела в окно, как ты вышла из машины, и хочу узнать, кто тебя привез. Или ты все-таки поймала частного и боишься мне рассказать?

— Да нет, я же не дура — садиться ночью в машину к кому попало. Это был Крестовский.

— Роман? — после паузы уточнила мама.

— Ну не Лев же, — рассмеялась Маша, представив, что отец именинника собственноручно развозил бы гостей по домам.

Мама даже не улыбнулась. Смотрела напряженно и кусала нижнюю губу.

— Мам, что случилось? — не выдержала Маша.

— Кто был на празднике? — невпопад спросила мама.

— Почти вся группа.

— А из взрослых?

— Команда яхты, официанты и папа Крестовского, Лев. Очень милый такой папа. На Романа похож. Точнее, тот на него. Ну ты поняла.

— Поняла. — Мама вдруг встала и вышла из кухни.

Маша, засунув в рот остатки бутерброда, бросилась следом.

Маму она нашла в зале стоящей у окна. Диван был уже сложен, хотя порой по выходным родители позволяли себе поваляться подольше, если папе не нужно было на репетиции, а у мамы не было учеников.

Маша села на диван и посмотрела на маму. Мама у нее была очень красивая. Темноволосая, зеленоглазая. Все мальчишки их потока исправно ходили на ее занятия, но вряд ли потому, что были прямо такими уж фанатами английского. А еще мама в свои тридцать восемь выглядела очень молодо. Особенно на фоне папы, который рано

поседел. Маша подумала, что не может представить папу на яхте танцующим с девчонками из ее группы и шутящим с мальчишками. Папа был... папой. Лев же, казалось, находился на одной волне с подростками. У него была стильная стрижка. Не молодежная, с торчащей вверх челкой-домиком, как у сына, но такая, которая сильно убавляла его возраст и даже на ветру выглядела аккуратно. И весь его вид был таким, будто он очень свободный и с ним легко. Здорово, наверное, Крестовскому с таким отцом. От мыслей о Романе внутри екнуло. Да еще и Димка вот-вот должен был приехать.

— Мам, Димка приедет. Я пойду погуляю с ним?

— Вы поссорились? — не оборачиваясь, спросила мама.

— Нет, с чего ты взяла?

— С того, что тебя привез Роман, а не он.

— Нет, просто Димке пришлось уехать раньше. Ему домой нужно было, — соврала Маша.

Мама довольно долго молчала, по-прежнему глядя в окно, хотя оно выходило на заставленный коробками балкон и улицу через него почти не было видно. Маша разглядывала геометрические узоры на мамином домашнем платье и думала, что сейчас происходит что-то странное. Вдруг мама обернулась и, быстро подойдя к дивану, присела рядом с Машей.

— Маша, я была против твоего поступления в этот университет, ты не послушала. Я смирилась с твоим выбором, хотя до сих пор считаю его ошибкой. И да, ты совершеннолетняя. Но сейчас я прошу... Нет, я требую, чтобы ты не общалась с Романом Крестовским.

Мама сжала Машину ладонь, Маша же удивленно выдохнула:

— Ты что, мам? Что он такого сделал?

— Ничего не сделал. Ты меня услышала?

— Мам, я хочу объяснений. Что с ним не так? Он же самый прилежный во всем потоке. Он один из немногих, кто реально старается учиться. У него же вечно все работы сданы вовремя.

— Откуда ты все это знаешь? — прищурилась мама.

— Просто, — стушевалась Маша, потому что вдруг поняла, что вправду знает о Крестовском гораздо больше, чем должна была бы.

Но у нее была причина: Димка, а точнее, Димкина явная антипатия к Крестовскому, о которой он не желал говорить. Что Маше еще оставалось делать? Только наблюдать за Крестовским.

— Маша, ты должна понять, что Крестовский — не та компания, с которой тебе будет полезно общаться.

— То есть Димка, который может в течение пяти секунд ввязаться в драку на улице, который курит, — вообще подходящая компания, а до противного правильный Крестовский — нет?

Маша, вскочив с дивана, уперла руки в бока. Она понятия не имела, зачем все это говорит, но удержаться не могла. Ей восемнадцать. Она совершеннолетняя. Почему мама диктует, с кем ей встречаться?

— Я не в восторге от большинства проявлений Волкова, и я с ним еще поговорю по поводу того, что он бросил тебя на празднике...

— Не надо! — испугалась Маша, однако мама, не слушая ее, продолжила:

— Но я вижу, как он к тебе относится.

— Как? — против воли вспыхнула Маша, потому что мама уже не первый раз намекала на какое-то особое отношение Димки. Может, Маша просто его не видит?

Мама, проигнорировав ее вопрос, сказала:

— Каким бы, как ты выразилась, правильным ни был Крестовский, закончится все тем, что он уедет, а ты останешься.

— Что значит «уедет»?

— Маша, не будь душой! — повысила голос мама. — Крестовский вскоре наиграется в учебу на исторической родине и вернется в свой Лондон. Это вопрос времени. А ты останешься.

— Мама, о чем ты вообще говоришь?! — закричала в ответ Маша. — Он просто подвез меня до дома. Все. Он мне

даже не нравится! У него терки с Димкой. Просто вчера так получилось.

— Ты мне не врешь? — спросила мама и посмотрела на Машу снизу вверх таким взглядом, что Маше стало стыдно за то, что она повысила голос.

— Мам, ну ты что? — пробормотала она и, наклонившись, обняла ее за плечи.

— Машка, Машка, — глухо проговорила мама в ее плечо, — как же быстро ты выросла.

Маша вспомнила, как сама вчера сказала Крестовскому, что он, похоже, будет отстреливать бойфрендов своей будущей дочери еще на подлете, и подумала, что, может быть, дело не в том, что Крестовский — псих. Может, все родители девочек такие?

Позже мама принялась собираться на работу: по выходным она вела занятия в английском разговорном клубе. Маша же налила себе еще чаю и долго сидела на кухне, ломая голову над тем, что не так с Крестовским, помимо того, что он оказался совсем не таким, каким она себе его представляла до вчерашнего вечера. Она думала, что он — сноб и яркий представитель золотой молодежи, и сейчас ей было немного стыдно за подобные мысли. Но кто виноват в том, что именно таким он и выглядел в своих пижонских рубашечках и пиджачках, которые носил так, будто в них родился? Прибавить сюда то, что Крестовский не удостоивал общения никого из группы, кроме Шиловой и пары ее подружек, и получался вполне однозначный образ. Проведенный с ним вечер внес сильные коррективы в Машину картину мира. Ей показалось, что он просто стесняется того, как говорит на родном языке, поэтому предпочитает лишний раз промолчать. Оказывается, ему сложно в университете и он страдает за рулем. А еще, оказывается, он чертовски наблюдательный и умеет находить нужные слова. Маша вспомнила, как он смотрел на нее, когда ей вздумалось рассказать про бабушкиного соседа, и щеки заалели. К тому, что Димка мог броситься в драку просто потому, что кто-то не так на Машу посмотрел, Маша привыкла. Честно говоря, Димке часто нужен был лишь предлог, чтобы

ввязаться в какую-нибудь ерунду. Крестовский же в своем праведном гневе был очень... очень необычный, и Машу почему-то это волновало, хотя она и не соврала маме: он вправду не нравился ей как парень. Она о нем даже не думала так никогда, потому что он был в контрах с ее другом. Маша сжала чашку, понимая, что она упускает что-то важное, вот только что?

Димкин звонок оторвал ее от размышлений.

— Я внизу.

— Поднимайся.

— А кто у тебя?

— Мама, но она уже уходит.

— Может, я погуляю, пока она уйдет? — голос Димки звучал жалобно.

— Поднимайся, — строго произнесла Маша, отыгрываясь хотя бы сейчас, потому что, когда он поднимется, она все равно не сможет даже наорать на него толком. Ей было уже заранее его жалко.

Димка отключился, и спустя минуту в дверь позвонили. Открыв дверь, Маша даже не нашлась, что сказать. Она привыкла к творческому беспорядку на голове у Димки — это вроде как было сейчас даже модно, однако сегодня Волков выглядел так, будто его кто-то повозил головой по подушке, а потом выдернул из постели, забыв дать расческу. Добавить к этому нездоровый цвет лица и темные круги под глазами, и выходило...

— Красавец! — раздался за спиной у Маши голос мамы.

— Здравсте, Ирина Петровна. — Димка сверкнул самым жизнерадостным вариантом из арсенала своих улыбок.

— И вам, Дмитрий, не хворать. Сегодня это кажется особенно актуальным. Праздник, вижу, удался?

— Проходи, — вздохнула Маша, впуская Димку в квартиру.

— Не, не очень, — откликнулся Димка, наступил на пятки кед и стащил их, даже не развязав шнурки. — У Крестовских всегда скучно.

Маша могла бы поспорить, но не стала. Мама надела туфли и потянулась было к висевшему на вешалке пиджаку, но Димка ее опередил: снял пиджак и помог ей его надеть.

— Спасибо, Дмитрий, — мило улыбнулась она. — Только это не зачтется как выполнение домашнего задания, имейте в виду.

— И в мыслях не было, — с честным видом отозвался Димка, а мама вернулась к прерванному разговору:

— А что не так с вечеринками у Крестовских?

Маша внимательно следила за Димкиным выражением лица и потому заметила, что уголок его рта нервно дернулся, будто он хотел сказать какую-то гадость. Однако, взяв себя в руки, Димка снова улыбнулся.

— Ну, сами понимаете: куча молодежи, яхта, а именинник с папочкой. Ну какое веселье под надзором родителей?

Маша почувствовала, как в груди заныло от сочувствия. Димка крайне болезненно относился к теме родителей. Всегда старался обходить ее стороной, и тут вдруг так явно обесценивать наличие отца... Это как же ему сегодня тяжело! Дурацкий праздник! Не стоило на него ходить.

— А Маша сказала, что отец Романа вполне современный и веселый.

Маша не помнила, чтобы говорила что-то подобное, и слегка удивилась словам мамы. Димка провел рукой по волосам в безуспешной попытке привести прическу в порядок и широко улыбнулся.

— Ну да, дядя Лёва классный. Но все равно было скучно.

— Дядя Лёва? Вы так хорошо знакомы?

Димка снова улыбнулся:

— Он — мой крестный.

— Вот как? — удивленно произнесла мама.

Маша, хоть и знала уже, что семьи Крестовских и Волковых дружили, все равно растерялась. Это уже не просто дружба — это же родство, а эти двое поубивать друг друга готовы...

— Да, но мы не общаемся почти. Давно уже, — поспешно добавил Димка.

— Как же так вышло, что у вас с Романом такие напряженные отношения? — продолжала допытываться мама.

— А почему вы думаете, что мы должны быть друзьями до гроба? — в голосе Димки прозвучал вызов, и Маша едва не застонала. Началось.

— Да не должны, конечно, — произнесла мама, к счастью, сжавшись над Димкой. — Я буду поздно, Маш. Хорошего дня, Дмитрий.

Маша закрыла за мамой дверь, радуясь, что все обошлось малой кровью. Еще не хватало Волкову что-нибудь выкинуть, чтобы мама запретила и с ним общаться. Маша, конечно, не послушалась бы, но тогда пришлось бы идти на конфликт. А этого очень не хотелось.

Повернувшись к Димке, она увидела, что тот смотрит на нее исподлобья одновременно виновато и зло. Значит, ругать его смысла нет — начнет хамить в ответ. А в свете вчерашнего ужина с Крестовским заводить Димку заранее было бы очень неосмотрительно.

— Кофе будешь? Могу еще оладьи сделать. Или горячие бутерброды.

— Кофе. Еда в меня не лезет.

Маша покачала головой и пошла на кухню готовить рас-творимый кофе. Дома Димка наверняка такой не пил, но чем богаты...

На кухне Димка стащил с себя толстовку и, бросив ее на подоконник рядом с папиным фикусом, уселся на табуретку. Машу всегда забавляло то, что при совершенно наплевательском отношении Димки к одежде толстовки, футболки и даже джинсы у него всегда были чистыми и отглаженными. В начале их знакомства это ставило ее в тупик, а потом по подобным мелочам она стала догадываться, что Димка, хоть и строит из себя шпану, совершенно к ней не относится. У него были очень широкий кругозор и грамотная речь, хотя последнее он большей частью скрывал. Он отлично говорил на английском. А однажды, взяв его телефон, Маша обнаружила в читалке открытую книгу на французском. В Москве Димка в основном ориентировался по принципу: «А, это где Пушкинский музей?» И при этом он старался казаться мальчиком с окраины.

Маша делала вид, что верит в его легенду, лишь изредка позволяя себе небольшие шалости. Например, однажды, поняв, что он никогда раньше не пользовался общественным транспортом, она нарочно подстроила так, что Димке пришлось первым войти в салон троллейбуса. Он что-то пробормотал про забытый проездной, и Маша посоветовала купить карточку у водителя. Но это ему мало помогло, потому что схема пользования валидатором висела так, что от входа ее не было видно. Глядя на Димкин ступор у валидатора, Маша получила непередаваемые эмоции.

Одним словом, если к нему присмотреться, Димка выглядел так, будто все то время, что жил с родителями, был абсолютно домашним ребенком, которого всячески развивали и повсюду возили на машине. Сейчас Димка как мог отрывался от этого образа, но с базовым воспитанием ничего сделать не мог. Наверное, он его даже не осознавал.

Маша прекратила попытки подстраивать Димке встречи с миром простых людей после того, как он отвез ее к себе домой. Она в тот день должна была ехать к бабушке на дачу, но, задержавшись на экзамене, опоздала на электричку, а следующая уходила только через полтора часа. Чтобы скоротать время, она позвонила Димке, и тот вызвался подвезти ее до бабушки. К тому времени он уже не скрывал наличия персонального водителя, хотя пояснил, что он дядин. Маша согласилась: ждать полтора часа на вокзале не хотелось, да и она соскучилась по Димке, которого тогда видела редко из-за выпускных экзаменов. Димка подобрал ее у вокзала и сообщил, что по пути они заедут к нему, потому что он что-то забыл дома. Маша и предположить не могла, что водитель отвезет их в охраняемый коттеджный поселок и высадит у большого двухэтажного особняка.

Димка, не слушая возражений, затащил ее в дом и познакомил с семьей. Сергей, Димкин дядя, оказался намного моложе, чем Маша представляла по обрывкам Димкиных рассказов. Он принял Машу немного настороженно, однако, понаблюдав за племянником в ее присутствии, как после сам признался, выдохнул с облегчением. В итоге у Маши

сложились вполне теплые отношения с Сергеем, что, кажется, бесило Димку, но не могло не радовать Машу, потому что Сергей был ей симпатичен. Еще у Димки была младшая сестра — типичная богатенькая девочка: худющая, в брендовых шмотках, в ушах сверкают сережки с какими-то камнями. Машу она едва удостоила взглядом, на миг оторвавшись от переписки на навороченном планшете, и удалилась в свою комнату. Сергей за нее извинился, но Маше стало неприятно. В тот момент она впервые осознала, какая же пропасть между ее миром и миром Димкиной сестры.

Она жутко обиделась тогда на Димку за то, что он столько месяцев притворялся кем-то другим, и за то, что ввел ее в свой дом так естественно, будто ей было там место. Даже высказала все эти претензии ему самому. Позже, уже на даче у бабушки. Думала, что они поссорятся, но Димка просто внимательно на нее посмотрел и уточнил, в чем конкретно проблема: в его доме, его семье или в нем самом? Маша, растерявшись от такой непривычной серьезности Волкова, не нашла что ответить. Он же как ни в чем не бывало отловил соседского котенка и принялся его гладить, приговаривая, что девочки иногда такие дуры, что лучше бы они были мальчиками. На этом конфликт был исчерпан.

Почему-то сейчас Маше очень захотелось вернуть тот момент — момент их первой «почти» ссоры. Как просто и беззаботно все было два года назад.

Чайник закипел. Маша налила кипятка в смесь кофе и сахара, размешала напиток и поставила чашку на стол перед распластавшимся грудью на столешнице Димкой. Он подтащил чашку почти к своему лицу, и у Маши в груди екнуло, когда кофе едва не выплеснулся ему на щеку. Однако Димка даже глазом не моргнул, медленно выпрямился и, задумчиво размешав остатки сахара в чашке, произнес:

— Я вчера себя как мудака повел, да?

— Есть такое, — не стала отрицать Маша.

— Прости. Я просто на «Рене» не был давно. Не ожидал.

— Дим, что случилось с твоими родителями? — Маша опустила на соседнюю табуретку, развернулась вполоборота к Димке и, опершись локтем о стол, подалась вперед.

Тот отклонился на табуретке до самого подоконника, но дальше прятаться было некуда.

— Сергей сказал, что у меня перегарище, — неловко заметил Димка.

— Есть немного, но жвачка перебивает. — Маша сделала вид, что не поняла намека, продолжая все так же вторгаться в Димкино личное пространство.

— Они пропали без вести. Три года назад. Пока ищут.

«Волкову только не вздумай сказать. Он этой идеей фикс уже три года всем мозги выносит», — зазвучал в Машиной голове голос Крестовского.

— Прости, — пробормотала она, садясь ровно. — Просто ты никогда не рассказывал...

Димка смотрел исподлобья и выглядел при этом одновременно злым и таким несчастным, что Маше стало жутко стыдно. Зачем она решила перепроверить слова Крестовского? Ведь понятно же, что они вправду хорошо знакомы.

— Мне неприятно об этом говорить, — наконец произнес Димка и, обхватив кружку обеими руками, сделал большой глоток.

Маша уже давно перестала удивляться его способности пить обжигающе горячие напитки. Сама она всегда разбавляла и чай, и кофе холодной водой или ждала, пока те остынут.

— Извини, — пробормотала Маша.

— Не, не извиняйся. Ты могла давно спросить, я бы сказал. Просто обсуждать это не хочу. Мне Сергея выше крыши хватает.

— Прости, а Сергей?..

— Сергей — младший брат папы. Сводный. Дед два раза женился. У отца и Сергея разные мамы. Они и не общались с отцом почти. Отец винил маму Сергея, что дед к ней ушел. Мы Сергея в детстве пару раз только видели, на юбилеях деда. А потом... три года назад, когда выяснилось, что других родственников у нас с Лялькой не осталось, Сергей оформил опеку. Я думал, что стукнет мне восемнадцать,

и я Ляльку на себя переоформлю, но там все сложно оказалось. Рожей я не вышел, чтобы быть опекуном.

Димка сделал еще один глоток. Маша смотрела на него расширившимися глазами, думая о том, насколько же просто живется ей. У нее ведь, по сути дела, кроме учебы, никаких трудностей.

— А что нужно, чтобы опеку передали? Доходы, наверное, самостоятельные?

— Да доходы есть. У нас с Лялькой пакет акций. Я должен быть... благонадежным, — угрюмо произнес Димка, крутя в руках кружку и глядя на вращение жидкости.

— А если ты бросишь курить, дебоширить?.. — не могла успокоиться Маша.

— Да пофиг, Машка. Даже если брошу, ну какой из меня опекун?

— Ну она же не грудной ребенок, в самом деле?! У вас все равно и повар, и домработница, и водитель. Тебе и дел-то не останется.

Димка поднял голову и некоторое время внимательно смотрел на Машу. Та лихорадочно перебирала в уме, что такого могла ляпнуть, чтобы вновь заслужить этот взгляд.

— Ну да, не останется. Точно, — произнес Димка и вновь отпил кофе. — Ты как вчера добралась? А то я свалил раньше, такси, кажется, взял. Не помню точно.

— Я... меня подвезли, — ответила Маша и неожиданно для самой себя покраснела.

— А, вроде дядя Лёва говорил, что автобус будет развозить, да?

У Маши было несколько секунд на размышление. Со-врать, что уехала на автобусе, и навсегда потерять Димкино доверие, если правда вскроется, или сказать правду и... опять-таки навсегда потерять Димкино доверие. Димка допил кофе одним глотком и вновь посмотрел на Машу. Когда Волков смотрел так пристально, это раздражало.

— Маш, там что-то случилось? — Димка отодвинул кружку и сложил руки на груди.

Маша молча кивнула.

— Что? — очень спокойно спросил Димка.

— Понимаешь, в автобусе я увидела, что тебя нет. Водитель сказал, что никто, кроме Крестовских, от пристани не отъезжал.

Маша принялась теревить ворот футболки, подыскивая слова. Димка перевел взгляд с ее лица на пальцы, мнущие ткань, потом опять на лицо:

— И? — спросил он, когда Маша замолчала.

— Я решила, что ты остался на яхте.

Он ничего не сказал, и ей пришлось продолжить:

— Я попросилась на яхту, но меня не пустили. Тогда мне пришлось позвонить Крестовскому, и...

— Что? — Димка подался вперед так резко, что Маша, отпрянув, едва не свалилась с табуретки.

— Я позвонила Крестовскому. У Захаровой номер взяла. И он приехал. Мы посмотрели на яхте. С ним меня пустили. Потом он подвез меня до дома. Все.

Маша закончила скороговоркой, чувствуя, что щеки пылают. Димка не мог этого не заметить, и Маша бесилась и готовилась перейти в наступление с первых же упреков. В конце концов, он сам ее бросил, а еще зачем-то представил своей девушкой, выставил дурой и вообще...

Димка медленно встал, отнес кружку к раковине и включил воду.

— Оставь. Я потом, — произнесла Маша, глядя в обтянутую футболкой напряженную спину.

Димка не обратил на нее никакого внимания. Тщательно вымыл кружку, поставил ее в сушилку и, подхватив с подоконника толстовку, вышел из кухни.

— Волков, ну хватит уже! — возмутилась Маша, выходя следом.

Димка уже шнуровал кеды.

— Что такого случилось? Мне надо было бросить тебя на яхте? Надо было вообще ничего не рассказывать?

Последние слова Маша договаривала уже в закрываемую дверь.

Глава 5

Ты исчезаешь отметкой с радара.

Роман так и не смог уснуть, хотя был уверен, что стоит ему добраться до постели, как он упадет и проспит минимум часов десять. Однако, войдя в пустую темную студию, он первым делом зачем-то побрел в зону кухни и включил кофемашину, приготовил кофе и, передумав его пить, вылил в раковину. Потом отправился в ванную, потому что ему вдруг пришла в голову идея погреться в теплой воде. Он не был уверен, что это поможет снять неприятную нервную дрожь, которая преследовала его весь путь до дома, но попробовать стоило.

В итоге Роман встретил рассвет, сидя на широком подоконнике с большой чашкой остывшего чая в руках. Он смотрел на то, как высотка университета проступает на фоне сереющего неба, и думал, что этот город так и останется ему чужим. Многополосные дороги, высотки, пробки...

Определенно не так представлял Роман свою жизнь еще год назад. Тогда он выбирал между Оксфордом и Кембриджем. Попасть и в тот, и в другой у него были все шансы. Кто-то, конечно, шутил, что элитное образование в его школе считалось элитным только из-за непомерной стоимости, но Роман прекрасно понимал, что так говорят лишь злопыхатели. Выпускники его школы имели наивысший средний балл и могли выбирать самые престижные колледжи Британии.

Но все его планы в одночасье рухнули год назад, во время семейной поездки в Инсбрук. Родители сообщили ему, что разводятся. Роман до сих пор помнил тот момент. Он как раз мимолетно удивился, что отец и мать подарили ему

отдельные подарки ко дню рождения, и даже почти успел открыть подарок мамы, когда она вдруг сообщила ему эту во всех отношениях потрясающую новость. Роман тупо смотрел на надорванную упаковку и пытался угадать по показавшемуся углу коробки, что внутри. Лишь бы не обдумывать то, что сказала мама.

— Рома, ты слышал? — уточнил отец, и Роман вновь нехотая отметил, что отец спросил по-русски, чего почти никогда не делал при маме.

Оказалось, что мама уже год как общается — они так это называли — с другим мужчиной. Общается! Будто Роману исполнилось не семнадцать, а семь. Он тогда смотрел на маму и пытался подумать о том, что у нее роман с каким-то мужчиной, но никак не получалось. Она была просто мамой: активной, веселой, увлекающейся живописью и любящей принимать гостей. Когда Роман был маленьким, кто-то из папиных русских друзей сказал однажды отцу: «Твоя Диана совсем непохожа на англичанку». Роман не очень понял тогда эту фразу, но на всякий случай обиделся, потому что мама не могла быть поддельной. Мама родилась и выросла в Энфилде, и Роман часть каникул обязательно проводил там с дедом. Ребенком он даже мечтал, что пойдет в местную школу, но отец был против.

И вот вдруг оказалось, что у его настоящей, неподдельной мамы есть другой мужчина, отец смотрит так, будто ничего хорошего в жизни уже не будет, а Роман стоит с наполовину развернутым подарком, и ему очень-очень хочется орать.

Он был уверен, что у них идеальная семья. Почти такая же, как была у Волкова. Родители никогда при нем не ссорились. Мама любила выходы в свет, отец старался ее сопровождать, если ему не нужно было лететь по делам на другой конец земного шара, а Роман сначала был на попечении нянь, всегда русскоязычных, что не очень нравилось маме, но было неременным условием, выдвинутым папой, а после — в школе. Так жили все его друзья, и Роман искренне считал, что семья Волковых, которые проводили все время вместе, — это какая-то утопия. Наверное, потому что они русские. Мама иногда говорила Роману: «Это в тебе русские

корни». Обычно фраза звучала в моменты, когда Роман делал что-то недопустимое. Например, когда сбежал из школы или же когда вдруг решил бросить теннис. После этих слов Роману всегда было немного стыдно, потому что из уст мамы это звучало как приговор. И он старался прятать эти самые корни, как мог. Хотя, признаться, понятия не имел, что именно должен прятать. Роман никогда не был в России. Вся его жизнь прошла за пределами родины отца. У судьбы же вдруг оказалось отменное чувство юмора, и свое совершеннолетие Роман встретил в Москве, вдали от друзей и привычной жизни. А мама даже не позвонила.

Роман сделал плоток остывшего чая и закутался в плед, устраиваясь поудобнее на широком подоконнике. Подоконник был единственным, что нравилось Роману в неуютной студии, которую отец купил к его приезду. Увидев фото своего будущего жилища, он правдоподобно изобразил энтузиазм, хотя до этого почему-то думал, что они будут жить вместе. Однако по здравом размышлении Роман понял, что отец молод и у него должна быть своя жизнь, а самому Роману, в конце концов, уже почти восемнадцать.

Первые ночи он совсем не мог здесь спать. Слушал британское радио, смотрел британские каналы, а потом волевым усилием заставил себя отключить спутниковую антенну, чтобы не было соблазна, и без того было плохо. Тогда же он понял, что, если бы знал заранее, насколько изменится его жизнь, вряд ли у него хватило бы духа пойти до конца. Поэтому Роман был рад, что принимал решение, находясь в счастливом неведении. Отцу нужна была его поддержка, и он хотел вернуться в Москву, потому что разом возненавидел все, связанное с Англией.

Роман искренне надеялся, что отец станет здесь счастливее. И вот прошло почти девять месяцев, а видимого эффекта пока не наблюдалось.

Взглянув на часы в сотый раз, Роман понял, что надеяться бессмысленно. Мама уже не позвонит, раз не позвонила до сих пор. Вот бы еще перестать наконец проверять пропущенные на мобильном. Он же вроде как уже взрослый, совершеннолетний, самостоятельный...

Телефон завибрировал, и Роман, вздрогнув, выплеснул остатки чая на подоконник. На экране высветилось лицо английского деда. С детства в картине мира Романа родственники четко делились на русских и английских.

— Как дела у моего взрослого внука? — Дед некогда был спортивным тренером, но, даже отойдя от дел, сохранил командный голос.

Роман отвел телефон от уха и уменьшил громкость звука.

— Все отлично. Как твое юное дарование?

— Ноет, как девчонка, — проворчал дед.

— Она и есть девчонка, — рассмеялся Роман, вспомнив соседскую Люси, восьмилетнюю оторву, от которой отказались все перспективные тренеры, после чего дед взялся с ней поработать из спортивного интереса.

— Пусть плачет от счастья, когда завоюет свою первую медаль и побьет на Олимпиаде всех русских.

Дед громогласно расхохотался. Роман не мог не улыбнуться. Эту шутку дед повторял, сколько Роман себя помнил. Увы, ни один дедушкин подопечный не смог добиться громкого успеха в фигурном катании. Много надежд дед возлагал на Романа, но тот в детстве часто болел, а когда наконец перестал, начал расти с такой скоростью, что на льду делать ему было нечего, поскольку ни о каком балансе и владении телом речи не шло. От безысходности дед предложил Роману попробовать теннис. Им-то Роман и занимался большую часть жизни, пока не переехал в Москву.

Дед стал рассказывать об успехах Люси, а слушавший вполуха Роман думал о том, что ему самому очень не хватает физической нагрузки. Надо бы поискать место, где можно будет хотя бы пару раз в неделю играть в теннис. Ему ведь не нужен серьезный уровень. Теннисист он весьма средний. Наверное, проблем с поиском корта не будет. Может быть, если окружить себя привычной активностью, станет не так муторно?

— Ну а что Диана?

Роман вынырнул из своих мыслей, услышав имя матери.

— М-м-м... Хорошо все. А что?

Дед некоторое время молчал, а потом непривычно тихо спросил:

— Не позвонила?

Роман почувствовал, как в носу зашипало.

— Да у меня же вчера вечеринка с друзьями была. Мо-жет, я просто пропустил.

— Сынок, — дед вернул голосу привычную громкость, — я, может, и старый, но не тупой. Если бы ты пропустил, то увидел бы ее звонок в пропущенных.

— Да ты круто разбираешься в современных технологиях, — неестественно громко рассмеялся Роман, а потом добавил: — Не бери в голову. Наверняка у нее есть причины.

— О да, — откликнулся дед. — Ладно, мне пора на партию века. Дженкинс хочет взять реванш за прошлый уик-энд.

— Порви его, — пожелал Роман и подумал, что он очень хочет в Энфилд, где каждый уик-энд вот уже больше пятидесяти лет его дед играет с мистером Дженкинсом в шахматы, и они оба ведут скрупулезный учет выигрышам и поражениям, каждый в своем ежедневнике.

Роман с детства помнил пухлый ежедневник в черной обложке, на котором золоченым тиснением было выдавлено: Austin Motor Company.

— Непременно порву, мой мальчик. И, знаешь, бросай ты к чертям эту Москву. У нас тут такая зелень вокруг, а там, поди, уже снег ложится.

Роман вздохнул:

— Здесь еще тоже тепло. Я пока даже без куртки хожу.

— Ну, это может говорить не о погоде, а о твоем здравом смысле, не так ли?

— Это да, может, — улыбнулся Роман, мечтая прямо сейчас оказаться в зеленом и таком родном Энфилде. — Спасибо, что позвонил. Напиши потом, как закончится партия века.

Дед пообещал сообщить результат, и Роман знал, что он обязательно сообщит. Питер Андерсон всегда держал свое слово и поступал по совести. В отличие от его никчемного внука.

Роман сходил за тряпкой, вытер чай с подоконника и подумал, что ему все же нужно поспать. Завтра новая учебная неделя, а значит, нужны силы — и моральные, и физические. Особенно после того, что он вчера натворил. Роман застонал, вспомнив вчерашний вечер. Вот бы отмотать время назад и не отвечать на звонок Маши Рябининой. За этим последовала неприятная мысль, что тогда ей пришлось бы до утра мерзнуть на причале. Роман вздохнул, понимая, что он круглый идиот.

Телефон вновь зазвонил.

— Ты там живой? — отец старался говорить бодро, как всегда делал в последние месяцы, но Роман чувствовал фальшь за милю, как хорошая гончая чувствует добычу.

— Живее всех живых, — отрапортовал Роман, — а ты?

— А что я? Это же не я вчера развлекался на яхте с девушкой.

Роман возвел глаза к потолку:

— Уже донесли?

— И притом разбудили. Ты в следующий раз с охраной договаривайся так, чтобы я о твоих похождениях не узнавал в девять утра в воскресенье, окей?

— Окей, — откликнулся Роман. — Ругать будешь?

— Да кто ж тебя, здоровый лоб, ругать будет? Главное — голову на плечах имей, чтобы потом не жениться в восемнадцать.

— Па-а-ап, ну хватит уже! — простонал Роман. — Ну мне же не десять лет.

— Да то-то и оно.

Отец замолчал, и Роман почувствовал, что он хочет что-то добавить. В трубке пошел сигнал второй линии. Роман взглянул на экран, и его сердце зачастило: мама. Роман завис, не зная, как поступить — сбросить звонок отца, когда тот явно решается о чем-то сказать, или ответить матери, звонка от которой он ждал вторые сутки?

— Рома, — голос отца в трубке звучал очень серьезно.

— Да, я здесь, — ответил Роман и, сбросив звонок мамы, зажмурился. — Я слушаю.

— Ты ведь был не с Юлей?

Роман шумно выдохнул. Он-то надеялся, что отец скажет что-то важное.

— Нет, не с Юлей. Она... устала вчера.

— Я так понимаю, прививать высокие моральные качества восемнадцатилетнему сыну уже поздно? — голос отца прозвучал устало.

— Пап, это вообще не то, о чем ты подумал...

— Да я еще ни о чем и подумать не успел. Я спал десять минут назад.

— Везет тебе, — вздохнул Роман.

— Так с кем ты был?

— С Машей. Помнишь, Маша Рябинина? Она с Вол...

— С девушкой Димки? Рома, ты там вообще берега потерял?

Отец заговорил тем тоном, которым распекал нерадивых менеджеров. Роман ненавидел этот тон с детства, потому что сразу начинал чувствовать себя никчемным и жалким. Сегодня это ощущалось особенно остро.

— Папа, я не идиот! — четко выговорил он. — Она попросила о помощи и...

— И ты должен был ответить, чтобы за помощью она обращалась к Димке! — отрезал отец.

— Я должен был бросить девушку ночью в беде?

— Нет, что ты! Разумеется, самым правильным было притащить девушку друга на яхту и устроить там романтический ужин. Это что за беда такая, которую только при свечах и можно решить? Хотя... чего еще можно ожидать от сына твоей матери?..

Это было хуже, чем пощечина. Роман в сердцах нажал на «завершение вызова» и, усевшись на пол, обхватил колени. Жутко хотелось плакать, но это было бы совсем жалко, поэтому он прокручивал в голове детскую считалочку, которой когда-то научила его Кэтрин, жена мистера Дженкинса, сказав, что это лучшее средство от слез. Оно помогло ему вот уже больше десяти лет.

Сообщение о пропущенном вызове продолжало висеть на экране. Роман сходил на кухню, умылся, выпил воды и, устроившись на высоком барном стуле, набрал номер мамы.

На шестом гудке мамин голос радостно воскликнул:

— Привет, солнышко! Как ты там?

Роман ожидал, что мама извинится, как-то объяснит свое вчерашнее молчание, что будет чувствовать себя виноватой. Ведь он ждал ее звонка вторые сутки. Но ее голос звучал так же весело и легко, как обычно, будто ничего не случилось. Будто можно вот так привязывать человека к телефону...

— У меня все отлично. Спасибо.

Роман и сам понимал, что говорит сухо, но ничего не мог с этим поделать, потому что он правда обиделся и до звонка матери даже не подозревал, насколько сильно.

— Роман, тебе не идет этот тон, — безапелляционно заявила мама. — Представляешь, я сегодня держала на руках детеныша кенгуру! Здесь недалеко есть что-то вроде приюта, где выхаживают кенгурят, которые остаются в сумках погибших матерей. Ты не представляешь, как часто здесь сбивают кенгуру. Кенгурята невероятно милые. И смотрят так серьезно. Один вообще был жутко на тебя похож. Такой же бука.

Роман положил телефон на барную стойку, включил громкую связь и, опершись локтями о столешницу, запустил пальцы в волосы. Ему очень хотелось сказать, что вчера у него был день рождения, что ему было очень важно, чтобы она позвонила, что она, черт побери, обещала приехать! Но вместо этого Роман смотрел на мамино фото, сделанное пару лет назад на борту «Рене», и слушал рассказ про то, как мама и Патрик нянчились с несчастными кенгурятами. В общем-то ничего необычного сегодня не произошло. Если быть до конца честным, мама и раньше могла надолго уехать и пропустить его день рождения, но хотя бы всегда звонила.

На экране засветился вызов от отца. Роман потянулся к телефону, и пальцы застыли в нескольких сантиметрах от экрана. Мама продолжала рассказывать о том, как чудесно в Австралии и сколько всего он пропустил, не согласившись поехать с ней, хотя, признаться, Роман не помнил, чтобы ему предлагали.

— Солнышко, ты все еще дуешься? — голос мамы звучал ласково и виновато.

Он как наяву видел сейчас ее лицо: в такие минуты оно становилось похожим на лицо юной девочки, немного капризной и очень милой.

— Не дуясь, — сказал Роман то, что она хотела услышать, и сбросил входящий.

— Ну и славно. Давай в следующий раз ты все же поедешь с нами? Патрик — удивительный человек. Вы понаравитесь друг другу. Он уже тебя любит. Дай ему шанс.

«Шанс на что?» — едва не спросил Роман. Он искренне не понимал, почему он должен давать какие-то шансы незнакомому мужчине, который разрушил их семью, отнял у него мать, уничтожил его отца, который виноват в том, что Роман торчит в чужом городе. Бабушка Аня, его русская бабушка, сказала, что нельзя винить во всем этого мужчину. Диана, мол, — взрослый человек, и ее невозможно куда-либо увести против воли. Но винить мать у Романа почему-то не получалось. Она была такой хрупкой, нежной, милой, так любила, чтобы о ней заботились и восхищались ею... Она была центром их семьи, вокруг которого все вертелось.

— Хорошо. — У Романа не были ни сил, ни желания говорить о Патрике.

— Спасибо, милый. Ну а как ты там на самом деле? — на этот раз в голосе мамы послышалась искренняя забота, и на Романа вдруг накатило все разом: мысли о чужом городе, дурацком университете, Волкове, его девушке...

Роман сглотнул и, выключив громкую связь, чтобы больше не видеть счастливую улыбку мамы, поднес телефон к уху:

— Все хорошо. Я уже привык. Здесь... весело.

— Отлично. Я очень за тебя рада. А как отец?

— А ты спроси у него сама, — ответил Роман, чувствуя, как на него наваливается усталость.

— Ладно, милый. Передавай Анне и Константину привет, когда будешь звонить. Целую.

Тон у мамы изменился. Роман не стал предлагать ей самой позвонить родителям отца. Это было бесполезно. У мамы там кенгуру и эвкалипты. Рай на земле.

Роман положил на барную стойку замолчавший телефон, потер лицо руками, понимая, что нужно непременно поспать, но вместо этого придвинул мобильный вновь и набрал номер английского деда.

— Да, мой мальчик, — бодро откликнулся дед. — Что-то случилось?

— Как партия века? — спросил Роман, гоня пальцами по столешнице пару кунжутных зернышек, невесть как пропущенных домработницей.

— Пока идет. Но я уже выигрываю по материалу.

Мистер Дженкинс что-то возмущенно сказал на заднем плане, дед злорадно рассмеялся.

— Слушай, а это ты сказал маме, чтобы она позвонила?

После секундной заминки дед проворчал:

— Делать мне больше нечего.

Но этой заминки Роману хватило.

— Ладно. Дженкинсам привет. Передай миссис Дженкинс, что я скучаю по ее тыквенным печеньям.

— А мы скучаем по тебе, сынок, — тихо сказал дед.

Роман кивнул, хотя дед и не мог этого видеть.

Вдруг дед разразился бранью, а Дженкинс расхохотался.

— Я перезвоню, сынок. Этот старый книжный червь считает, что нашел брешь в моей обороне.

— Нашел, нашел, — злорадно хохотал Дженкинс, и Роман представил, как он потирает свои большие смуглые руки.

— Пока, — сказал Роман, но дед оборвал связь раньше.

Стоило Роману положить мобильный на столешницу и отойти на пару шагов, как телефон зазвонил вновь. Из трубки донесся раздраженный голос отца:

— Роман, давай мы решим раз и навсегда: как бы мы друг на друга ни злились, что бы друг другу ни наговорили, мы никогда не будем сбрасывать звонки.

Роман устало потер лоб.

— Хорошо.

— Договорились?

— Да, конечно. Извини.

— Ладно. И насчет девушки Волкова...

Роман вздохнул.

— Ты меня слушаешь?

— Да, конечно.

— Вычеркни ее навсегда из списка девушек, на которых стоит обратить внимание. Я признаю, что она красивая и ножки у нее что надо, но давай ты не будешь делать глупостей?

Романа отчего-то покорило упоминание о Машиных ногах. Сразу вспомнился ее рассказ о бабушкином соседе и то, как это задело его вчера. Роман тряхнул головой, отгоняя неприятные мысли.

— Роман, ты меня слушаешь?

— Да, конечно.

— Ты обещаешь? Имей в виду, еще раз скажешь «да, конечно», и я решу, что ты там параллельно чем-то занят и меня не слушаешь вообще.

Роман запнулся на очередном «да, конечно» и произнес:

— Да, я обещаю, что проблем с Волковым не будет.

— Это не то, что я хочу услышать, Роман. Я уж молчу о том, что в своей картине мира я бы хотел, чтобы мои сыновья — крестный и родной — были вновь не разлей вода. Но хотя бы просто не влезай в отношения Волкова и его девушки. Я прекрасно понимаю, что Димка вчера зажигал с другой и Маша обиделась. Но тебя это не касается никоим образом. У девушек такая дурь в голове порой, что тебе и не снилось, поверь. Она может сейчас окручивать тебя, чтобы Волков позлился и повымаливал прощение. Плавали — знаем. Поэтому повторяю: держись от нее подальше.

— Папа, я тебя услышал, — четко произнес Роман, чувствуя, что вчерашняя дрожь вновь возвращается. Простыл он, что ли?

— Обещаешь?

— Да, конечно.

Отец фыркнул и, пожелав ему хорошего дня, отключился.

Роман обвел бездумным взглядом студию, решил, что надо сполоснуть чашки после кофе и чая, но вместо этого

направился на кухню и, порывшись в шкафчике, вытащил прописанное ему полгода назад снотворное. Он прибегал к нему в крайних случаях, ненавидя то, каким заторможенным бывал на следующий день, но выбора не было: его колотило все сильнее, и он понимал, что дрожь — нервная.

Запив таблетку водой из-под крана, Роман аккуратно завинтил крышку, убрал пузырек на место и выключил звук на телефоне. Несколько секунд подумал и написал сообщение Юле, чтобы та не беспокоилась. А потом, не раздеваясь, забрался в постель и, едва начав читать третью главу «Театра», вырубился на ближайшие восемнадцать часов.

Глава 6

Я остаюсь сиротой во вселенной.

Перед Сергеем Димка так и не извинился. Правда, хотел, но, вернувшись домой, обнаружил, что Сергей заперся в кабинете. Оттуда слышалось, как дядя разговаривает с кем-то на повышенных тонах, поэтому соваться под горячую руку Димка не решился.

В холодильнике лежала коробка с давешней пиццей и стояли контейнеры с едой: какая-то трава для Ляльки, отбивные, которые в неимоверных количествах мог потреблять Сергей, и Димкина любимая лазанья. Вынув контейнер с лазаньей, Димка сунул его в микроволновку. Пока еда разогревалась, он налил себе сока и, сделав глоток, подумал, что нужно все-таки поговорить с Лялькой. Если Сергей прав, то без Димкиной помощи тут реально не обойтись. Правда, Димка с трудом представлял, что он может сказать ей.

В доме было тихо. Лишь негромко тикали часы на кухне и изредка раздавался приглушенный голос Сергея из кабинета. Со второго этажа не доносилось ни звука. Лялька, как и он сам, всегда слушала музыку или смотрела фильмы в наушниках. С родителями было по-другому. Мама обожала музыку, и дома постоянно играли либо радио, либо ее любимые диски.

Димка допил сок и вытащил лазанью из микроволновки. Ему не стоило прикасаться к спиртному хотя бы потому, что из-за алкоголя на него накатывали воспоминания. Он вспоминал, как они жили раньше: как мама пела, пока готовила завтрак, а отец возвращался с пробежки, румяный и распаренный, и громогласно кричал: «Подъем, семья!», хотя чаще всего никто из них уже не спал.

Большую часть времени они жили в Лондоне, а в этот дом изредка приезжали на каникулы.

Димка уселся за стол и оперся локтями о столешницу, прижав ладони к вискам. Он совершил ошибку, когда решил перебраться сюда и перетащить Ляльку. Но в тот момент он не представлял себе, как входить в дом, где еще вчера смеялась мама и шутил над ними папа. Казалось, в Москве будет легче. Здесь не было фото, и Сергей позаботился о том, чтобы вещи родителей убрали. Димка, обнаружив это, устроил грандиозный скандал, и Тамара Михайловна, их домработница, еле успокоила его тогда, заверив, что все вещи хранятся в домике для персонала. Димка проверил. Правда хранились. Он даже стащил себе одни из отцовских часов. Прихватил еще для Ляльки мамины серьги, но так и не решился отдать, и они теперь лежали у него под матрасом.

Отсутствие фото и вещей не помогло. Память о родителях жила на каждом сантиметре пространства, хотя никто в этом доме о них никогда не говорил. Да, переезд сюда был ошибкой. Чудовищной. Такой же, как решение родителей лететь в дурацкий Инсбрук к Крестовским. Такой же, как отказ Димки лететь с ними. Пожалуй, последнее он не мог простить себе до сих пор. Казалось, полети он тогда — и все было бы иначе.

Димка поковырял вилкой в горячей лазанье и принялся есть прямо из контейнера. Сергей всегда бухтел по этому поводу и заставлял перекладывать еду в тарелки. Мол, нечего жрать как свинья. Хотя Димка несколько раз ловил дядю на том, что тот сам ест из контейнеров, только когда никто не видит.

Доев, Димка положил перед собой мобильный и некоторое время смотрел на него, потом решил включить. Стоило телефону загрузиться, как посыпались уведомления. Машка трижды звонила и оставила восемь сообщений в мессенджере.

Димка очистил чат, не читая, перезванивать тоже не стал. Он не снимал с себя вины за то, что повел себя как придурак и бросил ее на яхте Крестовского, но в его голове никак не могло уложиться, что Машка позвонила Крестовскому

и тот еще потом повез ее домой. Персональный кошмар Дмитрия Волкова начал оживать.

Откинувшись на спинку кухонного диванчика, Димка вспомнил день, когда увидел Крестовского в универе. Нет, он, конечно, сам виноват. Если бы он не отделялся от дяди Лёвы короткими отписками, то знал бы, что несравненный Крестовский возжелал учиться на исторической родине. Хотя какая, к черту, родина? Это Димка появился на свет в одном из московских роддомов. Крестовский же осчастливил мир своим появлением в Лондоне. Поэтому Димку отдельно бесило его внезапное желание учиться в отцовской альма-матер. До того дня он даже не задумывался, что дядя Лёва сам учился здесь же, а значит, закономерно, что и Ромка может решить сюда перевестись.

Он очень хорошо помнил тот день. У Андрея не завелась машина, и Димке пришлось добираться на такси, поэтому начало первой лекции он пропустил и остаток ее проторчал в коридоре, играя в телефоне, потому что препод по философии опоздавших не пускал.

Машка вышла из аудитории одной из последних, привычно наехала на него за прогул и, не дожидаясь оправданий, сообщила:

— У нас новенький.

— Красавец-раскрасавец? — пошутил Димка над сердитой Машкой.

— Да обычный. Сноб, как и все вы, — фыркнула она.

Димка собирался было обидеться, но тут из дверей выпорхнула Шилова, а за ней...

Если бы в тот момент над его головой завывла пожарная сигнализация или затарахтел вертолет, Димка не услышал бы: в ушах шумело так, что он всерьез решил, что грохнется в обморок.

Крестовский обогнал его в росте, но, к сожалению, не начал сутулиться, как это часто случается с теми, кто резко вырос. И еще он больше не носил очков. А в остальном выглядел так же, как и раньше. Знакомо до зубовного скрежета. Он, кажется, тоже не ожидал встречи. Вероятно, дядя Лёва решил устроить им обоим сюрприз. Крестовский

замер в дверях с идиотским выражением лица. Шилова потянула его за рукав в сторону Димки, который, к счастью, к тому моменту уже начал слышать.

— Дима, это Рома. Он будет у нас учиться. Он только четыре дня назад прилетел из Лондона. Прикинь, до этого в Москве даже не был. Пока не колетса, за что сослали.

Крестовский смотрел так растерянно и вопросительно, будто всерьез ждал, что Димка разрулит ситуацию: видимо, если человек — идиот, то это со временем не проходит. Затем он неловко протянул руку и, похоже, вправду думал, что Димка ее пожмет.

— Шилова, у тебя резко вкус испортился? — бросил тогда Димка, хотя понимал, что это звучит тупо.

Крестовский сжал ладонь в кулак так, что побелели костяшки, и спрятал руку в карман пиджака. В этот момент в его спину кто-то врезался, и этот клоун извинился. Причем по-английски. Послышался хохот, кто-то ответил Крестовскому тоже по-английски. Димка не стал дожидаться развязки, закинул рюкзак на плечо и пошел прочь по коридору, подумав, что машина у Андрея утром не завелась неспроста. Нечего было сюда приезжать. Догнавшая его Машка начала выпытывать, что случилось, а Димка, вместо того чтобы рассказать всю правду, почему-то пошел в отказ. И все следующие месяцы упорно продолжал игнорировать Машкины расспросы.

Девушкам Крестовский нравился. Красивый, типа живет, опять же, один, насколько Димка понял. Воспитанный до зевоты. Ни одного занятия не пропустил. Даже с температурой таскался, пока сердобольная Шилова не объяснила ему, что он может взять больничный, и не дала телефон клиники. Димка и рад бы был не знать столько о жизни Крестовского, но оно как-то само узнавалось. Он даже всерьез хотел перевестись в другую группу, но потом решил, что уж лучше пусть этот придурок переводится. Еще подумывал устроить Крестовскому адскую жизнь, благо средств было хоть отбавляй. Крестовский так серьезно относился к правилам, что не подставил бы его только ленивый. Но эта мысль надолго не прижилась. Димка и сам не знал почему.

Наверное, потому что ему тошно было даже смотреть лишний раз в сторону Крестовского, поэтому он делал вид, что никакого Крестовского в природе не существует. Дядя Лёва поначалу писал Димке, даже звонил пару раз, и Димка в ответ обещал тому присмотреть за ненаглядным дитятком, но, естественно, даже пальцем не пошевелил, чтобы выполнить это обещание. Из-за чего Крестовский, кажется, один раз опоздал с отцом то ли в оперу, то ли на балет, потому что посеял телефон, а Димка, когда дядя Лёва не смог дозвониться до сынули, не стал передавать сообщение.

Только на физре игнорировать Крестовского не получалось. Машка была уверена, что он специально сбивал этого придурка с ног, но это было не так. В Димку словно что-то вселялось. Он, даже не глядя, знал, где в этот момент находится Крестовский. И рад был бы не обращать внимания, но что-то словно гнало его в тот же край зала — задеть плечом, толкнуть корпусом.

Для человека, который профессионально занимался теннисом столько лет, Крестовский на удивление плохо управлял своей тушкой. Во всяком случае, Димке, несмотря на разницу в росте, почти всегда удавалось его сбить. Машка злилась и пилила, говорила, что это неспортивно и некрасиво, но по-другому Димка не мог. Крестовский молча выслушивал аханья девчонок над его стертыми коленками и локтями и ни разу никому не пожаловался. А Димка ведь так этого ждал. Но этот гад всегда все портил.

Димка налил себе еще сок и залпом выпил, чувствуя, что в крови бурлит азарт. Это было гораздо лучше, чем обреченно думать о том, что мама никогда больше не будет петь на этой кухне. Не давая себе шанса передумать, Димка пододвинул телефон и принялся рыться в записной книжке, хотя прекрасно знал, что телефона Крестовского у него нет. Дядя Лёва присылал когда-то номер, но Димка удалил СМС не глядя. Он попробовал поискать на «Р», попробовал на «К» и еще на несколько букв, которыми начинались ругательства. Пусто.

— Ладно, — пробормотал Димка и набрал Мокрову, хотя понятия не имел, чем закончилось его вчерашнее общение с ней.

Мокрова трубку не взяла. То ли дулась, то ли до сих пор отсыпалась. А может, зажигала в клубе. Димка смутно помнил, что она предлагала пойти в клуб. Вот только он не помнил, сегодня они должны были идти или вчера. Пришлось звонить Шиловой.

Звонить Шиловой Димка не любил и делал это только в крайних случаях. В памяти все еще были свежи наивные попытки Юльки заполучить его в качестве парня. Станный все-таки у Шиловой вкус. Или же он вправду у нее отсутствует.

— Чего тебе? — с ходу спросила Шилова.

— И тебе здравствуй, солнце, — бодро сказал Димка. — Я там сильно Катьку вчера обидел? А то я ей звоню, а она трубку не берет.

— Она с родаками уехала к бабушке. Может, телефон забыла. А может, не хочет тебя видеть, — мстительно закончила Шилова.

— Ну, это по-любому придется. Разве что ей диплом экстерном дадут. А я прямо вчера был так плох?

— Да не парься, я пошутила. Лев вчера ее домой подвез и тебя — тоже, насколько я поняла.

Димка хмыкнул. О том, что его довез до дома дядя Лёва, он понятия не имел.

— Ладно, я передам Катерине, что ты звонил. Если еще что-то, говори, а то у меня тесто опадет.

— Что у тебя опадет? — опешил Димка.

— Господи, Волков, быстрее излагай, что хотел, и мы с бабушкой крендельки будем делать.

— Юлия, ты поразила меня в самую печень. Крендельками, поди, Крестовского кормить собралась?

— Ну уж точно не тебя.

— А что так?

— А твои крендельки уже тю-тю...

Юлькин голос звучал до безобразия жизнерадостно.

— Ладно, не буду отвлекать тебя от крендельков. Пришли мне номер Крестовского.

В трубке наступила тишина.

— Эй, Юла-а-а, — позвал Димка, не дождавшись ответа.

— Зачем тебе? — в голосе Шиловой звучало подозрение.

— Порчу на него нашлю через оптоволокно, — объявил Димка. — Пришли, будь другом.

Он первым сбросил вызов и, положив телефон перед собой, стал ждать. Черт! Он ведь знал, что рано или поздно так случится: сначала Шилова сменила курс, в считанные дни став девушкой несравненного Крестовского, теперь Машка... Димка подхватил со стола пустой контейнер и собрался от души шарахнуть им о стену, пусть даже ценой уборки, но в это время на пороге кухни появился Сергей. Кажется, он верно оценил замах, потому что буднично произнес:

— Я тоже не люблю контейнеры, поэтому и предлагаю есть из нормальной посуды.

Димка поставил контейнер на стол и налил себе еще сока. Сергей открыл холодильник и, нахмурившись, обернулся к Димке:

— Лена не ела?

Димка обалдел, когда понял, что Сергей реально отслеживает исчезновение еды в холодильнике. Интересно, он всегда был таким или это неожиданное опекунство превратило его из человека в терминатора?

— Не знаю. Я только что пришел.

Сергей бросил взгляд на его пустой контейнер. И хотя он ничего не сказал, Димка сообразил, что сам-то он, придя домой, поел, но даже не подумал позвать к столу кого-то еще. Они вообще крайне редко ели все вместе, и это всегда происходило по инициативе Сергея. От этого озарения Димке вдруг стало необъяснимо стыдно.

— Я за ней схожу, — пробормотал он и, не дожидаясь ответа дяди, вышел из кухни.

На двери Лялькиной комнаты висел знак «Не влезай — убьет», и это предупреждение было вполне обоснованным. Димка постучал, однако ответа не последовало. Он постучал еще раз, немного подождал и открыл дверь.

В темноте мерцал экран монитора. Ляльки не было видно из-за широкой спинки кожаного компьютерного кресла. Пахло Лялькиными духами и какими-то ароматическими

палочками. Димка привычно показал неприличный жест толпе японских мальчиков, которые, попав в полосу света из коридора, призывно смотрели на него с постера над кроватью, и прошел через всю просторную комнату к стоявшему напротив окна столу.

Комната Ляльки выходила окнами на небольшой пруд. В детстве Димка очень хотел ее себе, но отец настоял на том, что «мужчина должен уступать». Тем более сестре. В отличие от Димкиного вечного бардака, здесь была стерильная чистота и казалось, что вообще никто не живет. Особенно Димку напрягали полностью пустые книжные полки. Учебников у Ляльки не было, потому что она занималась по какой-то хитрой программе, и они у нее были в электронном виде, а обычные книги она не читала. Немного спасали ситуацию разве что японские мальчики, улыбавшиеся со стен.

Димка облокотился о спинку кресла, и Лялька испуганно подскочила, когда оно качнулось.

— Придунок! — прошипела она. — Испугал.

Димка не стал огрызаться, потому что, как и Сергей, прекрасно понимал, что Лялька называет его так не потому, что хочет всерьез обидеть, а потому что не знает, как общаться с людьми. Бедный ребенок.

— Ляль, — Димка протянул руку и потрепал сестру по макушке, — пойдем поужинаем.

Лялька дернулась от его прикосновения и, стащив с головы массивные наушники, остановила какой-то видеоклип. На этот раз — для разнообразия — с участием европейских мальчиков. Потом развернулась вполоборота и посмотрела на него снизу вверх.

Димка сглотнул, во второй раз за сегодняшний день уловив ее сходство с мамой, и сделал еще одну попытку:

— Мы так и не пообедали сегодня нормально вместе. Пойдем поужинаем?

Лялька вновь ничего не ответила, и Димка вдруг понял, как же тяжело Сергею.

Он обошел кресло и присел на корточки перед сестрой.

— Ляль, поговори со мной. Пожалуйста.

— О чем? — неожиданно спросила Лялька. — У нас есть общие темы?

— Не знаю. Но, может, найдем? Ну, вон хоть аниме твое? Я могу посмотреть. Ссылку мне кинь.

— Дим, ты правда тупой или прикидываешься? — очень серьезно спросила сестра. — Думаешь, я пишу от удовольствия, обсуждая аниме с Сергеем? Если уж он несет такую чушь, я представляю, чего ждать от тебя. Ты хочешь поужинать, потому что девятое еще не закончилось и Сергей тебя прессует. Да не вопрос. — Она резко оттолкнулась пятками от пола, откатив кресло к кровати, подальше от Димки, и встала.

Димка последовал ее примеру. Ему было обидно, немного стыдно, а еще у него снова начала болеть голова. Никудышный из него брат. И человек — тоже. Сергей умудрился найти подход к Ляльке, а он... Впрочем, как выяснилось, Сергею Лялька просто подыгрывала.

Сестра остановилась в дверях и, обернувшись, произнесла:

— Ты только ему не говори. А то он старается.

— Боишься, что перестанет? — хмыкнул Димка.

— Боюсь, что ему надоест играть в доброго дядюшку и он сдаст меня в детдом или пансионат какой-нибудь.

Димка удивленно завис:

— Ты серьезно? Ты правда считаешь, что он может?

Самому ему никогда не приходило подобное в голову. Даже в минуты, когда Сергей орал на него до сорванного голоса.

— Я ему никто. Племянница, которую он видел полтора раза до всего этого. Я не хочу проверять, — тихо закончила Лялька и вышла из комнаты.

Димка отмер и бросился за ней, догнав у самой лестницы.

— Подожди. — Он дернул ее за локоть, разворачивая к себе. — А я? Ты про меня вообще не думаешь? Мне уже восемнадцать. Я могу...

— Что ты можешь? — Губы Ляльки презрительно скривились. — Ты только бухать можешь да за Машкой своей таскаться, как собачонка.

Димка отшатнулся, выпуская ее руку:

— Ты что несешь?

— А что, я неправа?

Она была неправа, но, блин, Димка понятия не имел, как ей это доказать.

— Дура ты! — в сердцах выпалил он и, развернувшись, отправился в свою комнату. Эхо от того, как он хлопнул дверью, прошло, наверное, по всему дому.

Плюхнувшись в кресло, Димка подтянул ноги к груди и обхватил колени. Он уже жалел, что обозвал Ляльку. Она-то пусть, что с нее взять? Но он-то взрослый. Димка уткнулся лбом в колени и застонал сквозь зубы:

— Достали все! Ненавижу.

Фраза против его воли закончилась всхлипом.

Рыкнув, Димка стукнул кулаком по подлокотнику так, что рука занемела. Никто не воспринимает его всерьез? Ну и черт с ними.

В памяти всплыло безмятежное лицо Крестовского. Он, значит, бегает за Машкой, как собачонка, а Крестовский ее вечерами на машине катает?

Димка вытащил мобильный из кармана джинсов и увидел сообщение от Юлы: «Спалишь, что я дала, убью». И номер телефона.

— Не спалю, милая, — пробормотал Димка, нажимая «набрать номер».

Пока шли гудки, он, вскочив с кресла, метался по комнате, чувствуя, как сердце колотится о ребра. В крови снова бурлил азарт, и Димка предвкушал, сколько приятных мгновений ждет сейчас Крестовского.

Однако в трубке раздавались лишь длинные гудки. Димка повторил вызов. Потом еще раз. Подлец Крестовский на звонок не ответил. Видимо, его величество не отвечает, если номера нет в списке контактов. Димка схватил со стола ноут и, усевшись на кровать, ввел пароль. В спешке ошибся раз, потом второй. Выругался сквозь зубы и, выдохнув, набрал пароль буква за буквой.

Задавая в поиске в соцсетях «Роман Крестовский», он вправду чувствовал себя придурком и оттого злился с каждой секундой все больше.

Глава 7

Я, замерев, ожидаю удара.

В метро Маша еще раз проверила мобильный. Ее сообщения Димка так и не прочел. И не перезвонил. Маша одновременно и злилась, и расстраивалась. Ну что ему взбрело в голову? Ведь ничего же они с Крестовским такого не сделали.

Почему-то эта фраза, оформившись в голове, Машу смутила. Даже щеки начали гореть.

Мама, стоявшая рядом в переполненном вагоне, изловчилась поднять руку и коснулась ладонью Машиного лба.

— Ты не заболела?

Маша помотала головой, зачем-то вновь думая о Крестовском и краснея от этого еще больше.

«Да отчего там краснеть-то?! — сердилась она. — Ну посидели в ночи, поужинали при свечах...»

Маша выдохнула и зажмурилась. Она до этого ни с кем не ужинала при свечах. Это, конечно, не превращало Крестовского в кого-то особенного, но воспоминания о самой обстановке на палубе волновали. Наверное, потому что в ее сознании ужин при свечах означал романтическое свидание. Конечно, в реальности это было не так, но краска продолжала заливать щеки.

Чтобы отвлечься от глупостей, Маша решила проанализировать то, что она знала о Крестовском. Именно знала, а не додумала.

Выходило, что не так уж и много. Да, она наблюдала за ним все эти месяцы, потому что на него нервно реагировал Димка, но до вчерашнего вечера ни разу с ним не говорила, за исключением приветствий по утрам. Впрочем, утренние приветствия в их группе были формальными

и безадресными. Любопытно, входящий громко здоровался, а отвечали ему выборочно. Машу и ботана Валерку, бывало, игнорировали. Крестовский отвечал всегда и всем в силу того, что был просто хорошо воспитан. Маша же, к своему стыду, здоровалась с ним в ответ, только когда Димки не было рядом, успокаивая себя тем, что Крестовский все равно вряд ли слышит, кто и что там ему отвечает.

Итак, она знала, что Крестовский живет один. Недалеко от универа. Ходит на занятия пешком или — изредка — ездит на такси. Носит рубашки и пиджаки, в то время как большинству плевать на дресс-код. В дни, когда светит солнце, меняется местами с Шиловой. То ли он вампир, то ли Шилова сама просится пересесть за солнечную часть парты. Сдаёт все работы в срок и всегда ввязывается в научные проекты, но последнее, кажется, просто потому, что не догадывается: это делается по желанию. Пользуется библиотекой и периодически теряет мобильный телефон. Всегда выключает звук мобильного на занятиях, но иногда на лекциях с кем-то переписывается, по-дурацки при этом улыбаясь, чем раздражает Шилу. Со всеми в общем-то вежливо-нейтрален, но смотрит и отвечает обычно так, что общаться с ним все почему-то побаиваются. Кроме Шиловой и ее свиты. Но там все понятно.

Маша вспомнила, как Шилова познакомила Крестовского с Димкой. Димка, несмотря на периодически проявляющуюся социофобию, большей частью был довольно приветлив, поэтому Машу очень удивило, когда он вдруг сказал что-то резкое и ушел. Впрочем, Крестовский тоже протянул тогда руку не сразу и с таким видом, будто одолжение делает. Маша думала, что Димку тогда зацепило именно это — царственно протянутая для рукопожатия ладонь, а теперь выяснилось, что они давно и хорошо знакомы. Выходит, между ними что-то произошло. Как бы теперь узнать, что именно?

Метро выплюнуло толпу спешащих пассажиров, и Маша, застегивая на ходу пиджак, почти бегом бросилась за мамой, искренне поражаясь, как та умудряется так быстро ходить на неизменных каблуках. Поднимаясь вслед за мамой

по лестнице, Маша размышляла о том, почему природа пошутила, передав ей самой больше отцовских генов. Она хотела бы быть такой же яркой и красивой, как мама. А еще мама была очень уверенной в себе. Маше же уверенности ох как не хватало.

Сегодня они, против обыкновения, не разговаривали. Мама торопилась в ректорат, Маше же торопиться было некуда, но она все равно почти бежала за компанию с мамой. На подходе к учебным корпусам они пожелали друг другу хорошего дня, и Маша привычно отстала. Ни для кого не было секретом, что она дочь Ирины Петровны Кротовой. Однако входить с мамой в здание чуть ли не за ручку было бы слишком.

Мама скрылась в корпусе, а Маша, постояв немного у крыльца, еще раз проверила мобильный и все же решилась позвонить Димке.

К ее удивлению, после первого же гудка в трубке раздалось резкое:

— Да!

— Ой, — растерялась Маша, — привет. Не клади трубку, ладно?

— Ну?

— Дим, пожалуйста... я понимаю, что ты психуешь, но давай просто поговорим, а?

— Ты где?

— Перед корпусом. Маме нужно было раньше. Я с ней за компанию...

Димка некоторое время молчал, а потом вдруг спросил:

— Машка, он тебе нравится?

— Кто? — Маша сделала вид, что не понимает, о ком речь.

— Ромео наш недоделанный.

— Ты про Крестовского?

— Ну разумеется!

— Волков, — Маша начала всерьез злиться, — я не знаю, что ты там в себя влил или получил каким-то еще способом на яхте, но это явно не пошло тебе на пользу.

— Что за намеки? — тут же взъерепенился Димка. — С чего вы все думаете, что я что-то употребляю?

— Потому что ты ведешь себя как неадекват! — рывкнула Маша.

— Мария, — раздался рядом голос преподавателя философии.

— Извините, Пётр Никифорович, — пробормотала Маша и, понизив голос, продолжила: — Я тебя искала! Я за тебя волновалась, дурак ты психованный!

Маша сбросила вызов и яростно отвернулась от крыльца, собираясь пройтись вокруг корпуса, чтобы успокоиться. Лицо горело. И это было хорошо, потому что она все равно покраснела бы: в метре от нее стоял Крестовский, которого тоже зачем-то принесло на учебу на полчаса раньше.

— Доброе утро, — буднично сказал он.

Маша некстати вспомнила, как разоткровенничалась с ним вчера и, сгорая от стыда, пробормотала:

— Доброе.

— Ты с Волковым сейчас разговаривала? — неожиданно спросил Крестовский, хотя мог бы, как порядочный человек, сделать вид, что не слышал ее разговора.

— А тебе-то что? — огрызнулась Маша.

Крестовский сделал шаг назад и выставил руки ладонями вперед.

— Понял. Не в тему.

Маше стало неловко. Сама ведет себя ничуть не лучше Волкова. Крестовский же не виноват. Это она его вчера из дома выдернула, отвлекла от гостей, напрягла...

Крестовский явно собрался уйти, а Маша вдруг поняла, что они сейчас вернутся к их привычному общению, то есть к полному отсутствию общения, и у нее не будет больше возможности ничего выяснить. Волков точно не расскажет, раз за столько месяцев не раскололся.

— Что произошло у вас с Димкой? — напрямую спросила она.

Крестовский прищурился и некоторое время молча ее разглядывал. Маша отметила, что выглядит он сегодня как-то непривычно. Только она не могла понять, в чем именно это выражается.

— А он тебе не рассказал? — медленно произнес Крестовский.

Маша неохотно покачала головой.

— Но вы же вместе, так? — все еще разглядывая Машу так, будто видит в первый раз, спросил Крестовский.

— Ну, в какой-то мере, — ответила она и сложила руки на груди, потому что под внимательным взглядом Крестовского было неудобно.

— Если Волков не рассказал, значит, не хотел рассказывать, — вдруг выдал Крестовский. — Ничего личного. Извини.

И, обойдя стоявшую на тропинке Машу, направился к ступеням.

— Стоять! — от неожиданности Маша обратилась к нему так, как могла бы обратиться к Димке.

Крестовский остановился и, медленно повернувшись, уточнил:

— Это же собакам так командуют? Как stand, да?

Маша растерянно моргнула и, не успев подумать, согласнo кивнула.

Крестовский несколько секунд смотрел на нее с очень странным выражением лица, а потом молча развернулся и взбежал по ступеням. Маша с хныканьем запрокинула голову. Ей жутко хотелось зарыдать по-настоящему. «Да что ж за день такой?» С этой мыслью она потащилась вокруг корпуса, ежась от прохлады, но твердо намереваясь гулять до звонка, потому что от мысли, что в кабинете сидит Крестовский, становилось дурно. А еще с новой силой захотелось убить Волкова. Это он во всем виноват!

Волков позвонил, когда она нарезала пятый круг вокруг здания.

— Ты где?

— За корпусом, — буркнула Маша и отключилась.

Димка появился через минуту. В ярко-красной толстовке с капюшоном и солнцезащитных очках в пасмурный день он выглядел на территории вуза вызывающе и неуместно. Интересно, если бы он плохо учился, стали бы его

терпеть с учетом его денег или нет? Впрочем, интерес был чисто академический: учился Димка на удивление хорошо.

Димка остановился, не дойдя до Маши пару шагов. Засунув руки в карманы джинсов, он молча стоял напротив нее, и из-за дурацких очков Маша понятия не имела, в каком он настроении.

— Солнце сегодня так и слепит, — указала она на затянутое тучами небо.

— Солнце — нет, а вот твоя несравненная красота — еще как.

— Волков! — Маша прищурилась.

Она терпеть не могла, когда Димка шутил по поводу ее внешности. Она все прекрасно знала о своей «несравненной красоте», и Димка с его внешностью мальчика с глянцевого обложки должен был бы испытывать стыд за такие реплики, но, похоже, не испытывал.

Волков вздохнул и, скинув капюшон, поднял очки на макушку. Спал он сегодня, видимо, опять паршиво.

— Ты что за балаган устроил, Дима? — стараясь говорить спокойно, спросила Маша. — Я не знаю, что там за терки у тебя с Крестовским, но давай так: либо ты объясняешь, в чем дело, чтобы я хотя бы понимала, за что меня тут линчуют, либо катись на фиг!

Когда она это говорила, внутри все противно ныло, потому что вероятность того, что Димка просто «покатится на фиг», стремилась к абсолютной. Маша до сих пор не понимала, почему они дружат, зачем ему она. Ладно бы его и правда потянуло на экзотику и он решил на время оставить гламурных девочек, так нет же: гламурные девочки из его жизни не исчезли, а в их с Машей отношениях так и не появилось никакого подтекста, хотя в первые месяцы после знакомства она этого ждала. Одновременно боялась и хотела. Наверное.

— А ты хочешь, чтобы мы перестали общаться? — Димка смотрел очень серьезно. Почти как Крестовский вчера, когда она рассказывала ему о бабушкином соседе.

— Нет, — нехотя ответила Маша.

— Тогда просто прекрати общаться с Крестовским. И все.

— Но что у вас случилось, ты не скажешь?

Волков молча развернулся и пошел туда, откуда явился.

— Стоять! — рассердилась Маша.

— Сама «стоять», — откликнулся он и, сорвавшись с места, бросился вперед.

— Ах ты... — Маша рванула следом.

Догнать Волкова был непростой задачей, однако вереница студентов и преподавателей, тянувшихся к главному входу, вынудила его притормозить. Маша использовала этот шанс по полной. Схватив остановившегося поздороваться с кем-то Волкова за рукав, она просунула руку ему под локоть и ущипнула паразита за бок. Волков дернулся, однако не издал ни звука. Его попытка вырвать руку успехом не увенчалась: Маша вцепилась как клещ.

— Я сегодня буду разделявать тебя по частям, — пообещала она и вновь ущипнула его за бок. — Ты меня достал.

— Блин, Рябинина, что я девушке своей скажу? — произнес Димка, встраиваясь в поток студентов.

— Это Мокровой, что ли? Скажешь, что это ее рук дело. Вы все равно в таком состоянии оба были, что она и не вспомнит.

— Ты заноза.

— Сам такой.

На крыльце Димка неожиданно оттащил ее от двери к самому парапету и негромко сказал:

— Рябинина, я не шучу: либо я, либо он. Дружбы на троих не получится. Имей в виду.

— Господи, Димка, ну что ж ты такой дурак бываешь? Да я с твоим Крестовским парой фраз в первый раз за столько месяцев перекинулась. А ты такое раздул.

Взгляд Димки наконец стал виноватым. Помолчав, он произнес:

— А о чем вы говорили?

— Да так, — пожала плечами Маша. — Я фото в каюте увидела. Там ваши родители были. Он сказал, что они дружили. Ну и так по мелочи.

Взгляд Димки тут же стал колючим.

— Что еще говорил?

— Да больше ничего особенного.

— Маш, есть у Крестовского очень неудобная для жизни черта, — со вздохом произнес Димка. — Он не умеет врать. Я ведь могу и у него спросить.

— Придурок ты, Волков. Если бы ты так вокруг него не скакал, я бы в его сторону вообще не посмотрела. Ну пришел новенький и пришел. Учится, никому не мешает. Так нет же...

Машу в самом деле достали эти пляски вокруг Крестовского. А еще ей вдруг стало страшно, что если Димка не врет, то Крестовский может рассказать про бабушкиного соседа. Как потом объяснить, почему она рассказала ему такие личные вещи?

Маша решительно направилась ко входу в здание, бросив Волкова одного. Пусть прогуливает, если ему хочется. Она опаздывать не собиралась.

Первым занятием шел английский. Мама в кабинете еще не было, группа же почти в полном составе сидела на своих местах. Крестовский поднял голову, когда услышал Машино приветствие, однако ничего не сказал. Вероятно, до сих пор не мог простить слова «стоять». Признаться, Маше было жутко неловко за это нелепое обращение, но сделанного не воротишь.

Она прошла к своей парте и, стараясь не смотреть в сторону Крестовского, выложила на парту «Театр», тетрадь, ручку. Кабинет английского был длинным и узким, поэтому столы были расставлены в два ряда: у окон и у стены. Крестовский сидел за третьей партой у окна. Маша с Димкой — за третьей партой у стены, так что стоило Маше занять свое место, как Крестовский прочно обосновался в поле ее зрения, и не замечать его почему-то было очень сложно.

Димка вошел в аудиторию и, не снимая с плеча рюкзака, направился в сторону Крестовского. В кабинете разом наступила тишина. Маша в оцепенении смотрела на то, как Димка подходит к читающему «Театр» Крестовскому и молча опирается ладонями о его парту. Крестовский оторвался от чтения и поднял вопросительный взгляд.

— На пару слов, — на удивление миролюбиво сказал Димка.

Крестовский, отодвинув книжку, встал и послушно вышел за Димкой из кабинета.

Все рванули к двери. Пожалуй, местный театр будет интересней моэмовского! В эту минуту прозвенел звонок, и проходивший мимо кабинета препод философии демонстративно захлопнул дверь перед носом любопытствующих.

— Машка, что у них стряслось? — налетели на нее одноклассники.

Маша в ужасе подумала о том, что не умеющий, по словам Димки, врать Крестовский сейчас сдаст ее с потрохами. Отмахнувшись от дергавших ее за рукава одноклассниц, она бросилась в коридор.

Крестовский и Волков стояли недалеко от двери и выглядели так, будто любое неосторожное движение может спровоцировать начало боевых действий. Маша на миг замерла, а потом решила, что уж лучше сейчас утащить Волкова, выслушать его ор, а затем надавить на чувство вины, которое в нем можно вызвать очень легко, чем расхлебывать последствия своей неуместной откровенности.

— Дима, пойдем, пожалуйста, — произнесла Маша, вклиниваясь между юношами.

— Пять сек, — отмахнулся Димка, не глядя на нее.

— Нет уж, разбирайтесь сами, — подал голос Крестовский, вероятно, в продолжение их разговора и развернулся, чтобы уйти.

— Стой. — Димка дернул его за плечо и тут же отступил, когда Крестовский крутанулся на месте. — Скажи-ка мне, чем вы занимались на яхте с Машей?

Машино сердце оборвалось, когда Крестовский перевел на нее нечитаемый взгляд.

— Я уже тебе говорила... — начала она.

— Маша, помолчи, будь добра. — Димка не глядя бросил рюкзак на подоконник позади себя и развел руки в стороны: — Ну же, Крестовский.

— Мы искали тебя, — четко произнес Крестовский, — потом просто разговаривали.

— О чем?

Крестовский не ответил. Димка приподнял бровь.

— О чем, Крестовский?

— В основном о тебе. Где тебя искать и... немного о родителях. Ничего важного.

Крестовский вновь посмотрел на Машу, но на этот раз напряженно и немного растерянно.

— Ты врешь, — вдруг сказал Димка. — Было что-то еще.

— Это... приватное, то есть... личное, — неловко произнес Крестовский, и, к ужасу Маши, на его скулах проступили красные пятна.

— Приватное? — издевательски повторил Димка. — С моей девушкой?

И вдруг расхохотался очень громко и очень зло. В опустевшем после звонка коридоре это прозвучало пугающе. Маше жутко хотелось, чтобы мама вернулась наконец из своего ректората и урок начался, потому что она не представляла, как развести этих двоих. Краем глаза она видела, что одноклассники высунулись из-за дверей и напряженно прислушиваются.

— А рассказать тебе, Маша, историю? — понизил голос Димка, не отводя взгляда от Крестовского. Тот прищурился, однако ничего не сказал. — Познакомился я однажды с девушкой. Любовь у меня была типа. Мне тогда пятнадцать было, но, сама понимаешь, любви все возрасты покорны и все такое. А потом я уехал из города на два дня. На два! Даже не на неделю. А когда вернулся, оказалось, что мой друг успел завести нечто... приватное с моей девушкой. Просто так. По приколу.

Димка продолжал смотреть на Крестовского, щеки которого уже просто пылали. Маша же переводила взгляд с одного на другого и никак не могла взять в толк, как это могло случиться, если Крестовский никогда не жил в Москве.

— Так что он специалист по приватностям, ага. Тебе там тоже, небось, приватное предлагал?

До Маши наконец дошло, что Димка рассказывает о причине своего конфликта с Крестовским. А заодно она вдруг поняла, что Крестовский и правда пригласил ее на ужин,

хотя в этом не было никакой необходимости. И сейчас он, вместо того чтобы соврать, мол, поискали и все, сделал так, что Димка заподозрил их в чем-то неприличном. Вмиг все действия Крестовского предстали в новом свете. Маша потрясенно повернулась к Крестовскому и посмотрела на него снизу вверх, наконец осознав, что с ним сегодня не так. Тот был в очках в тонкой, почти незаметной оправе.

Крестовский, почувствовав ее взгляд, посмотрел в ответ. На его скулах ходили желваки. Видеть его таким было непривычно, но Маша все же верила, что воспитание возьмет свое, правильный до зубовного скрежета Крестовский скажет что-то нейтральное и уйдет, потому что это было бы лучшим вариантом. Однако в его обращенном на Машу взгляде вдруг мелькнула злость, и он, неожиданно схватив Димку за плечо, прошипел ему в лицо на грани слышимости:

— А знаешь, Волков, ты меня задолбал. Меня достало чувствовать себя виноватым за тот случай. Хотя это был спор, который ты сам затеял. Только почему-то об этом забыл. Меня задолбало чувствовать себя виноватым в том, что твои родители летели к нам, в том, что Юла перестала смотреть в твою сторону. А теперь еще это. — Он мотнул головой в сторону Маши. — То, что ты не можешь удержать своих девушек, — не мои проблемы.

На этих словах Димка резко отклонился назад, и его кулак влетел в лицо Крестовского. Тот отшатнулся, выпустив плечо Волкова. Наблюдавшие у дверей кабинета девчонки завизжали. Маша бросилась вперед и попыталась схватить Димку за локоть, но тот в запале оттолкнул ее с такой силой, что она отлетела и врезалась поясницей в край подоконника. Ботан Валерка повис на Крестовском, хотя тот, кажется, ничего не делал. Вокруг забегали девчонки. Кто-то из ребят попробовал скрутить рвавшегося вперед Волкова, когда над всем этим раздался громогласный окрик ректора:

— Отставить!

Странное дело, но этот армейский приказ подействовал на ура. Все замерли в нелепых позах.

— Все в аудиторию! Кроме вас двоих и тебя. — Ректор указал на Машу.

Маша увидела бледное лицо стоявшей за ректором мамы, и ей захотелось провалиться сквозь землю. Одним из условий того, что мама смирится с ее поступлением сюда, было Машино обещание ни при каких обстоятельствах ее не опозорить.

Маша перевела взгляд на Крестовского и негромко охнула. Тот зажимал нос ладонью, а из-под руки по подбородку лилась кровь, капая на рубашку, на пол...

— В медпункт. Немедленно. Волков, ко мне объясняться. А... — ректор запнулся, глядя на Машу.

— Рябинина, — подсказал мама чужим голосом и, достав из сумки пачку бумажных платочков, протянула ее Крестовскому.

— Рябинина, проводи в медпункт, раз уж ты у нас такая роковая, — закончил ректор.

Красная как рак Маша, не поднимая головы, пошла по коридору, даже не проверив, идет ли Крестовский следом. Она понятия не имела, как теперь оправдаться перед мамой.

У лестницы она оглянулась. Крестовский, прижав к лицу ворох салфеток, шел за ней. Не глядя на Машу, он свернул в мужской туалет, а Маша осталась ждать, потому что у нее был дурацкий приказ — сопровождать. За драки в универе порой ставили на отчисление. Впрочем, платникам вряд ли что-то грозило. Пожурят и отпустят. А вот у Маши, учившейся на бюджете, могли быть серьезные проблемы.

Крестовский вышел с мокрой челкой и влажным пятном на груди. Вероятно, он пытался замыть рубашку. К лицу он прижимал новую партию салфеток, но кровь, кажется, так и текла.

— Голову запрокинь, — посоветовала Маша.

— Я так захлебнусь, — прогнусавил Крестовский. — Ты скажи, где медпункт, я сам дойду.

— Вот еще. Чтобы мне потом влетело? Идем.

Крестовский не стал спорить.

В медпункте пожилая медсестра усадила его на кушетку и начала оттирать кровь с лица, щупать нос и расспрашивать, не кружится ли у него голова и не двоится ли в глазах. Крестовский уверял, что с ним все отлично, однако она не верила.

Маша подпирала стену и не понимала, зачем она-то в кабинет зашла. Подождала бы за дверью. Так нет же, сопровождала до самой кушетки.

— А кровь у него всегда так плохо останавливается? — спросила медсестра у Маши таким тоном, будто та должна была знать ответ.

Маша растерянно пожала плечами, а Крестовский сообщил, что он сейчас принимает препарат для улучшения мозгового кровоснабжения и, вероятно, такой эффект от него. Название Крестовский произнес на своем британском английском так, что ни медсестра, ни тем более Маша препарат не узнали, но медсестра согласилась, что тот вправду может разжижать кровь.

— А зачем ты его принимаешь? — спросила она.

Крестовский сообщил свой диагноз. Вновь на английском.

— Дорогой, ты издеваешься? — прищурилась медсестра.

— Он живет в России совсем недавно, — заступилась Маша за Крестовского.

Медсестра покачала головой, что-то пробормотала и обратилась почему-то к Маше:

— Его сейчас домой. Если будет кружиться голова, откроется рвота или же будет стойкая головная боль — скорую и в больницу. Поняла?

Маша кивнула, стараясь не смотреть на обалдевшего Крестовского. Тот, надо отдать ему должное, при медсестре спорить не стал. И вообще молчал до самого кабинета английского. А там наконец подал голос:

— Попроси, пожалуйста, Юлю после лекции закинуть мои вещи мне домой. Я туда в таком виде не пойду, — указал он почему-то не на заклеенную переносицу, а на испачканную одежду.

— Я позвоню на перемене маме и попрошу ее передать Шиловой, — ответила Маша, понимая, что у нее не хватит духу предстать сейчас перед рассерженной мамой и взбужденными одноклассниками.

— Так сложно сказать самой? — прищурившись, спросил Крестовский.

— Сложно, потому что мне велено тебя сопровождать.

Он растерянно моргнул и после паузы выдал:

— Ты шутишь?

— И в мыслях не было, — хмуро сообщила Маша, стараясь не думать о том, что скажет мама и что подумает Димка.

Глава 8

Ты свежим ветром несешь перемены.

Роман до последнего не верил, что Маша вправду будет его сопровождать. Однако та безапелляционно заявила, что ей не нужны проблемы в институте.

До дома, где жил Роман, они добрались за двадцать пять минут. Обычно Роман ходил быстрее, но в этот раз пришлось подстраиваться под Машин шаг, а кроме того, он действительно чувствовал себя не очень хорошо. Смешно сказать, это было в первый раз, когда Романа ударили по лицу. И кто бы сомневался, что пионером в этом деле окажется Волков.

К счастью, поддерживать беседу не требовалось: Маша всю дорогу молча с кем-то переписывалась. Романа разби-рало любопытство, чем закончилась беседа Волкова с рек-тором, однако спрашивать он не стал. Сегодня он уже спросил и получил в ответ: «А тебе-то что?» Маша вообще весьма странно с ним разговаривала, и у Романа начинали зарождаться подозрения, что отец был совершенно прав на ее счет. Если размышлять здраво, Маша, весь вечер не сводившая глаз с Волкова, просто не могла не заметить, как тот ушел. Особенно учитывая то, что остаток праздни-ка она провела на верхней палубе, куда Роман отправил официанта, потому что в самом деле не голодать же гостям, если у него такая паршивая вечеринка. Трапы и стоянка с верхней палубы просматривались прекрасно. А значит, Маша знала, что Волкова на яхте нет. Вопрос: зачем она позвонила Роману?

Роман прокручивал это в голове и так и этак. Выходила какая-то ерунда. Если бы подобное сделала Юла, Роман с уверенностью в девяносто пять процентов сказал бы, что

та играет с понравившимся парнем. Именно так действовала Юла с ним самим. У нее внезапно разрядился телефон, и остатки заряда она использовала, чтобы позвонить Роману и сообщить, что она застряла в каком-то мрачном месте и ей нужна помощь. Или же среди ночи ей было скучно, страшно, одиноко, и тогда она снова звонила, и Роман должен был ее развлекать, успокаивать, поддерживать. Он прекрасно видел все уловки Юлы и в общем-то им потакал, потому что... Ну а почему бы и нет? Юла была красивой, милой, умной, веселой, с ней было довольно легко. И, опять же, ее присутствие было дополнительным буфером между ним и Волковым. Даже приглашение на яхту Роман передал Волкову через Юлу.

Только вот Маша не выглядела заинтересованной в Романе. Он вспомнил ее сегодняшнее «стоять»... В его понимании романтично настроенные девушки должны вести себя иначе. Но зачем-то же она позвонила ему ночью? Знала ведь, что он придет, потому что просто не мог иначе: девушка одна, у нее неприятности...

Роман вздохнул и вынужден был признать, что в Машин поведении он вообще ничего не понимает. Но если верить отцу, то все было затеяно для того, чтобы позлить Волкова, чтобы тот умолял ее о прощении.

«Как-то плохо сработало», — подумал Роман, вспоминая, как Маша отлетела, когда Волков ее толкнул.

Приложив магнитный ключ к двери подъезда, он повернулся к Маше, чувствуя себя на редкость глупо. Впервые за его теперь уже восемнадцать лет до дома его провожала девушка.

— Если честно, не знаю, что принято говорить в таких ситуациях, — начал он. — Просто «спасибо» подойдет?

— Спасибо скажешь, когда поднимешься в квартиру, — отрезала Маша, разглядывая кашпо с каким-то ярким цветком, подвешенное сбоку от двери.

— Маша, серьезно, это необязательно. Там уже Волкова, наверное, отпустили. Уверен, ему нужна помощь.

Роман попытался улыбнуться. Маша же повернулась к нему и посмотрела вдруг так, что ему стало неловко.

— Знал бы ты, как вы мне надоели. Оба, — неожиданно произнесла она.

Он хотел было сказать, что до вчерашнего дня даже словом с ней не обмолвился, но не стал. Кто ее знает, может, он ее за два дня успел достать. Это, правда, плохо увязывалось с теорией отца о девушках.

Роман распахнул дверь подъезда и пропустил Машу вперед. Консьерж посмотрел на него неодобрительно. Впрочем, он каждый раз так смотрел на Романа, вероятно, искренне полагая, что тот ведет излишне веселую жизнь.

В лифте ехали молча. Маша разглядывала кнопки, Роман — зачем-то — Машу. Сегодня ее волосы были собраны в хвост, и более короткие пряди у висков вылезли из общей массы. Роман почему-то завис, глядя на... кажется, этот цвет называется «русый»... завиток у Машиной щеки.

В квартире Роман быстро огляделся, надеясь, что не оставил с утра беспорядка. Домработница приходила по вторникам и пятницам, поэтому теоретически тут мог бы быть бардак. Впрочем, на практике Роман, большую часть времени проживший в школе-пансионе, не имел привычки разбрасывать вещи, поэтому студия выглядела вполне прилично, за исключением чашки из-под чая на барной стойке и свалившегося с подоконника пледа.

— Проходи, пожалуйста, — вежливо предложил он. — Чаю? Кофе? Есть еще, кажется, какао.

Маша молча помотала головой, разглядывая его квартиру.

Роман попытался прикинуть, какое у нее могло сложиться впечатление. Квартира была, кажется, около шестидесяти квадратных метров. Слева от условной прихожей начиналась зона кухни, отделенная от основного пространства барной стойкой. За барной стойкой, в центре гостиной, стоял большой диван, развернутый к панорамному окну. Стекланный журнальный столик перед диваном сверкал чистотой после очередного посещения домработницы. В дальнем левом углу, в большой нише, оформленной дизайнерской подсветкой, располагался подиум с кроватью, рядом с которой стоял стеллаж с книгами и несколькими

моделями самолетов, которые Роман притащил из Лондона. За кроватью в нише был вход в гардеробную, к счастью, сейчас закрытый, потому что там у Романа порой бывал беспорядок, если он опаздывал в институт. Спальную зону предполагалось отделять ширмой, но Роман ни разу ее не сдвигал.

Правее ниши находилась дверь в ванную. А у правой стены, увешанной фотографиями европейских столиц, стоял рояль. Пафосно белый, что хоть и подходило под интерьер, выполненный в светло-серых тонах, однако очень не нравилось Роману. Но у дизайнера было свое чувство прекрасного. Идея купить рояль, кажется, была маминым вкладом в обустройство квартиры. Зачем, интересно, если она не собиралась приезжать даже на пару дней в году? Сам Роман уже и забыл, когда играл в последний раз.

— У тебя здесь мило и... уютно, — озвучила Маша, разуваясь.

— Спасибо, — отозвался Роман, хотя ему показалось, что она врет.

— Ты играешь? — Маша подошла к роялю и провела пальцами по закрытой крышке.

— Нет, он для красоты, — ответил Роман и понял, что, наверное, опять звучит невежливо, поэтому добавил: — Я давно не играю.

— Понятно, — протянула Маша и прошла к окну.

Вид из него открывался классный. Маша долго молчала, разглядывая панораму. Роман, так и стоявший у двери, почувствовал, что ситуация начинает становиться абсурдной. Она теперь тут целый день проведет?

Маша же наконец отлипла от окна, подняла валявшийся на полу плед, аккуратно сложила и положила на подоконник. Роман почему-то подумал о том, что Юла никогда бы так не сделала. После той приходилось самому все подбирать и складывать.

— Я, наверное, пойду, — неуверенно сказала Маша. — За тобой есть кому присмотреть?

— Да, конечно, — тут же откликнулся Роман. — Отец живет в квартале отсюда. Да и я могу в любую минуту позвонить «девять-один-один».

Маша почему-то улыбнулась и направилась к двери. В этот момент у Романа зазвонил телефон. Взглянув на экран, он рассеянно извинился перед Машей и нажал «принять».

Мама плакала. Нет, не так. Она рыдала, захлебываясь словами, и мир Романа пошатнулся и закачался вместе с его неуютной студией.

— Что случилось? — закричал он в трубку, разом забыв о Маше, о Волкове — вообще обо всем.

— Роман... Роман... Роман, — повторяла мама, рыдая.

— Мама, пожалуйста, успокойся и скажи толком, что случилось.

— Патрик... — всхлипнула мама.

В душе Романа трепыхнулась надежда, что Патрика сожрал бешеный кенгуру.

— Что случилось? — повторил он, чувствуя, что паника немного отпускает. Черт с ним, с этим Патриком. Почему он должен его жалеть?

— Патрик меня ударил, — наконец между всхлипами выговорила мама.

— Что? — ошарашенно переспросил Роман. — Как?

В его картине мира мужчина не мог ударить женщину. Тем более его маму: такую хрупкую и нежную, такую...

— Ты обращалась в полицию? Где ты? Где он? Он сейчас тебе угрожает? — вопросы посыпались против его воли.

— Нет. — Мама уже не плакала, лишь всхлипывала. — Я не обращалась и не буду. Это бессмысленно, и меня могут просто не выпустить из страны. У него связи, а у меня здесь ничего...

Мама вдруг снова зарыдала, и у Романа заныло в груди. Как же он ненавидел, когда она плакала.

— Мама, подожди. Постой. Ты сейчас где и что будешь делать дальше? — Роман зачем-то толкнул дверь в ванную, автоматически зажегся свет.

— Я пока в Сиднее. Хочу вылететь домой. Но у меня нет ни пенса.

Роман закрыл дверь, потом вновь открыл, совершая бездумные действия, лишь бы не стоять на месте. Войдя в ванную, пустил воду в кране. Посмотрел на свое испуганное

отражение в зеркале, заметил, что он в окровавленной рубашке, и, прижав телефон плечом к уху, принялся расстегивать пуговицы, вслушиваясь в мамины всхлипы.

— Ты звонила отцу?

— Да! — крикнула мама. — И он сказал, что Патрик, вероятно, не единственный олигарх в Сиднее и мне есть куда податься!

Роман замер с наполовину стянутой рубашкой.

— Что? Он не мог...

— Мог, Роман! — зло выкрикнула мама, будто это Роман сказал такие чудовищные слова.

— Подожди, — пробормотал он, потирая лоб. — Сколько тебе нужно? Сколько стоит билет до Москвы?

— До какой Москвы, Роман? Зачем мне в вашу чертову Москву? — Нервы у мамы сдали окончательно, и она вновь разрыдалась.

За всю свою жизнь Роман ни разу не слышал, чтобы мама так горько плакала.

Он стащил с себя наконец рубашку, бросил ее на пол и направился в гардеробную за чистой футболкой, действуя на автомате.

— Хорошо. Сколько нужно на билет до Лондона?

— Около тысячи фунтов.

Роман попытался в уме прикинуть, сколько это в рублях, и едва не присвистнул. У него не было таких денег. Хотя... ему же уже восемнадцать, значит, он может обналичить часть вклада...

Путаясь в вороте и рукавах, он наконец натянул футболку и произнес:

— Мама, ты успокойся. Я все решу.

Мама всхлипнула и попросила:

— Роман, поговори с отцом. Он не может оставить меня здесь. Я совершила ошибку, но я не перестала быть матерью его сына. Понимаешь?

— Да-да, мам, я понимаю. Я все улажу, — соврал он, понимая, что переубедить отца будет непросто.

В телефоне пошел сигнал второго вызова. Роман отнял трубку от уха и, взглянув на экран, торопливо сказал матери:

— Я наберу тебя... Алло, папа. Привет!

— Рома, а что у тебя в жизни происходит, а?

Тон отца не предвещал ничего хорошего. Роман длинно выдохнул, перед тем как спросить:

— А что?

— А почему мне звонят из универа и говорят, что вы с Димкой подрались, м? Да еще из-за дел амурных?

— Каких, прости? А, ты в этом смысле. Нет, там не то. Там...

— Роман, мы обсуждали вопрос твоей ответственности?

— Да. — Роман снова потер лоб, понимая, что подступиться к отцу, когда он в таком настроении, нереально.

— Тогда почему мой сын ввязывается в драку, как портовый грузчик, хотя умеет внятно излагать свою точку зрения минимум на трех языках, а?

— Папа, я... это недоразумение. Правда. Я обещаю, что больше такого не повторится. С Волковым я все решу.

— Я это слышал не ранее как вчера.

Голос у отца стал таким, что Роману захотелось, как в детстве, спрятаться под кровать. Но со своими почти шестью футами он уже и под кровать-то не влезет.

— Я разберусь.

— Отлично, — резко откликнулся отец и явно собрался распрощаться.

— Папа. — Роман решил попытать счастья, хоть и понимал, что момент, мягко говоря, неподходящий. — Мне мама звонила, и...

— Я в курсе, Роман. Твоя мама мне тоже звонила.

— И?

— Что «и»?

— Ты отправишь ей денег?

— Разумеется, нет.

— Как «нет»? — Роман, хоть и понимал, что отец может так ответить, все равно опешил.

— Роман, она сама выбрала себе мужчину. То, что он оказался вот таким, — не мои проблемы. Не я ее к нему толкал.

Роман сглотнул и неожиданно для самого себя прошептал:

— Как же не ты? Если бы у вас все хорошо было, она бы не ушла. Разве нет?

Отец очень долго молчал, а потом четко произнес:

— Мелко ты еще плаваешь, чтобы судить о том, в чем ничего не понимаешь, ясно? И да, если ты вдруг отправишь ей денег, я решу, что твои карманные расходы слишком завышены. Имей в виду.

С этими словами отец отключился. Роман же схватил с ближайшей полки какую-то декоративную фигню и, заорав, швырнул ею в противоположную стену. Декоративная фигня чудом разминулась с настенными часами, к удивлению, не разбилась и, упав на пол, покатилась... к ногам ошарашенной Маши Рябиной. Только тут Роман понял, что его гостя, оказывается, не ушла.

Некоторое время они в молчании смотрели друг на друга. Стараясь выровнять дыхание, Роман лихорадочно придумывал, что сказать, потому что в подобной ситуации он оказался впервые. Он очень надеялся, что Маша проявит тактичность и просто молча уйдет, однако она продолжала стоять у барной стойки, прижимая ладонь ко рту, и смотреть на него огромными глазами.

— Я все еще не маньяк, — наконец произнес Роман, стараясь разрядить обстановку.

Голос прозвучал неожиданно хрипло, и ему пришлось прокашляться.

— У тебя кровь. — Маша отняла руку от лица и заметалась по кухне, открывая все дверцы подряд. — Где у тебя холодильник?

— Слева, — указал Роман на встроенный холодильник и провел рукой под носом: дурацкое кровотечение возобновилось.

Маша открыла холодильник, чертыхнулась, закрыла и открыла уже морозильное отделение. Холодильник был большой и двустворчатый. Зачем, непонятно, если в нем одиноко стояла баночка с йогуртом да в двери ютилась пара пакетов молока.

В морозильнике было пусто. Мороженое Роман доел еще на прошлой неделе, а больше там ничего не водилось.

Однако Маша выдвинула узкую полочку, о существовании которой Роман и не подозревал, и вытащила оттуда пакет с кубиками льда. Деловито осмотревшись, Маша выдвинула по очереди несколько ящиков и в третьем по счету нашла сложенные полотенца. Вооружившись парой полотенец и пакетом со льдом, она решительно двинулась в сторону Романа. Он очень хотел попросить ее уйти, но почему-то позволил ей взять себя за руку и отвести к дивану. Маша усадила его на пол, толкнув в плечо, заставила опереться о сиденье дивана и, положив на сиденье позади него диванную подушку, мягко, но настойчиво надавила Роману на лоб, вынуждая улечься на нее затылком.

Роман смотрел на нее во все глаза, не зная, как реагировать. Маша же как ни в чем не бывало сбегала на кухню, намочила полотенце и принялась вытирать ему лицо, будто он был маленьким ребенком. Роман зажмурился, чувствуя жуткую неловкость.

Маша осторожно сняла с него очки и приложила к заклеенной пластырем переносице пакет со льдом, предвзято замотав его в полотенце.

Роман твердо решил не открывать глаза.

Он слышал, как тикают настенные часы, негромко жужжит холодильник, едва слышно дышит Маша... На фоне этой тишины его сердце колотилось так громко, что Маша непременно должна была услышать.

— Я могу тебе помочь? — вдруг спросила она, и он распахнул глаза.

Без очков общая картинка смазывалась, однако сидящую совсем рядом Машу он видел удивительно четко. Серо-зеленые глаза, выбившиеся из прически пряди и очень встревоженное, сочувствующее лицо. Это немного отрезвило.

— Нет, спасибо. Ты и так со мной сегодня провозилась. Извини за эту сцену. Небольшие неприятности...

— По-моему, не небольшие.

— Как много ты слышала? — спросил он, переводя взгляд на потолок.

Смотреть на девушку Волкова так близко было неудобно.

— Ту часть, что была на английском, я почти не поняла. А твой разговор с отцом... У твоих родителей проблемы?

— А тебе-то что? — огрызнулся он ее же словами.

Правда, какое дело ей, благополучной девочке, до его проблем? Вон пусть с Волковым своим разбирается. Маша вздохнула и, отняв на миг полотенце от его переносицы, приложила его вновь другой, более прохладной, стороной.

— Ты прав, меня это в общем-то не касается, — негромко произнесла она. — Но я бы очень хотела тебе помочь, если бы могла.

— Зачем? — Он распахнул глаза и сел прямее.

— Потому что ребенок не должен выглядеть таким несчастным, разговаривая со своими родителями, — вдруг ответила Маша.

Роман медленно отвел ее руку со льдом и, потрогав под носом, понял, что кровь уже не течет.

— Маша, — произнес он, отодвигаясь от нее вдоль дивана, насколько позволял журнальный столик, — чего ты хочешь от меня на самом деле?

— Я? — Глаза Маши удивленно распахнулись.

Либо она была прекрасной актрисой, либо же отец ошибался.

— А ты как думаешь? — спросила она.

— Это какая-то игра, да? — уточнил он.

Маша, как ему показалось, растерянно помотала головой, Роман же вдруг вспомнил о том, что в каюте Маша сама села на кровать, а потом засуетилась, испугалась и выбежала прочь. А что, если слезливая история про бабушкиного соседа была придумана на ходу, чтобы выбить его из колеи? Что, если на самом деле Маше нужно было просто остаться с ним наедине?

Сам Роман не попадал в такие истории, но слышал от друзей, что в смешанных школах и колледжах это довольно частая практика. В случае обвинений в домогательствах есть только слово жертвы против слова насильника. И закон, как правило, не на стороне последнего. Перед переездом в Москву отец предупреждал его, что девушки из небогатых семей могут идти на различные уловки.

Роман еще раз посмотрел на Машу. Она сидела слишком близко для незаинтересованной персоны. Что, если это месть Волкова? В такой двусмысленной ситуации, после случившегося три года назад, никто не поверит Роману. От этих мыслей его даже затошнило. Он провел рукой по лицу, взъерошил волосы и, посмотрев Маше в глаза, твердо произнес:

— Тебе пора, Маша.

Маша отвернулась, заправила за ухо одну из выбившихся прядей, собрала с пола полотенца и отнесла их на кухню. Роман, нацепив очки, пошел следом.

Маша аккуратно сложила полотенца на столешницу у раковины, убрала пакет со льдом в холодильник и направилась к выходу.

Пока она обувалась, Роман, чтобы чем-то занять руки, решил поправить сложенный на верхней полке шарф. Шарф соскользнул и упал к Машиным ногам. Роман не успел даже глазом моргнуть, как Маша за ним наклонилась.

— Я сам, — смущенно пробормотал он, думая о том, что Юле бы даже в голову не пришло дергаться, если рядом мужчина.

— Тебе предписан покой, — сухо произнесла Маша и, встав на цыпочки, попыталась положить шарф на полку.

Ее рубашка задралась, и Роман невольно взглянул на полосу кожи. Над ремнем джинсов были красное пятно и, кажется, ссадина.

— У тебя спина, — не подумав, ляпнул он и, забрав у Маши шарф, положил его на полку.

— Круто. Представляешь, у тебя тоже. Я лично только что видела, — все так же сухо ответила Маша.

Роман не понял, о чем она, но на всякий случай пояснил свою мысль:

— У тебя ссадина, кажется. — И тут его осенило: — Это после того, как Волков тебя толкнул? Ты же вроде в подоконник врезалась?

Маша одернула рубашку и принялась рыться в сумочке, делая вид, что не слышала его вопроса.

Роман вздохнул, мысленно обозвал себя придурком и пошел на кухню за пластырем и мазью. Да, правильнее было

бы выставить Машу за дверь и забыть о ее существовании, но он подумал о маме. Та всегда любила, чтобы за ней ухаживали, заботились о ней. И Роман просто не мог допустить, чтобы девушке рядом с ним было больно, и не попытаться как-то это исправить.

Мысль о маме напомнила Роману о том, что у него есть проблемы понасушнее пребывания Маши в его квартире. Он знал, что отец вполне способен претворить свои угрозы в жизнь, но даже примерно не представлял, насколько отец может урезать его расходы. Если бы он не купил ноут три дня назад, у него сейчас была бы свободная сумма. Хотя... ноут ведь можно просто сдать в магазин! Он же еще даже не распакован.

Щелкнув пальцами, Роман бросился к стеллажу у кровати и схватил с нижней полки коробку с ноутбуком. Положив коробку на кровать, он рванул в гардеробную за свитером и, когда там зажегся свет, увидел свое отражение в зеркальной дверце шкафа. Его футболка оказалась залепана кровью. Взяв с полки чистую футболку, Роман сообразил, что Маша все еще здесь, и решил, что уместнее будет переодеться после ее ухода. Он попытался вспомнить, где переодевался в прошлый раз, и не смог. Хотелось бы думать, что в ванной.

Выйдя из гардеробной, Роман бросил чистую футболку на кровать рядом с ноутбуком и посмотрел на Машу. Та глядела в ответ с подозрением. Мазь и упаковка с пластырями лежали на барной стойке, и Роман не стал уточнять, обработала ли она ссадину. Это точно было бы неуместно.

— Маша, мне сейчас нужно уехать. Спасибо тебе, что проводила, за помощь... — Он решительно направился к двери, всем своим видом показывая, что готов проводить гостью.

Маша все так же молча пошла следом, и Роман осознал, что его бесит то, что он не понимает ее мотивов. Если его догадка верна, то... отец точно его убьет. И будет прав, потому что, если вляпаться в обвинение в домогательствах, то это будет такое пятно на репутации, от которого не отмоется.

— Ты правда куда-то собрался или просто выпроваживаешь меня?

Роман удивленно оглянулся. Маша смотрела в упор, и ему вдруг стало неловко за свои мысли.

— Правда. Мне нужно по делам.

— Тебе нужен покой, — негромко напомнила Маша.

— Я в норме, — соврал Роман.

Какая разница, как он себя чувствует, если маме срочно нужна помощь?

Маша молча обулась, Роман взялся за дверную ручку, и в это время в дверь позвонили. Роман с Машей синхронно вздрогнули и переглянулись.

На пороге стоял отец. С одной стороны, это было хорошо, можно попробовать поговорить о маме не по телефону, с другой же...

— У тебя кровь! — в голосе отца слышалось волнение. — Мне позвонили, сказали, что ты обращался к врачу. Роман, ты...

— Я не один, — перебил Роман, выдавливая улыбку.

И тут отец заметил Машу. Наигранно изобразив радость, он воскликнул:

— А у нас в гостях Маша Рябинина. Девушка Димы!

Повернувшись к Роману, отец бросил на него такой убийственный взгляд, что тому с удвоенной силой захотелось в Энфилд, к деду.

— Доброе утро, — сказала Маша и натянуто улыбнулась. — Роману прописали покой и сказали наблюдать за состоянием на предмет сотрясения, — зачем-то добавила она, и Роман понял, что съездить вернуть ноут в ближайшее время не получится. Все-таки Маша ему явно мстила.

В дверь снова позвонили. Стоявший ближе всех к выходу отец распахнул ее и опять изобразил радость:

— Юленька! Заходи, солнце. У Романа сегодня нет отбоя от визитеров.

Юла впорхнула в квартиру в облаке духов, посмотрела на Романа и, бросив его рюкзак на пол, буднично сообщила:

— У меня гемофобия.

Пока Роман пытался сообразить, что такое «гемофобия», Юла побледнела и начала оседать на пол.

Роман дернулся было к ней, но отец успел раньше: подхватил на руки бледную Юлу и бросил через плечо:

— Футболку смени, боец.

Роман посмотрел на свою футболку, где кровавая струйка вытекала из левого уха Бэтмена.

Переодевшись в ванной, Роман закинул испачканные вещи в стиралку, от греха подальше. Вернувшись в комнату, он обнаружил, что Юла лежит на диване, под ее ноги подложено несколько диванных подушек, а вокруг порхает Маша с таким видом, будто все под контролем.

Отец пил воду у барной стойки и смотрел на девушек с видимым раздражением, однако стоило Маше обратиться к нему с каким-то вопросом, как он тут же улыбнулся.

Роман подошел к дивану и хотел было присесть на корточки, но Юла королевским жестом выставила руку. Эту руку, вероятно, полагалось поцеловать, а может, повинувшись жесту, исчезнуть из виду. Маша же неожиданно взяла Романа за локоть и развернула к себе. Она придирчиво осмотрела его лицо, потом свежую футболку и только после этого наконец его отпустила, сообщив Юле:

— Он чистый.

— Блох нет, — пробормотал себе под нос отец, и Юла рассмеялась.

Маша на шутку не отреагировала.

— А где ты научилась оказывать помощь? — голос Юлы звучал еще более сипло, чем обычно, однако лицо уже по-розовело.

— У меня бабушка фельдшером работала.

Роман слышал это слово впервые, но, поскольку у остальных оно вопросов не вызвало, решил не вдаваться в детали, а просто потом погуглить.

— Бабушка, которая вяжет винтажные жакеты? — улыбнулась Юла.

Она выглядела сонной и умиротворенной. На Романа упорно не смотрела. Маша кивнула и сообщила, что ей пора, посоветовав Юле еще немного полежать.

Роман пошел проводить гостью, однако отец перехватил его по пути, сильно сжав плечо.

— Я отвезу нашего доброго ангела, а Роман останется соблюдать предписанный ему режим и присмотрит за Юлей.

Конец фразы отец адресовал вроде бы Маше, но смотрел при этом на Романа. В итоге с Машей Роман так и не попрощался.

Юла лежала с закрытыми глазами, и Роман присел на пол, опершись спиной о диван возле пирамиды из подушек, на которой покоились ее ноги. Он смотрел на ее бледное лицо, и ему почему-то было очень неловко, что Юла застала здесь Машу. Хотя ничего предосудительного в этом не было.

— Маше доктор сказал за мной проследить, и она пошла, — зачем-то сказал он.

Юла молчала, по-прежнему не открывая глаз.

— Тебе лучше? — спросил Роман. Чувство вины все усиливалось.

— А у меня крендельки дома, — вдруг сказала Юла.

— А крендельки — это?.. — не стал угадывать он.

— Это такие вкусные-превкусные штучки с сахаром. Бабушка не вяжет, зато классно готовит. Поехали ко мне?

Роман необъяснимо обрадовался тому, что, во-первых, Юла не сердится, а во-вторых, даже не думает соблюдать всякие дурацкие предписания докторов.

— Поехали, — он посмотрел на кровать, где по-прежнему лежала коробка с ноутбуком, — только мне нужно будет по пути в магазин заехать. Здесь недалеко.

— А что ты хочешь купить? — спросила Юла и осторожно села.

— Не купить. Мне надо ноутбук вернуть. Думаю, там недолго. Оформить возврат, получить деньги и...

— А ты наличкой платил? — удивленно спросила Юла и опасливо на него посмотрела: сначала на лицо, потом на футболку.

— С карты. А что?

— А, ну тогда правда быстро. Заявление напишешь, а деньги они тебе потом переведут. — Юла медленно встала и направилась в сторону ванной.

— В смысле «потом»?

— Ну, там в течение двух недель, кажется. Я так планшет возвращала.

Юла скрылась в ванной, а Роман понял, что его план провалился. Придется все же обращаться к отцу. Он не может ждать две недели.

Роман прикинул, что отец уже должен был довести Машу до универа, отыскал мобильный, устроился за барной стойкой так, чтобы видеть дверь ванной, и позвонил отцу. Вдруг тот все же согласится выслушать?

— Да, Рома, — отец ответил моментально.

— Пап, я попросить хотел, — начал Роман, не зная, как подступить к разговору.

— Говори что.

Роману показалось, что голос отца звучит напряженно, но он все же решил рискнуть.

— Пап, выслушай, пожалуйста. У меня сейчас нет нужной маме суммы, но я готов пользоваться старым ноутбуком. Не проблема. Тормозил он полгода, еще потормозит. Просто в магазине деньги не вернут сразу. Пожалуйста. Я понимаю, что ты злишься, и я наговорил сегодня всякого. Я прошу прощения. Правда. Просто я не могу оставить маму там. — Роман вдруг понял, что отец тоже не сможет. Тот просто зол и хочет ее наказать. От осознания этого ему стало невообразимо легко. — Ты же не бросишь нас? — совсем по-детски закончил он.

— Хорошо, — вдруг сказал отец.

Роман не смог сдержать улыбку. Он думал, что будет гораздо сложнее, и приготовился убеждать, уговаривать, обещать все что угодно. В душе вдруг поселилась надежда на то, что отец простит маму и все будет как раньше. Пусть не сразу, но все же...

— Спасибо, пап. Ты самый лучший!

— Только у меня одно условие, Рома. Обещай, что выполнишь.

— Да, конечно, — все еще улыбаясь, отозвался готовый на все Роман.

— Ты больше не будешь общаться с Машей Рябининой.
Ни под каким предлогом.

Улыбка сползла с губ Романа.

— Обещаешь?

— Да, конечно, — на автомате отозвался он, удивленно глядя прямо перед собой.

Забота отца о Волкове становилась уж поистине фанатичной.

— Отлично, — подытожил отец и отключился.

Вышедшая из ванной Юла остановилась, потом оглядела свои брюки, майку, пиджак и спросила:

— Что не так?

И только тогда Роман понял, что он растерянно смотрит в ее сторону.

— Юля, а что ты знаешь о Маше Рябининой? — спросил он, пытаясь понять истинную причину отцовского запрета.

Запрещать общаться с кем-либо, по мнению Романа, было слишком мелодраматично.

— Она дочка Ирины Петровны, препода по английскому, и таскается с Волковым.

— А в каком смысле «таскается»? — решил все-таки уточнить Роман. Потому что вдруг решил, что, в его понимании, пары ведут себя немного не так. Вот они с Юлой вроде как были парой. При этом они иногда обнимались на людях, держались за руки, как-то еще оправдывали свой статус. Маша с Волковым ничего подобного не делали. Зато они очень много разговаривали и почти всегда уходили с занятий вместе. А еще Маша могла наорать на Волкова, чего Юла никогда не позволяла себе с Романом.

— Ну, в смысле они везде вместе. Как попугайчики-неразлучники. Знаешь, есть такие? Один сдохнет — и второй следом.

Юла сказала это с таким лицом, будто ей совсем не было жаль бедных попугайчиков.

— А они сразу стали встречаться? Прямо с начала учебы?

— А они уже такими попугайчиками пришли. — Юла направилась ко входной двери.

Роман пошел за ней, сдернул с вешалки толстовку, взял с полки ключи от машины, проверил, при нем ли очки.

— А как они могли познакомиться? — спросил он.

— Господи, Крестовский, я вот отвечаю на твои вопросы и думаю: когда же в тебе проснется чувство такта? Мало того, что я пришла к тебе, а у тебя, на минуточку, другая девушка, так ты меня еще о ней и расспрашиваешь.

Юла говорила спокойно, и Роман не был уверен, шутит ли она или обиделась всерьез, но на всякий случай поймал ее за плечи и, притянув к себе, поцеловал в макушку.

— Я спрашиваю из-за Волкова.

— Ну конечно, — отозвалась Юла, однако повернулась и обняла его в ответ, забираясь холодными пальцами под футболку и проводя ими по его спине.

Это было весьма неприятно, но Роман мужественно стерпел.

— Ну что, вперед, к кренделькам? — Он еще раз чмокнул ее в макушку, не решившись поцеловать нормально: вдруг на нем где-то капелька крови осталась, а он не Маша, у него бабушка фельдшером не работала.

Глава 9

Я защищаюсь, а ты защищаешь.

За почти час унылого сидения в мягком кресле в кабинете ректора в ожидании выволочки Димка извелся от безделья и начал подозревать, что ректор знает о нем гораздо больше, чем Димка думал вначале. Иначе как объяснить эту пытку? Лучше бы на него наорали или отправили на какие-нибудь полезные работы, но только не сидеть на одном месте.

Димка ненавидел сидеть. В детстве он даже за обеденным столом усидеть не мог. Отправит ложку в рот — и начинает ходить и о чем-то рассказывать, и так до следующей ложки. Он не помнил, чтобы родители делали ему замечания. Точнее, делали, но только за то, что болтает с набитым ртом, а не за то, что ходит вокруг стола.

Судя по звукам из-за двери, лекция закончилась, а потом началась следующая. Где-то там Крестовский истекал кровью и наверняка злилась Машка.

Ректор попросил его не отвлекать и принялся что-то выстукивать на ноутбуке, неспешно и сосредоточенно. Спустя час Димка спросил:

— Вы про меня не забыли?

Ректор отодвинул ноутбук, словно только и ждал этого вопроса.

— Нет, Дмитрий, не забыл. Ты свободен.

Димка сдержал нецензурное слово, вертевшееся на языке, и уточнил:

— А если бы я подал голос раньше, я бы и раньше ушел?

Ректор некоторое время на него смотрел, а потом покачал головой.

Димка вновь не стал комментировать так, как ему хотелось бы. Вместо этого сказал: «До свидания» — и направился к двери, решив, что учиться он сегодня, пожалуй, не будет.

На стоянке его ждала синяя «ауди», чему Димка почти не удивился, заподозрив, что ректор где-то там в процессе стучания по клавишам явно списался с Сергеем. Оставалось надеяться, что тот просто прислал Андрея, а сам занят делами на благо процветания их скромного бизнеса. Однако стоило ему приблизиться к машине, как передняя пассажирская дверь открылась, и Димка увидел Сергея, одетого в костюм, при галстукке. Точно, у него же какое-то совещание сегодня планировалось.

Сергей без слов распахнул заднюю дверь, и Димка безропотно плюхнулся на сиденье. Пока он был у ректора, успел придумать целую оправдательную речь, в частности отметить, что Крестовский упомянул о его родителях и у Димки предсказуемо не выдержали нервы. Обычно такое прокатывало. Но потом Димка понял, что не хочет врать. Дело было не в родителях. Дело было в Крестовском, в Машке, в Ляльке, в Сергее... Да вообще во всей той фигне, что творилась в его жизни. И он ничуть не жалел, что съездил Крестовскому по морде. Жалел только, что там была куча свидетелей и что Крестовский не ответил. Хотелось подраться уже нормально. Может быть, тогда его перестало бы так подбрасывать от мысли о бывшем друге и даже удалось бы поверить Машке, что той совсем не нравится весь такой из себя аккуратненький и правильный Крестовский, который даже с разбитой мордой выглядел так, будто вся кровь сейчас выпита, и он вновь будет чистеньким и идеальным.

Как же бесила эта его идеальность!

Дядя сел рядом с ним, чему Димка удивился, потому что обычно Сергей ездил на переднем сиденье.

Некоторое время в машине стояла тишина. Только по радио негромко играла какая-то нудятина. Димка хотел попросить Андрея переключить, но молчание Сергея давило, и он в итоге не стал ничего говорить. Наконец Сергей сам подал голос:

— Дима, я надеюсь, ты понимаешь, что, когда наносишь кому-либо удар по лицу, ты должен быть готов к тому, что человек может получить травму. И эта травма может реально представлять опасность.

— Ты где рос вообще?! — вскинулся Димка. — Ты ни разу не дрался? Ты прямо весь из себя такой чистенький и правильный всегда был?

Он почувствовал, что повышает голос, и постарался успокоиться, потому что Андрей, хоть и возил их недосемью больше полугода, все же оставался чужим человеком.

— Нет, Дима. И я бил, и меня били. Вот только есть разница — уличная драка за дело или ударить так, чтобы тебе не дали сдачи, когда знаешь, что на сопернике повиснут сердобольные зрители.

— Ты на что намекаешь? — прищурился Димка.

— Да я не намекаю — я прямо говорю. Мне сообщили, что у мальчика травма носа, а у тебя ни царапины.

— Да просто Крестовский — трусливая овца, которая в жизни не даст сдачи!

— Ах, Крестовский! — Сергей откинулся затылком на подголовник и покачал головой, а потом повернулся к Димке: — А бить человека, который не ответит тебе по идейным соображениям, — вообще подло.

— Да какие идейные соображения?! — заорал Димка. — Андрей, останови, я выйду.

Андрей сделал вид, что не слышит.

— Ты никуда не выйдешь, — жестко произнес Сергей. — У меня через тридцать минут совещание. И ты едешь со мной в офис.

— Чего? Ты с дуба рухнул? Что мне там делать? Ты на меня посмотри!

— Посмотрю, Дим. Обязательно. И не только я.

Димка понял, что спорить бесполезно, и, достав из кармана темные очки, нацепил их на нос. Плевать. Пусть везут куда хотят. И пусть ржут, если им так нравится.

Перед входом в бизнес-центр, где совместное детище его отца и дяди Лёвы занимало несколько этажей, Димка неожиданно оробел.

После исчезновения папы он бывал здесь несколько раз. Оформлял какие-то документы, доверенности. Однажды, уже после совершеннолетия, участвовал в заседании совета директоров. Клоунада на самом деле. Его присутствие требовалось по протоколу. Дяди Лёвы тогда не было в Москве, и они с Сергеем и еще какими-то двумя чуваками выслушивали отчеты и с умным видом смотрели на графики. Во всяком случае, у Сергея вид был вправду умный. Насчет себя Димка не стал бы утверждать.

Полина Викторовна, высокая, невероятно худая женщина без возраста, с пучком рыжих волос на макушке, при виде Димки расцвела улыбкой:

— Дмитрий Алексеевич. И вы к нам?

Она была личным помощником отца, и Димка с детства всегда ее немного побаивался, потому что она напоминала ему Снежную Королеву. И солнечный цвет ее волос положение не спасал.

— Добрый день, — отозвался Димка и, стянув очки, засунул их в карман толстовки.

Оглянувшись в поисках Сергея, он понял, что тот его бросил.

— А Сергей Евгеньевич где? — пересохшими вдруг губами уточнил Димка.

— Сейчас вернется. — Королева подмигнула и, подойдя к Димке, вытащила очки из его кармана. — Это полежит у меня в верхнем ящике. Перед уходом заберете.

Она в мгновение ока расправила капюшон Димкиной толстовки, скептически посмотрела на взрыв на его голове, но, к счастью, причесывать не стала.

— Кофе? Чаю?

— Нет, спасибо, — откликнулся Димка. — Мне бы Сергея.

Если дядя хотел показать Димке, насколько тот жалкое и ничтожное существо, то лучшего способа было не придумать. Отец поступил в универ сам, без родительских денег, потому что тех попросту не было. В универе он подружился с дядей Лёвой, и они организовали свое дело. Димка подозревал, что средствами вкладывалась семья Крестовских. Они же владели и большей частью бизнеса.

Отец же вкладывал мозги и трудолюбие. И мама, тоже учившаяся с ними, во всем ему помогала.

Димка посмотрел в окно приемной и подумал, что у отца были мизерные шансы получить хорошее образование и чего-то достичь в жизни, зато у него была мечта, к которой он шел. И вот из офиса компании, у истоков которой он стоял, видно пол-Москвы, а по миру рассыпаны ее филиалы.

Лет пять назад отец признался Димке, что в студенческие годы он пообещал себе, что у Ани и их будущих детей всегда будут мандарины, в любое время года. А когда Димка рассмеялся, отец пояснил, что сам мог есть мандарины только на Новый год. И их всегда давали по счету.

У Димки была аллергия на цитрусовые. Вероятно, как побочный эффект от этого обещания отца.

— Полина Викторовна, — услышал он голос дяди и обернулся, — а папка точно эта? Я там сметы последней не вижу. Ее Настя должна была...

— Сергей Евгеньевич, — голос Снежной Королевы был безмятежен, — вдох — выдох. Папка точно эта. Смета — третий файл сверху.

Сергей послушно вдохнул, выдохнул и открыл папку в указанном месте, а потом взъерошил волосы и что-то пробубнил себе под нос, словно повторял урок.

— Лев Константинович сообщил, что успеет, — ободряюще произнесла Снежная Королева.

— Правда? — Сергей выдохнул с таким облегчением, что она улыbnулась.

— У нас есть семь минут. Я могу предложить вам кофе.

— С цианистым калием, пожалуйста, — пробормотал Сергей, глядя в документы.

— Калий закончился, но я что-нибудь придумаю, — спокойно ответила Снежная Королева. — Дмитрий Алексеевич, а вам?

— Мне без калия. И можно не срочно.

— Договорились.

Сергей посмотрел на Димку и своим привычным голосом распорядился:

— Побудешь здесь до окончания совещания.

Димка видел, как сильно Сергей волнуется, поэтому не стал выпендриваться и молча кивнул.

Когда Сергей глотнул кофе и, бросив взгляд на часы, поспешил к выходу, Снежная Королева легким движением сняла нитку с его плеча, но он этого даже не заметил. А Димка вдруг вспомнил, что мама называла Полину Викторовну доброй феей.

Несколько секунд Королева-фея стояла спиной к Димке, глядя на закрывшуюся за Сергеем дверь, а потом вернулась на высоченных каблуках и улыбнулась:

— С молоком или без, Дмитрий Алексеевич?

И Димка против воли улыбнулся ей в ответ.

Следующие полтора часа он провел в приемной. Полина Викторовна предложила ему занять кабинет Сергея, то есть бывший кабинет отца, но Димка отказался. Ну куда ему — в драных джинсах и с помятой мордой — в папин кабинет? Не дорос он. Это «не дорос» так отчетливо оформилось в Димке, что он попробовал перебирать в уме то, за что отец мог бы им гордиться.

У него некогда был приличный рейтинг FIDE, и он даже занимал призовые места, но все это было до переезда в Москву. Здесь он ни разу не сидел за шахматную доску, хотя по старой памяти смотрел трансляции с разных чемпионатов. Еще у него был довольно приличный средний балл, но это тоже было не здесь. ЕГЭ он сдал кое-как, хотя до этого ежегодные тесты для российской аттестации ни разу не заваливал. Еще он хорошо плавал и... И не было в нем ничего вообще. Димка неожиданно с ужасом понял, что все его достижения закончились после исчезновения родителей. Мамино «мой чемпион» осталось в прошлом не только потому, что мама больше не смогла бы это сказать. У нее бы и повода сейчас не было. Как-то так вышло, что в Москве Димка забросил все, кроме учебы, да и ту вытягивал частично потому, что свободно говорил на английском, а вторым языком выбрал французский, на котором тоже говорил до этого. Он был, по сути дела, обыкновенным читером.

Осознание собственной никчемности накрыло с головой. Ему восемнадцать, а у него нет вообще ничего, чего бы он достиг сам.

Полина Викторовна не обращала на него никакого внимания. Что-то печатала, отвечала на звонки, заказывала билеты Сергею, который, как выяснилось, вскоре должен был улететь на неделю.

Димка выпил кофе, бездумно полистал какой-то журнал и, откинувшись на спинку кожаного дивана, прикрыл глаза, думая о том, что нужно что-то менять в жизни.

— Вставайте, граф, вас ждут великие дела, — услышал он сквозь сон и резко выпрямился.

Напротив него стоял Сергей, уже без пиджака и в ослабленном галстуке.

— Как все прошло? — спросил Димка, стараясь подавить зевок.

— Отлично, — ответил Сергей, хотя по его лицу нельзя было сказать, что он доволен. Впрочем, возможно, дело было не в бизнесе, а в Димке. — Давай очухивайся. Лев поговорить хочет.

Димка потер лицо ладонями, с трудом отлепился от дивана, и Полина Викторовна тут же протянула ему стакан воды с лимоном. Димка, поблагодарив, подумал, что мама все же была права насчет феи.

Сергей направился к выходу из приемной, и Димке пришлось идти следом. Чуть дальше по коридору располагалась еще одна приемная, в которой их встретила красивая и длинноногая секретарша. Сергей, велел Димке подождать, скрылся за полированной дверью, на которой висела табличка с именем дяди Лёвы.

Секретарша принялась беззастенчиво рассматривать Димку, и ему это действовало на нервы, однако хамить было бы неразумно. Пусть смотрит, в конце концов, от него не убудет.

Сергей выглянул из кабинета и поманил Димку к себе.

У дяди Лёвы тоже были панорамное окно почти во всю стену, большой стол и мягкие кресла для посетителей. Сергей отошел к окну, Димке же пришлось сесть в указанное

кресло. Чувствовал он себя при этом весьма неудобно. Хуже, чем у ректора. Дядя Лёва никогда его не ругал, но что ему мешало изменить своим привычкам?

— Ну рассказывай, боец, — произнес дядя Лёва, откинувшись на спинку большого кресла.

— О чем? — попытался потянуть время Димка.

— Да о себе. Как живешь, чем дышишь?

Димка прищурился:

— Дядь Лёв, так я уже позавчера на «Рене» рассказывал.

У Сергея зазвонил телефон, и он, подав какой-то знак дяде Лёве, вышел из кабинета.

Дядя Лёва развязал галстук и бросил его на край стола:

— Ну тогда про Машу мне расскажи.

— Про Машку? Зачем?

— Как вы познакомились? Как вообще у вас?

— Да обычно познакомились, нормально все у нас.

Димка принялся дергать бахрому на колене, разрывая джинсы еще сильнее.

— А дома ты у нее бываешь?

— Ну да...

Ему не нравился разговор, но дядя Лёва — не Сергей, от него не отмахнешься.

— А у нее отец есть?

— Есть.

— А расскажи про него.

Димка поднял удивленный взгляд, пытаясь понять, не шутит ли дядя Лёва.

— А зачем вам?

— Интересно. Я же в Москву совсем недавно вернулся. Сыновьям вон по восемнадцать стукнуло. Хочу о вас побольше узнать.

— А Машкин отец тут при чем? — нашел Димка слабое место в логической цепочке.

— Так, Дим, просто ответь на вопрос, а умничать мы с тобой потом будем, окей?

Только тут Димка понял, что дядя Лёва едва сдерживает раздражение. Была у него такая особенность: если ему что-то

очень не нравилось, он все равно улыбался и говорил довольно спокойно, но лицо у него при этом было такое, что сразу все становилось понятно. Вот только если он злится на Димку, почему заставляет рассказывать о Машке?

— Дядь Лёва, а зачем вам Машка? — прямо спросил Димка.

— Димыч, ты в берега-то вернись. Машка мне твоя сто лет как не нужна. А вот про ее семью я бы послушал.

— Да нормальная семья, — начал Димка, гадая, где носит Сергея. С ним, оказывается, было комфортнее. — Мама ее в нашем универе преподает.

— Хорошо преподает? — спросил дядя Лёва.

— Да нормально преподает. Вон у Крестовского спросите. Он у нее тоже учится, — выпалил Димка, а когда дядя Лёва приподнял бровь, добавил: — Ну, Ромка же, в смысле, тоже у нее учится. А папа служит в оркестре.

— Служит, значит... И как служит?

— Да я-то откуда знаю? Я ни разу не слышал, как он играет.

— А что так?

— Да не знаю. Как-то случая не было.

— Дим, а что ж ты на яхте отжигал с Юлиной подружкой, если у вас с Машей все серьезно?

— Ой, давайте вы не будете меня воспитывать, а? — огрызнулся Димка, которому на самом деле было до сих пор стыдно за тот вечер.

— Ну а кто ж тебя еще воспитывать будет? Сергей, смотрю, не справляется.

— Да нормально он справляется. Я совершеннолетний уже, если что.

— И что? Что нам это дает?

— Могу вообще один жить.

— И?

— Дядь Лёв, вы ведь злитесь, что я Кресто... в смысле, Ромке по морде... ну, по лицу дал. Пообещать, что больше не буду?

Димка с честным видом посмотрел в глаза крестного.

— Не, Дим. Пообещать мало. Я хочу, чтобы ты это выполнил. Чтобы вы с Романом наконец общаться начали как совершеннолетние. Сколько можно уже?

— Да вы ничего не знаете! — повысил голос Димка.

— Да все я знаю про твою Эмму. Значит, Эмма такая была, раз так быстро направление сменила.

— Ой, все. Давайте мы тоже направление сменим? Больше я нашего ненаглядного не трону. Не волнуйтесь.

— Ну, что у нас тут? — спросил вошедший Сергей.

— Да беда, Серёженька. Оболтус у нас с тобой вырос.

— Пф, — фыркнул Димка. — У вас. Смешно. Я сам по себе вырос.

Сергей опустил в соседнее кресло, оперся локтем о стол и, подперев щеку, устало посмотрел на Димку.

— Что делать будем? — спросил он.

— Говорит, больше так не будет, — отозвался дядя Лёва и тоже подпер щеку.

На этот раз фыркнул Сергей, и Димке стало обидно. Они оба смотрели на него, и видно было, что не верят.

— Ну что мне сделать? — не выдержал Димка.

— Наверное, для начала хорошо бы извиниться перед Романом, — сказал предатель Сергей.

Димка дернулся и отвернулся к стене, ожидая, пока пройдет желание немедленно заорать.

— Да не, кишка тонка у современных деток, — подал голос дядя Лёва. — Они же храбрые только в Сети и толпой. А если в одиночку да признать, что ты неправ...

Димка понимал, что его берут на «слабó». Внутри все противилось. Хотелось встать и хлопнуть дверью, послав их всех подальше. Но он вдруг подумал об отце и о своем решении что-то менять.

— Думаете, мне слабó? — повернувшись к столу, он в упор посмотрел на дядю Лёву.

Тот в ответ пожал плечами. Сергей молчал, однако смотрел очень внимательно. Димка приподнялся в кресле и выдернул телефон из кармана джинсов. Номер Крестовского висел предпоследним набранным, искать долго не пришлось.

Слушая гудки, Димка не смотрел ни на дядю, ни на крестного. Сердце бухало в груди, а в ушах почему-то опять звенело.

— Алло, — голос у Крестовского был настороженный.

— Здравствуй, Рома! Это Волков.

— Оу. Здравствуй.

Голос у Крестовского, оказывается, был не только настороженный, но и гнусавый.

— Как твой нос? — Димка выбрался из кресла и подошел к окну, разглядывая панораму города.

— Нормально, — откликнулся Крестовский и после паузы спросил: — Тебя кто-то заставил позвонить?

Димка зажмурился и вдруг вспомнил, что они с Крестовским были не просто друзьями: они были не разлей вода с самого сопливого детства, и тот слишком хорошо знал Димку.

— Типа того.

— Оу, — Крестовский звучал совершенно по-британски.

— Я звоню извиниться.

— Понятно, — протянул Крестовский. — Ты там скажи, что не проблема, все улажено. Я подтверждаю.

— Хорошо, — отозвался Димка и, услышав на заднем плане смех Юлы, зачем-то спросил: — У тебя Шилова?

— Нет, — ответил Крестовский, Шилова опять засмеялась, а Димка разозлился на Крестовского за вранье. Почему он всегда врет?

— Я у нее, — меж тем добавил тот.

— Оу, — подал голос Димка, понимая, что подстраивается под речь Крестовского.

Интересно, если бы они общались, он бы тоже начал криво строить фразы и по-дурацки произносить «р»?

— Плюшками балуетесь? — спросил он, вспомнив, что Юла вчера что-то там печь собиралась.

— Э-э-э, нет. Это как-то иначе называется.

— Это цитата из «Карлсона», придурок, — отозвался Димка.

— Оу, — снова сказал Крестовский.

— Ладно, пока. — Димка, не дожидаясь ответа, отключился и повернулся к мужчинам, которые смотрели на него с интересом.

— Ну, — Димка развел руками в стороны, — вы этого хотели?

— Почти, — отозвался дядя Лёва и почему-то заржал.

— Что? — прищурился Димка.

— Да не, ничего. — Дядя Лёва уперся локтями в стол и закрыл лицо ладонями. Его плечи мелко подрагивали.

Димка посмотрел на Сергея. Тот сидел в позе роденовского «Мыслителя» и тоже пытался не ржать. Димку начало накрывать злостью. Они специально выставили его дураком, а теперь им весело.

— Да идите вы, — буркнул он и направился к двери.

— Стой, — Сергей поймал его за запястье.

С первой попытки выдернуть руку не удалось, а продолжать дергаться было бы по-детски, поэтому Димка замер на месте, сверля взглядом футуристический пейзаж, висевший слева от двери.

— Просто на будущее: если извиняешься, не стоит говорить и так обиженному «придурок».

— А если он такой и есть? — процедил Димка, и взрослые опять заржали.

Глава 10

Я постигаю тебя как науку.

— Я запрещаю! Ты слышишь, Мария, я запрещаю тебе с ними общаться! С обоими.

Маша сидела на диване, откинувшись на спинку и скрестив руки на груди. На маму она не смотрела. Потому что, во-первых, ей было стыдно за сегодняшний спектакль в универе, а во-вторых, смотреть на маму было очень неловко. Всегда идеальная прическа мамы была растрепана, а сама она покраснела и выглядела одновременно несчастной и испуганной.

А началось это все после того, как Лев подвез Машу до университета и сообщил, что ему нужно переговорить с ректором, потому что он не хочет, чтобы у Димки были проблемы. Маша помнила, что он — Димкин крестный, и сидела в машине тише воды, ниже травы, боясь себе даже представить, каково сейчас Льву, когда его крестник, о судьбе которого он так печется, едва не сломал нос его собственному сыну.

Выскочив из машины, Маша едва не бегом бросилась к корпусу, в уме прикидывая, сколько лекций она пропустила. Это вон Шилова с Крестовским могут себе позволить никуда не ходить, а ей нельзя потерять бюджетное место.

Маму она увидела сразу. Та спускалась с крыльца, и даже по походке Маша поняла, что ей придется несладко. Мама очень редко ее ругала, но если уж так случилось, то это было то еще светопреставление.

Вдруг мама остановилась и шагнула назад, потом нелепо метнулась в сторону скамеек, будто собиралась спрятаться

за одну из них, но, одумавшись, все же пошла навстречу Маше. Хотя уже не так уверенно.

— Это ваш преподаватель? — раздался за Машиной спиной голос догнавшего ее Льва.

Маша, обескураженная маминым странным поведением, кивнула, не оборачиваясь.

— А что она ведет?

— Английский.

Лев поравнялся с Машей, и теперь они шли рядом навстречу маме.

— Это моя мама, — зачем-то добавила Маша, и Лев остановился.

Маша тоже остановилась и посмотрела на него.

— Мама? — Лев оглядел Машу так, как будто пытался отыскать этикетку, на которой было бы написано что-то вроде *Made by Irina Krotova*.

— Почему вы так смотрите? — поведя плечами, спросила Маша.

— Я ректору, пожалуй, позвоню, — вместо ответа сообщил Лев и, не дожидаясь приближения Машиной мамы, пошел в сторону парковки.

Мама не сказала Маше ни слова. Просто оглядела с головы до ног, как будто тоже ожидала увидеть какую-нибудь маркировку, потом посмотрела вслед ушедшему Льву Крестовскому и так же без слов направилась обратно к корпусу.

Маша потащилась за ней, понимая, что еще успевает на последнюю пару, но однозначно этому не радуясь.

Группа едва не разобрала ее на части. Пришлось объяснить всем, что у нее подписка о неразглашении. Как бы смешно это ни звучало, кто-то, кажется, всерьез поверил. Во всяком случае, от Маши отстали.

А вот дома началось. Вернувшаяся позже обычного мама начала разбор полетов.

Будто это Маша затеяла безобразную драку, специально прогуляла уроки и вообще... Лучше бы вон с Волковым разбирались. Впрочем, мама разобралась. Просто запретила Маше общаться с Волковым и Крестовским разом.

— Я понимаю, что тебе чем-то не угодил Крестовский, — наконец подала голос Маша. — Вернее, не понимаю, но вижу, но с Волковым-то что?

— А то, что сегодня я наблюдала свою дочь в эпицентре драки. Я преподаю там почти двенадцать лет, Мария. И первый раз мне было так стыдно. Как я могу требовать дисциплины и уважения от других, если моя собственная дочь...

Маша потупилась, мама же продолжила:

— Я думала, Дмитрий остепенится, однако он не просто презирует нормы поведения, он еще и тебя втягивает в безобразные истории.

— Мама, ну не надо так. Димка иногда слетает с катушек, но он же нормальный. И он очень уважительно относится к тебе, и...

— А к тебе, Маша? Хотя один из них относится уважительно к тебе? Волков отшвырнул тебя с дороги, как мешающий мусор.

— Мам, ты преувеличиваешь, — пробормотала Маша, хотя на самом деле ей было очень обидно из-за этого момента. К тому же поясница до сих пор болела.

— Нет, Маша. Это ты не замечаешь очевидного. Такие, как Крестовский, никогда не свяжут жизнь с такой, как ты. Они всегда будут тянуться к ярким и обеспеченным. К девушкам своего круга.

Маша нахмурилась. Не то чтобы она считала по-другому, но почему бедный Крестовский для мамы — как красная тряпка для быка? И это при том, что он был реально правильным до занудности. И никогда не доставлял никаких проблем ни маме, ни любому другому преподавателю.

— Мам, я не собираюсь связывать свою жизнь с кем-то из них. О чем ты вообще говоришь? С Крестовским я вообще не общаюсь. А с Димкой мы дружим. Ты ведь не была против! Неужели из-за одной драки?..

Мама некоторое время молчала, глядя на Машу очень серьезно, а потом негромко произнесла:

— Машка, я очень не хочу, чтобы тебе было больно. Я же каждый день смотрю на них. Ты думаешь, учителям

не слышны все эти разговоры про клубы, пати и прочее? Они живут в этом с рождения. Они просто другие. Если мы можем подарить тебе нормальный телефон только ко дню рождения, то тот же Крестовский выкинет очередной гаджет и не заметит. Ты вот мечтаешь о ноутбуке, а ему для этого не надо копить. Надо только сказать папе. Понимаешь?

— Понимаю, — спокойно ответила Маша. — А еще понимаю, что ты считаешь меня душой. Ты мне еще расскажи, что в мире не только богатые и бедные, а еще и угнетаемые слои населения есть. Про расизм расскажи, про экологическую катастрофу, про...

— Прекрати! — повысила голос мама. — Ты передергиваешь.

— Нет, это ты передергиваешь. Хватит считать, что вы умнее нас. Я сама сюда поступила, хотя ты говорила, что у меня не получится. Я учусь сама. Да, Волков и Крестовский наверняка поступили из-за связей, но они же тоже учатся. Ты же должна видеть! Крестовскому вообще сложно, потому что он половину терминов не сразу понимает. У него русский бытовой. Он на яхте в конкурсе не узнал ни одной цитаты, он вообще языковой барьер преодолевает, но учится же! Пишет! Все в срок сдает. И никто над ним не стоит. Он живет один вообще.

Маша выдохлась, но по лицу мамы поняла, что ей так и не удалось донести до нее одну простую мысль: они пусть и не до конца взрослые, но они тоже настоящие. И их бесит, когда все вокруг делают вид, что они до сих пор...

— А говорила, что вы не общаетесь, — голос мамы прозвучал устало.

— Он подвез меня до дома, и мы поговорили. Все. А сегодня я проводила его до квартиры.

Мама снова надолго замолчала. На стене тикали часы, а Маша почему-то вспомнила, что так же тихо было в квартире Крестовского, когда она прикладывала лед к его переносице. Там тоже было слышно, как тикают часы и сопит Крестовский своим разбитым носом.

— Маша, я хочу, чтобы ты меня услышала, — наконец подала голос мама и, подойдя к дивану, присела рядом

с Машей. — Жизнь очень длинная, и я понимаю, что не могу уберечь тебя от всех ошибок. Но я очень тебя прошу: выброси всю романтику из головы. Ты должна доучиться, раз уж выбрала такой путь.

— Да нет у меня в голове никакой романтики. С чего ты это взяла?

Мама внимательно посмотрела на Машу и наконец сдалась:

— Это хорошо, если нет. Но если я увижу хотя бы намек...

— Мама, мне восемнадцать!

— Я помню. Тебе всего лишь восемнадцать. И сломать сейчас жизнь нежеланной беременностью или брошенной учебой очень легко.

Маша подскочила как ужаленная и, не найдя что ответить, умчалась к себе в комнату. Какая беременность? Какая брошенная учеба?! У нее даже парня нет. У нее есть Волков, с которым никакой романтики при всем желании не склеишь.

Плюхнувшись на кровать, Маша обхватила себя за плечи. Она и в кошмарном сне не могла представить, что ее маму вдруг переменит на всей этой ерунде.

Телефон по-прежнему молчал. Волков за весь день так и не написал. Забравшись на постель с ногами, Маша подумала, что не может предположить, стыдно ли ему за сегодняшнее или же он до сих пор на нее злится. Некстати вспомнилось, как покраснел Крестовский, отказавшись сообщить тему их с Машей разговора. Надо же! Совсем не уметь врать...

Маша открыла список контактов и долго смотрела на номер Крестовского, потом зашла в мессенджер и увеличила его фотографию. Фотография была на редкость невнятная. Крестовский стоял на какой-то смотровой площадке, облокотившись на ограждение. За его спиной возвышались горы, и где-то внизу маленькими точками на синей глади белели то ли лодки, то ли яхты. Крестовский был в шортах цвета хаки, белой футболке и темных очках. В одной руке он сжимал телефон, в другой — путеводитель. Он был совсем

непохож на того Крестовского, которого Маша видела каждый день на лекциях.

Маша закрыла мессенджер и загрузила «Фейсбук». Страничка Крестовского все так же поражала своей унылостью. Записи здесь появлялись раз в сто лет и в основном были перепостами с результатами каких-то спортивных мероприятий с англоязычных страничек. Причем зануда Крестовский тащил сюда не только футбол, но еще плавание, теннис и даже гольф. Также он изредка фотографировал виды Москвы, в основном культурный центр, и подписывал тоже на английском. Под этими постами было довольно много комментариев, по которым Маша поняла, что Стив Мэйкерс, любитель постить картинки с девушками и противник знаков препинания, — близкий друг Крестовского, Питер Стельмак — приятель по школе, а некая София, юная звезда тенниса, просто тусит на этой страничке из любви к искусству.

Маша листала фотографии и думала о том, что Крестовский на селфи выходит как идиот, потому что ни разу его лицо не попало в кадр полностью. Зато достопримечательности влезали целиком.

Вверху его страницы появился перепост со странички Шиловой о сборе средств в какой-то приют для животных. Маша задалась вопросом, перечисляли ли Крестовский и Шилова реальные деньги или ограничились тем, что типа помогли несчастным котикам перепостом.

Маша зачем-то перешла на страничку Шиловой. Вот уж где записей и фотографий было завалилось. Во всех позах и ракурсах. Верхним постом висели фото с дня рождения Крестовского. Маша смотрела на вынесенное заглавным фото Шиловой и Крестовского и думала о том, что они ничем не отличаются от других деток из обеспеченных семей, которых она в душе презирала. Защищенные деньгами родителей, те понятия не имели о реальной жизни. Зачем Шиловой образование, если она выйдет замуж за олигарха и будет мелькать на светских тусовках, сбросив ребенка на няnek? Ее ребенок с рождения будет кататься на дорогих автомобилях и летать частными самолетами в любую точку

земного шара, а когда подрастет, будет жалостливо делать перепосты картиночек с просьбой о сборе средств для котиков и собачек. А Маша будет, как мама, работать без выходных, чтобы накопить на ноутбук дочери.

Настроение, и так неважное, испортилось окончательно. Маша вновь посмотрела на фото Крестовского. Он выглядел расслабленным и самоуверенным, улыбаясь так, будто ему принадлежал весь мир. Их беседа на палубе вдруг показалась ей сном. Крестовский не мог пригласить ее на ужин, не мог разговаривать с ней, как нормальный человек, не мог выглядеть таким искренним и заинтересованным. Она, наверное, все себе придумала от усталости и злости на Димку.

Сердясь на себя за то, что не может просто так закрыть страничку Шиловой, Маша начала листать фото, отстраненно удивляясь тому, что она там тоже была. Вечеринка, запечатленная неведомым фотографом, выглядела гораздо более веселой, чем запомнилась Маше.

На одной из фотографий именинник в задумчивости взирал на листы бумаги, разложенные на палубе. Вероятно, он участвовал в каком-то конкурсе, который Маша пропустила. Крестовский на фото положил ладонь на шею и смотрел себе под ноги так сосредоточенно, что Маше стало смешно. Фотограф поймал очень удачный кадр. Солнечный луч высветил торчащие вверх пряди в модной стрижке Крестовского, и создалось впечатление, что тот начинает светиться. Конкурсы, наверное, были все же смешными, потому что на большинстве фотографий участники хохотали. Маше стало немножко завидно оттого, что она не умеет расслабляться. Что ей мешало просто попытаться насладиться вечером, а не пасти Волкова? Все равно в итоге оказалась крайней.

На одной из фотографий Шилова была с Димкой. Они стояли вполоборота друг к другу, и Шилова что-то говорила, глядя на него снизу вверх, а Волков слушал, склонившись к ней, и улыбался уголком губ. Машу накрыло нестерпимым желанием удалить эту фотку к черту. Если бы она могла сделать это на чужой странице, сделала бы

не задумываясь. Шилова и Волков смотрелись так, будто позировали на обложку журнала. Никогда еще красота Димки и кукольность Шиловой так не бросались в глаза. Интересно, а Крестовский как это фото пережил? У него нигде не екнуло? И сам Волков нормальный вообще? Он после этого фото еще Маше какие-то претензии предъявляет?

Маша попыталась мыслить рационально. Они с Димкой не пара и никогда ею не были. Ни одного намека за почти три года общения. Но он сам назвал ее своей девушкой на яхте, а вел себя в итоге...

Чертыхнувшись, она скачала фото на телефон и, для приличия немного посомневавшись, переслала его Волкову с подписью «И это у тебя к нам с Крестовским претензии?».

Нажав «отправить», она тут же пожалела. Как воспримет это Димка? Вздернется? Посмеется? Позвонит и скажет что-то вроде: «Бесишь. Пойдем завтра в кино?»

Маша откинулась на прислоненную к стене подушку и посмотрела в потолок. Она прекрасно понимала, что пытается вывести Димку на разговор. Пусть даже это вновь закончится ссорой. Лишь бы понимать, что он еще есть в ее жизни. Почему-то ей в голову лезли воспоминания об осаде, которую Шилова устроила Димке в самом начале учебы. Присутствие Маши ее не смущало никоим образом. Шилова мимолетно с ней здоровалась и, ничуть не стесняясь, висла на Димкином локте и без конца куда-то его зазывала. Маша была уверена, что Димка поведет себя: пересядет к Шиловой, станет увозить ее после уроков, но Димка то ли был совсем недалеким в этом смысле, то ли умело прикидывался идиотом. Сверкал улыбкой, позволял себя обнимать, а потом говорил что-нибудь типа: «Давай в другой раз. У нас сегодня планы. Маш, идем». Маша с замиранием сердца проходила мимо Шиловой, с удовольствием говорила ей «пока» и даже улыбалась. И Шилова улыбалась в ответ. И по ее глазам Маша видела, что она хоть и злится, но все же не воспринимает Машу всерьез. А потом Шилова заgrabастала себе Крестовского, но при этом даже не подумала оставить в покое Димку. Машу это бесило.

Волков сообщение не прочел. Маша даже подумывала его удалить, но потом решила оставить.

Она просидела у себя до вечера, не желая пересекаться с мамой. Вышла лишь поздороваться с отцом. Тот вернулся поздно и, наскоро поев, принялся собираться в поездку. Его оркестр отправляли на недельные гастроли. Перед дорогой папа всегда нервничал, и его лучше было не трогать, поэтому Маша благоразумно спряталась у себя. Из своей комнаты Маша слышала, как родители ссорятся, стараясь не повышать голоса. Папа не мог что-то найти, а мама упрекала его в том, что он вечно все разбрасывает, а она не нанималась следить за его вещами. Маша не переживала по этому поводу, точно зная, что уже через полчаса в их семье будут мир и согласие. Это просто нервы и тяжелый день.

Перед сном она проверила телефон. Волков не звонил. Сообщение тоже не просмотрел. Маша некоторое время раздумывала, не позвонить ли ему и не сказать ли, что он придурок. Но почему-то не решилась. И это было странно. За последние два дня в их с Волковым привычном общении появилась какая-то дурацкая недосказанность. И все из-за Крестовского.

Маша вновь открыла страницу Шиловой и принялась листать фото с праздника. На последнем кадре Маша внезапно залипла. На переднем плане снова были Волков и Шилова. Димка держал банку пива, Шилова — какой-то коктейль. Они над чем-то смеялись. На заднем же плане в кадр попали Маша и Крестовский. Она помнила этот момент: Крестовский неожиданно возник рядом и спросил, в порядке ли Димка. И вот на фото он и Маша смотрят на Шилу с Волковым с одинаково серьезными лицами. И, глядя на вот этого Крестовского, сосредоточенного и обеспокоенного, легко было поверить, что он может серьезно за кого-то переживать. Маша сразу вспомнила их нелепый ужин. Пожалуй, не привиделось ей ничего. Вот только от этих мыслей настроение стало еще хуже.

Маша зачем-то вновь открыла в мессенджере контакт Крестовского. Долго смотрела на его фото, а потом вдруг решилась на глупость. Сама не зная зачем, она переслала

сохраненное фото Волкова и Шиловой Крестовскому, прокомментировав: «Как порядочный мужчина имеешь полное право дать в нос Волкову», и прикрепила улыбающийся смайлик.

Сердце понеслось вскачь, когда галочки доставленного сообщения окрасились, оповестив о том, что оно прочитано. Маша закусила указательный палец, глядя на системную надпись «Роман печатает...».

«Я не порядочный», — пришло в ответ, а следом — тоже улыбающийся смайлик.

Маша сглотнула и, вытерев вспотевшую ладонь об одеяло, написала:

«Надеюсь, Юлия в курсе».

Ответ пришел быстро:

«Думаю, да».

И тут же:

«Как твоя спина?»

Маша несколько секунд смотрела на сообщение, а потом медленно, по букве набрала:

«Хорошо. А твой нос?»

Надпись «Роман печатает...» висела так долго, будто он там «Войну и мир» набирал.

«На месте».

Маша, задержав дыхание, посмотрела на два слова, соображая, как будет лучше закончить переписку, потому что заканчивать было определенно пора. Она и так какую-то ерунду сотворила с этим фото.

«Спокойной ночи», — отправила она и, закрыв глаза, сжала телефон в руке. Некоторое время ничего не происходило, а потом поставленный на вибровозвонк мобильный задрожал, оповещая о вызове.

Никто, кроме Волкова, не стал бы звонить ей в десять вечера. Приготовившись к разборкам, Маша посмотрела на экран и почувствовала, как сердце подскочило. Во всю ширину экрана тянулась надпись: «Роман Крестовский».

Глава 11

Ты, оступившись, не отступаешь.

Единственным источником света в комнате Юлы был мерцающий экран ноута, стоявшего на письменном столе. Шторы в комнате были задернуты, отчего Романа немного клонило в сон, хоть он и собирался следить за происходящим на экране. Юла, уютно устроившись на его плече, то и дело смеялась, откидывая голову, отчего ее волосы щеко-тали Роману шею.

Рядом с ноутбуком стояли блюдо с крендельками и две фарфоровые чайные пары. Пальцы Юлы бездумно комкали футболку у Романа на животе. Пожалуй, если бы не отекавшая переносица и необходимость дышать ртом, его бы это волновало гораздо сильнее, чем сейчас. Специально ли Юла устроила чаепитие в такой двусмысленной обстановке или же не думала ни о чем подобном, Роман не знал, однако в присутствии Юлы чувствовал себя вполне уверенно. Во всяком случае, никаких мыслей о возможной подставе в голове не рождалось. Юла потерлась щекой о его плечо и звонко чмокнула его в ключицу:

— Тебе не нравится фильм или ты актеров не понимаешь?

Жанна Эдуардовна была первым человеком, который с ходу заметил проблемы в речи Романа. Она же и взяла на себя труд по решению большей части этих проблем. Спустя пару месяцев из речи Романа почти совсем исчез акцент, но Юла до сих пор считала, что у него проблемы с языком. Это немного нервировало, потому что проблем с пониманием бытового языка у Романа не было. Он ведь с детства говорил на русском с отцом, нянями и русскими

бабушкой и дедушкой. Он читал по-русски, в детстве иногда смотрел русские мультики. Ему казалось, что все не так уж и плохо, но стоило Юле вот так участливо поинтересоваться, как он начинал комплексовать.

— Нет, просто задумался, — ответил Роман.

— О Волкове или о Рябиной? — спросила Юла.

Роман рассмеялся, хотя смеяться было немного больно.

— Юлия, да вы ревнивы! — воскликнул он, копируя интонации Жанны Эдуардовны.

— Жаль, что вы — нет, — грустно вздохнула Юла.

— А должен? — тут же подобрался Роман.

Юла задумчиво провела пальцем по его груди, животу и без предупреждения больно ущипнула за бок. Роман вздрогнул, но смолчал.

— Вообще мне было бы приятно, если бы тебе разбили нос из-за меня, а не из-за Рябиной.

Осторожно выбравшись из-под Юлы, Роман сел. Света было мало, поэтому он не мог толком рассмотреть выражение ее лица.

— Подожди. — Он потер виски. — Ты сейчас призналась в том, что ревнуешь меня к Маше?

— Крестовский, какой же ты придурок! — воскликнула Юла и, потянувшись к ноуту, поставила фильм на паузу.

— Поясни, пожалуйста, — попросил Роман, потому что ему не нравилось чувствовать себя придурком.

— Даже если это так, обязательно говорить прямо?

В этом месте Роман завис.

— А как же тогда понять?

— Слушай, у тебя вообще девушки были в этом твоём Лондоне?

Роман окончательно потерял нить разговора и, главное, уже опасался что-либо говорить, потому что Юла явно расстроилась, поэтому он просто кивнул.

— И тебя никто из них не ревновал?

— Не знаю. Не думаю. Мы не обсуждали это.

— Во-о-т, Рома, золотые слова. Это то, что не обсуждают.

— Юль, давай сначала. Ты обиделась на что-то. Я не могу понять, всерьез или нет. Если я что-то сделал не так, просто скажи.

— Что у тебя с Волковым?

Роман нахмурился и отодвинулся от Юлы. Да что они все привязались к этому Волкову? С ним уже и поговорить больше не о чем, только о Волкове?

— Мы когда-то дружили, потом перестали, — сухо ответил он.

— Тебе неприятна тема, поэтому ты сердишься. Так? Вот и мне неприятно, что ты куда-то там возил Рябинину, неприятно видеть, как ты на нее смотришь. Я терплю это полгода уже. И это не смешно! — рывкнула она, когда Роман, не сдержавшись, заржал.

— Юля, ты что? — его изумление было абсолютно искренним. — Какая Маша? Куда возил? Она — девушка Волкова. Я... Да это же смешно.

— Это не смешно. И ты называешь ее исключительно по имени!

— Я всех называю по именам, — парировал Роман.

— Ага, особенно Волкова.

— Да хватит уже с Волковым. — Смеяться ему больше не хотелось. — Маша подумала, что Волков остался на яхте. Ее туда не пустили, поэтому ей пришлось позвонить мне. Я что, должен был ее оставить мерзнуть?

— Ты должен был остаться со мной. Бабушка говорила, что предлагала тебе. А ты умчался к своей Маше.

— Боже, Юля, ну ты что? Как я мог остаться? Это было бы неуместно!

— А может, нам уже наконец сделать так, чтобы это было уместно? — Юла вдруг взялась за майку и потянула ее вверх. Роман вскочил как ужаленный.

— Стой, стой! — Он выставил руки, и Юла замерла, так, к счастью, и не раздевшись. Роман несказанно обрадовался, что в комнате темно, потому что его лицо просто пылало.

Он собрал себя в кучу и присел на корточки перед Юлой, стараясь не думать, что это — спальня, они одни и за его

спиной, в паре метров, стоит кровать. Да и диван тут, опять же. Положив ладони на руки Юлы, все еще сжимавшие край майки, Роман настойчиво их опустил.

— Давай мы это обсудим, когда ты не будешь злиться. Ладно?

Юла поджала губы и отвернулась. Роману показалось, что она обиделась еще сильнее. Что делать, он понятия не имел, поэтому просто подался вперед и, скользнув ладонью по ее щеке, осторожно поцеловал в губы. Целоваться и дышать разбитым носом было тем еще удовольствием. Юла прервала поцелуй. То ли сжалилась, то ли ее начало раздражать его сопение.

— Ты иногда придурак! — сердито произнесла она, но при этом взъерошила ему волосы и провела пальцем по вороту футболки.

Если честно, Роман считал, что Юла тоже иногда ведет себя не слишком умно, но, разумеется, эту свою мысль он не озвучил.

К счастью, телефонный звонок спас его от продолжения разговора. Взглянув на экран, Роман от неожиданности попытался глубоко вдохнуть носом и едва не застонал, подумав, что надо было все-таки выпить обезболивающее. Тогда он смог бы ответить Волкову более адекватно.

Разговаривать с Волковым по телефону впервые за много лет было странно. Это было первое, на чем зафиксировался Роман, и лишь потом он заметил, что в голосе Волкова звучат одновременно азарт и раздражение. А уж когда тот спросил про нос, все встало на свои места.

— Тебя кто-то заставил позвонить? — спросил он.

Волков подтвердил, и Роману стало неудобно. Димкино «здравствуй, Рома» выбило его из колеи гораздо сильнее, чем Роман мог ожидать. Он даже на минуту подумал, что этот звонок что-то значит. Тем более что с утра он обнаружил несколько пропущенных от Волкова и уже успел нафантазировать всякого. Вот только перезвонить побоялся.

Собравшись с мыслями, Роман заверил Волкова, что подтвердит, будто все улажено, и собирался распрощаться. В это время Юла, вновь успевшая включить фильм, рассмеялась,

и Волков про нее спросил. Роман подумал, что должен был бы, наверное, приревновать. Ну Юла же этого хотела? Но почему-то у него не получалось. Да еще Волков сбил его этими крендельками. В общем, разговор вышел на редкость идиотским, и прервал его, разумеется, Волков. Как всегда.

Юла, к счастью, решила больше не выяснять отношений. Похлопала по дивану рядом с собой, и Роман послушно сел, а потом притянул ее к себе и, чмокнув в макушку, подумал, что он может ее ревновать, если ей хочется. Несложно же. Смущало лишь то, что, похоже, Юла очень хотела, чтобы он ревновал именно к Волкову.

Вернувшаяся от подружки Жанна Эдуардовна очень изысканно выразила свое мнение относительно залепленной переносицы Романа и розовых пятен, начавших проступать под его глазами, потом снова поила их чаем и рассказывала театральные истории. Юла, кажется, все еще немного дулась, Роман же был задумчив, размышляя о не к месту проснувшейся решительности Юлы. Не то чтобы их отношения до этого были слишком целомудренными, однако Юла всегда мягко останавливала все попытки Романа перейти черту. Он относился к этому с пониманием и не настаивал. В конце концов, девушка здесь не он. Сегодняшний же порыв оставил после себя неприятный осадок. Роман был не против секса, наоборот, но ему категорически не нравилось, что Юла решилась на это на волне разговора о Маше и Волкове. Это казалось неправильным.

Перед самым его уходом домой, когда Юле позвонила какая-то из подружек и она упорхнула к себе, Роман спросил у Жанны Эдуардовны:

— А что такое «фельдшер»?

— А это, мой милый, полевой врач.

Роман удивленно приподнял бровь, и Жанна Эдуардовна рассмеялась своим музыкальным смехом.

— Ну, не все так буквально, Роман. Теперь-то это просто врач со средним медицинским образованием. А почему вы спрашиваете?

— А это просто бабушка Маши Рябининой, которая вяжет винтажные жакеты, работала фельдшером, и этот

факт ее биографии очень поразил Романа, — пояснила незаметно подошедшая Юла.

Роман закусил губу и посмотрел в потолок. Крыть было нечем.

— Какая разносторонне одаренная бабушка, — задумчиво произнесла Жанна Эдуардовна, смерив Романа взглядом.

Роману ничего не оставалось, как распрощаться и уехать.

По пути он позвонил маме и узнал, что отец купил ей билет и завтра она вылетает. У Романа отлегло от сердца, потому что он до последнего боялся, что отец передумает. Добравшись до дома, он позвонил отцу, а когда тот написал, что не может говорить, отбил сообщение: «Спасибо за билет для мамы».

Отец прислал: «Дело за тобой. Выполни обещание».

«Не вопрос», — ответил Роман, а сам задумался, почему отец так прицепился к Маше. Почему Юла так к ней прицепилась? Про мотивы Волкова он не гадал. Они-то как раз были понятны. Маша была красивой. Не такой яркой, как Юла, но у нее была очень милая улыбка, а еще она была умной и явно терпеливой, раз уж так долго выносила Волкова. К тому же эти два попугайчика-неразлучника, как назвала их Юла, постоянно о чем-то говорили. Даже на лекциях. Роман этому отчаянно завидовал. Его круг общения в Москве был настолько ограничен, что порой хотелось взвыть. Отец, Юла, пара ее подружек и Жанна Эдуардовна...

По неведомой Роману причине одноклассники обходили его стороной. Честно признаться, когда отец заговорил о празднике на «Рене», Роман чуть сердечный приступ не схватил, представив, как будет объясняться с отцом, если все проигнорируют его приглашение. Но то ли Юла постаралась, то ли народ из группы был на редкость вежливым, не пришли только двое. Даже Волков явился, хотя Роман был уверен, что ни его, ни Маши не будет. Весь вечер на «Рене» Роман думал о том, как было бы классно, если бы время можно было отмотать назад. Если бы не было их с Волковым дурацкого спора, вечеринка прошла бы и вполтину не так уныло. Димка был не просто сердцем любого праздника, он сам был праздником. Когда-то...

Мысли Романа перескочили было на Машу, но он запретил себе думать в этом направлении. Да, Маша обратила его внимание на себя на целых сорок пять минут, пока Роман не понял, что она — девушка Волкова. Но это было восемь месяцев назад.

Телефон пиликнул входящим сообщением. Решив, что это отец попрощался, Роман потянул гаджет к себе, одновременно наливая сок в стакан. Пакет в руке дрогнул, и оранжевое пятно разлилось по барной стойке. Маша Рябинина прислала фото Волкова и Шиловой, да еще с комментарием.

Юла уже показывала ему это фото, и Роману вправду было неприятно видеть их с Волковым вместе. Но это «неприятно» совсем не относилось к Юле. Ему было неприятно от мысли, что Димка мог пытаться отомстить таким банальным, примитивным способом. И если бы это было так, тогда Роману пришлось бы признать, что он совсем не знает Волкова и никогда не знал.

«Я не порядочный», — написал он, ничуть не покривив душой, потому что порядочный человек сейчас сделал бы вид, что никакого сообщения не получал, а чуть раньше повел бы себя с Юлой иначе.

«Надеюсь, Юла в курсе».

«Однозначно», — подумал Роман и написал: «Думаю, да». А потом, не удержавшись, спросил о ее спине. Не то чтобы он вправду волновался. Но вот зачем-то спросил, и все.

Она в ответ спросила про его нос. Роман глотнул сока и застонал сквозь зубы от тупости происходящего.

«Маша, ты прости, я не хотел бы продолжать общение. Ничего личного, просто так будет луч...»

Он посмотрел на написанное и понял, что Юла еще каждый раз шадит его в своих формулировках. Он не придурок — он хуже. Стерев надпись, он набрал «на месте» и отложил телефон, твердо намереваясь игнорировать сообщения, если она пришлет что-то еще. Зачем он ведется на ее игру? Зачем собирается что-то объяснять? Они даже не друзья! Они вообще до вчерашнего дня парой слов не перекинулись. Нельзя позволить втянуть себя в дискуссию.

На экране высветилось «спокойной ночи». Роман некоторое время смотрел на телефон. Экран успел погаснуть, но два слова намертво отпечатались в зрительной памяти. В его голове было совершенно пусто, когда он разблокировал успевший уснуть телефон и нажал на вызов.

Пока шли гудки, Роман бросил взгляд на часы и хлопнул себя по лбу. Звонить после десяти вечера постороннему человеку...

— Алло, — голос Маши звучал немного испуганно.

— Маша, извини, я не посмотрел на время. Надеюсь, я никого не побеспокоил.

— Нет. У меня своя комната, а звук был выключен.

— Хорошо.

— Угу.

Роман прижал ладонь ко лбу и помотал головой. Зачем он позвонил? Он вправду идиот?

— Как там Волков?

— Не знаю, Роман, я его сегодня больше не видела. Сообщения он не читает.

— Понятно, — протянул Роман. — Слушай, мне правда жаль, что все так получилось. Я, наверное, должен был соврать что-нибудь на его вопрос. Я просто не сообразил.

— Он сказал, ты не умеешь врать.

Роман усмехнулся, Маша — тоже.

— Не самый страшный порок, — заметила она и неожиданно добавила: — По-моему, это мило.

— Но очень неудобно временами, — на автомате ответил Роман, радуясь тому, что она не видит, как он покраснел.

— Это да.

Они опять замолчали. Роман придумывал, как бы ему сказать о том, что им не стоит общаться. Маша негромко вздохнула, и тут Роман вспомнил, с чего началась их вечерняя переписка.

— Ты расстроилась из-за фото?

— Ну так...

Кажется, у него был план — не позволить втянуть себя в дискуссию, который он с треском провалил.

— Слушай, не бери в голову. Это же просто фотка. Вон Валерку с Ксеньей тоже так сфотографировали, что очень много всего подумать можно.

Маша рассмеялась, и Роман невольно улыбнулся сам.

— К тому же Волков... правильный. Он просто расстроился там. А вообще он не стал бы...

— Рома, — вдруг перебила Маша, впервые назвав его неполным именем, — ты сейчас себя успокаиваешь или меня?

Роман ответил не сразу. Выдернув из салфетницы ворох салфеток и накрыв ими лужу на барной стойке, он некоторое время наблюдал за тем, как на них проступает оранжевый цвет.

— Тебя. Но и себя — тоже немного. Мне кажется, Юле он нравится, — неожиданно для самого себя признался он.

Теперь молчала Маша, а Роман ждал ее ответа, возя мокрыми салфетками по столешнице.

— Он многим нравится, — наконец сказала Маша. — Он классный. Но мне кажется, тебе не стоит волноваться. Вы с Юлей — очень хорошая пара.

Роману стало необъяснимо неловко от этих слов. Особенно когда он вспомнил свою сегодняшнюю ссору с Юлой.

— Спасибо, — пробормотал он и решил: — Я на самом деле тебе по делу звоню.

— Правда? — медленно спросила Маша. — По какому?

— Оно, правда, дурацкое, и я не знаю, как начать.

— Заинтриговал, — рассмеялась Маша, впрочем, немного нервно.

— Я хотел тебя попросить... В общем, будет лучше, если мы перестанем общаться.

Договорив фразу, он понял, насколько тупо это прозвучало. С чего он вообще решил, что Маша хотела бы с ним общаться? Сам ей позвонил и несет такую ерунду. Роман облокотился о столешницу, подпер лоб ладонью и хотел сказать, что дело в Волкове, — ну не говорить же про отцовский запрет, — но Маша снова его удивила.

— А кто так решил, Рома?

Он подумал, что говорить про отца не стоит. Тогда пришлось бы объяснять, что у них договор, а это было бы уже совсем личное, а Маша добавила:

— Я спрашиваю потому, что мама сегодня категорически запретила мне с тобой общаться.

— Оу, — сказал Роман, и его желудок отчего-то неприятно сжался. Он интуитивно чувствовал, что не нравится Ирине Петровне, но так и не понял причины. — А почему, она не сказала?

Маша грустно вздохнула и призналась:

— Я хотела у тебя спросить. Думала, ты знаешь.

Роман нахмурился, понимая, что теперь точно не стоит признаваться про отца.

— Я не знаю, Маша. Но так, наверное, вправду будет лучше. И Волкову спокойней.

— Крестовский, ты смешной, — вдруг сказала Маша, и на этот раз ее смех звучал не так приятно, как обычно.

Он хотел спросить, почему она так считает, но Маша повесила трубку.

Роман снял очки, допил сок и понял, что этот понедельник побил все рекорды по идиотизму. В Лондоне еще было не очень поздно, поэтому Роман набрал Стива, чтобы хотя бы какое-то время не думать о Маше и о том, что может быть общего у его отца с Ириной Петровной, потому что в антипатию без причин и такие совпадения Роман определенно не верил.

Глава 12

И в мир возвращаются краски и звуки.

Сергей, отпустив Андрея до завтрашнего утра, сам сел за руль. В другой раз Димка напомнил бы, что не ездит на переднем сиденье, но сегодня он чувствовал себя виноватым, поэтому, когда Сергей распахнул для него переднюю пассажирскую дверь, послушно сел, про себя считая до десяти, чтобы не накрыло паникой. Это помогало не всегда, но сегодня, к счастью, сработало.

Сергей вел аккуратно, и Димка отметил, что дядя — один из немногих водителей, рядом с которыми он чувствовал себя в машине более-менее комфортно.

Чтобы отвлечься от поездки, Димка откинулся на спинку сиденья и, глядя в окно, воспроизводил в памяти разговор с Крестовским, а еще размышлял о том, почему придурок Крестовский так и не дал сдачи. Это бесило, потому что Крестовский выходил жертвой, а так не должно было быть. Еще в голову лезло то, как Крестовский покраснел, когда отказался сообщить, о чем они говорили с Машкой. И та тоже хороша!

— Дима, давай поговорим начистоту, — вдруг произнес Сергей на очередном светофоре, и Димка мысленно застонал.

Ну что за непонятно откуда взявшаяся любовь к разговорам? Ведь хорошо же жили: общались по минимуму, преимущественно в дни семейных выходов в свет. Ну сейчас-то зачем каждый чих обсуждать?

— Лицо попроще сделай, — попросил Сергей, когда Димка к нему повернулся.

— Такое пойдет? — Димка натянул идиотскую улыбку.

Сергей на это не отреагировал. Тронулся вместе с потоком машин и какое-то время молчал. Димка даже успел обрадоваться, что разговоры отменяются.

— Я тебе не отец, — наконец озвучил Сергей очевидный факт. — И никогда им не стану. Но так получилось, что я несу ответственность за вас с Леной. Ты парень неглупый. Думаю, на совете директоров понял, что дела у компании не ахти?

Димка неопределенно хмыкнул. Ничего он, разумеется, не понял, потому что вообще не вникал в то, о чем там говорили.

— Что это значит? — подал голос он.

— Это значит, Дима, что единственный человек, который может сейчас повлиять на ситуацию, — Лев. Управляющий, которого он назначил после гибели твоего отца...

— Исчезновения, — автоматически поправил Димка.

— Дима! — Сергей повысил голос. — Ты можешь называть это как угодно, речь сейчас не об этом, а о том, что управляющий бросился набивать свои карманы, а я был недостаточно компетентен, чтобы это понять.

— Ну так подайте на него в суд, — резонно предложил Димка.

— В суд, — Сергей усмехнулся. — Такие люди, Дима, совершают махинации по схемам. На бумаге все чисто: тут субсидия, там дотация, здесь благотворительный фонд... На то, чтобы все это доказать, уйдут время и деньги.

Сергей замолчал, постукивая по рулю. Не дождавшись продолжения, Димка спросил:

— А для чего ты мне все это рассказываешь?

— Потому что это ваше будущее! — вдруг заорал Сергей, стукнув кулаком по рулю, отчего сработал клаксон, и в соседнем ряду посигналили сразу несколько человек.

Сергей сжал пальцами переносицу и зажмурился. Движение возобновилось, но Сергей тронулся, только когда сзади посигналили, и быстро нагнал оторвавшийся на светофоре седан.

Он вел уверенно и выглядел уже вполне успокоившимся, но Димка все равно чувствовал, что машина идет непривычно быстро. Внутри начала подниматься паника.

Наверное, Сергей не до конца понимал, насколько сильно Димку корежило на переднем сиденье. Иначе не делал бы так. Или же делал бы? Когда Сергей резко перестроился в левый ряд под гудок сзади, Димка потянулся к ремню безопасности, который из принципа никогда не пристегивал. Сергей, казалось, этого не замечал, продолжая лавировать в потоке. Когда им в очередной раз посигналили, Димка не выдержал:

— Если мы сейчас оба угробимся, у Ляльки никого не останется, — подал голос он, стараясь говорить спокойно, хотя очень хотелось истерично орать.

Сергей, словно только этого и ждал, влез в средний ряд и сбросил скорость.

— Хорошо, что ты это понимаешь.

В машине снова наступила тишина. Приемник мурлыкал какой-то классикой, за окном мелькали торговые центры и высотки. Димка чувствовал, что приступ панической атаки отступает, хотя сердце еще колотилось в горле, то и дело сбиваясь с ритма. Когда же он уже перестанет быть психом? Сколько можно? Димка вспомнил, что у него сегодня психолог, но желания идти на очередную бесполезную встречу не было, поэтому он отбил сообщение о том, что заболел и прийти не сможет. Сергей по-прежнему молчал, и от этого было неуютно. Димка вдруг опять некстати подумал, что Сергей еще совсем молодой и мог бы жениться, жить себе нормально. А вместо этого...

— Слушай, а где Марина?

— Какая?

— Ну, помнишь, Марина такая была? Она даже как-то пару раз к нам приезжала.

— Нет ее больше.

— Случилось что-то? — встревожился Димка. Марина ему не особенно нравилась, но явно нравилась дяде.

— Да нет. Для того чтобы люди расстались, необязательно должно что-то случиться. Чаще всего достаточно просто не подходить друг другу.

— А вы типа не подходили?

— А я типа не знаю.

В машине снова повисла тишина. Димка размышлял о том, что, в его понимании, любящие люди должны быть всегда вместе. Как папа с мамой. Они даже умерли, то есть пропали, в один день, как в дурацкой сказке. Мысли перекинулись на Машку. Димка никогда не анализировал их отношения. Машка априори была его, и она должна была всегда находиться рядом. Потому что люди должны быть вместе. И всякое «не подходить друг другу» в его картине мира не приветствовалось.

— Марина хотела денег, — неожиданно произнес Сергей. — Так тоже бывает. Она любила тусовки, брендовые вещи. А я был достаточно наивен, чтобы не заметить этого сразу. А когда оказалось, что я не готов покупать ей брендовые вещи и водить ее на тусовки, Марина испарилась.

— Ну хоть здесь мы с Лялькой ни при чем, — пробормотал Димка.

Сергей усмехнулся, и Димка подобрался:

— Или при чем?

— Да неважно это уже, Дим. Но Лялька однажды заката ей сцену, когда та уронила вазу вашей мамы. Ваза не разбилась, слава богу. Но Марина тогда сказала, что вы оба психи и вас надо лечить.

Димка напрочь забыл об этой истории, хотя прошла какая-то пара лет. А ведь и правда Лялька орала тогда так, что весь поселок, наверное, слышал. Димка сначала пытался ее успокоить, а потом тоже орал на Сергея и Марину. Надо же, как интересно работает память.

— Блин, извини, — произнес он.

— Да ерунда это. Правда.

— Ну а если не Марина, а какая-нибудь Катя, Света, Ира... Ты у нас парень видный, богатый.

— Господи, Дима, когда об этом говорит Полина Викторовна, это не звучит даже вполтину так глупо, как когда это делаешь ты, — заржал Сергей, но как-то совсем необидно.

— Я о тебе забочусь, — буркнул Димка.

— Неужели? Меня услышал кто-то там наверху! Мой племянник обо мне заботится! — Сергей заорал так радостно, что теперь, глядя на него, заржал и Димка. — Вот

только ты скажи, когда мне заниматься поисками Марин, Маш и Тань? Днем я работаю, вечером учусь, а по выходным бегаю по потолку в ожидании звонка не то из полиции, не то из больницы, потому что мой заботливый племянник отжигает не по-детски.

Димка хмуро посмотрел в окно. Сергей был прав, и это было самым паршивым.

— Ну, давай мы договоримся о времени, когда я не буду отжигать. И ты сможешь тратить его на себя.

— Да речь сейчас вообще не обо мне.

— А о чем?

— Я хочу, чтобы ты начал вникать в дела компании, — вдруг произнес Сергей.

— Чего? Ты с дуба рухнул? Где я и где...

— Нет, — перебил Сергей и, на миг отвлекшись от дороги, очень серьезно посмотрел на Димку. — Это твой бизнес. Это дело твоего отца. Старожилы компании надеются на тебя.

— Да что ты городишь? Они на тебя надеются!

— Они надеялись. Но я не подхожу для этой роли, Дим.

— Почему?

— Потому что я врач-травматолог. Я могу наложить шину и вправить вывих. А сейчас я сижу на лекциях в этом долбаном универе и не понимаю, что я там делаю. У меня зубы сводит от этих графиков и диаграмм. Я уже учился шесть лет. Не могу больше. Домой хочу, — вдруг невпопад закончил Сергей, и у Димки екнуло сердце.

Сергей родился и вырос не в Москве. С братом он виделся всего пару-тройку раз. А что, если ему и правда плохо здесь?

— Но разве ты в детстве не мечтал о большом наследстве? — осторожно произнес Димка. — Ну, как в сказках или сериалах: крутые тачки, деньги...

— Когда люди мечтают о наследстве, они представляют себя на песчаном пляже с коктейлем, в окружении красивых девушек.

— И?

— Да я в отпуске ни разу не был за последние три года. А море вообще видел только по телевизору.

— Да ладно... Ты не был на море?

— Не-а. Ни разу. Тоже сначала думал: юху! Наследство! Девушки, деньги, пляжи... Мечтал на доске стоять научить-ся. А потом вас увидел.

Димку почему-то не покоробил тот факт, что Сергей не скорбел о брате, а вроде как даже обрадовался наследству. Хуже было бы, если бы Сергей сейчас принялся врать.

— А что мы? — спросил он, когда понял, что дядя молчит.

— А что вы? А вы, Димка, такое наследство, что не знаешь, куда бежать.

— Ну так отказался бы, — буркнул Димка. — Все равно же признаешь, что ни отдыха, ни пляжа не получилось. Или ты не сразу понял?

— Да сразу я понял, что ничего не выйдет. Только есть такой рудимент, Дима, как совесть. Лена ведь не говорила вообще. Ты, небось, не помнишь, а я от нее первое слово услышал, только когда вместе с вами три месяца и четыре дня прожил. И то сказала она его не мне, а собаке на улице.

Димка вправду этого не помнил. Он вообще не помнил первые месяцы после исчезновения родителей. Очнулся он уже в Москве, где Сергей, дядя Лёва и их домработница в один голос уверяли, что переезд в Россию был его идеей. Димка же был как во сне. Помнил только, что без конца смотрел новости и обновлял страницу с информацией о поисковой операции. Что в это время происходило с Лялькой, он понятия не имел.

Димка посмотрел на Сергея и прямо спросил:

— Ты хочешь, чтобы я вник в дела фирмы и ты мог свалить из Москвы?

Сергей посмотрел в зеркало заднего вида, потом — поочередно в боковые, хотя никаких маневров делать не собирался — во всяком случае, поворотник не был включен, — и наконец произнес:

— Я хочу, чтобы ты полноценно вошел в совет директоров, я хочу быть уверенным, что, когда Лев наиграется в ностальгию по родине и уедет в Лондон, ваше с Леной состояние не окажется под угрозой. Да, тебе придется вникать в кучу вещей, да, тебя никто не будет воспринимать всерьез, потому что тебе восемнадцать и ты, прости, ведешь

себя как балбес. Но это необходимо сделать. В компании достаточно людей, которые тебя поддержат. Кто-то — в память об Алексее, кто-то — потому что реально предан компании и не хочет менять место работы. Будут, конечно, те, кто попытается сделать из тебя марионетку, так что будет нелегко. Но это — единственная возможность. Другого шанса у тебя не будет, Дим!

— Но ты не ответил на вторую часть вопроса. Ты хочешь уехать, когда я во все вникну?

Димка и сам удивился тому, как замерло его сердце в ожидании ответа. Про то, сколько работы его ждет, если следовать плану Сергея, он старался не думать. Это было настолько неожиданно и глобально, что мозг пока пасовал.

— Ну куда я от вас денусь, Дим? — с усмешкой ответил Сергей, глядя на дорогу.

— Это не ответ! — повысил голос Димка. — Ты хочешь уехать?

— Я хочу, чтобы у вас с Леной все было хорошо. И я буду в Москве столько, сколько понадобится. Если ты начнешь вникать в дела и в итоге решишь переоформить опекунство, то этот вопрос тоже решим.

Димка отвернулся к окну, стараясь не злиться. Его просто разрывало от желания заорать и обозвать Сергея предателем, потому что он хотел свалить и оставить их с Лялькой одних. А ведь Ляльке до совершеннолетия всего каких-то два с половиной года осталось. С другой стороны, Димка понимал, что требовать от Сергея отдать им еще два с половиной года его жизни после того, как он уже отдал три, — не слишком честно. Оказывается, в нем тоже наблюдался такой рудимент, как совесть. Но как же это было паршиво!

Заиграл старый добрый рок, и Сергей прибавил звук, а потом начал негромко подпевать. Димка тоже принялся беззвучно шевелить губами. Не прошло и полминуты, как они с Сергеем, безбожно фальшивя, орали, что «завтра канет в небытие, поэтому оно не стоит того, чтобы о нем беспокоиться». И это вдруг оказалось классно — лететь по трассе, чувствовать, как вибрирует машина от басов, и орать во всю глотку с человеком, который, кажется, не собирается тебя бросать.

Лялька привычно не ответила на стук, и Димка толкнул дверь. В комнате опять царил полумрак, только на этот раз Лялька не сидела перед мерцающим монитором. Она лежала на животе на кровати, покачивая согнутой ногой в такт музыке. Димка некоторое время смотрел на ее ступню в полосатом носке, а потом все же вошел, показав по пути средний палец японским мальчикам на плакате.

— Ляль, — позвал он.

Сестра не отозвалась, продолжая все так же болтать ногой. Димка не хотел ее пугать, поэтому вернулся к двери и щелкнул выключателем. Лялька подскочила на кровати и быстро спрятала телефон под подушку. Димка проследил за ее маневром.

— Испугал, — неестественно громко сказала Лялька и, стащив наушники, придвинулась к подушке, загораживая ее от Димки.

— Привет, — подал голос он, переводя взгляд с синей в мелкий цветочек наволочки на сестру. — А почему ты телефон спрятала? — прищурившись спросил он и с изумлением увидел, что Лялька краснеет. Прямо как Крестовский сегодня — неровными алыми пятнами.

— Нипочему, — отрезала Лялька, нервно заправляя прядь волос за ухо. — Ты же должен был в бассейн сегодня идти.

— Я уже вернулся, — ответил Димка, чувствуя, что сонливость, бывшая вечной его спутницей после бассейна, мигом улетучилась.

Он медленно направился к кровати. Лялька придавила подушку рукой. Это было на самом деле смешно, потому что, если бы Димка захотел сейчас достать телефон, Лялька ему не помешала бы: она весила самое большее килограммов сорок. Димка остановился у кровати и посмотрел на сестру сверху вниз. Пунцовая Лялька придавила подушку второй рукой.

— Только попробуй, — прошипела она, как маленький рассерженный котенок.

На раздумья у Димки ушло секунд двадцать, не больше. Он мог сейчас забрать телефон, но тогда на попытках общения с Лялькой можно было бы смело поставить крест.

— Да нужен он мне больно, — протянул Димка и сел рядом с сестрой.

Лялька недоверчиво на него посмотрела. Сейчас она была почти непохожа на маму. Мама никогда не выглядела так жалко.

— Я с Сергеем разговаривал, — произнес Димка, упираясь взглядом в пустые книжные полки на противоположной стене.

— И?

Боковым зрением он видел, что Лялька на ощупь шарит под подушкой.

— Он сказал, что не планирует нас бросать.

Лялька ничего не ответила, и Димка посмотрел на нее. Глаза у нее были огромные, будто он сказал что-то удивительное. А еще она ему явно не верила.

— Правда, — отчего-то обиделся на недоверие Димка.

— Зачем ему это? Вряд ли деньги покрывают вот это все. — Лялька обвела рукой пространство, имея в виду то ли свою комнату, то ли их дом, то ли их с Димкой жизнь.

— Потому что он не может нас бросить. Он не хочет нас бросать. Мы ему... — Димка задумался, подыскивая слово.

— Дим, ты совсем слепой? Или тупой? — Лялька встала с кровати, по пути вытащив уже выключенный телефон из-под подушки и переложив его на стол, свернула какое-то окно на экране компа и только после этого, повернувшись к Димке, присела на краешек своего письменного стола.

— Мы не нужны ему. Ты не понимаешь? Ему тридцать один! Он может жениться, родить своих детей. Зачем ему с нами возиться? Деньгами, я думаю, он уже себя обеспечил.

— Ты думаешь? — прищурился Димка.

— Ну а как еще? Думаешь, он совсем идиот?

Димка прислонился к стене и обхватил одну ногу, согнув ее в колене. В Лялькиных словах был смысл. А что, если дело было не в управляющем? Что, если Сергей сам провернул финансовую схему, а теперь ему не то что не нужно,

а просто небезопасно оставаться в Москве? Думать об этом было так паршиво, что у Димки занял желудок, заодно напомнив хозяину, что он не ел ничего с самого утра.

— Ляль, а почему ты не хочешь думать, что он нас полюбил? Он же нам не чужой, — все же спросил Димка.

— Да потому что любви нет! Любовь — это иллюзия. Это просто краткосрочный всплеск гормонов.

— Господи, Лена, кто тебя такой шняге учит? Вы же там должны статусики постить типа «я вся такая непостижимо сложная, но жду того, кто меня разгадает» и прочую фигню.

Лялька вытаращи́лась на него так, будто он внезапно заговорил на китайском.

— Дима, ты с какого дуба рухнул? Ты что, кроме своей Машки, вообще с живыми девушками не общаешься?

— Общаюсь, — ответил Димка, хотя на самом деле это было не так.

Он правда изредка общался с Шиловой и ее подружками, но это бывало только на вечеринках. С девушками, с которыми мимолетно знакомился в клубах, он, разумеется, не общался. Но не обсуждать же это с младшей сестрой!

— То-то я и вижу. Это какого размера мозг нужно иметь, чтобы перепутать меня с ванильной двенадцатилеткой?

— Двенадцатилеткой? — офигел Димка. — Они реально в двенадцать лет такие статусы постят?

— Ну, не прямо такие, потому что ты сгенерировал дичь, но похоже.

— А у тебя какой статус? — спросил Димка, поняв, что давно не заглядывал на Лялькину страничку.

— Не скажу, — уперлась Лялька.

— Да больно надо. Я сам посмотрю, — озвучил Димка и полез за телефоном.

Лялька поняла, что проиграла, и недовольно выдала:

— Я слушаю тишину.

Димка убрал телефон обратно в карман и вновь обхватил колено. Он смотрел на Ляльку долго. Так долго, что она вновь стала казаться похожей на маму.

— А ты слушаешь тишину? — наконец спросил он.

Почему-то шутить в своей обычной манере не хотелось.

— А ты разве нет? — спросила Лялька.

— Не знаю. Наверное, нет. Я ее боюсь.

— Почему? — Лялька прыгнула со стола и, подойдя к кровати, присела вполоборота к Димке.

— Потому что в ней слишком сильно слышишь себя, — неожиданно для самого себя сформулировал Димка.

— Так в этом и смысл. Как же узнать себя, если не прислушиваться?

— И что ты узнала о себе? — Шутить по-прежнему не хотелось.

Лялька пожала плечами, и Димка понял, что она не ответит. Не мог же он в самом деле ожидать, что они с первого шага станут друг другу друзьями! За одну минуту можно стать только врагами.

— Тебе совсем не скучно сидеть все время одной? — спросил Димка, потому что его вправду волновал этот вопрос. Он бы с ума сошел, если бы ему пришлось сидеть круглыми сутками одному.

— Я не одна. Я общаюсь в Сети.

— Но это же не то же самое! В Сети ты не видишь человека, не знаешь, какое у него настроение, что там, за его смайликами.

— А за смайликами там целая жизнь, — задумчиво произнесла Лялька. — К тому же есть видеозвонки.

— Все равно не то. В Сети даже в морду никому не дашь, если тебя задели, — высказал свое мнение Димка, вспомнив о Крестовском.

— А слова еще больше, чем кулаки, бьют.

— О да! В этом ты мастерица.

Лялька передвинула подушку к стене и, забравшись на кровать, вдруг уселась рядом с Димкой. Он вытянул обе ноги и без раздумий похлопал себя по колену. Лялька молча свернулась клубком, улегшись на его колени. Димка осторожно опустил ладонь на ее волосы. Они были мягкими-мягкими. Сколько там понадобилось Сергею, чтобы услышать от Ляльки хоть слово? Он явно обогнал Димку, которого впервые за много лет Лялька не назвала придурком и не хлопнула дверью перед его носом.

— У тебя такие волосы мягкие, — негромко сказал он.

— Это от японского кондиционера, — тут же убила всю трогательность момента Лялька.

Но Димка остался при своем мнении. Кондиционер был ни при чем. Такие же волосы были у мамы.

В кармане джинсов зажужжал телефон. Чтобы до него дотянуться, пришлось бы побеспокоить Ляльку.

— У тебя сообщение, — не открывая глаз, прошептала она.

— Ну и фиг с ним, — отозвался Димка, понимая, что любые абоненты сейчас могут идти лесом.

Лялька улыбнулась и потерлась носом о его коленку. Она, конечно, была права в прошлый раз: им совсем не о чем говорить. Но зато они могут просто вот так молчать. Вдруг это вытащит ее из Сети с ее дурацкими виртуальными знаковыми и из тишины, в которой, что бы там себе ни думала Лялька, было реально стремно.

— У тебя в животе урчит, — полусонно пожаловалась Лялька через несколько минут.

— Я не обедал, — грустно отозвался Димка.

— Пойдем вниз? — Лялька впервые предложила это сама.

Димка же подумал о том, что где-то там, внизу, Сергей, и вспомнил подозрения Ляльки. От мысли о том, что Сергей может их обманывать, в животе неприятно заворочался холодный комок.

— Не, лень, — отозвался Димка.

— Я могу принести сюда. У меня сегодня день добрых дел, — вдруг объявила Лялька и скатилась с его колен, хотя еще минуту назад казалось, что она вот-вот уснет.

Димка не стал корчить из себя рыцаря, потому что есть хотелось зверски.

Лялька вышла из комнаты, впервые позволив Димке остаться здесь в одиночестве. Правда, телефон забрала с собой, а комп переключила на гостевой аккаунт. Но он же не мог всерьез надеяться, что все станет круто за один раз?

Глава 13

Ты — часть вселенной, где мчатся кометы.

Маша пыталась слушать Валерку, которому не повезло быть выступающим на семинаре, но ничего не выходило, потому что рядом молчал Волков. Грыз ручку и заинтересованно смотрел в сторону кафедры, будто вправду проникся опционным займом, о котором вот уже пятнадцать минут монотонно твердил Валерка. Маша чувствовала, что еще чуть-чуть — и она закипит. Нет, Волков ее не игнорировал. Он поздоровался, когда сел на свое место рядом с ней, однако больше не сказал ни слова, хотя обычно на семинарах ей приходилось на него шикать, потому что он вечно все комментировал или же вообще принимался обсуждать посторонние вопросы.

Когда красный от избытка внимания Валерка сделал паузу и принялся рыться в своих записях, рядом с Машей вдруг раздалось:

— А если в этих условиях применить первую схему?

Димкина рука с изгрызенной ручкой взметнулась вверх, привлекая всеобщее внимание.

— Дмитрий, давайте дослушаем докладчика, а потом все обсудим? Но ваш вопрос весьма интересен. Предлагаю всем над ним поразмыслить, — пресек дискуссию на корню профессор.

Димкина рука медленно опустилась. Боковым зрением Маша отметила, что сгучавшая в отсутствие Крестовского Шилова смотрит в их сторону. Это тоже бесило.

Димка придвинул к себе тетрадь и начал что-то быстро писать. Несколько секунд Маша пыталась разобраться, что он там строчит, но потом плюнула и принялась слушать

Валерку. Антикризисное управление было не той темой, которая могла привести ее в восторг, но выбора не было. Иначе пришлось бы думать, почему Волков такой идиот. Что случилось такого, чтобы так молчать? Это из-за того, что Маша вынуждена была проводить Крестовского до дома? Бред полный. К тому же Димке просто неоткуда было об этом узнать. Не Крестовский же ему отчитался?

Маша вздохнула и, подавив зевок, придвинула к себе тетрадь. Под монотонный бубнеж Валерки она принялась размышлять о Крестовском. Тот сегодня на занятия не пришел. Маше в голову лезли наставления медсестры о том, что в случае ухудшения состояния ему нужно обратиться в больницу, и его уверенное «если что, я позвоню “девять-один-один”». Она ловила себя на том, что в самом деле волнуется. Хотя и не должна бы. Крестовский не просто был для нее чужим человеком, он еще и ясно обозначил свое нежелание общаться. Маша, конечно, вчера успела придумать ему пару-тройку оправданий, но сегодня с утра решила, что это глупо. Если человек хочет с кем-то общаться, то ничто не сможет ему помешать. Причина в том, что Крестовский просто не хотел.

И все же, взглянув в очередной раз на пустующее место рядом с Шиловой, Маша нахмурилась. Где его носит? На мгновение Маша встретилась с Шиловой взглядом, и они обе как по команде отвернулись друг от друга. Вообще Шилова сегодня вела себя странно. Сначала она демонстративно не поздоровалась с Машей, хотя обычно была выше всяких глупых игр, потом так же демонстративно отворачивалась, стоило Маше посмотреть в ее сторону. При этом с Димкой Шилова не только поздоровалась, но даже, отозвав его в сторону, успела о чем-то с ним побеседовать до семинара.

Димкин телефон загудел, оповестив о сообщении. Волков переставил его на беззвучный режим, потом прочитал сообщение, пригнулся на миг к парте, чтобы взглянуть на Шилкову, которую загораживала Маша, чему-то усмехнулся и принялся набирать ответ. Маша упорно смотрела на кафедру, игнорируя происходящее. Отчего-то в голову

лезло пафосное в данном случае слово «конец». Только конец чего именно, Маша так и не сформулировала. Зато ей в голову пришло, что Шилова вполне могла рассказать Волкову о том, что они пересеклись вчера у Крестовского. От этой мысли засосало под ложечкой. Впрочем, она ведь не совершила ничего дурного. Она пошла к Крестовскому не по собственной воле, и если бы Волков вчера не игнорировал ее звонки и сообщения, то узнал бы эту информацию от нее. Так что сам дурак.

Стоило прозвенеть звонку, как Волков усвистел в неизвестном направлении, не успела Маша даже рта раскрыть. Ей ничего не оставалось, кроме как в одиночестве отправиться на следующую лекцию.

На статистику Крестовский появился со звонком. Его переносица по-прежнему была залеплена пластырем, а под глазами за ночь проступили синяки. Выглядел он как недобитая панда. О чем вздохнувшая с облегчением Маша и сообщила Волкову, склонившись к его уху. От Димки привычно пахло одеколоном и кондиционером для белья, и Маша даже на миг забыла об их конфронтации. Однако, когда он никак не прокомментировал ее слова, разом все вспомнила и отодвинулась подальше. Волков хмуро смотрел на идущего к своему месту Крестовского и вновь игнорировал Машу.

Препоод по статистике был, вероятно, наслышан о случившемся, поэтому внимания на внешнем виде Крестовского заострять не стал, а начал с места в карьер рассказывать о важности правильной интерпретации статистических данных в условиях экономического кризиса. Маша принялась записывать лекцию, с раздражением отмечая, что почти на всех предметах они с Димкой сидят через проход от Крестовского и Шиловой. И если Волкову, сидевшему у стены, обзор закрывала Маша, то сама она боковым зрением невольно улавливала все движения за соседней партой. Шилова обеими руками обхватила предплечье Крестовского и что-то зашептала тому на ухо. Ее алый маникюр на ткани светло-серого пиджака Крестовского смотрелся вызывающе. Маше с удвоенной силой захотелось узнать, о чем Шилова переписывалась с Волковым.

Когда по рядам пустили раздаточный материал, Маша на миг встретила взглядом с Крестовским и отчего-то прыснула, хотя он выглядел совсем не смешно. Его, скорее, хотелось пожалеть. Крестовский на ее хихиканье не отреагировал — отвернулся к Шиловой. И это тоже взбесило Машу. Какого черта они все ее теперь игнорируют?

После урока Маша дернула Волкова за рукав. Ткань его толстовки ощущалась под пальцами тоже очень привычно. Маша ожидала, что вставший со своего места Волков вновь опустится на стул, как сделал бы раньше, однако он неожиданно уперся в стул коленом и остался стоять, нависая над по-прежнему сидевшей Машей.

— Ты ничего не хочешь мне сказать? — спросила она, убедившись, что в аудитории, кроме них, никого не осталось.

— По поводу? — не очень натурально удивился Волков.

— По поводу фото, например. — Маша решила, что лучшая защита — нападение. В конце концов, с его идиотского поступка на «Рене» все началось. Это он ее бросил и развлекался со всеми, включая Шилкову. А теперь строит из себя оскорбленную невинность.

— А я должен это как-то прокомментировать? — Волков дернул плечом, возвращая на место попытавшийся сползти рюкзак.

— Не мешало бы. — Маша скрестила руки на груди, понимая, что ее несет в какие-то дебри, но не имея сил остановиться. — Ты предъявляешь нам с Крестовским какие-то претензии, хотя сам отжигал с Шиловой и Мокровой. А Шилова, между прочим, несвободна.

Димка несколько секунд молча смотрел на Машу сверху вниз, и ей вдруг стало страшно. Она ведь, в сущности, не имела на него никаких прав. За все время их общения он ни разу не попытался перевести их дружбу во что-то большее.

Димка оперся ладонью о парту и наклонился ближе, обдав Машу запахом жвачки и одеколона.

— Считай, что все претензии сняты, — негромко произнес он.

Рюкзак все-таки соскользнул с его плеча и грохнулся о парту, заставив Машу вздрогнуть.

— Что это значит? — спросила она.

— А вот пусть он тебе объяснит, — указал Димка на Крестовского, который, Маша была уверена, уходил из аудитории, но почему-то вновь оказался у своей парты.

— Что случилось? — спросил Крестовский, глядя исключительно на Волкова.

Волков прожег его взглядом, с силой оттолкнулся от парты, забросил на плечо рюкзак и, обойдя Машу, оказался в одном проходе с Крестовским. Толчок плечом в плечо заставил Крестовского пошатнуться и опереться ладонью о Машину парту. Дверь за Волковым захлопнулась с таким грохотом, что, наверное, было слышно во всем корпусе.

Маше дико захотелось то ли заорать, то ли зареветь, но это было бы совсем по-детски, поэтому она на миг прикрыла глаза и глубоко вздохнула, а потом зачем-то уставилась на руку Крестовского. У того были длинные пальцы и пижонское кольцо на мизинце. По виду — из белого золота. По кольцу струилась какая-то надпись.

— Что у вас случилось? Вы поссорились? — голос Крестовского звучал до противного участливо.

Маша вскинула голову и посмотрела на него в упор. Крестовский склонился так, что еще чуть-чуть — и он начал бы нарушать ее личное пространство. Вид у него был одновременно виноватый и раздраженный.

— Да тебе-то какое дело? — огрызнулась Маша и, сдернув с парты свою сумку, вскочила на ноги.

Крестовский выпрямился. Он больше не выглядел виноватым и раздраженным. Смотрел безразлично. «Как у них легко все, — думала Маша, обходя Крестовского и стараясь его не задеть. — Захотели — проявили участие, а чуть только получили отпор — так сразу и интерес пропал. Значит, участие такое было! Все они — дешевые фальшивки. И Волков в том числе».

В дверях окончательно разозлившаяся Маша остановилась и обернулась. Крестовский уже успел взять со своей парты оставленную тетрадь и теперь тоже шел к выходу. Увидев, что Маша остановилась, он на миг притормозил, но потом все же подошел и, зажав тетрадь под мышкой,

засунул руки в карманы джинсов. Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Наконец Маша произнесла:

— Знаешь, я и не горела желанием с тобой общаться. Меня вполне устраивали последние месяцы. Потому что ты чертов сноб, которому нет дела ни до кого, кроме себя. Меня просто бесит, что из-за тебя плохо Димке.

Крестовский разлепил плотно сжатые губы, будто хотел что-то сказать, однако лишь шумно выдохнул и перевел взгляд с Маши на график, висевший справа от двери.

Маша дала ему пару секунд на ответ, а когда не дождалась, вышла из аудитории, захлопнув дверь перед его носом. Надеялась, что ей станет легче от осознания того, что эта недобитая панда осталась там наедине с графиком и звоном в ушах, потому что дверь в аудиторию грохнула о-го-го как — куда там Волкову, — но облегчения не наступало. Маше было так тошно, что, если бы не наличие мамы в преподавательском составе и не необходимость держаться за бюджетное место, она просто ушла бы сейчас домой.

Волков явился на следующую лекцию как ни в чем не бывало. Сел рядом с Машей, воткнул наушники в уши и запустил обзор какого-то футбольного матча. От него пахло сигаретами.

Маша принялась рисовать на полях тетради каракули, думая о том, что она наврала Крестовскому. Ей понравилось с ним общаться. Их абсолютно не романтичный ужин на палубе яхты казался сейчас просто сказочным, потому что Крестовский тогда слушал Машу так, как никогда не слушал Димка.

В их с Димкой общении Маша всегда была подчинена его настроению. Зная, что в его семье произошла страшная трагедия, она относилась к Димкиному душевному равновесию как к хрустальной вазе. Нет, разумеется, на его грубости она грубила в ответ, могла в сердцах послать его по-дальше или наорать, но очень многое ему прощала: звонки, оставшиеся без ответа, непрочитанные сообщения, прогулки, проходившие в полном молчании, его загулы... Она обижалась. Еще как. Например, после того как он бросил ее на яхте, она обиделась и в общем-то имела полное право

вообще больше не смотреть в его сторону. Но она простила даже то, что он выставил ее душой в глазах Крестовского, когда сначала назвал своей девушкой, а потом оставил одну и замутил с Мокровой. Она простила, а Волков в итоге раздул трагедию вселенского масштаба из того, что Маша всего лишь позвонила Крестовскому. И, между прочим, потому что волновалась за него же самого! Если бы Димка узнал, что ее звонок обернулся ужином с Крестовским, он бы вообще их убил.

Маша покосилась на Волкова. Тот продолжал смотреть ролик, снова ее игнорируя. То, насколько легко он это делал, возвращало Машу к мысли, что их общение длится ровно до тех пор, пока Волков в ней заинтересован. И, похоже, его заинтересованность после недавних событий сошла на нет.

Наряду с горечью в Маше вдруг начала закипать злость. Хочет игнора? Что ж, будет ему игнор. Пусть сам потом разруливает ситуацию! Это же не она вела себя как неадекватная истеричка! Некстати вспомнилось то, что она наговорила Крестовскому. Маша поморщилась и подумала, что надо бы извиниться, только понятия не имела как. Наверное, нужно будет поймать его после лекций. Однако Крестовский больше в этот день на лекциях не появился.

Волков изображал глухонемого до конца занятий, а потом свинтил. И даже не попрощался, потому что ему вновь писали. Кажется, снова Шилова. Маша отправилась домой на общественном транспорте, думая, что противостояние с Волковым дается ей гораздо тяжелее, чем, вероятно, ему. Игнорировать того, кто тебе дорог, оказалось больно.

Крестовский в среду не пришел. Маша ожидала, что Димка не придет тоже, однако он явился, и Маша даже слышала от него «доброе утро», прежде чем он вновь замолчал до конца лекций. Ко второй паре Маша поняла, что в молчании Волкова появилось что-то новое. Исчезла демонстративность. Он выглядел подавленным. Боковым зрением Маша замечала, что он на нее смотрит, но стоило ей повернуться к нему, как он тут же утыкался в свои записи. Еще он стал много общаться с Шиловой, и было в этом

общении тоже что-то странное. Шилова, которая раньше использовала любую возможность, чтобы оказаться рядом с Димкой, теперь не то чтобы откровенно его избегала, но порой делала вид, что не видит, как он к ней направляется, и выходила из кабинета. Димка пару раз даже выбегал за ней. Маша, хоть убей, не могла понять причину. В голове то и дело крутились слова Крестовского о том, что Димка честный и он никогда не стал бы вот так отыгрываться, но она все больше понимала, что Крестовский сильно идеализирует мир вообще и Димку в частности.

В четверг все повторилось как под копирку. Димка все так же чего-то хотел от Шиловой, Шилова все так же убегала из аудитории, а у Маши голова шла кругом от их дурацких загадок. Когда им с Волковым пришлось работать в паре, Маша воспрянула было духом, однако их совместная работа прошла в сосредоточенном молчании. Маша даже подумала, что близок тот час, когда они начнут общаться, как на фондовой бирже, знаками.

В пятницу Крестовский наконец появился на занятиях. Выглядел он уже получше. Во всяком случае, на носу у него больше не было пластыря, а синяки заметно побледнели и стали переходить в желтизну. Димка на появление Крестовского не отреагировал и, разумеется, не ответил на его приветствие. А вот Маша, сама не зная зачем, громко и четко произнесла: «Доброе утро». Крестовский даже бросил взгляд в ее сторону, впрочем, тут же отвернулся. Димка, не глядя на Машу, усмехнулся. Она решила не реагировать, думая про себя, что мама, вероятно, должна быть на седьмом небе от счастья, видя, как ее план претворяется в жизнь.

Лекции прошли в обычном режиме, а вот после них случилось ЧП. Маша заглянула к маме, но оказалось, что та ушла на педсовет. Ехать домой одной не хотелось, поэтому она решила подождать маму в кабинете английского.

Устроившись за задней партой, Маша включила музыку и, закрыв глаза, постаралась выбросить все из головы. Она так измоталась за эту неделю, что ей каждый вечер дико хотелось плакать и сдерживаться удавалось только

ценой невероятных усилий. Вся жизнь вдруг превратилась в сплошную нервотрепку: лекции, куча домашки, внезапно появившийся идиотский ритуал перед сном — проверять странички Волкова, Крестовского и Шиловой... И если на страничках первых двоих ничего не менялось, то у Шиловой фото сыпались как из рога изобилия. За последние три дня та успела побыть моделью на фотосессии у какого-то модного фотографа и даже выложила снимок, на который Маша поставила бы пометку «18+». На фотографии Шилова сидела на высоком табурете в не до конца расстегнутом пиджаке, который позволял заметить, что белья под ним нет. Голые бесконечные ноги вызывающе белели на темном фоне, а единственным цветным пятном на снимке была яркая помада. Маша смотрела на фото с завистью, понимая, что сама в жизни так не смогла бы. Даже за большие деньги. Шилова же явно получала удовольствие от процесса и ничуть не смущалась. Смотрела в камеру призывно и немного манерно, но ей это очень шло. Еще она успела запостить сделанное кем-то фото с выставки кошек на ВДНХ, которую они посетили с Крестовским. Крестовский был снят со спины, а вот Шилова снова сияла во всем своем великолепии.

Маша ненавидела себя за те чувства, которые вызывала в ней страничка Шиловой. Это было дико неправильно, но Маша ничего не могла сделать со своей злостью. Она понимала, что ей никогда не стать такой же красивой, раскрепощенной и классной, как Шилова. Неудивительно, что из всех девушек Крестовский выбрал именно ее и что Димка порой смотрит на нее так, что Маше остается только скрипеть зубами от ярости.

Маша открыла глаза, осознав, что ее план — отключиться от плохих мыслей — не сработал. Она снова думает о Шиловой, о Димке и о Крестовском... Чертыхнувшись про себя, она решила отправиться домой, не дожидаясь мамы. Однако новый план похоронила запертая снаружи дверь. Метнувшись к маминому столу, Маша обнаружила, что та ушла на педсовет с сумкой, а значит, ей незачем было возвращаться в кабинет. Маша схватилась за телефон, но тут

же застонала, вспомнив, что мама предупредила ее с утра, что забыла свой мобильный дома.

Развернувшись спиной к двери, Маша несколько раз долбанула по ней пяткой, но это, разумеется, ситуацию не изменило. Тогда Маша разблокировала телефон и застыла в раздумье. Еще неделю назад она сразу набрала бы Димку. Сегодня она посмотрела на его номер и, вздохнув, стала искать номер старосты группы. Та не ответила. Тогда Маша позвонила Валерке, но его телефон оказался выключен. Пролистывая список контактов, Маша с горечью понимала, что друзей у нее и правда нет. Взгляд зацепился за номер Крестовского. Маша понимала, что наговорила ему гадостей и даже не извинилась, осознавала, что не имеет теперь никакого права ему звонить, однако нажала на вызов, чувствуя, как сердце колотится в горле.

На третьем гудке Крестовский ответил на звонок.

— Алло.

— Роман, это Маша. Тебе удобно говорить?

Крестовский ответил не сразу, и Маша уже собралась повесить трубку, но он все же отозвался:

— Что случилось?

— Мне нужна помощь, — честно призналась Маша. — Опять.

— Что случилось? — повторил он.

— Ты уже уехал из универа? — спросила она, вдруг сообразив, что он может быть уже дома или на полпути на какое-нибудь мероприятие. Как их ни слушаешь, так у них вечно какие-то тусовки.

— Ну так, so-so.

Он говорил немного в нос. Набравшись храбрости или глупости, Маша выпалила:

— Меня заперли в кабинете английского.

После паузы Крестовский произнес:

— Я перезвоню, — и повесил трубку.

Маша съехала по стене и уселась на пол, обхватив сумку. Сердце все не желало успокаиваться, хотя ничего страшного еще не произошло.

Крестовский перезвонил спустя три минуты.

— Я буду минут через семь, — деловито объявил он. — Только объясни, где берут ключ. Эта информация прошла мимо меня.

— У охраны. Ты должен будешь расписаться, объяснить, зачем тебе, и взять.

— Оу. Полагаю, говорить, что я забыл в кабинете девушку, не стоит?

— Полагаю, да, — нервно усмехнулась Маша.

— Я позвоню, если что-то пойдет не так.

За следующие десять минут Маша успела пройти перед кафедрой раз пятьдесят. В голове было пусто.

Когда в замке повернулся ключ, она вытерла о джинсы вспотевшие ладони и приветственно помахала рукой, натягивая на лицо улыбку.

Крестовский вошел и прикрыл за собой дверь. Он смотрел без улыбки, отчего Маше стало дико неловко.

— Прости, что я тебя сорвала. Знаю, это звучит странно, но мне больше некому было позвонить. То есть те, кому я позвонила, трубку не взяли.

— И Волков? — спросил Крестовский и спрятал ключ в карман пиджака.

— Ему я не звонила, — призналась Маша, заправив волосы за ухо.

— Понятно. — Крестовский вздохнул и опустился на ближайшую парту. — Вы так и не разговариваете?

— А ты, можно подумать, не видел, — огрызнулась Маша.

— Маша, почему ты все время со мной воюешь? Просто за компанию с Волковым или я сделал что-то плохое лично тебе?

— Господи, Крестовский! Мы до прошлых выходных даже не разговаривали друг с другом. А ты так говоришь, будто я...

— Мы учимся вместе много месяцев. Ты смотришь на меня каждый раз так, как будто я котят по ночам душу.

Брови Маши взлетели вверх:

— А ты не душишь?

— Нет. У меня аллергия на кошачью шерсть. — По лицу Крестовского было непонятно, всерьез ли он говорит об аллергии.

— А если бы не было? — зачем-то продолжила Маша эту идиотскую беседу.

— История не терпит сослагательного наклонения. Так, кажется, говорят?

— Расскажи мне о девушке, из-за которой вы разругались с Волковым, — сменила тему Маша.

— Зачем тебе? — тут же сел ровнее Крестовский.

— Интересно, стоила ли она этого.

— Определенно нет.

— Не очень-то галантно так отзываться о девушке.

— А это отзыв не о девушке, а о ситуации, — парировал Крестовский. — К тому же чего еще ждать от сноба, которому нет дела ни до кого, кроме себя?

Говоря это, он в упор смотрел на Машу, и та чувствовала, что заливается краской.

— Прости. Я собиралась перед тобой извиниться, но ты ушел, — пробормотала она.

— У тебя есть мой номер телефона.

Смешно, но отправить ему сообщение с извинениями ей даже в голову не пришло. Кажется, говорить больше было не о чем.

— Ладно. Спасибо, что выручил. Можешь мне ничего не рассказывать. Забудь.

Крестовский вдруг достал из кармана пиджака телефон и принялся в нем рыться.

Маша замолчала, не решившись и дальше распинаться перед человеком, который даже не слушает. Крестовский же неожиданно встал с парты и протянул ей телефон:

— Вот.

Маша осторожно приняла его смартфон и посмотрела на почти темный экран.

— Что это?

— Полистай влево.

Она послушно перелистнула и застыла.

На этот раз фото было сделано с приближением. Маша с удивлением узнала себя. Ее лицо было подсвечено с одной стороны тем теплым светом, который бывает только от свечей или костра. А сама она замороженно, иного слова и не подберешь, смотрела на человека, сидевшего напротив нее. Его не было в кадре, но Маша вдруг покраснела, не желая признавать, что могла смотреть вот так: с интересом и восхищением. А еще Маша впервые видела себя такой красивой. Опустив пониже голову, чтобы Крестовский не заметил ее пылающего лица, она перелистнула на следующий кадр. На этот раз ее собеседник был виден со спины: он сидел на корточках у диванчика и смотрел на нее, задрав голову, а она, в свою очередь, смотрела на него с грустью и теплотой.

— Откуда это у тебя? — Маша не стала смотреть дальше, чувствуя, что ее начинает колотить нервной дрожью.

С трудом заставив себя посмотреть на Крестовского, она заметила на его щеках красные пятна. Если бы она могла покраснеть еще сильнее, то непременно сделала бы это сейчас.

— Мне прислала их Юля, — признался он.

— Что? Но ее же там не было.

— Ее не было, но она попросила одного из охранников за мной понаблюдать. Юля... умеет убеждать. И он сделал несколько фото, как видишь.

— Зачем ты мне их показал? — спросила Маша и, развернувшись спиной к Крестовскому, потому что смотреть на него было выше ее сил, отошла к окну. И ведь ничего же плохого не сделали. Почему же стоят тут оба пунцовые?

— Потому что, я полагаю, она показала их Волкову.

Маша резко обернулась, зачем-то фиксируясь на его нелепом «полагаю». Так говорил только он.

— Димка видел?

— Полагаю, да. Вероятно, из-за этого он объявил нам бойкот. В смысле — тебе. Мне-то он его еще раньше объявил.

— А какого черта Шилова прислала ему эти фото? — повысила голос Маша.

Шилова, у которой было все, вдруг с чего-то решила отнять последнее у Маши.

— А какого черта ты прислала их с Волковым фото мне? — очень спокойно спросил Крестовский.

Хорошо, что краснеть сильнее было уже некуда.

— Это была шутка, — выдавила из себя Маша, желая отмотать время назад и не быть такой дурой.

— Вот и это, полагаю, тоже была шутка.

— «Полагаю» не говорят.

— Почему? — удивился Крестовский.

— Потому что это звучит очень... напыщенно и старомодно.

Крестовский озадаченно взъерошил волосы и произнес:

— Хорошо, я это учту. Спасибо за поправку.

Маша закатила глаза. Его следование речевым клише и желание быть вежливым порой убивало.

— Ты можешь переслать мне фото? — спросила Маша.

— Нет, извини, — отозвался Крестовский.

— Почему? — прищурилась она, хотя, признаться, внятного объяснения, зачем ей нужны эти фотографии, у нее не было.

— Потому что я тебе не доверяю, — просто сказал Крестовский. — Мне не нужны неприятности с Ириной Петровной. Я даже не в курсе, совершеннолетняя ли ты.

— А это здесь при чем? — опешила Маша.

Крестовский зажмурился, сжал переносицу пальцами и тут же, вздрогнув, поморщился.

— Маша, я не знаю, как тебе это объяснить, — устало сказал он.

— А ты попробуй, — предложила Маша и уселась на парту.

— Слушай, — Крестовский уселся на соседнюю, — я совсем тебя не знаю. Ты — девушка человека, который меня ненавидит. Я не могу тебе доверять, понимаешь? Я не очень хорошо разбираюсь в местных законах. Юлия предупредила меня не связываться с теми, кому меньше восемнадцати, потому что любое мое действие может быть истолковано...

— Стой, — перебила Маша отчаянно подбиравшего слова Крестовского. — Ты решил, что я могу тебя подставить? Обвинить в домогательствах?

Это было настолько смешно, что Маша, не удержавшись, фыркнула.

— Крестовский, ты псих?

— Ладно, забудь, — вдруг негромко откликнулся Крестовский и, встав с парты, положил на нее ключ. — Удачи.

У Маши екнуло в груди, когда она поняла, что Крестовский вовсе не шутит, что он поделился с ней реальной причиной своего недоверия и что, похоже, его это действительно волнует.

— Роман, стой!

— Спасибо хоть не «стоять», — откликнулся Крестовский, однако остановился и повернулся к ней.

Маша спрыгнула с парты, но подходить не стала.

— Мне кажется, тебя немного... запутали. И мне есть восемнадцать, ты можешь не волноваться. К тому же, поверь, у меня и в мыслях не было шантажировать тебя снимками или чем-либо еще.

Маша вдруг поняла причину его странного поведения, когда она прикладывала лед к его носу. Он же тогда едва сквозь диван не просочился, лишь бы оказаться подальше от нее.

Крестовский, хмурясь, некоторое время ее рассматривал, и Машу неожиданно накрыло сочувствием к его положению. Ведь у него здесь не было друзей, с отцом они не особенно ладили, как показалось Маше во время визита в его квартиру. Шилова же очень лихо обезопасила себя от потенциальных соперниц. По-европейски законопослушный Крестовский явно был дезориентирован.

— Я не могу этого знать, — наконец подал голос Крестовский, и Маша подумала, что он удивительно прямолинеен. Это даже немного сбивало с толку.

— Я, конечно, не могу тебя заставить мне верить, но мне неприятно думать, что ты меня в чем-то подозреваешь, — осторожно подбирая слова, произнесла Маша.

— Меня, знаешь, тоже не радует, что ты считаешь меня душителем котиков.

Маша против воли улыбнулась и предложила:

— Ну, давай попробуем поверить друг другу.

Почему-то эти слова, произнесенные в аудитории, где не было никого, кроме них, прозвучали очень двусмысленно. Будто Маша говорила о чем-то большем, чем доверие. Но отступить было поздно.

— Что мы делаем? — очень серьезно спросил он.

— Не общаемся, потому что так всем будет лучше, — дрогнувшим голосом ответила Маша.

Он усмехнулся и вдруг произнес:

— Передо мной никогда не захлопывали двери. Это было неприятно.

— О, тебе еще повезло, что ты не знал, о чем я думала в тот момент.

— То есть ты озвучила не все?

— Нет. Например, я не сказала тебе, что ты был похож на недобитую панду.

— Недобитую? — почему-то это слово рассмешило Крестовского, хотя Маша немного волновалась, что он может обидеться.

— Ну правда. Пластырь, синяки... Как твой нос, кстати?

— На месте, — все еще улыбаясь, ответил Крестовский. — Отец привез мне какую-то волшебную мазь, и к понедельнику синяки должны будут пройти.

— А если не пройдут, ты подашь в суд на производителя?

— Судиться любят в Америке. Ты перепутала континенты.

Маша фыркнула и, подхватив ключ со стола, направилась к двери. Крестовский хозяйским движением забрал у нее ключ и, пропустив ее вперед, вышел из кабинета. Запирая аудиторию, он чему-то улыбался.

Они молча спустились с третьего этажа, дошли до охраны, где Крестовский отдал ключ и продемонстрировал охраннику якобы забытый телефон. Маша поймала себя на мысли, что молчать с ним было уютно. Совсем не так, как с Димкой. За молчанием того скрывалась бездна,

а за молчанием Крестовского словно пряталось солнышко. Наверное, поэтому Маше тоже хотелось улыбаться.

— Полагаю, я должен проводить тебя до метро? — совершенно серьезно уточнил Крестовский, будто они были друзьями и ему вправду понадобилась помощь в том, чтобы понять, как себя вести. Маша не стала комментировать вновь проскочившее «полагаю» и, улыбнувшись, ответила:

— Нет, достаточно того, что храбрый рыцарь вызволил даму из крепости.

— Да я меняю статус на глазах! — восхитился Крестовский. — За десять минут от недобитой панды до храброго рыцаря.

— За два с половиной дня, — спустила его с небес на землю Маша.

В ответ Крестовский прищурился, но промолчал.

— Перешли мне фотки, — попросила Маша.

— Я подумаю, — ответил этот... панда и, сверкнув улыбкой, направился к своей машине.

Глава 14

Я — часть сверхновой, что светит мгновенье.

Мяч не шел в ворота. До конца матча оставалось минут семь, и Роман уже смирился с проигрышем «Арсенала». Телефон без конца пиликал входящими сообщениями: лондонские друзья болели в общем чате. Стив то и дело присылал ругательства в личную переписку, и Роман утешал его как мог.

По правде, он предпочел бы провести этот вечер в компании Стива, и лучше всего — на стадионе, но так тоже было неплохо. Пока по полю бегали игроки любимого клуба, пытаясь хотя бы размочить счет на последних минутах, а в чате шло бурление, казалось, что нет никакой Москвы и бреда последних четырех дней тоже нет.

После финального свистка сообщения посыпались со скоростью света. Стив по-прежнему выражался нецензурно, только теперь уже жег в общем чате. Народ слал селфи с пивом, клубными шарфами и пиццей.

Роману тоже пришлось присоединиться, и после демонстрации его разбитого носа тема футбола перестала быть актуальной минут на десять. Он поначалу принялся отвечать текстом, а потом плюнул и записал голосовое с рассказом о том, как его сбил медведь с балалайкой. Мол, ехал, гад, на велосипеде по тротуару, игнорируя ПДД, а ему, Роману, ходить теперь с разбитым фейсом.

Народ, конечно, поржал, но с некоторой осторожностью, потому что мало ли, вдруг и правда. Роман уже оставил попытки развеять стереотипы в среде английских друзей и теперь регулярно рассказывал об ушанках, медведях и балалайках.

Стив прислал в приват: «Кто тебя так?»

После нескольких минут раздумий Роман ответил: «Волков».

Стив позвонил. В итоге Роману пришлось рассказывать о мутной истории с девушкой Волкова, о недосвидании на палубе, о том, что Волков вчера съездил ему по морде, а сегодня, кажется, чудом удержался от того, чтобы это повторить. Вот только рассказывать, что его собственная девушка заказала слежку и теперь рассылает страждущим весьма двусмысленные фото, Роман не стал, потому что Стив непременно начал бы ржать, что Роман умудряется каждый раз вляпаться в какие-то двусмысленные истории и все они связаны с девушками Волкова. Впрочем, Стив и так поржал: сказал, что Волков — это Романовы пять йен*, поэтому надо просто смириться и беречь нос.

Они проболтали больше часа, пока в кампус не явилась тьютор и не стала грозить Стиву отчислением из школы. Сколько Роман себя помнил, миссис Меган всегда их этим пугала, но никого так и не отчислили. Если бы не переезд, Роман слушал бы эти угрозы еще как минимум год. Это здесь он уже был студентом, а в Англии еще оставался бы относительно беззаботным школьником.

Разморенный пивом Стив глупо ржал и норовил подсунуть тьютору телефон. Роман тоже ржал, потому что, глядя на пьяного Стива, ржали все. Даже миссис Меган. В конце концов Стиву все же удалось впихнуть ей свой смартфон. Сначала весь экран занял внушительный бюст под клетчатой водолазкой, потом уже — широкая улыбка тьютора.

— Роман! Солнышко! Кто тебя так?

— Медведь с балалайкой, — отрапортовал Роман.

Миссис Меган театрально прижала ладонь ко рту. Она была темнокожей, и в скудном освещении комнаты Стива Роман едва различал ее черты.

Они поболтали минут десять, пока Стив убирал последствия просмотра футбольного матча. Миссис Меган

* По-японски слова «пять йен» созвучны слову, означающему «связь», «узы», «судьба».

включила верхний свет, и Роман видел, как позади нее Стив таскает к выходу коробки из-под пиццы и бутылки из-под пива. По количеству тары Роман понял, что Стив был в комнате не один, и его это немного расстроило, потому что это были его место, его комната и его жизнь.

Разговор с тьютором, которому Роман сначала искренне обрадовался, в итоге привел к тому, что на душе стало еще паршивее, чем было. Роману дико захотелось в свою старую комнату в кампусе. Болтать по полночи со Стивом, ходить на уроки, вернуться к теннису...

За последние несколько дней стало очевидно, что его жизнь абсолютно вышла из-под контроля, потому что он, предоставленный самому себе, творит какую-то ерунду. Он обещал отцу не тусить по ночным клубам и иметь голову на плечах и сдерживал обещание: за все время пребывания в Москве он ходил в клубы от силы раз пять, сопровождая Юлу, вредными привычками вроде бы тоже пока не обзавелся. Но в итоге все равно оказался втянутым в разборки.

На часах было около двух, когда Роман добрался наконец до постели. Сон снова не шел, и это уже стало привычным. Хорошо хоть, в универ он теперь до пятницы не собирался. От этой мысли тоже было неуютно. Поворочавшись с боку на бок минут тридцать, Роман включил лампу и взял с тумбочки телефон. Юла порой звонила или писала ему среди ночи, когда ей не спалось. Иногда по поводу, как, например, вчера, но чаще просто так. Роман тоже хотел бы иметь такую возможность — позвонить кому-то среди ночи. Он открыл чат с Юлой, и в глаза бросились фото, с которых началась их ссора вчера ночью. Признаться, Юла просто убила его этим поступком. Если они вместе, то должны друг другу доверять, разве нет? Роман ведь не сделал ничего предосудительного. Это был просто ужин.

Роман развернул фото на полный экран и долго смотрел на Машу. Маша здесь была красивая. Обычная в повседневной жизни, при свете свечей она стала похожа на героиню романов Остин и смотрела так, что Роман не мог перестать пялиться на фото, хоть это и было неправильно. В голове всплыли воспоминания о неприятной истории

из ее детства, и снова накатило непреодолимое желание ее защищать. Роман даже не слишком переживал бы по этому поводу, потому что защитить девушку, попавшую в беду, было естественным — его так воспитали. Пугало то, что в случае с Машей сюда примешивались ненужные эмоции.

Роман поморщился и, выйдя из чата с Юлой, перешел в чат с одноклассниками. Здесь все еще обсуждали футбол. Роман оставил пару сообщений и отложил телефон.

Заложив руки за голову, он уставился в потолок, думая о том, что бешенство Волкова можно было понять. Все это выглядело повторением дурацкой истории с Эммой. С той лишь разницей, что тогда это был спор между пятнадцатилетними придурками о том, сможет ли Роман переключить на себя внимание Эммы. Дурацкая проверка, которую Эмма не прошла, стоила дружбы им самим. А потом произошла трагедия с Волковыми-старшими, ударившая по обоим семьям. Вот только Волков считал жертвой лишь себя. Даже Ляльке почему-то не давал права скорбеть так, как она может и хочет. Наплевав на Лялькино желание остаться в Лондоне, он решил вернуться в Москву и жить с дядей, которого они до этого даже не видели толком. Привыкшая к вниманию и любви Лялька оказалась заперта в четырех стенах, один на один со своей бедой, и вынуждена была искать утешения на просторах Всемирной паутины, которая неумолимо ее засасывала.

Впрочем, их всех засасывало. Кого-то — в паутину интернета, кого-то — в пучину тоски, кого-то — в дебри разврата... Юла на прошлой неделе загорелась идеей фотосессии у одного из своих друзей. Предполагалась умеренная обнаженка для какого-то портфолио. Друг якобы пришел в восторг от данных Романа, хотя Юла так и не смогла внятно объяснить, каким образом эти самые данные она ему продемонстрировала. Роман не горел желанием сниматься. Во-первых, он считал это глупостью, во-вторых, с трудом представлял, как будет держать лицо, находясь рядом с полуголой Юлой. Ей-то, может, и ничего, но ему, в конце концов, не восемь, а восемнадцать. Он и так за последние месяцы весьма прокачал навыки умножения и деления в уме в попытках снизить

градус эмоций. А еще ему категорически не нравилось то, что Юла собиралась раздеваться перед левым чуваком. Привыкший уступать Роман не хотел ставить Юле ультиматум, наивно надеясь, что та сама откажется от этой тупой идеи. Ну правда, зачем выставлять себя на потеху всяким извращенцам в Сети?

Когда Волков разбил ему нос, Роман даже обрадовался, ведь теперь вопрос со съемкой отпадал сам собой. Юла, конечно, огорчилась, но в понедельник при нем позвонила по громкой связи фотографу, чтобы отказаться от фотосессии. Однако тот оказался на редкость упертым и заявил, что будет снимать Романа со спины или вполоборота, потому что главная звезда там — все равно Юлия, а Роман, мол, — обрамление этого алмаза. Юла радовалась откровенному подхалимажу как ребенок, а Роман удивлялся, что она верит словам этого «друга» всерьез. Видимо, Юле нужны были постоянные подтверждения ее сногшибательной красоты, о чем Роман даже не догадывался. Он-то думал, что Юла и сама понимает, насколько она эффектна. Даже не дав «другу» договорить, Роман сбросил звонок. Юла пробовала взбрыкнуть, но он поймал ее в объятия и долго шептал на ухо, что она самая красивая и, чтобы убедиться в этом, не нужно раздеваться неизвестно перед кем. Кажется, ей была приятна его ревность, хотя, если честно, его рассуждения были продиктованы в большей мере здравым смыслом и только потом ревностью. Как показалось Роману, они договорились не сниматься.

А вчера среди ночи Юла ему написала. Роман уже успел уснуть, вымотанный невозможностью нормально дышать из-за отека, нервотрепкой с мамой и разговорами сначала с Машей, а потом, перед сном, со Стивом. Проснувшись от сигнала, он прищурил один глаз и поднес телефон к лицу.

«Как прошел ужин с Марьей?»

«Какой?» — отбил он и потер лицо руками в ожидании ответа.

«Я про этот. А их было несколько?» — сначала прислала Юла, и не успел Роман зависнуть, как загрузились фото.

Он смотрел на Машу, похожую на героинь Остин, и не знал, что сказать Юле. У него не было оправданий. Ни одного.

«Откуда это?» — задал он банальный вопрос.

«Охранник сделал».

«Который?»

Юла позвонила:

— Это все, что тебя интересует. Который охранник?

— Нет. — Роман прокашлялся и осторожно потер глаз кулаком. Под глазами болело.

— Что это значит, Рома?

— Я же говорил уже... — начал Роман.

— Ты говорил, что помогал ей искать Волкова. Волков прятался под вашим столиком?

— Мы сначала искали, а потом...

— Так устали, что проголодались? Все калории сожгли в нижних каютах?

Голос Юлы звучал едко. Роман сел на кровати.

— Слушай, ты на что-то намекаешь сейчас? Я не...

— Я не намекаю! — заорала Юла. — Я говорю прямо. То есть со мной можно только за ручку, весь такой джентльмен, а с ней...

— Юля, ты что? — опешил Роман.

— Она тебе нравится?

— Так. Давай мы завтра поговорим при встрече. Сейчас час ночи. Ничего у нас не было...

— У нас с тобой? Это точно! Ничего не было.

— Да, блин! — повысил голос Роман. — Ловить меня на формулировках — по меньшей мере некрасиво. Между мной и Машей ничего не было.

— Почему ты сидишь перед ней на корточках?

Роман не знал, как объяснить Юле, что он не мог не подойти к Маше, потому что рассказанное ею отозвалось глубоко внутри. Он просто хотел ее успокоить, утешить.

— Так вышло, — сказал он. — Но ничего не было.

— То есть дальше поцелуев не зашло?

— Поцелуев не было тоже, — твердо сказал Роман. — Юля, я тебе клянусь.

Он вдруг подумал, что Юла может быть в курсе истории с Эммой и тогда точно не поверит.

— Ты хотел насолить Волкову?

Роман понимал, что, скажи он сейчас «да», Юла успокоится. Кажется, подобное вполне укладывалось в ее картину мира. Но он просто не мог соврать, поэтому произнес:

— Нет.

Юла бросила трубку, и Роман какое-то время обдумывал, что должен перезвонить ей и успокоить, потому что именно так отец всегда поступал в ссорах с мамой. Ответственность лежит на мужчине. Но затем в голову пришло, что брак родителей это в итоге не спасло, и Роман перезванивать не стал.

То, что Юла показала фото Волкову, стало понятно следующим утром. Семинар Роман пропустил, потому что просто не смог встать вовремя. Придя же на вторую лекцию, он сразу почувствовал: что-то случилось. Между Машей и Волковым висело напряжение, которое, казалось, можно было пощупать. Впрочем, о фото он сначала не подумал, посчитав это продолжением вчерашней ссоры.

Роман сел рядом с Юлой и, поздоровавшись, приготовился произнести проникновенную речь о том, что Юла раздула из мухи слона. С утра ночные фото не казались такими уж двусмысленными. Просто люди сидят за столом, свечи — потому, что электричество уже отключено. Однако Юла вдруг обхватила его предплечье обеими руками и, прижавшись щекой к его плечу, быстро проговорила:

— Я очень расстроилась вчера, но готова услышать извинения.

Роман, отклонившись, посмотрел на ее лицо и не увидел раскаяния. Ни капли. Но про то, что фото видел Волков, тогда еще по-прежнему не думал. Думал о том, что нужно как-то предупредить Машу. В голову не пришло ничего лучше, чем оставить на парте тетрадь и вернуться за ней, когда Волков уйдет. Тот наверняка убежит курить сразу после звонка.

Но Волков все не выходил, и вернувшийся за тетрадь Роман застал его ссору с Машей. Когда Волков сказал, чтобы Маша обращалась за объяснениями к Роману, и посмотрел

при этом прямо ему в глаза, все встало на свои места. То, как Волков смотрел, не оставляло шансов списать все на продолжение старой истории. История была новой. И Роман успел испортить и ее. У него даже зашумело в голове, когда он представил, что подумал Волков, увидев фото. А тот факт, что он, уходя, всего лишь толкнул Романа плечом, а не сломал ему нос, говорил о том, что Волков не просто повзрослел — Волков стал каким-то совсем другим человеком. И его вчерашний звонок с извинениями по чьему-то принуждению, который, казалось, вновь поставил их плечом к плечу, был всего лишь еще одним доказательством взросления Волкова: ему было настолько плевать на Романа, что он легко мог извиниться.

Машу Роман попытался утешить автоматически. Просто потому, что сам хотел бы, чтобы кто-то его поддержал, окажись он в подобной ситуации. Однако Маша в ответ наговорила такого, что Роман в первый раз в жизни психанул настолько, что тупо ушел с занятий, даже не удосужившись никого об этом оповестить. Только отбил Юле, чтобы расставить все точки над «и»:

«Ты поделилась фото с Волковым?»

Она ответила тут же:

«Не могла наслаждаться такой красотой в одиночестве».

После Юла прислала:

«Он имеет право знать».

А потом еще:

«Ты поступил по-скотски».

И вдогонку:

«Я все еще готова тебя выслушать».

Роман выключил телефон и ушел гулять по городу, потому что он не был готов ни говорить, ни оправдываться.

Вечером он оформил себе больничный в клинике, контакты которой давала Юла, решив взять тайм-аут до пятницы. Следующие два дня он провалялся дома перед ноутбуком, думая о том, что, пожалуй, он на пути к тому, чтобы показаться по наклонной, как здесь говорили. Он не смог завести друзей, не смог влиться в коллектив, не смог полюбить Москву, а вот теперь перестал ходить на учебу. Кажется, пора

было признать, что идея переезда оказалась провальной. Роман понимал, что он в шаге от того, чтобы сообщить отцу о возвращении в Лондон. Вот только станет ли тот его слушать? Отец ведь хотел видеть Романа в Москве, он оплачивал его учебу здесь и мог отказать в оплате учебы там. Роман вдруг окончательно понял, что, несмотря на совершеннолетие, он во всем зависит от отца. В Лондоне это не воспринималось так остро. Может, в силу того, что Роман тогда был моложе, а может, потому что пребывание в школе-пансионе ограждало его от необходимости сталкиваться с финансовыми вопросами. В Москве все было иначе. Здесь Роман узнал стоимость продуктов в супермаркете, бензина, электричества, отопления, услуг парикмахера и еще кучи всего. Ему сложно было оценить, насколько дорого проживание в Москве по сравнению с Лондоном, но он понимал, что такая жизнь, как у него, по карману немногим. В том числе и ему самому, решил вдруг отец урезать его в деньгах.

В пятницу Роман поборол малодушное желание продлить больничный и все-таки пошел на учебу. Юла, к его удивлению, поздоровалась и говорила с ним как ни в чем не бывало. Это, пожалуй, было хорошо, потому что Роман не хотел выяснения отношений. Он вправду ужинал с Машей, тем самым обманув Юлу, он вправду пусть мысленно, но назвал Машу красивой, а это тоже было сродни измене. Наверное. К тому же Роман не мог врать себе. Он думал о Маше непростительно много. Вероятно, Юла это чувствовала и, пожалуй, имела право на месть. Это было некрасиво, но Роман ведь не мог всерьез ожидать красивых поступков от обиженной девушки?

В игнорировании Волкова появилось что-то новое. Маша демонстративно поздоровалась, из чего Роман сделал вывод, что за два дня его отсутствия ситуация кардинально не изменилась.

После лекций Юла поймала его в пустом коридоре и неожиданно поцеловала. Пока они целовались, в голове Романа крутились мысли о том, что незакрытые гештальты приводят в итоге к проблемам, но целоваться с Юлой по-прежнему было классно, поэтому он решил отложить размышления

на потом. Он проводил ее до машины, передал с рук на руки Петру Сергеевичу, который должен был отвезти Юлу на встречу с отцом, и искренне ей посочувствовал, поскольку эти встречи всегда ее расстраивали.

Поцеловав Юлу на прощание, Роман захлопнул дверь ее машины и собрался было ехать домой, но тут «Фейсбук» пиликнул уведомлением. Открывая Лялькино сообщение, Роман в очередной раз подумал, что, если бы Волков был в курсе их переписки, убил бы обоих. Та, лондонская Лялька, смешливая и беззаботная, была влюблена в Романа, но он всегда относился к этому спокойно, потому что это же известная тема — влюбляться в друзей старших братьев. Школьный психолог говорил, что волноваться не о чем: детская сублимация со временем пройдет, поэтому раньше Роман даже немного ей подыгрывал. Когда они с Волковым разругались, Лялька безоговорочно встала на сторону Романа. И это было неожиданно и очень мило. А потом случилась трагедия, и уже Роману пришлось становиться Лялькиной опорой, потому что Волков, кажется, плохо справлялся с ролью старшего брата. Роман мониторил ее странички, требовал заносить в черный список подозрительные аккаунты и даже разбирался в привате с какими-то извращенцами, которые писали ей скабрёзные комментарии. Общение с Лялькой осложнялось тем, что Роману приходилось помнить про сублимацию, а невозможность встретиться вживую мешала понять, на каком этапе сейчас симпатия Ляльки. Он уже в роли друга-брата или пока еще нет?

Лялька сбросила ссылку на какой-то ролик, попросила отписаться о впечатлении и засыпала счастливыми смайликами. Роман немного удивился потоку смайлов от сдержанной в последнее время Ляльки, но скорее обрадовался этому факту, чем насторожился. Отправив ответ, он перешел на страничку Юлы, на которую не заглядывал уже несколько дней. Верхним постом там почему-то висела фотка их августовского похода на выставку кошек. Роман потом чихал полдня и не мог снять солнцезащитные очки. А ведь он предупреждал, что у него аллергия на кошачью шерсть, но Юла решила, что он просто не хочет идти. В итоге ей

было стыдно, и она скакала вокруг чихающего Романа, как наседка, гоня официантов ближайшего кафе то за водой, то за льдом, а одного — даже в аптеку за антигистаминным.

Роман проскроллил страничку вниз и... обалдел. И это еще мягко сказано. Полуголая Юла, накрашенная вызывающе красной помадой, призывно смотрела в объектив. Фото было размещено еще во вторник. Роман тупо пялился на экран и не мог решить, что он чувствует: разочарование, раздражение?

Черт, они же договорились! А она поехала к этому мутному другу одна. Раздевалась там у него на глазах. Роман скрипнул зубами и закрыл сайт. Открыв список вызовов и отыскав в набранных номер Юлы, он почти успел нажать на вызов, когда на экране высветился входящий от Маши. И на следующие полчаса он забыл о том, что очень сильно злился.

Глава 15

Ты — тот, кому неизвестны запреты.

То, что он нравится Шиловой, Димка заметил давно. Не сказать, что сразу, потому что вообще тогда о таком не думал, но все равно довольно быстро. И даже без помощи Машки. Он отнесся к этому спокойно, благо Юла была не только красивой, но и умной, так что ее внимание не было назойливым и даже льстило. Порой она приглашала его в клуб в общей компании, порой устраивала якобы случайные встречи тет-а-тет. Димка в большинстве случаев ее отшивал, но делал это так, что, кажется, всерьез ни разу не обидел. Обижать Юлу ему не хотелось. При других обстоятельствах он бы с ней, пожалуй, даже замутил. Но обстоятельства были такими, какими были.

Все изменилось, когда в группе появился Крестовский. Юла резко отстала от Димки и начала такую осаду вновь прибывшего, что Димке было неловко на это смотреть. Крестовский не сопротивлялся вообще. Спустя несколько дней они уже целовались за главным корпусом, нарушая общественный порядок. И как только у законопослушного Крестовского духу хватило? Димка и рад был бы не обращаться на все это внимания, но не получалось. Нет, он не завидовал и не ревновал, как однажды заявила ему в сердцах Машка, ему просто было неприятно видеть, что у Крестовского так легко и просто все срастается с женским полом. А еще он чувствовал иррациональную ответственность за Шилу. Был в ней какой-то надлом, который не удавалось спрятать ни за красивой внешностью, ни за эпатажем. Димка не знал причину, потому что у него не было привычки лезть кому-то в душу, но просто отвернуться от Шиловой и отпустить

ситуацию не мог. Впрочем, особых действий предпринять тоже не собирався.

Шилова с появлением Крестовского прямо расцвела, настойчиво демонстрируя их идиллию на просторах Сети. Наверное, она хотела, чтобы ей все завидовали. Димка не завидовал, хотя в его жизни не было даже намека на идиллию. У него была Машка.

Психолог однажды сказал Сергею, что у Димки нездоровая фиксация на Маше. Предполагалось, что Димка не должен был это услышать. Ответа дяди он ждать не стал — ушел курить на крыльцо. Курил и думал, что ему в общем-то пофиг. Машка была константой его мира. Как Лялька. Только с Машкой, в отличие от Ляльки, можно было разговаривать, и она держала в тонусе. Иногда пилила, будто они были двести лет женаты, но чаще старалась его развеселить и выдернуть из болота, в которое его упорно утаскивали невеселые мысли. Сергей, к счастью, тему фиксации на Маше не поднимал, и Димка был ему за это благодарен, потому что бороться с этим он не был готов. Хватит того, что он боролся с фиксацией на телефоне.

После исчезновения родителей Димка перестал расставаться с телефоном. Он брал его с собой даже в туалет и душ. Спал с ним, ел с ним. И ладно бы в игры играл, так нет же. Большею частью ждал сообщений. Сообщения приходили. Только все время не те. Когда стало понятно, что это уже зависимость, Димка согласился на эксперимент, предложенный психологом: откладывать телефон на время. Сначала это было десять минут, потом — пятнадцать. За полгода он дошел до того, что мог спокойно оставить телефон в холле и уйти к себе. Или же просто не проверять пришедшие сообщения после девяти вечера. Он каждый раз ставил себе разные условия, мечтая о дне, когда все это будет происходить естественно и без усилий с его стороны.

Фото, присланное Машкой вечером понедельника, он увидел уже с утра за завтраком. Обнаружив в мессенджере сообщения аж в двух чатах, он все равно сначала сходил в душ, потом покидал учебники в рюкзак и, только усевшись

за стол и отправив в рот первый кусок омлета, пододвинул к себе телефон.

Сначала открыл чат с Машкой, потому что пикироваться с Шиловой, не заправившись кофе, он не был готов.

«И это у тебя к нам с Крестовским претензии?» — гласила подпись под его фото с Шиловой.

Димка развернул фото на весь экран, покрутил его и так и этак. Ну, фото и фото. Поскольку сделано оно было в начале праздника, Димка прекрасно помнил, о чем они говорили. Шиловой взбрело в голову купить себе сноуборд, и Димка пытался объяснить ей, что Freestyle ей еще рано, пока стоит купить Freeride. Что Машка хотела сказать присланной фоткой, Димка так и не понял. Ну, то есть типа наличие этого фото оправдывало то, что Крестовский подвез Машку до дома? Логика была чисто женской. У него было до фига совместных фоток с Юлой. На любых тусовках кто-то вечно ловил их в один кадр. К ситуации с Крестовским это вообще не относилось. Димка понял, что погорячился, решив, будто ответить Машке будет проще, чем Юле, и вышел из чата. В универе разберутся.

Юла тоже прислала фото. Целых три. Стоило их увидеть, как омлет встал поперек горла. Димка с трудом проглотил кусок и закашлялся.

— Дима, все хорошо? — тут же возникла на кухне Тамара Михайловна, их домработница.

— Да, — просипел Димка, шаря по столу в поисках воды.

Тамара Михайловна мигом налила ему стакан воды. Димка сделал пару глотков, утер рукавом выступившие на глазах слезы и рванул к выходу.

— Дима, а завтрак? Невкусно?

Димка притормозил в дверях и выдал скороговоркой:

— Все очень вкусно, как всегда. Спасибо. Просто мне срочно на учебу нужно. Я забыл там... Короче...

Сергея дома уже не было, Лялька из своей берлоги не выбиралась, поэтому прощаться было не с кем.

Димка выбежал из дома, на ходу застегивая ветровку. Андрей уже был у машины: с кем-то переписывался, присев

на капот. Увидев Димку, он тут же спрятал телефон в карман и распахнул пассажирскую дверь.

Всю дорогу до универа Димка разглядывал присланные фото, борясь с желанием удалить их к чертям. Вот только удаление фотографий проблему бы не решило, потому что нехитрым программным действием не сотрешь из истории это randеву. Димка злился на Шилову за то, что прислала фотки. Он не хотел их видеть, он ничего не хотел об этом знать. О Машке он старался не думать, потому что ее хотелось просто... Черт, он даже сформулировать боялся, что ему хотелось сделать с предательницей Рябининой. Она не имела права смотреть на Крестовского так! Если до этого Димка думал, что во взгляде Маши, обращенном на Крестовского, появляются интерес и симпатия, а порой даже сочувствие, то на этих фото... Черт, на самого Димку она ни разу так не смотрела. С симпатией — да, с сочувствием — да по сто раз на дню! А вот с таким обожанием, так заворотно...

Когда они с Крестовским успели настолько спеться? Ему понадобилось гораздо больше времени, чтобы заслужить доверие Машки. Он до сих пор помнил, как Андрей однажды остановился купить сигарет и вышел из машины, так Машка чуть за ним не вылетела, будто Димка — маньяк какой-то. Вообще она очень четко оберегала свое личное пространство, а тут... То, что фото сделано на «Рене», не вызвало сомнений. То, что Машка была на «Рене» впервые, — тоже. Похоже ли, что на этих фото два малознакомых одноклассника ищут потерявшегося третьего? Ха!

Димка тер виски, ерзал по сиденью, то открывал окно, то вновь его закрывал. Андрей периодически посматривал на него в зеркало заднего вида, но, как обычно, к счастью, не комментировал. Хотелось курить, но они договорились, что в машине этого не делают, хотелось урыть Крестовского и встряхнуть Машку, которая не имела права так на него смотреть.

В корпус Димка пошел не сразу. Побродил вокруг, чтобы немного успокоиться. Спокойствие не приходило.

Шилова поймала его за рукав на входе в аудиторию. Димка бросил взгляд на обычное место Юлы и увидел, что вещей Крестовского нет.

— Ну что? — нетерпеливо спросила Юла, будто они продолжали начатый разговор.

— Что «что»?

— Ты фото видел?

— Ну?

— Волков, не тупи! Мне прислал это охранник.

— А он фанат Крестовского или Рябиной?

— Волков, ты совсем мозги пропил? Я попросила его понаблюдать за Ромой.

— И он согласился под влиянием твоей неземной красоты?

— Он согласился под влиянием пары купюр.

— И почему у нас нынче верность работодателю?

— Пф, понятно все с тобой, — огорчилась Юла и хотела было уйти, но теперь уже Димка поймал ее за локоть.

— Ты-то что думаешь?

— То, что у наших пассий был романтический ужин. Крестовский клянется, что дальше ужина дело не зашло. Но суть в том, что и ужина быть не должно было! Меня это бесит! — совсем по-детски топнула ногой Юла.

Димка потерял переносицу. Крестовский не умел врать. Совсем. Если он клянется, что ничего не было, значит, не было. Господи, верить Крестовскому и не верить Машке — это уже дно.

— Ты прямо мстить теперь будешь? — скрывая злость за шуткой, спросил он.

Юла посмотрела на него так, будто она была филателистом, а он — редкой маркой.

— А на меня ты чего так смотришь? — насторожился Димка.

— Если я захочу потрепать нервы Роме, сможешь?

— Не, я пас. С Крестовским не играю.

— Боишься?

— Да думай что хочешь. — Димка пожал плечами и направился к своему месту.

Машка смотрела напряженно. Он скользнул по ней взглядом и вспомнил о том, что надо просто дышать, глубоко и размеренно. Если он сейчас с ором сбросит со стола ее тетрадки и запустит в стену ее сумкой, ситуация не изменится. Ну, то есть изменится, конечно: его отстранят от учебы, а Машка окончательно убедится, что Крестовский — принц на белом коне. Не то что всякие психи. Поэтому, продышав на счет до восьми, он вполне спокойно произнес «доброе утро», занял свое место и, от греха подалее, запустил видео в телефоне.

Сидеть с Машкой было невыносимо. Она ерзала на стуле, три раза залезала в сумку, касаясь при этом его локтя своим, что-то писала, вздыхала. Это дико мешало, потому что он вправду старался слушать Валерку. Если дела компании идут не ахти, он должен вникать независимо от того, на их стороне Сергей или же обманывает их с Лялькой, набивая себе карманы. Ответственность за Ляльку и ее будущее в конечном счете все равно лежала на Димке.

Юла прислала сообщение:

«Есть идея».

Димка лег на парту и посмотрел на Юлу. Та расплылась в ангельской улыбке. Сердиться на нее всерьез у Димки никогда не получалось. Едва не заржав, он написал: «В последний раз это кончилось штрафом за разбитую витрину».

Юла, правда, могла влипнуть в какую-нибудь ерунду на ровном месте. Как-то они возвращались из клуба после ее дня рождения, и кто-то из их компании пошутил, что манекен в витрине похож на Юлу. То ли прической, то ли платьем, Димка не помнил точно. Помнил только, что Юле пришлось в голову забраться на стоявшую у витрины многоярусную клумбу, чтобы Костик сфоткал ее с манекеном. Поскольку дело было под утро, все уже стояли на ногах весьма нетвердо. В итоге Юла, которая вдруг решила оголить плечо для снимка, при попытке расстегнуть кофточку свалилась с тумбы. Димка бросился ее ловить, а отброшенная им бутылка пива отлетела прямехонько в витрину. Охрана бутика вызвала полицию. Но ни охранники, ни патруль так и не смогли воззвать к их совести, потому что

манекен, с укором наблюдавший за происходящим через трещины в стекле, вправду оказался похожим на Юлу, и в тот момент это казалось жутко смешным.

С Крестовским Юла, надо признать, стала вести себя гораздо благоразумнее. Но всякой благодати приходит конец, и Димка с досадой понимал, что не сможет просто так от нее отмахнуться. Был бы он в нормальных отношениях с Крестовским, сказал бы тому, что у его девушки проблемы, если сам Крестовский — слепой придурок, а так... придется опять вписываться в какую-нибудь фигню. А то, что фигня точно будет, Димка чуял нутром.

В конце лекции ему показалось, что Машка собралась с ним заговорить, поэтому, едва дождавшись звонка, Димка рванул из аудитории. К счастью, желающих покурить было навалом, что дало ему возможность немного отвлечься болтовней.

На следующую лекцию приперся Крестовский, и Димке пришлось призвать на помощь все самообладание, чтобы не посмотреть в его сторону. А на перемене он замешкался, и сбежать не получилось. Машка обратилась к нему с вопросом. Жутко хотелось начать орать, еще сильнее — схватить ее за плечи и встряхнуть, чтобы она наконец перестала делать такое честное лицо. А уж когда она заговорила про фото... Димка смутно помнил, что он отвечал. Особенно когда в поле его зрения появился Крестовский. Сколько сил понадобилось Димке, чтобы просто толкнуть того плечом, а не сломать ему нос или не свернуть шею...

К счастью, после этого Крестовский с занятий свалил, а оживившаяся непонятно с чего Шилова сделала предложение, от которого Димка не смог отказаться. И не потому, что предложение было сногшибательным, а потому что отпустить безбашенную Шилову одну на фотосессию к малознакомому упырю было бы по меньшей мере непорядочно. Димка заранее бесился оттого, что ему придется разгребать грядущие проблемы девушки Крестовского... Но ситуации это не меняло.

— Кстати, фотосессия в стиле ню, — будто невзначай сообщила Юла, когда они уже ехали к назначенному месту.

Димка, который к окончанию ее фразы успел сделать глоток сока из бутылки, поперхнулся и почувствовал, что сок пошел носом. Блин. Второй раз за день он давится, и оба раза — из-за Юлы!

Пока он кашлял и рылся в рюкзаке в поисках салфеток, Юла как ни в чем не бывало чем-то там мазалась. Чем она вечно мажется, Димка никогда не понимал. Все равно на лице ничего не было видно. Наконец прокашлявшись и дав отмашку поглядывавшему в зеркало Андрею, что он не помер, Димка вытерся и повернулся к девушке Крестовского:

— Юленька, милая, ты совсем ку-ку?

— Димочка, милый, не будь занудой, — попросила Юла и снова ангельски улыбнулась.

— Лучше бы опять штраф за витрину, — пробормотал Димка и, добавив во избежание неожиданностей: — Помолчи минуту, — допил наконец сок.

Его предосторожности не были лишними, потому что Юла выдала поучительным тоном:

— Даже Ромка согласился. А уж ты-то...

— Ваще не удивила. У него с мозгами совсем...

Хотя, признаться, Димка удивился, и еще как. Крестовский собирался сниматься голым? Он совсем с дуба рухнул? Или правда настолько мозги с Юлой растерял? Неожиданно такая бурная личная жизнь Крестовского вызвала острый приступ зависти.

Русик, модный фотограф, не понравился Димке с первого взгляда. И нет, не из-за дебильного имени и даже не из-за выкрашенных в розовый прядей волос. Не понравился тем, как смотрел на Юлу. Он нес какую-то пургу про то, какой в Юле внутренний свет, а сам шарил взглядом по ее обтягивающему брючному костюму, будто свет прорывался прямо сквозь ткань и преимущественно ниже талии. Димка поманил Юлу к себе и, стоило той подойти, заявил:

— Уходим.

— Нет. — Юла вцепилась в его запястье как клещ. — Ты обещал. Это на полчаса.

— Юля, мне не нравится этот перец.

— Так ты его не ешь, — сверкнула улыбкой Юла и убежала под софиты.

Как бабочка, блин.

Следующие двадцать минут Димка хмуро наблюдал за тем, как Юлька принимает всякие нелепые позы и пытается призывно смотреть в камеру. Выглядело это кошмарно. К тому же в помещении было просто адски жарко. Вероятно, предполагалось, что все, кто не ню, должны были сдохнуть еще на подлете к студии. Юла сняла пиджак и теперь позировала в брюках и майке. Русик заметно оживился, Димка окончательно скис.

Когда же Юла подошла к нему и обрадовала тем, что сейчас начнется ню, у Димки мелькнула малодушная мысль подождать в коридоре. Но оставлять Юлу наедине с упырем не хотелось.

— Юль, вот на фиг тебе это, а?

— Я хочу запечатлеть, — вдруг очень серьезно ответила Юла.

— Что именно? Голую задницу?

— А хотя бы и ее. Ты видел, какой красивой была моя бабушка? Я вот листаю ее фото, а она с каждым годом все...

— Что «все»?

— Все сильнее становится бабушкой, понимаешь?

— Ну так ей и лет-то сколько! — повысил голос Димка.

— Ну и что? Когда мне операцию делали, я подумала, что мне и восемнадцать может не исполниться, понимаешь? Теперь шрам этот... — Юла указала на горло. — А я хочу, чтобы красиво.

Димка выдохнул и запустил пальцы в волосы.

— Юль, тебе Крестовский что, мало комплиментов делает?

— Да тебе-то какое дело? — огрызнулась Юла. — Он тут вообще ни при чем.

— Блин, Шилова, если я тебе сейчас скажу, как офигенно ты красива, мы пойдем наконец домой, а?

Юлька посмотрела на него так, как иногда смотрела Лялька, когда он, по ее мнению, городил чушь.

— Хочешь — уходи. Я и сама справлюсь.

С этими словами она взялась за низ майки.

— Ой, дура ты, Шилова. У меня слов на тебя других нет. Димка сдернул толстовку вместе с футболкой и процедил сквозь зубы:

— Джинсы снимать не буду.

Улыбкой Юлы можно было зажигать звезды.

Под софитами дышать было вообще нечем, а стоять полуголым оказалось неожиданно неловко. Он не привык вот так, при ярком свете.

Юла, как бы ни хорохорилась, майку сняла, только от-вернувшись к стене, и долго возилась с застежкой бюстгал-тера. Русик вызвался было помочь, но Димка одним взгля-дом умирил его пыл.

— Только ты на меня не смотри, — попросила Юла, когда придурок Русик велел им встать так, чтобы Димка был в кадре спиной, а Юла глядела в объектив поверх его плеча.

— На фиг тогда было раздеваться? — резонно возразил Димка, однако, встав на указанное место, глаза закрыл.

Он чувствовал, что Юла встала перед ним, и хотел снова над ней пошутить, но отчего-то ему стало жутко ее жалко. У него самого было столько тараканов в голове, что он просто был не вправе шутить над чужими заскоками. От-крыв глаза, он уставился на белый задник поверх головы Юлы.

Упырь Русик давал дебилные указания из серии: «Взгляд на меня, детка! Ты лучшая».

Очень хотелось дать ему в морду. Интересно, будь здесь Крестовский, он бы это спокойно терпел или все-таки дал в морду? Хотя... Димка не представлял себе ситуацию, в ко-торой Крестовский мог бы начать драку. Дядя Лёва с дет-ства прессовал того, что все вопросы нужно решать слова-ми. Димку отец тоже этому учил. Но в последние три года Димка при любой возможности нарушал этот завет.

— Какое же это ню, если ты за меня спряталась? — спро-сил он, когда понял, что мысли опять унесли его в непри-ятные дали.

Юла подняла голову, и Димка, невольно среагировав на ее движение, посмотрел вниз. Блин, определенно не стоило.

Личная жизнь Крестовского однозначно становилась предметом зависти. Димка сфокусировался на лице Юлы. Сейчас, когда она убрала волосы назад, стало понятно, зачем она мазалась этой своей фигней. В противовес пылающим ушам, лицо Юлы было совершенно нормального цвета. Во всяком случае, Димка, по ощущениям, был гораздо краснее нее.

— Ты это сделала, чтобы у Крестовского был повод меня убить? — усмехнулся он, чтобы хоть как-то отвлечься от близости неодетой девушки.

— Я это сделала для себя, — сказала Юла и посмотрела так, что Димка передумал продолжать этот разговор.

Он закрыл глаза и стал считать до десяти и обратно, стараясь игнорировать запах духов Юлы и то, что она стоит совсем близко. Так близко, что он чувствует ее дыхание на своем плече.

Стоять неподвижно оказалось настоящей пыткой. Хотелось отступить, почесать плечо, которое обжигало неровное дыхание Юлы, а еще лучше — свалить из этой проклятой студии и отправиться в ближайший клуб. Ну или хотя бы попить, потому что во рту пересохло так, что даже сглотнуть нормально не получалось. А перед закрытыми глазами стояла картинка, которую он успел увидеть, когда посмотрел вниз. И виноват во всем опять был Крестовский, который в упор не видел, что у Шиловой проблемы с головой!

А потом он стоял позади Русика и смотрел на Юлу, сидящую на высоком табурете. Она выглядела незнакомо и немного вульгарно. Димка не знал, насколько реально крутой фотограф этот Русик, но то, какой он хотел видеть Юлу, Димке однозначно не нравилось, и он считал минуты до окончания этой пытки. Очень хотелось домой и чтобы этого дня не было.

— А Крестовский меня голой не видел, — ни с того ни с сего нарушила молчание Юлька, когда они спускались по широким ступеням, вырвавшись наконец из адского пекла студии.

В Димке удивление смешалось со злорадством. Оказывается, завидовать было нечему. Вслух же он сказал:

— Ждал до совершеннолетия, чтобы не нарушать закон?

— Да нет, — задумчиво ответила Юла и больше ничего не добавила.

— Ну ничего. Теперь увидит, — утешил ее Димка. — И он, и все остальные...

— Хватит нудеть! — повысила голос Шилова, и вид у нее стал такой, будто она собралась заплакать.

Димка остановился между лестничными пролетами и бросил рюкзак с ветровкой на широкий подоконник.

— Только не реви, ладно? Терпеть не могу, — предупредил он.

Однако Юла все-таки всхлипнула и шагнула к нему. Димке ничего не оставалось, как обнять ее и притянуть к себе, смутно радуясь, что они оба полностью одеты. Он неловко гладил рыдающую Юлу по волосам и думал о том, что сегодняшние снимки будут дополнительным гвоздем в крышку гроба его благонадежности, если встанет вопрос об опекунстве над Лялькой. Впрочем, думал отстраненно. Потому что суд за опекунство был пока делом эфемерным, а рыдающая Юла — очень даже настоящей.

— Ну хватит, а? — попросил он. — Я утешать не умею.

— Что ты в ней нашел? — всхлипнула Юла и потянула за завязки его толстовки так, что капюшон больно врезался ему в шею.

— А ты что — в Крестовском? — парировал он, не желая говорить о Машке. Особенно сегодня.

— Ну как же, — театрально воодушевилась Юла, — он богатый, красивый...

— Господи, Шилова, — вздохнул Димка, — какая же чушь у тебя в голове!

— Зато у тебя не чушь! — Юла оттолкнула его и принялась рыться в сумочке.

Димка вынул из кармана бумажные салфетки. Юла взяла одну и стала осторожно промокать под глазами, приоткрыв рот.

— Слушай, всегда хотел спросить: а почему вы, когда краситесь, рот открываете, или вот сейчас?

— Блин, Волков, — простонала Юла, — каждый раз, когда я начинаю подозревать в тебе тактичность, ты меня возвращаешь с небес на землю!

Димка заржал, потому что, кажется, Юла отошла и рыдать больше не собиралась.

Поревев, она уже не выглядела красивой. Губы покраснели, нос — тоже. Глаза стали как у декоративных кроликов — у него в детстве такой был, красноглазый. Этим наблюдением с заикленной на своей внешности Юлой он, конечно, делиться не стал. Вместо этого терпеливо ждал, пока она утрется и они наконец уйдут.

Юла сунула испачканную салфетку в кармашек сумки и вдруг, шагнув вперед, обняла Димку за шею.

Димка замер, однако сбрасывать ее руки не стал. Почему, он и сам не знал, хотя дураку было понятно, что сейчас произойдет. Юла привстала на цыпочки и прижалась губами к его губам.

Димкин мозг прострелила мысль, что если фотосессию еще можно было объяснить тем, что Юла оказалась в сложной ситуации из-за своих глупых комплексов, то поцелуй объяснять будет нечем. Как и Машкино randevu с Крестовским. Юла задрала на нем толстовку, потом футболку и прижала холодные ладони к его бокам. Димка вздрогнул и собрался было прекратить эти вольности, но вместо этого, накрыв ее руки своими, ответил на поцелуй.

Целоваться с Юлой было бы круто, если бы не куча но, которые принялись вертеться в его голове, стоило чуть отвлечься от всплеска эмоций. Машка, Крестовский, ситуация с Лялькой — все это не давало расслабиться, как он ни старался.

Юла отстранилась сама. По инерции Димка потянулся было за ней, однако быстро пришел в себя. Вообще-то после сегодняшнего Крестовский имеет полное моральное право оторвать ему голову, и Димка, пожалуй, даже не будет особенно сопротивляться.

Он выпустил руки Юлы, которые по-прежнему прижимал к своим бокам, и отступил назад.

— Волков, Волков... — голос Юлы прозвучал грустно. — Спасибо тебе.

Больше ничего не добавив, она пошла вниз, а Димка, прихватив с подоконника рюкзак и ветровку, поплелся следом, размышляя о том, как Юла умудряется не переломать себе ноги на таких каблуках, тем более на лестнице. Вот Машка каблуки не носит. От мысли о Машке на душе стало гадко.

Он говорил, что Шилова — дура? Ни фиги. Самый большой дурак здесь — он.

Глава 16

Я — индикатор твоих настроений.

Расставшись с Крестовским, Маша всю дорогу прокручивала в голове произошедшее. Она была рада, что впереди выходные, потому что ей нужно было время, чтобы прийти в себя. Сначала она хотела позвонить Димке, но потом поняла, что по телефону обсуждать сложившуюся ситуацию глупо. Они должны решить этот вопрос с глазу на глаз.

У Димки был повод злиться. И хотя Маша убеждала себя, что ничего предосудительного на яхте не было, в глубине души она понимала: было. Она не просто ужинала с Крестовским, она рассказала ему свою тайну, а еще, судя по фото, она смотрела на него так, что теперь впору было провалиться под землю.

Вечер пятницы Маша провела с папой. Родители, кажется, поругались. Во всяком случае, мама ушла к подруге, что бывало крайне редко. Папа же заглянул к Маше в комнату и, прижавшись щекой к косяку, сказал:

— Манюш, посмотрим «Доспехи Бога»?

Папа обожал фильмы с Джеки Чаном, и Маша волей-неволей знала их наизусть, но как раз «Доспехи Бога» она любила. Впрочем, даже если бы ненавидела, все равно составила бы отцу компанию.

От папы пахло одеколоном и немного потом: знакомый с детства запах. Маша положила голову ему на плечо и слушала, как он дышит. В голове почему-то крутились слова Крестовского о том, что, если бы отец узнал, он убил бы этого дядю Колю, потому что Маша — его девочка.

— Пап, — позвала она.

— М?

— А если бы меня кто-то обидел, ты бы за меня заступился?

— Тебя обижают? — Папа поставил фильм на паузу и сдвинулся в сторону. Маше пришлось выпрямиться.

— Нет, гипотетически.

Отец потер подбородок, как делал, когда проверял, не пора ли ему бриться.

— Все-таки обижает кто-то из твоих мажоров? — прищурился он. — А Димка твой что? Молчит?

Маша вспомнила мерзкого дядю Колю. Он был выше папы, у него, кажется, не было пивного животика и точно не было седины.

— Нет, — вздохнула Маша, решив, что Крестовский вправду излишне идеализирует мир. Если его отец мог с легкостью разрулить любую ситуацию, это означало лишь, что Крестовскому повезло. — Мне просто стало интересно. Правда. Меня никто не обижает.

Отец некоторое время пристально смотрел на нее, а потом вновь запустил фильм и сел в прежнюю позу. Маша опять устроилась на его плече.

— Ты не молчи, Манюш, ладно? Если вдруг тебя обидят, а твой Димка не решит вопрос, ты говори.

— Хорошо, — ровно сказала Маша, понимая, что права была она, а не Крестовский.

— Помнишь, как у бабушки ты всегда меня звала, чтобы я крапиву срубил? — вдруг сказал отец. — Крапива выше тебя была.

— Помню, — улыбнулась Маша и не стала говорить, что в ее жизни у бабушки было кое-что пострашнее крапивы.

Мама пришла, когда фильм уже почти заканчивался. Маша с папой не стали выходить ей навстречу, потому что неудачные дубли, собранные в конце, были их любимой частью фильма. Мама тоже не стала заходить в зал, а отправилась на кухню.

Когда экран погас и отец, выключив телевизор, направился напрямик в ванную, Маша окончательно поняла, что в их семье творится что-то неладное.

— Мам, вы поссорились? — спросила она, заглянув на кухню.

Мама повернулась к Маше и пожала плечами:

— Люди иногда ссорятся.

Даже уставшая, она все равно выглядела очень красивой.

— Но это же несерьезно?

— А у вас с Дмитрием? — вдруг спросила мама, очевидно, решив, что лучшая защита — это нападение.

— У нас несерьезно. Просто дуемся, — ответила Маша, хотя ей стало жутко неприятно от этой темы.

— Вот и мы дуемся. Уже много лет как, — зачем-то добавила мама.

— Мам, — Маше вдруг стало страшно, и, подойдя к маме, она что есть силы ее обняла. Мама обняла ее в ответ. — Вы же не разведетесь? — шепотом спросила Маша, вспоминая, что больше половины ее группы жили либо в неполных семьях, либо с отчимами.

В голову пришло, что мама выглядит намного моложе папы, а еще что ей самой уже есть восемнадцать и родители в общем-то выполнили свой родительский долг. Мама выбралась из Машиных объятий и открыла холодильник. Долго смотрела на полки, будто не могла решить, что ей съесть. Маша с замершим сердцем ждала ответа.

— Из-за чего вы с Дмитрием дуетесь друг на друга? — не оборачиваясь, спросила мама.

— Ответ про вас с папой, и я расскажу, — дрогнувшим голосом попросила Маша.

— Нет, Маша, мы не разведемся. Поздно нам уже...

— Что «поздно»?

— Все поздно, Машка.

Мама захлопнула холодильник, так ничего и не достав, включила чайник, взяла с полки две кружки.

— Ну, теперь твоя очередь.

На этот раз мама развернулась и, прислонившись к столу, в упор посмотрела на Машу. На маме были джинсы и водолазка, и Маша подумала, что хотела бы в почти сорок лет иметь такую фигуру.

— Я жду.

— Ну ты же сама хотела, чтобы мы не общались, — произнесла Маша.

— И ты прямо так сразу исполнила мое желание? — недоверчиво уточнила мама.

— Нет, просто... у нас случилось недоразумение. Из-за Крестовского.

— Недоразумение?

— Да. Димка не так понял.

— А у него был шанс понять так?

Маша пожала плечами.

— Не знаю, мам. Там сложно все вышло.

— Мария, ты помнишь, что обещала. Учеба. И больше ничего.

— Мама, ну хватит!

— Нет, не хватит! — повысила голос мама. — Я хочу, чтобы ты выкинула все глупости из головы, пока не получишь образование.

— Можно подумать, ты думала лишь об учебе в моем возрасте.

Мама прищурилась. Маша давно не видела ее такой злой.

— Ты на что намекаешь? — спросила мама.

— На то, что ты вряд ли просиживала круглые сутки над учебниками. Думаю, ты и на дискотеки ходила, и вообще...

— Никакого «вообще» в моей жизни не было, ясно? — очень тихо и очень зло проговорила мама. — В моей жизни были учеба и работа.

— А я откуда появилась?

— Аист принес, — мама произнесла это уже спокойнее и добавила: — Я боюсь, что ты сломаешь себе жизнь, Машка. Вокруг тебя вертятся эти избалованные мажоры, для которых перешагнуть через кого-то — плевое дело.

— Димка не такой.

— Я знаю. Потому и позволяю тебе с ним общаться.

Маша не стала напоминать маме про запрет, подумав, что, даже если бы мама всерьез не позволила им общаться, она все равно не бросила бы Волкова. И Крестовского не бросила бы, если бы тому понадобилась помощь...

На кухне появился папа в пижамных штанах и с полотенцем на шее.

— Что за шум, а драки нету?

— Чай будешь? — спросила мама.

— С удовольствием, душа моя, — расплылся в улыбке папа, и Маша почувствовала себя лишней.

В своей комнате она включила музыку погромче, думая о том, что, вероятно, сильно мешает личной жизни своих родителей. У них ведь не дворец, как у Волкова, где можно целыми днями не встречаться, живя под одной крышей, и не отдельное жилье, как в случае с Крестовскими.

Чтобы отвлечься от невеселых мыслей, Маша взяла телефон и долго смотрела на экран, собираясь с духом. Наконец отбила Димке:

«Я в курсе фоток. Позвони мне».

Тринадцать минут она пыталась читать, то и дело поглядывая на галочки под сообщением. Димка его так и не прочел. Тогда Маша открыла чат с Крестовским. Перечитала их шутивную переписку, но так и не решилась ничего написать. Перед сном она загадала, чтобы за выходные все как-нибудь разрешилось.

В субботу с утра снова был переполох. Папа улетал на трехдневные гастроли. Они с мамой вновь ругались, и в этот раз притаившаяся на кухне Маша думала о том, что ругаться родители стали чаще...

После отъезда папы мама была хмурой и раздраженной. Ее ученик отменил занятие, а это означало, что она может провести утро дома. Однако маму это, похоже, не радовало.

— Зато отдохнешь, — попыталась разрядить обстановку Маша.

— Отдохнуть?! — взвилась вдруг мама. — Я-то отдохну, Машка, а квартиру мы чем оплачивать будем? Хватит с нас того, что папа у нас в свободное от концертов и репетиций время отдыхает.

Мама с такой силой бросила чайную ложку в раковину, что вода, которой папа залил после завтрака посуду, выплеснулась на пол.

Маша молча взяла тряпку и вытерла пол. Вновь поднимать тему развода она не решилась.

— Знаешь, Маш, — вдруг подала голос мама, — если ты все же соберешься делать глупости, то делай их с Волковым, который хотя бы понимает, что такое семья, и ценит ее. К тому же в нем угадываются мозги.

С этими словами мама ушла в зал и закрыла за собой дверь. Маша же принялась мыть посуду, пытаясь уложить в голове мамины слова. Она что, всерьез предложила Маше броситься на шею Волкову, потому что он ценит семью и в нем угадываются мозги? А любовь?.. Маша попыталась всерьез обдумать эту мысль. Вот приходит она к Димке и говорит... Черт, а что она должна будет сказать ему, чтобы обозначить серьезность своих намерений?

— А не пора ли нам перевести наши отношения... — Маша нервно прыснула, когда поняла, что цитирует какой-то тупой фильм.

Нет, она была не такой уж наивной. Но одно дело — не удивляться тому, что для Шиловой ничего не значит количество парней, побывавших в ее постели, а другое — думать в таком ключе о себе. Маша вообще не понимала, как на это можно пойти не по любви, а расчетливо, чтобы потом на тебе женились. И, кстати, женятся ли парни вообще сейчас после такого? На дворе же не девятнадцатый век. Это в мамину молодость, может, достаточно было охмурить богатенького дурачка — и жизнь обеспечена... Маша вздохнула, поняв, что ей физически противно думать о подобных планах, особенно в отношении Димки.

Вымыв посуду, Маша закрылась в своей комнате и начала готовиться к очередному семинару по макроэкономике. Но руки сами собой все время тянулись к телефону, и в итоге она по кругу то проверяла чат с Димкой, где сообщения по-прежнему висели непрочитанными, то открывала страничку Крестовского. Это жутко бесило, но Маша ничего не могла с собой поделать. Поняв, что не в силах прекратить эти бессмысленные действия, она решила погулять в парке, чтобы проветриться и заодно подумать, как пройти квест под названием «Волков»: поговорить с человеком,

который не желает с тобой разговаривать. В последний раз взглянув на непрочитанные сообщения, Маша спрятала телефон в ящик стола, загадав, что, если к ее возвращению Волков так и не очнется, она ему позвонит и настучит по его тупой башке. И ей было пофиг, угадываются в этой башке мозги или нет.

— Мам, я в магазин и погуляю, — крикнула Маша, остановившись у двери в зал.

Дверь тут же открылась, и мама уточнила:

— С кем?

Маша подавила желание огрызнуться. Тотальный контроль с недавних пор начал раздражать, но сейчас мама была и так на взводе, поэтому Маша улыбнулась и честно ответила:

— Одна.

Мама, кажется, не поверила, но добавить Маше было нечего.

Она бродила по небольшому парку недалеко от дома, смотрела на мамочек с колясками и пыталась понять, когда же между нею и мамой возникла такая пропасть. Мама всегда была для нее примером, и Маше жутко хотелось быть на нее похожей. Зеркало довольно давно убедило Машу в том, что в отношении внешности эта цель недостижима, так что оставалось только стать похожей на маму в жизни. Именно поэтому Маша так рвалась в этот универ. Ее всегда завораживала мысль о том, что мама, будучи выпускницей сельской школы, сумела поступить на бюджет, окончить универ и при этом не выскочить замуж ни за одного из учившихся там богатеньких мальчиков. То, что она выбрала папу, возводило в Машиных глазах отношения родителей на пьедестал истинной любви. Ведь, чтобы жить с папой, нужно было очень сильно его любить, со всей его преданностью оркестру, с постоянными гастрольями, с умением приготовить себе еду и нежеланием вникать в их материальные проблемы. Маше порой было очень жалко маму, которая без единого упрека тащила на себе семью, зарабатывая деньги почти без выходных. Поначалу Маша хотела найти подработку после школы, но мама твердо

сказала, что если уж Маша сумела поступить на бюджет, то основной ее помощью семье будет это место не потерять. Маша согласилась и налегла на учебу. В своих мечтах она видела себя успешной и обеспеченной, добившейся всего самостоятельно. Чтобы мама тоже могла ею гордиться. А сегодня мама вдруг обесценила все это предложением «делать глупости» с Димкой. Маша понимала, что, скорее всего, это было сказано на волне ссоры с отцом и очередного финансового напряжения, и все же не могла отбросить мысль, что, если мама затронула эту тему, значит, такая идея бродила в ее голове.

Минут через пятнадцать Маша поняла, что ее план — привести мысли в порядок — не имеет успеха. В душе поднималась обида на маму. И если раньше Маша непременно вернулась бы домой, чтобы поговорить с мамой, посидеть с ней в обнимку, может быть, даже вместе поплакать, то сейчас она направилась к дому только для того, чтобы взять мобильный и позвонить наконец Волкову. Очень хотелось услышать его голос и удостовериться, что у них все хорошо. Так же, как было до ситуации с Крестовским.

Дверь в квартиру почему-то оказалось незапертой, и Маша, осторожно ее толкнув, заглянула в коридор. В коридоре было пусто, однако с кухни раздавались приглушенные голоса. Один из них принадлежал маме, второй же...

Маша вошла в квартиру и, тихо прикрыв за собой дверь, направилась на кухню, потому что наличие на этой самой кухне папы Крестовского касалось ее напрямую.

— Я не хочу даже близко видеть ее рядом с Романом.

Маша застыла от неожиданности, потому что в голосе Льва Крестовского звучала неприкрытая злость. Чем она могла так насолить Крестовским? Тем, что Волков разбил Роману нос? Но это же чушь. Это их разборки. Она сама была только предлогом.

— Поверь мне, я еще меньше тебя хочу видеть свою дочь рядом с твоим мальчишкой.

Мама с ним на «ты»? Тут же в голове всплыла мысль, что их родители вправду могли быть знакомы. Кажется, Лев

учился здесь же. Что-то такое она слышала от Шиловой: мол, Крестовский учится в отцовской альма-матер. А еще Маша вспомнила реакцию Льва на маму, когда он вдруг начал расспрашивать, кто она и что преподает.

— Ира, — на этот раз голос Льва звучал примирительно, — ты ведь понимаешь, что это катастрофа?

— О да! — Мама зло рассмеялась. — Конечно, катастрофа, когда умненькая и наивная девочка влюбляется в подонка.

— Господи, ну что ты несешь? Дело ведь вообще не в этом.

— Ну конечно! — мама снова повысила голос.

Некоторое время в кухне стояла тишина, а потом Лев негромко спросил:

— Она ведь моя, да?

Маша смотрела на папин шарф, свисающий с вешалки, и считала на нем мелкие ромбики. Просто чтобы не думать о том, что сказал отец Крестовского.

— Пошел вон из моего дома, — голос мамы звучал спокойно и очень незнакомо.

— Я не уйду, пока ты мне не ответишь.

— Маша — не твоя дочь. Ответила. Уходи.

— Ира! — На кухне послышалась какая-то возня, и Маша наконец отмерла. Она уже собралась пойти к маме и помочь ей выставить этого наглеца из дома, когда Лев вдруг произнес:

— Ирка, ты не могла сделать аборт от меня. Я и тогда в это не верил, а теперь — тем более.

— Да что ты? Руки убери!

— Прости, прости. Давай спокойно поговорим.

Раздался звук передвигаемой табуретки. Маша подумала, что этот человек сейчас сидит на папином месте. Будто он здесь хозяин. Стало противно.

— Мне не о чем с тобой разговаривать, Крестовский. Со своим сыном разбирайся сам. Машка не повторит моей ошибки. Я этого не допущу.

— Как? Ты будешь за руку ее водить? — В голосе Льва послышалась злость. — Единственный выход — перевести кого-то из них в другой вуз.

— Подозреваю, что в твоей картине мира этот кто-то — Маша?

— Ир, Ромке сложно. Он едва начал тут обживаться. У него и с языком проблемы, и с общением. Он с пяти лет в школе-пансионате жил.

— Крестовский, я очень сочувствую твоему сыну. Прежде всего потому, что ему не повезло родиться у тебя. Но Маша поступила в университет сама. На бюджет. И, как ты справедливо заметил, любезно указав мне на мой достаток, у меня нет возможности перевести ее в другой вуз, да и она тебе не кукла, чтобы ценой ее будущего облегчать жизнь твоему наследнику.

— Твое дело — просто поговорить с Машей. По-хорошему. Все расходы я возьму на себя.

— Что значит «по-хорошему»? Ты в своем уме? Ты ворвался ко мне домой и угрожаешь?

— Ира, хватит. Я удерживаю детей от катастрофы! Хватит улыбаться! Я не хочу своему сыну такой судьбы.

— Какой? Жениться на голытьбе? Так, кажется, говорила твоя мама?

— Оставь мою маму в покое. Если бы Маша не была твоей дочерью, я бы первый их благословил!

— Да неужели? А как же мисс чего-то там? А? Или кто она у тебя? Куда же без мисс-то? Ноги от ушей, мозгов ноль.

— Мы обсуждаем не меня, — голос Льва прозвучал ровно. — Если Ромка решит жениться на мисс чего-то там, флаг ему в руки, решит на девочке из простой семьи — я тоже поддержу.

— Раньше я считала, что ты просто трус, а ты, оказывается, еще и лицемер. Уходи, Лев, я от тебя устала. Скоро Машка придет.

— Ты с ней поговоришь? — Табуретка вновь сдвинулась по полу, и Маша поняла, что Лев встал. У нее было несколько секунд на принятие решения: сделать вид, что только что вошла, или же признаться, что все слышала. Соблазн заставить оправдываться самоуверенного Льва Крестовского был велик, вот только Маша понимала, что маме тоже придется оправдываться. Она попятилась к двери, собираясь

громко ею хлопнуть, будто только вошла, но после следующих слов Льва ее ноги приросли к полу:

— Либо ты решаешь вопрос с переводом Маши, либо я начинаю процедуру признания отцовства через суд. Во втором случае детям будет сложно. — Лев говорил совершенно спокойно, будто каждый день подавал в суд на признание отцовства.

Маша на миг представила себе, что начнется суд, ее папе сообщат, что он не ее папа... Ее милому, мягкому папе, который мухи в жизни не обидел, придется ходить в зал суда, слушать, как чужие люди лишают его семьи... Она не думала всерьез о том, что это будет означать для нее, для Крестовского. Думать об этом было слишком страшно.

Мамин голос прозвучал хрипло и незнакомо, когда она заговорила:

— Если бы ты знал, как сильно я тебя ненавижу, ты бы никогда не переступил этот порог. Когда ты уехал, я, дура, думала, что вернешься. А срок поджимал. Но я боялась, что ты приедешь и не простишь аборта. Дотянула до того, что уже поздно стало. Нинка к своему знакомому отвела за деньги. Когда я очухалась, оказалось, что детей у меня больше не будет. Помню, выла тогда, и больше из-за того, что ты не простишь. Молодая была, дурная. А потом случайно Аньку Самойлову встретила. С пузом. Оказалось, что она уже Волкова и что летят они к тебе на свадьбу с мисс чего-то там. — Мама замолчала, и некоторое время Маша слышала только свое тяжелое дыхание. — Ты мне жизнь сломал, Лёвушка, — хрипло произнесла мама. — Машка — не моя. Юрка в колхозе со студотрядом был, там с какой-то девкой спутался. Она ему потом Машку привезла. Говорит, не возьмишь — в детдом отдам. Он и взял. Хотя его она или нет, так и не знает. Я с ним уже после познакомилась. Машке почти два года было. Не веришь — проверь по своим каналам и оставь нас в покое.

— Ира, — едва слышно позвал Лев.

Но мама продолжила, будто не слышала:

— Чем Машка старше, тем страшнее мне. Вдруг материнские гены свое возьмут? А пацаны вокруг нее так

и выются. Что Волков, что Ромка твой... А я уберечь ее должна!

Мама говорила что-то еще, но Маша уже не слышала. Попятившись к двери, она споткнулась о коврик и сбила с крючка ложку для обуви.

— Маша! — громко позвала мама, но Маша бросилась прочь из дома.

Она пробежала через детскую площадку, мимо готовящихся под снос гаражей-ракушек, мимо площадки для выгула собак. На спуске в овраг она едва не свернула себе шею. Кубарем скатившись вниз, вскочила на ноги, попыталась оттереть грязь с коленей, но ничего не вышло, и тогда она, плюхнувшись прямо на землю, наконец разрыдалась. Рыдала взхлеб и все терла влажные грязные пятна на коленях, отчего те лишь увеличивались. В голове билась мысль о том, что в этом овраге они познакомились с Волковым, когда на нее набросилась стая бездомных собак. Маша до смерти испугалась тогда. Сейчас же ей почти хотелось, чтобы стая собак вернулась и просто ее сожрала, потому что она совсем не представляла, как теперь жить дальше.

История ее появления на свет была сродни тем, что рассказывают в ток-шоу. И которым не верит никто, кроме бабушек.

Начал накрапывать мелкий дождик. Маша поднялась с земли и побрела по оврагу, не желая возвращаться домой. Она гадала, будут ли ее искать или мама — хотя, как оказалось, вовсе и не мама — вздохнет с облегчением? Кусочки головоломки наконец сложились. Большую часть жизни основным требованием мамы было не опозорить ее. Маша настолько к этому привыкла, что даже не задумывалась о причине. А оказывается, у этих слов был глубокий смысл. Видимо, мама не верила, что воспитанием можно перебить гены женщины, которая выбросила своего ребенка. Выходит, и папа может быть вовсе не папой. Маша вдруг поняла, что никогда не видела свое свидетельство о рождении. Паспорт она ходила получать вместе с мамой и, признаться, не вчитывалась в документы. Знала, что заполняла данные

родителей в графе «родители», но ведь приемные — тоже родители. Поэтому у нее не было причин не верить словам матери.

История о том, что у Льва был роман с однокурсницей, которую он бросил, узнав о ее беременности, тоже вообще-то тянула на рейтинговую тему для ток-шоу, но Машу это уже не удивляло. Мир вокруг вдруг стал казаться нереальным. Будто они все — лишь персонажи мыльной оперы. И Волков с почти киношной гибелью родителей, и Крестовский, заброшенный в чужую ему страну, и сама Маша с грязной тайной рождения...

Когда Маша выбралась из оврага с противоположной стороны, мелкий дождик превратился в ливень. Джинсовая куртка промокла насквозь, как и кеды. О джинсах не стоило и говорить: они все были измазаны жидкой грязью. Маша очень хотела позвонить Димке, но ее телефон остался дома. Она могла бы попросить телефон у кого-нибудь из прохожих, но, во-первых, сомневалась, что кто-то его даст, а во-вторых, она не помнила Димкин номер. Если бы бабушка была жива, Маша, наверное, поехала бы к ней. Хотя бабушка, оказывается, теперь и не бабушка вовсе. К Димке Маша поехать не могла, потому что ста рублей, оказавшихся в кармане, на такси не хватило бы.

Маша направилась к метро и спустя десять минут поняла, что едет в сторону универа.

Мысль пойти к Крестовскому даже не показалась странной. Странно было узнать, что у их родителей был роман, странно узнать, что твоя мать — деревенская девица, не обремененная моралью. А набрать на домофоне номер квартиры Крестовского было, пожалуй, самым нормальным действием за сегодняшний день.

Он ответил через три гудка, и Маша поняла, что откуда-то знала, что он окажется дома.

— Это Маша. Я могу войти?

Ответа она не расслышала, но замок запищал, давая знать, что его открыли. Консьерж посмотрел на нее так, будто она сделала что-то плохое лично ему, но Маше было все равно. В лифте она, правда, немного смутилась, увидев

свое отражение: джинсы в земле, волосы свисают мокрыми сосульками, нос красный. Впрочем, чего еще от нее можно было ждать? Вероятно, это и было ее истинное лицо.

Вежливая улыбка слетела с губ встретившего ее Крестовского с такой скоростью, будто ее сдуло ураганом.

— Маша? — его голос прозвучал так, словно он не был уверен в том, кто перед ним.

Маша хотела сказать что-нибудь смешное, чтобы с его лица исчезло испуганное выражение, но вместо этого разрыдалась, громко и некрасиво.

Крестовский наконец отмер и, схватив ее за плечи, втащил в квартиру.

Глава 17

Ты — эхо всех самых важных событий.

Юла рыдала в трубку. За время общения с Романом она встречалась со своим отцом трижды, и все эти встречи заканчивались одинаково. Юла не рассказывала подробностей. Просто говорила, что она на фиг никому не нужна и все бесполезно. Роман в душу не лез, но ему было до смерти ее жалко, и он очень хотел хоть как-то ее поддержать. По телефону поддерживать рыдающую девушку было сложно, поэтому он рвался приехать, чтобы можно было сидеть рядом, держать за руку, обнимать, но Юла сказала, что она не в форме. Роман попытался ее убедить, что форма здесь вообще ни при чем, но Юла стояла насмерть. В итоге они сошлись на том, что встретятся завтра и сходят в кино или в любое другое место, на усмотрение Юлы. Тема фотосессии в разговоре так и не всплыла, и Роман теперь даже не представлял, как об этом заговорить, потому что Юла была такой расстроенной и потерянной, что фотосессия с умеренной обнаженкой уже не казалась таким уж кошмаром. В конце концов, она взрослая девушка и сама понимает, что делает. Он ей не муж, чтобы устраивать сцены.

После разговора с Юлой Роман позвонил матери, и они проговорили почти тридцать минут. Мама благополучно добралась до Лондона и, кажется, уже вполне пришла в себя. Тему Патрика не поднимали, хотя Роману очень хотелось выяснить, закрыт ли для мамы этот вопрос. Однако мама ловко уходила от ответа, рассказывая то о грядущем юбилее кузины, то о своих грандиозных планах на уик-энд, что Роман в итоге так и не смог вернуть разговор в нужное

русло. Радовало лишь то, что в маминых планах на ближайший уик-энд Патрик не значился.

После мамы Роман позвонил по видеосвязи лондонскому деду, а потом родителям отца. Повторять заранее отрепетированную историю про дверной косяк, в который он врезался в темноте, было немного стыдно, и, кажется, русская бабушка так в нее и не поверила, но вариантов не было: Роман обещал звонить им по выходным, и пропустить разговор означало бы нарваться на неудобные расспросы и нотации. Для себя он давно решил звонить строго по графику и говорить только о том, что готов рассказать сам. Как правило, у родственников вопросов не оставалось и ему не приходилось врать. Слова о том, что ему хорошо в Москве, он считал ложью во спасение, поэтому как-то с ней смирился.

Покончив с разговорами, Роман выпил сок и, улегшись на диван, устроил ноутбук на животе. Спустя пару минут он понял, что, вместо того чтобы следить за футбольным обзором, думает о Маше, прокручивая в голове их первую встречу, когда он еще не знал, что у нее отношения с Волковым.

В его первый день в универе девчонки из группы разглядывали его с неприкрытым интересом. Юла и вовсе вела себя так, будто он уже был ее собственностью. Роман, оглушенный новой обстановкой и свалившейся на него информацией, вежливо улыбался, коротко отвечал на вопросы и честно пытался запомнить, кто есть кто, дико жалея, что рядом нет Стива, который отличался умением перетягивать внимание на себя.

О Маше Юла тогда сказала лишь: «А это Машка. Ее мама у нас преподает», как будто наличие мамы в преподавательском составе было единственной причиной, по которой на Машу можно было обратить внимание. Роман привык к тому, что в любом коллективе есть свои лидеры и свои фрики, поэтому утруждать себя размышлениями об этом не стал. А потом Маша повернулась в его сторону. Он соврал бы, если бы сказал, что она была сногшибательно красивой. Юла была гораздо красивее. И тем более соврал бы, если бы сказал, что Маша была милой и приветливой, — на самом

деле она едва скользнула по нему взглядом, но ему почему-то захотелось ей улыбнуться, что он и сделал. Маша то ли этого не увидела, то ли ей было все равно. И следующие сорок пять минут Роман неожиданно для самого себя провел в переживаниях по поводу того, что он не понравился незнакомой Маше с параллельного ряда. Юла без конца что-то рассказывала, Роман кивал ей, улыбался, старался быть вежливым, а сам все время посматривал в сторону Маши, но та упорно не обращала на него внимания. И только в конце лекции, когда Роман, переключившись наконец на Юлу, пытался вникнуть, куда именно он приглашен, он почувствовал на себе взгляд Маши. Повернувшись к ней, он вежливо улыбнулся. Маша же в ответ посмотрела так, будто успела оценить его за эти несколько секунд и он показался ей абсолютно неинтересным. Не то чтобы Роман считал себя мегаинтересным парнем, но тогда его накрыло досадой, на смену которой пришел азарт. Он привык нравиться девушкам, и в тот момент ему отчаянно захотелось, чтобы Маша, о которой он абсолютно ничего не знал, больше не смотрела на него как на пустое место. У него даже наметился план, но, выйдя из аудитории, он увидел рядом с Машей Волкова, и для него все закончилось, так и не начавшись. Он принял тогда приглашение Юлы, и пару часов спустя они уже целовались на заднем сиденье такси, которое везло их на какую-то вечеринку. Юла была красивой, яркой, веселой, и Роман дал себе слово, что у них все будет отлично.

Вскоре Роман понял, что его мимолетное желание исполнилось. Маша больше не смотрела на него как на пустое место. Она смотрела с раздражением, с неприязнью, иногда задумчиво. Роман чувствовал ее взгляд, но больше не смотрел в ответ. Он был рад за Волкова, которому повезло с Машей, и у него созрел новый план — ни под каким предлогом не вмешиваться в их идиллию. Этот план работал целых восемь месяцев. А потом дал сбой, потому что вдруг оказалось, что Маша умеет слушать не только Волкова. И смотреть умеет так, будто ей не все равно, существуешь ли ты.

До этого его жизнь в Москве напоминала Роману черновик. Почему-то все время казалось, что вот-вот все закончится и он проснется в своей постели в кампусе. Разговор с Машей вдруг зафиксировал Романа в настоящем моменте. Оказалось, что его может душить ярость от мысли о неведомом уроде, который обидел тринадцатилетнюю Машу, ему может быть смешно, когда смешно ей, а еще можно показать, что ты тоже злишься, что тебе обидно, что ты не доверяешь, и она услышит, и тебе не будет стыдно за то, что ты все это чувствуешь. Будто не только другие имеют право на чувства и желания, но и ты тоже. Но когда Роман позволял себе погрузиться в эти мысли, он вспоминал о Волкове.

После исчезновения Волковых-старших Роман почти каждый день думал о Димке. Гадал, как тот справляется со своей жизнью, как ему удастся дышать, смеяться. И только увидев его в Москве, понял, что Димке до сих пор плохо, что его веселье — часто и не веселье вовсе. А еще Роман понимал, что все могло быть гораздо хуже, если бы рядом с Димкой не было Маши. Эти мысли отрезвляли, и Роман привычно пасовал. Но вслед за этим в мозгу всплывали слова лондонского психолога о том, что ставить свои чувства и желания на последнее место — неправильно, тогда размышления выходили на новый виток, и все повторялось.

Из задумчивости его вывело сообщение Стива. Тот прислал селфи с кубком по боксу. Отправив другу поздравление, Роман подумал, что уже не первый месяц собирался последовать примеру Волкова и тоже пойти в бассейн, потому что прогнозы английского деда сбывались: спина в отсутствие регулярных физических нагрузок вновь начала беспокоить. Поставив на паузу обзор матча, Роман открыл новую вкладку и нашел адрес ближайшего бассейна.

Оказалось, что для записи в бассейн нужно просто приехать в фитнес-клуб, побеседовать с клубным доктором и купить абонемент. Роман даже слегка огорчился, потому что приготовился к квесту. Пока энтузиазм не утих, Роман решил заодно разобраться с теннисом. Там оказалось сложнее из-за привязки к корту, но тоже гораздо легче, чем

он предполагал. В итоге Роман записался на пробное индивидуальное занятие на вечер воскресенья, а поход в бассейн решил не откладывать. Он как раз укладывал в рюкзак принадлежности для душа, когда за окном начал накрапывать дождик. Вскоре мелкий дождик превратился в ливень, и Роман с долей облегчения забросил рюкзак на вешалку, решив, что сходит в бассейн как-нибудь потом.

Переодевшись в домашние джинсы и футболку, Роман плюхнулся на диван и позвонил Стиву, но тот не ответил. Тогда он заказал пиццу и включил первый попавшийся сериал.

Когда раздался звонок домофона, Роман решил, что это доставка пиццы. Женский голос внизу что-то неразборчиво произнес, и Роман, впустив курьера в подъезд, открыл дверь, чтобы встретить его на пороге. Однако вместо ожидаемого курьера из лифта вышла... Маша Рябинина. И выглядела она так, что улыбка слетела с лица Романа. В висках застучало, и его мысленно откинуло к их беседе на «Рене», когда Маша рассказывала про бабушкиного соседа.

— Маша, — срывающимся голосом позвал он.

В ответ Маша горько разрыдалась. Роман втащил ее в квартиру и захлопнул дверь. Машины плечи тряслись так, что Роман всерьез опасался какого-нибудь нервного припадка. А у него, между прочим, фельдшеров в роду не было.

— Маша... Маша... — как заведенный повторял он, осторожно глядя ее плечи, укрытые промокнувшей насквозь джинсовкой.

Маша не пыталась его обнять, найти утешение, как это делала Юла. Она просто рыдала, прижав покрасневшие руки к лицу, и, кажется, не собиралась успокаиваться. С ее распущенных волос текла вода, и лужа на полу уже подобралась к голым ступням Романа. Нужно было срочно что-то делать, но он понятия не имел, что именно.

— Прости, — вдруг сказала Маша, но рук от лица не отняла.

— За что? — шепотом спросил Роман.

— Я не должна была к тебе... — начала Маша и снова разрыдалась.

Роман понял, что так может продолжаться еще долго, и решительно произнес:

— Раздевайся!

Маша икнула и, отняв наконец руки от лица, посмотрела на него снизу вверх. Она смотрела странно: не испуганно, как в каюте, не недоверчиво, как на палубе, а так, будто что-то плохое уже случилось и ничего хорошего ждать смысла больше нет.

Роман решил разобраться с этим потом и повторил:

— Раздевайся, не то подхватишь воспаление легких. Я в детстве болел. Уколы, капельницы. Не самое приятное развлечение.

Маша по-прежнему смотрела и ничего не делала. Тогда Роман силой стянул с нее джинсовку и бросил на пол.

В глазах Маши наконец появилось осмысленное выражение и даже некое подобие испуга. Она обхватила себя за плечи, безрезультатно стараясь унять дрожь.

— Так, Маша, ты сейчас все расскажешь. — Она замолчала головой, и он продолжил: — Окей, ты не будешь ничего рассказывать, но мокрую одежду нужно снять. У меня машина с сушилкой. — Тут Роман посмотрел на заляпанные грязью Машины джинсы и добавил: — И стирать она умеет.

Маша наконец слабо улыбнулась и немного растерянно произнесла:

— А мне переодеться не во что.

Роман незаметно выдохнул и преувеличенно бодро сказал:

— У меня футболок полно. И вообще...

Что значит его «вообще», он не знал, поэтому неловко замолчал и потер шею.

— Спасибо, — произнесла Маша и начала стягивать мокрые кеды.

Роман провел ладонями по лицу, по голове и сцепил руки на затылке. Его самого потряхивало не хуже Маши. Хотелось немедленно куда-нибудь побежать и что-нибудь сделать, чтобы все исправить.

Проводив Машу в ванную и выдав ей футболку и спортивные шорты, Роман застыл под дверью, готовый броситься

к ней по первому зову. Мысль о том, что она — девушка Волкова, казалась сейчас несущественной.

В душе зашумела вода, и Роман позволил себе выдохнуть: Маша последовала его совету хорошенько прогреться. Ванна подошла бы для этих целей больше, но предложить Маше принять ванну он не рискнул. Ситуация и так с каждой минутой приобретала все большую двусмысленность.

Справедливо рассудив, что из кабины душа Маша его звать не станет, Роман отправился на кухню. Вскипятив чайник, он заварил свежий чай, потом на всякий случай достал упаковку с какао и приготовил турку для кофе. Он надеялся успокоиться привычными действиями, но почему-то не получалось.

Медленно выдохнув, Роман прислонился лбом к дверце шкафчика. Он не собирался вмешиваться в отношения Волкова и Маши. Он дал себе слово. Он пообещал отцу, в конце концов. Сейчас он напоит ее чаем и отвезет к Волкову. Или туда, куда она скажет.

Маша вышла из ванной довольно быстро. Обернувшись на звук открываемой двери, Роман чуть не выронил шоколадку, которую успел достать из шкафчика. Он вдруг понял, что впервые видит девушку в своей одежде. И оттого, что это именно Маша, в животе у него неожиданно стало тепло. Роман кашлянул и натянуто улыбнулся:

— Чай, кофе, какао, горячее молоко? Сок, газировку не предлагаю — тебе нужно согреться.

Маша поправила намотанное на голову вишневое полотенце и неловко пожала плечами. Футболка Романа доходила ей почти до колен. Шорты — еще ниже.

— Можно чай, — тихо сказала она, и ее лицо по цвету приблизилось к оттенку полотенца.

— Чай! Круто! — Роман схватил приготовленную кружку.

— Только я не пью совсем горячий, — едва слышно произнесла Маша. — Разбавляю холодной.

— Водой? — недоуменно оглянулся Роман.

Маша кивнула и устроилась на барном стуле. Роман мельком взглянул на ее босые ступни, упершиеся в перекладину

стула, и тут же отвернулся, потому что, кажется, тоже начал краснеть. Вот засада.

Свою кружку он наполнил почти до краев, Машину — чуть больше чем наполовину. Разбавлять чай холодной водой он считал несколько странным, но у каждого свои причуды. Поставив кружки на барную стойку, Роман достал из холодильника бутылку воды и на всякий случай молоко.

Маша за это время успела снять с волос полотенце и аккуратно повесить его на спинку соседнего стула.

— Спасибо, — произнесла она и, к удовольствию Романа, добавила в свой чай молоко. — Ты говорил, можно мою одежду высушить?

— Точно! — Роман, успевший было сесть, сорвался в сторону ванной, радуясь тому, что у него появился благовидный предлог для передышки.

Сполоснув горящее лицо холодной водой, Роман посмотрел на свое отражение. В голове было пусто. Даже мысли о Волкове больше не стучали в мозгах.

Со вздохом присев на корточки, Роман открыл дверцу стиральной машины.

— Может, постираем? Это минут на тридцать дольше, зато наверняка, — крикнул он, оборачиваясь.

Оказалось, что Маша стоит в дверях ванной и при этом смотрит так, что Роману снова захотелось куда-нибудь побежать и что-нибудь сделать. На этот раз от неловкости.

— Спасибо, — произнесла Маша и, заправив за ухо прядь волос, добавила: — А это будет удобно — настолько у тебя задержаться?

Учитывая все, что произошло за последние дни, это определенно было неудобно, но Роман улыбнулся и ответил:

— Да, конечно. Без проблем.

Засовывая вещи в стиралку, он чувствовал на себе взгляд Маши, и от этого ему было жарко.

Позже они сидели за барной стойкой напротив друг друга, и Роман старался смотреть куда угодно, но только не на Машу. Сейчас, когда она сняла с волос полотенце и позволила мокрым прядям разметаться по плечам, Роману было очень

неуютно. Вернее, наоборот, уютно, и это оказалось самым паршивым.

Зазвонил домофон, и Маша, вздрогнув, испуганно посмотрела на Романа.

— Пицца, — щелкнул он пальцами. — Я ее заказывал. Я думал, что ты — это она.

Брови Маши взлетели вверх, а Роман покачал головой, сообразив, что сморозил, и, чувствуя себя полным идиотом, пошел открывать дверь.

К счастью, Маша не стала капризничать и заставлять себя уговаривать. Сказала «спасибо» и взяла из его рук тарелку с куском пиццы.

Ели молча, и это снова было неправильно и уютно. Роману очень хотелось продлить эту идиллию. Настолько, что, когда перезвонил Стив, он сбросил звонок и отбил, что занят. Набирая сообщение, Роман вновь чувствовал на себе взгляд Маши, но стоило ему поднять голову, как она принялась рассматривать пакет с молоком. Отец или Юла убили бы Романа на месте, если бы сумели сейчас залезть в его мозги.

Убрав посуду в посудомойку, Роман вновь посмотрел на Машины ступни и, заметив поджатые пальцы, решил, что ей холодно.

— Так, иди на диван! — скомандовал он, чувствуя, что снова краснеет.

Маша послушно отправилась на диван и забралась на него с ногами. Роман передал ей плед, в который она тут же закуталась, и замер перед диваном, не решаясь присесть рядом. В голову лезло что-то сплошь глупое и романтическое. С замершим сердцем он ждал от Маши знака одобрения и очень надеялся, что его не будет, потому что усложнять и так непростую ситуацию очень не хотелось. Ему самому здравомыслие, увы, отказало, оставалось полагаться на Машу. И она не подвела. Стоило ей медленно поднять взгляд, как желудок Романа сжался, а с губ сорвался облегченный выдох. По взгляду Маши было понятно, что их недолгой идиллии пришел конец.

— Скажи, тебе ведь отец запретил со мной общаться? — спросила Маша, глядя на него в упор.

Признаваться в этом было глупо, но Роман кивнул. Думал, что Маша спросит о причине, но та просто невесело усмехнулась и закуталась в плед до подбородка.

Роман понял, что стоять столбом не вариант, и забрался на подоконник. Теперь их с Машей разделяло метра два, и это было, пожалуй, хорошо.

— Можно задать тебе вопрос? — начала Маша, и Роман снова кивнул, хотя у него тоже накопились вопросы.

— Если бы к тебе пришла Шилова и сказала, что она беременна, как бы ты отреагировал?

Романа будто окатили кипятком. В голове заметались мысли: Волков — идиот? Он дорогу в аптеку не знает? Господи, но почему Маша пришла к нему? Роман потер лицо руками и долго выдыхал. Маша ждала ответа. Пауза затягивалась.

— Это же гипотетическая ситуация, да? — попробовал потянуть время Роман.

— Рома, ответь, пожалуйста. Мне очень важно, — голос Маши звучал хрипло.

Роман почувствовал себя круглым идиотом, который тут успел чего-то себе напридумывать... Внутри заворочалась злость.

— Я бы безмерно удивился, — он постарался сказать это ровным тоном.

— Господи, Крестовский, я в курсе, какой ты правильный. Но представь: забыли, не подумали, средства защиты подвели... Твоя реакция?

Роман усталился в пол, стараясь убедить себя в том, что ничего удивительного тут нет. Маша и Волков встречаются. С чего он решил, что они целомудренно держатся за ручки? То, что у него самого с Юлой так и не дошло до секса, не означает, что у всех так. Вот только увещевания не помогали — Романа душила злость на собственную тупую наивность и на то, что Маша просто его использует. Так же, как Юла, которая могла позвонить в любое время суток и потребовать утешения, как мама, которая звонила ему, только если ей что-то было нужно, например деньги на билет до Лондона. Он сам по себе никому из них не был нужен. Зато он

умел всех утешать, поддерживать и виртуозно задвигать на задний план собственные чувства.

— Я бы первым делом ее успокоил и поддержал, — негромко произнес Роман, понимая, что Маша ждет его ответа. — А дальше мы бы думали...

— О чем? Об аборте?

— Маша, слушай... — Роман потер затылок и посмотрел на свои босые ноги, даже вполтину не такие изящные, как у Маши. — У тебя проблема? Волков пошел в отказ?

Маша расхохоталась с ноткой истерики. Правда, к облегчению Романа, быстро успокоилась.

— Почему любой твой разговор переходит на Димку? Он здесь вообще никаким боком. Я спрашиваю о тебе. Если завтра Шилова скажет, что беременна, что сделаешь ты?

— Ты говорила с Юлей? — окончательно запутался Роман, гадая, откуда Юла могла бы...

— Крестовский, хватит тупить! Ни с кем я не говорила. Так сложно ответить?

Видя, что Маша снова на грани истерики, Роман решил уступить, чтобы не заводить их беседу в тупик. Уж уступать-то он умел.

— Маша, мне сложно пока об этом рассуждать, потому что на данный момент эта ситуация совсем гипотетическая...

— Рома, на всех средствах контрацепции написано, что гарантия...

— Мы не спим с Юлей, — перебил Роман, чтобы быть понятым предельно точно.

Маша приоткрыла рот и не издала ни звука. Некоторое время стояла неловкая тишина. Роман хмуро смотрел в пол, Маша — на Романа.

— Ты пошутил? — наконец произнесла она.

— Нет, — ответил он и прокашлялся.

— Но я думала...

— Ты ошиблась, — отрезал Роман.

— Прости. — Маша неловко запустила руку в волосы и начала прочесывать пряди пальцами, будто пытаясь их высушить.

У Романа вообще-то был фен, но он решил об этом не говорить. Ему не нравилась тема их разговора, но ему нравилось, что Маша сидит на его диване и выглядит именно так.

— Прости, — еще раз повторила Маша, посмотрев ему в глаза.

Роман кивнул и, выдержав паузу, спросил:

— Почему ты подняла эту тему? У тебя, ну... проблемы? Маша нервно усмехнулась.

— Да, но не те, о которых ты подумал.

— Это хорошо.

Роман почувствовал дикое облегчение. Даже голова на миг закружилась. Ему иррационально нравилась мысль, что Маша не будет связана с Волковым навечно.

— Но ты бы настаивал на аборте? — вдруг вернулась к неприятной теме Маша.

Роман не понимал ее настойчивости, но он вообще плохо понимал девушек, поэтому всерьез задумался над заданным вопросом. Думать о гипотетическом ребенке было странно. И страшно. Эти размышления выводили все существующие в его жизни проблемы на какой-то совсем новый уровень. Ключевым моментом здесь становилась зависимость от денег отца.

Маша не торопила его с ответом. Смотрела внимательно, будто видела его в первый раз, и ее взгляд сильно отвлекал. Но Роман все же прошел этот квест.

— Смотри, — начал он, — если бы моя девушка сообщила о беременности, я бы... предпринял ряд шагов.

Маша открыла было рот, но он продолжил, и она не стала перебивать.

— Во-первых, я бы взял паузу в учебе или как-то по-другому решил вопрос с дневной формой. Дальше вопрос бы упирался в реакцию моего отца, потому что от нее зависело бы, нужно ли мне прямо сейчас искать новое жилье или же с этим можно подождать. Дальше я опять-таки либо воспользовался бы консультацией отца, либо нанял бы финансового консультанта со стороны, чтобы инвестировать тот не очень большой капитал, который есть на моем счете. Ну и устроился бы на работу. И снова, в зависимости

от ситуации, либо в компанию отца, либо искал бы что-то сам. Ерунда выходит, — со вздохом закончил он. — Полюбому пока все упирается в реакцию семьи.

— Рома, — вырвала его из размышлений Маша, — а как бы ты к самой новости отнесся?

— Честно? — спросил он.

Маша медленно кивнула.

— Исходя из того, сколько изменений это приносит в жизнь, я вряд ли прыгал бы от восторга.

— То есть ребенка ты не любил бы?

— Нет, подожди, — замотал головой Роман. — Одно с другим не связано. Не радоваться новости и не любить ребенка — это вообще разное.

— То есть любил бы?

— Я не знаю. Думаю, что да. Хотя я никогда не общался с детьми. В моем близком окружении их нет. Но это ведь ерунда, да?

— То есть ты сделал бы все, чтобы обеспечить ребенка, так? — не отрывая от него взгляда, спросила Маша.

— Ну да.

— А ты женился бы на своей девушке?

Маша, сама того не ведая, попала своим вопросом в болезненное место. Давным-давно русская бабушка как-то обмолвилась, что отец женился на матери по залету. Что такое «по залету», Роман тогда не понимал, но звучало это как что-то плохое. Спустя годы он понял эту фразу, и позже английская бабушка, которая была весьма прямолинейной дамой, подтвердила его подозрения. Его родители поженились спустя два месяца после знакомства, потому что мама была беременна им, Романом. Стоило ему подумать об этом, как становилось тошно. Выходило, что родители не хотели жениться, но он своим появлением их к этому вынудил.

— Не думаю, — наконец сказал он.

Маша выглядела разочарованной его ответом, но она же хотела правды, а Роман был сейчас достаточно зол для того, чтобы эту правду озвучить.

В наступившей тишине было слышно, как в ванной гудит машина, отжимая Машины вещи. Роман смотрел

на отражение Маши на поверхности журнального столика и думал о том, что Маша странным образом заставляет его размышлять о таких вещах, о которых он предпочел бы не задумываться.

— Твой отец сегодня приходил к нам.

— Прости? — Роман поднял взгляд на Машу. — «К вам» — это куда?

— Ко мне домой.

Сердце Романа на миг замерло, а кровь прилила к лицу.

— Зачем? — шепотом спросил он, рисуя в воображении страшное.

Отец, если был в ярости, мог наговорить очень много неприятных вещей. Роман знал это не понаслышке. И теперь он гадал, сможет ли вообще вернуться в универ и посмотреть в глаза Ирине Петровне. И Маша, бедная Маша... Если бы Роман знал, что до этого дойдет, он бы обходил ее за милую.

— Ты знал, что у наших родителей был роман?

— Прости? — обалдел Роман. — У каких?

Он почему-то подумал о маме, потому что роман на створке у принципиального папы просто быть не могло.

— Твой отец тоже не обрадовался новости много лет назад.

— Стоп!

Роман прыгнул с подоконника и запустил руки в волосы. В его голове с астрономической скоростью защелкал калькулятор. Маше было восемнадцать. Она была старше его. Он знал о том, что отец переехал в Лондон со своими родителями, не доучившись. Очень скоро он встретил маму, и им пришлось пожениться.

Роман пошел на кухню, достал из холодильника минералку и залпом выпил полбутылки. Подумал, что стоит предложить что-нибудь Маше, но вместо этого с грохотом поставил бутылку на барную стойку и едва слышно спросил:

— Ты мне пытаешься сказать, что у нас с тобой общий отец?

Произнесенная вслух, эта мысль показалась настолько бредовой, что впору было расхохотаться, вот только смеяться

почему-то не хотелось. Минералка в желудке превратилась в глыбу льда. Он представлял реакцию мамы, английского деда... Он готов был представлять что угодно, только бы не думать о том, что чувствует сам. Потому что от этого ему было физически больно. Маша не ответила. Роман сделал глубокий вдох, потом выдох и произнес:

— Маша, мы брат и сестра?

Почему-то ему даже в голову не пришло, что это может быть шуткой. Какой-то чертов бразильский сериал.

В голове всплыли наставления отца о девушках из неблагополучных семей, которые только и ждут того, чтобы залететь от обеспеченного парня. Ирина Петровна, строгая и красивая, однозначно не вписывалась в эту схему, но иначе ничем другим нельзя было объяснить ее неприязнь к Роману.

— Маша?! — повысил голос Роман, и та наконец помогала головой.

Облегчение было настолько сильным, что Роману захотелось заорать в голос, однако Маша добавила: «Моя мама сделала аборт», и орать перехотелось.

Роман вцепился в край барной стойки, в голове у него снова заработал калькулятор, отсчитывая возрасты и даты, но все это однозначно не срасталось.

Маша же, то ли наконец сжалившись над ним, то ли просто собравшись с духом, начала рассказывать.

Пока она пересказывала услышанное ею сегодня, Роман перекачивался с носка на пятку, по-прежнему не выпуская края столешницы из рук. Перекаты всегда его успокаивали и помогали настроиться перед теннисными партиями. Сейчас они, наверное, выглядели тупо, но остановиться он уже, пожалуй, не смог бы. Когда Маша дошла до истории своего появления на свет, перекатившийся на носки Роман застыл, потому что Машина история могла заткнуть за пояс тысячи других. Это уже был даже не бразильский сериал. Это был какой-то хоррор.

Маша захлебнулась воздухом и опять разрыдалась. Метнувшийся к ней Роман снес барный стул и едва не снес стойку. Он понятия не имел, что сказать в такой ситуации, в чем честно признался Маше. Та заплакала еще сильнее.

Роман опустился на колени у дивана с чувством дежавю. Только в этот раз он все же вытащил из-под пледа Машину руку и сжал ее ледяные пальцы. Свободной рукой он коснулся Машиной щеки и провел по ней тыльной стороной ладони. Ее щека была горячей и мокрой. Выдернув ворох салфеток из упаковки на журнальном столике, он протянул их Маше, но та никак не отреагировала. Тогда Роман принялся осторожно вытирать ее щеки, подбородок, шею. Он полностью сосредоточился на этих нехитрых действиях, потому что слушать Машин плач было невыносимо. Спустя некоторое время Маша отвела его руку от своего лица и, впившись ледяными пальцами в его запястье, прошептала:

— И как мне теперь?

Роман осторожно сел рядом с ней. Машина рука соскользнула с его запястья и оказалась в его ладони. После секундных раздумий он легонько сжал ее пальцы и прошептал:

— Я не знаю.

Маша едва слышно всхлипнула и спросила:

— Рома, а вдруг она права? Я ведь даже не замечала, что живу взаперти. А что, если бы у меня было больше свободы? Вдруг я бы... — Маша икнула и продолжила невпопад: — В школе я все зубрила, зубрила... Лишь бы родителей радовать. В институте — тоже. Я же ни с кем и не общалась толком. У меня друзей не было никогда. Только Димка...

— А он не из школы? — зачем-то спросил Роман, хотя, если бы включил мозги, смог бы сам себе ответить.

— Ром, ну ты как с Луны свалился, — устало произнесла Маша и, не выпуская ладонь Романа, потянулась вперед и выдернула свободной рукой сухую салфетку из упаковки. Вытерев слезы, Маша закончила: — Волков учился в частной британской школе. Я — в обычной, за домом.

— Оу. Но как же вы тогда познакомились? — спросил Роман и тут же прикусил язык, потому что Маша ведь обозначила, что ей неприятны его вечные переводы темы на Волкова. Ожидал, что она опять рассердится, но она спокойно произнесла:

— На меня в овраге у моего дома стая собак напала три года назад. Футляр со скрипкой вырвали. Я тогда музыкой

занималась. Рядом оказался Волков. Он мне маньяком показался: джинсы все в земле, толстовка — тоже. Как у меня сегодня, — усмехнулась Маша, — так что зря я на него тогда плохо подумала. Он собак прогнал.

Романа кольнула зависть. Он-то был ни разу не героем, в отличие от Волкова.

— А как он их прогнал? Покусал всех? — негромко произнес Роман, одновременно радуясь тому, что Волков смог защитить Машу, и злясь оттого, что это был именно он.

Маша прыснула и, промокнув уже, кажется, сухие глаза, ответила:

— Он музыку на своем телефоне врубил. Там такая музыка была, что я бы вместе с собаками убежала, но скрипку бросить не могла.

Роман улыбнулся. Маша же вдруг погрустнела:

— Он — мой единственный друг, а мама сегодня предложила мне с ним глупости творить, чтобы себе будущее обеспечить. Представляешь? Видимо, уверена, что я только на глупости и способна.

Роману очень хотелось уточнить, что Маша имеет в виду, говоря, что Волков — ее единственный друг, но он понимал, что этот вопрос несколько не к месту, поэтому негромко заговорил, тщательно подбирая слова:

— Слушай, я так понимаю, мое появление в универе сильно... встревожило Ирину Петровну, если у них вправду была неприятная история с отцом. Я ведь вдобавок на него похож внешне. Да?

Маша, отклонившись, внимательно на него посмотрела и медленно кивнула. Кашлянув, чтобы скрыть смущение, Роман продолжил свою мысль:

— Полагаю, на самом деле Ирина Петровна так не думает. Она сказала это просто в сердцах.

— А вдруг она права? Вдруг я на другое и неспособна?

— Глупости! Ты не знаешь, на что ты способна. Никто этого не знает. Глупо осуждать человека заранее, понимаешь? И глупо ограничивать свободу выбора. То, что тебе не давали ни с кем дружить, закончилось тем, что со своей бедой ты вынуждена была приехать к малознакомому человеку.

Роману не понравилось, как он сформулировал мысль, и он поспешил исправиться:

— Я не против. Ты не думай. Просто, если бы у тебя была подружка, ты бы поехала к ней, ведь так?

Маша снова кивнула и пробормотала:

— Наверное.

Романа же больше интересовало, почему она не поехала к Волкову. Он же ее единственный друг. Пока он ломал голову, как бы об этом спросить, Маша будто прочитала его мысли:

— Я к Димке собиралась, но телефон остался дома, а номер его не помню. Денег, чтобы поехать на такси наудачу, тоже не было. А проездной на метро был. Но я к тебе правда не собиралась. Я просто поехала по привычному маршруту до универа. А потом уже к тебе почему-то пошла. Ты прости, ладно? — совсем по-детски закончила Маша.

Честно признаться, оказаться случайной заменой было не слишком приятно, но Роман не мог не оценить откровенность Маши. Почему-то он больше не чувствовал себя использованным. Сейчас, держа Машу за руку, он чувствовал себя особенным.

— Ты правильно сделала. Не бродить же по улице под дождем, — пробормотал он.

— Я не хочу домой, — вдруг сказала Маша. — Я не знаю, как мне теперь с мамой разговаривать. И как вообще домой вернуться.

Роман вздохнул и, набравшись храбрости, осторожно обнял Машу за плечи.

— Но ты же понимаешь, что придется? Ты не можешь остаться здесь. И даже у Волкова вряд ли сможешь.

— Я совершеннолетняя, — негромко сказала Маша, устраивая голову на плече Романа.

Роман от всей души понадеялся, что она не слышала перебоя, неожиданно случившегося в его сердечном ритме.

— Маша, совершеннолетие — это иллюзия. Видишь, я сегодня подумал, что мне нужно сделать прямо сейчас, чтобы обеспечить гипотетического ребенка, и все, как ни

крути, уперлось в реакцию родителей. К тому же уходить из дома из-за такого, по-моему, не стоит.

— Я — неизвестно кто, ты понимаешь? — Маша дернулась, чтобы отстраниться, но Роман лишь крепче сжал ее плечи, и она вновь устроила голову на его плече.

— Все в твоей голове. Твои родители, уверен, любят тебя. Просто Ирине Петровне очень страшно. А мы с тобой своим внезапным общением этот страх невольно нагнетаем.

— Ты предлагаешь не общаться?

Роману нестерпимо захотелось прижаться щекой к Машиной макушке, но он лишь пожал плечами, чувствуя, что его футболка под Машиной головой намокла. Не общаться было верным решением, только Роман понимал, что лично он игнорировать Машу уже не сможет. Он занимался этим почти восемь месяцев. Сил продолжать это больше не было.

— Все наладится, — пробормотал он, потому что больше ничего в голову не пришло.

— Спасибо, — прошептала Маша через несколько секунд и сжала его руку. Он пожал ее пальцы в ответ.

Сидеть рядом на диване было странно. Сердце Романа никак не могло успокоиться, хотя, казалось бы, все плохие новости уже были озвучены. Однако оно колотилось как сумасшедшее, и Роману было неловко оттого, что Маша это наверняка слышит. Его как в воронку утягивало в аромат ее волос и ритм ее дыхания. Он мысленно твердил себе, что это неправильно, что он не должен был доводить до подобного: не должен был брать ее за руку, не должен был садиться рядом, не должен был обнимать. Он даже дверь не должен был открывать. Он не имел права на все это. Но ее голова покоилась на его плече, отчего его сердце отбивало стаккато.

Роман собирался предложить Маше фен и отвезти ее домой, но вначале нужно было выровнять дыхание, чтобы не выглядеть глупым пятнадцатилетним пацаном. Время шло, а дыхание никак не выравнивалось. Влажное пятно от Машиных непросушенных волос расплзлось по его футболке до середины груди, благословенно остужая кожу

и не давая окончательно свихнуться. Он пробовал думать о Волкове, об Ирине Петровне, об отце, о матери. Эффект был, увы, нулевым. Силой воли он Димке тоже всегда уступал.

Когда машина просигналила об окончании стирки, Роман решительно снял руку с Машиного плеча. Но стоило ему пошевелиться, как Маша стала безвольно сползать на его колени.

Роман выпустил ее расслабленную ладонь и, перехватив Машу поудобнее, уложил ее на диван. Вначале хотел позволить ей устроиться на своих коленях, но вовремя опомнился и подсунул ей под голову одну из подушек. Укрыв Машу пледом, Роман вытащил ее вещи из машинки и сложил их на подлокотнике дивана. Сам же уселся на подоконник и принялся разглядывать девушку. Хотелось остановить время, чтобы завтра, когда придется смотреть в глаза Волкову и отцу, не наступало как можно дольше.

За окном сгустились сумерки, и очертания Маши стали теряться в полумраке, но Роман не торопился включать свет. Казалось, стоит его зажечь, и волшебство исчезнет, как в «Золушке» с боем курантов. Но чем дольше он сидел в полутьме, тем ближе становился завтрашний день. Роман запрокинул голову и прижался затылком к холодному стеклу, разглядывая ползущие по потолку желтые полосы от фар проезжавших внизу автомобилей. В жизни есть вещи, на которые мы просто не имеем права, как бы нам ни хотелось обратного. Роман сосчитал до десяти и, спрыгнув с подоконника, отправился на поиски своего телефона.

Он не мог позволить Маше провести у него ночь.

Стараясь не думать о том, насколько сильно разозлится Маша, он отыскал в общем чате группы номер Ирины Петровны. Прежде чем нажать на вызов, он построил в голове вежливую фразу: «Добрый вечер, Ирина Петровна, извините за беспокойство. Это Роман. Хотел вам сообщить, что Маша у меня. Не волнуйтесь. С ней все в порядке». Он проговорил это сообщение про себя три раза, и с каждым новым повторением оно казалось все бредовее, но выбора не было.

Сжимая телефон в руке, Роман подошел к дивану и присел на корточки. Полосы желтого света замирали, когда внизу загорался светофор, а потом начинали двигаться вновь, расчерчивая Машин силуэт.

Хмурившаяся во сне Маша снова была похожа на героиню Остин.

Роман выдохнул и нажал на вызов. Когда в трубке раздалось нервное «алло», он, не отводя взгляда от Машиного лица, лихорадочно зашептал заготовленную речь. Зашептал на английском и даже этого не заметил, потому что самым главным сейчас было не разбудить Машу.

Глава 18

Я — тихий шепот, что даже не слышен.

После того глупого поцелуя с Шиловой все как-то расклеилось. Домой Димка вернулся раздраженным. Первоначальный план — отправиться в ночной клуб и с кем-нибудь там замутить — перестал казаться заманчивым сразу после того, как он отвез молчаливую Юльку домой.

Сергей порывался поговорить с ним о делах компании, но Димка не мог сосредоточиться и все время тупил. В итоге Сергей разозлился и наорал на него. Димка наорал в ответ, на том и разошлись.

Лялька снова с кем-то переписывалась, валяясь на кровати в наушниках. Потоптавшись на пороге ее комнаты, Димка не решился войти. То, что они посидели вместе вчера, еще совсем не означало, что это будет повторяться каждый день. Он боялся слишком напирать. Хотелось, чтобы Лялька сделала шаг навстречу сама, поэтому, тихонько прикрыв дверь ее комнаты, он отбил СМС: «Я дома».

Лялька не ответила, и Димка понял намек.

Лежа вечером в постели, он никак не мог выбросить из головы дурацкую фотосессию. Прелести Юлы его взволновали. Отрицать это было глупо. И если по дороге домой Димка думал об этом как о чем-то вполне естественном: ему восемнадцать, а тут полуголая красивая девушка, — то сейчас ему было стыдно. Будто это он затеял фотосессию, заставил раздеваться девушку Крестовского, а потом еще с ней целовался. О поцелуе думать было неприятно вдвойне.

Переживая историю с Эммой, Димка больше всего страдал оттого, что правильный до одурения Крестовский повел себя подло. И пусть это был дурацкий спор,

но Димка считал, что мужская дружба должна быть сильнее. Конечно, если быть до конца честным, он очень надеялся на то, что Эмма не поддастся на провокацию. Но когда случилось то, что случилось, и Эмма с Ромкой поцеловались, Димка вдруг понял, что хотел выяснить в этом споре не то, останется ли Эмма ему верна, а насколько Крестовский ему друг. Сам он был уверен, что не поступил бы так. Даже если бы девушка повела себя непорядочно, он свернул бы то недосвидание, превратил бы все в шутку. Крестовский же пошел до конца. Мол, уговор же был.

Это случилось еще до исчезновения родителей, и пятнадцатилетнему Димке казалось тогда, что мир рухнул. Крестовский, то и дело поправляя очки, сбивчиво пытался рассказать, что произошло, а на его морде цвели красные пятна, и очень хотелось по этой самой морде съездить... Осуществить это Димка не мог, потому что объяснение происходило на вечеринке в честь Лялькиного дня рождения, где они пусть и отошли в сторону для разговора, но все равно оставались на виду. Много позже Димка понял, что разочаровался в тот день не в Эмме — в Крестовском. Ему-то казалось, что они ближе, чем братья, даже ближе, чем их отцы, которые порой вполне серьезно ругались, если речь шла о делах компании.

После случившегося Димку так и подмывало отомстить, тем более что возможность была: Крестовский спустя несколько недель вдруг стал встречаться с девчонкой. Встречаться — конечно, громко сказано. Это Димка жил дома и мог позволить себе пригласить кого-то в кино, Крестовский же проживал в пансионате при школе, приезжая домой только на выходные. Но даже при таком графике он умудрился начать встречаться то ли с Жанин, то ли с Жаклин... Димка помнил только, что девчонка была рыжей и неуклюжей. Впрочем, они с Крестовским были под стать друг другу. Тот как раз резко пошел в рост и тоже путался в конечностях. Самым паршивым было то, что родители продолжали таскать их на совместные пикники и прочие мероприятия, и им какое-то время приходилось делать вид, что все в порядке. Крестовский, правда, несколько пикников

пропустил, ссылаясь то на подвернутую ногу, то на аллергию, которая у него резко обострилась по всем фронтам. Родители поначалу ничего не заподозрили. Лялька была единственной, кто сразу заметил неладное, и — кто бы сомневался — встала на сторону Крестовского, по которому она сохла лет с десяти. Димку это обозлило еще сильнее. И однажды, встретив в городе эту то ли Жанин, то ли Жаклин одну, он остановился с ней поболтать. За десять минут разговора он придумал как минимум пять вариантов развития событий, после которых Крестовскому пришлось бы кусать локти, оставшись без своей рыжей. Однако именно тогда Димка понял, что он так не сможет. Он не Крестовский. Он лучше.

А вот теперь выходило, что ни фига не лучше. Ну ладно, он не мог отпустить Юлу одну на эту фотосессию, но он мог бы позвонить Крестовскому и сказать, что его девушка творит какую-то дичь, и пусть бы тот сам с ней разбирался. Или же забрать ее с фотосессии. Она бы послушалась, если бы он настоял. Все же он ей до сих пор нравился.

Но он ничего этого не сделал. Позволил Юле раздеться перед левым мужиком, пялился на нее сам и в итоге позволил случиться поцелую. И чем он по факту лучше Крестовского? Воспоминания о том, как Машка смотрела на Крестовского на том фото, почему-то не спасали Димку от самобичевания. Наоборот, стоило ему переключиться на мысли о Машке, как совесть отыгрывалась по полной. Совесть молчала, когда Димка знакомился с кем-то в клубах. Ведь, в конце концов, у них с Машкой не было официальных отношений. Но Машка не любила Шилову. И замутить что-то подобное с Юлой однозначно было предательством. Димка не испытывал иллюзий насчет благородства Юлы. Знал, что та поставит Машку в известность о случившемся при первой же возможности. Оставался вариант — попросить Юлу не распространяться о вчерашнем. Это было унижительно, но иного выхода он не видел.

Утром Димка увидел, как Пётр Сергеевич высаживает Юлу у универа, и тоже тормознул Андрея. Юла шла со скоростью, которую, по мнению Димки, на таких каблуках

развить было невозможно. Ему едва не бегом пришлось ее догонять. Куда она так торопилась, оставалось загадкой: до начала лекции было почти пятнадцать минут.

Догнав Юлу, Димка зачем-то приобнял ее за плечи, хотя и не собирался. Вообще-то он раньше так иногда делал, но после случившегося это было явным перебором. Юла подпрыгнула так, что ему пришлось ее ловить, потому что, может, туфли и были скороходами, устойчивостью все же не обладали.

— Дурак! — прокомментировала Юла его появление и выдернула наушник из уха. — Кто так подкрадывается?

— И тебе доброе утро, милая Юленька!

Димке показалось, что если бы не то, чем вечно мажет-ся Юла, снова стало бы видно, как она покраснела. Ему вдруг стало неловко.

— Чего хотел? — недружелюбно спросила Юла.

— Да ничего. — Димка передумал обращаться с просьбой, пожал плечами и пошел к корпусу.

Юла пристроилась рядом. Шли в тягостном молчании. Юла по-прежнему не вставляла вытащенный наушник, что как бы давало ему разрешение на продолжение беседы, но Димка им не воспользовался. У самого крыльца Юла вернула наушник на место и, остановившись, принялась рыться в сумке. Димка не стал ее ждать.

Машка была уже в аудитории. Димке захотелось не-медленно развернуться и сбежать, но он дошел до своего места и даже поздоровался. Машка ответила на приветствие, и у Димки внутри что-то екнуло. Захотелось отмотать время назад и исправить вчерашний день.

Он изо всех сил старался не смотреть на Машку. Она же разглядывала его при любом удобном случае, и уже к концу первой пары Димка до чертиков хотел свалить домой, наплевав на данное самому себе обещание взяться за учебу.

Когда терпеть Машкины взгляды стало совсем невозможно, Димка написал Юле: «Где Крестовский?»

«Без понятия», — отбила та и сделала такое лицо, будто полностью поглощена объяснениями препода.

На перемене Димка решительно направился к Юле, но та рванула к выходу со скоростью света. Пришлось догонять.

— Шилова, стой!

Догнав Юлу, он схватил ее за руку повыше локтя.

— Чего тебе? — Юла выглядела сердитой и, кажется, снова была в шаге от того, чтобы зареветь.

— Что стряслось? — нахмурился Димка.

— Руку отпусти, а то сам будешь потом Крестовскому объяснять, откуда у меня синяки.

— Так ты ж при нем не раздеваешься, — брякнул Димка, хотя и не собирался использовать нечаянную откровенность Юлы в споре.

Шилова прищурилась так, что стало понятно: сейчас его будут убивать. Ярко накрашенные губы растянулись в милой улыбке. Ну хоть реветь передумала.

— Это была шутка, Волков. А ты поверил? — приподняла она бровь.

Димка почувствовал, что у него дернулся уголок губ, как бывало, когда он начинал нервничать.

— А на фига ты тогда это сказала? — спросил он.

— Да просто. Скучные вы.

С этими словами Юла вытащила руку из его хватки и направилась в сторону женского туалета. Димке не оставалось ничего другого, как присоединиться к парням, которые собрались покурить.

Крестовский в тот день так на лекциях и не появился, и Димка почти дошел до того, чтобы уточнить, не помер ли он там часом. Машка все так же смотрела, он все так же молчал. Особенно тяжело пришлось, когда на английском им выпало читать совместные диалоги.

Четверг прошел по той же схеме, с той лишь разницей, что Шилова снизошла до пояснения и рассказала, что Крестовский решил отсидеться дома, дабы не светить синяками. Юлу, кажется, такая версия устроила. Димку же — нет, потому что он прекрасно знал: синяки — это не то, что могло бы заставить Крестовского нарушить учебный график. В последний раз тот в открытую забивал на учебу

после случая с Эммой, и то недолго, но пришлось сделать вид, что он удовлетворился объяснением Юлы. Не звонить же заклтому другу в самом деле?

В расстроенных чувствах Димка отправился домой. Встречу с психологом он вновь перенес, зато внепланово сходил в бассейн. Машка не писала и не звонила. От этого казалось, что Димкин мир будто поставлен на паузу. Он наивно надеялся, что, стоит отжать паузу, действие продолжится с того момента, когда он ждал Машку у подъезда, чтобы ехать на «Рене». Сейчас Димка просто отпустил бы Андрея домой и отправился бы гулять по городу с красивой Машкой. Может быть, даже устроил бы романтическое свидание. Мысль была странной, но, пожалуй, не вызывала протеста. Ведь Машка — его. Он же давно это решил. Правда, сейчас он подумал, что все бы, наверное, сложилось по-другому, если бы он донес это свое решение до самой Машки. Хотя... до этого ему казалось, что ей все и так понятно.

Когда поздно вечером Костик прислал ему ссылку на страничку Шиловой с весьма воодушевляющим комментарием, вырванный из сна Димка с упавшим сердцем прошел по ссылке, уже зная, что там увидит. Тупо подумал, что трещины на экране — это даже хорошо. Наверное, из-за них будет не так позорно смотреть.

Первое, что сделал Димка, — в панике бросился листать фотографии. Оказалось, что фото одно. С облегчением выдохнув, он его увеличил. Юла ему здесь не нравилась. То есть, если бы это была просто незнакомая девчонка в расстегнутом пиджаке и с голыми ногами, он бы поддержал Костика с его «вау». Но смотреть на якобы раскрепощенную Юлу было неприятно. Он-то помнил, как стыдливо она раздевалась и редела после съемки. Все-таки соцсети — одна большая иллюзия. Он послал Костику лайк и, сев на постели, набрал Шилову.

Та не брала трубку пять гудков. Димка даже подумал было, что она уже спит, однако ее «чего надо?» прозвучало вполне бодро.

— Ты реально решила все это выложить?

— А тебе-то что? — ответила Юла, сразу поняв, о чем речь. Значит, волновалась о реакции, раскрепощенная наша.

— Юль, не дури, а. Оставь для личного пользования с Крестовским. Глядишь, он...

— Чего ты ко мне пристал? — перебила его Юла. — Для личного пользования у Крестовского есть я.

— Он тебя там не убил от радости, увидев фоточки, особенно наши совместные? — Сердце колотилось в ушах, пока Димка ждал ответа.

— Как видишь, жива, — после паузы произнесла Юла.

Димка очень хотел узнать, что именно сказал Крестовский по этому поводу, но по настроению Юлы понял, что та все равно не ответит. Еще ему очень хотелось попросить Шилову не постить их совместные фото, потому что он так и не придумал, как объясниться с Машкой, но это показалось унижительным, поэтому он просто сказал:

— Ладно, бывай.

— Что? Даже совместную фотку не попросишь?

— Не-а, — небрежно откликнулся Димка, хоть ему и было любопытно.

— Неужели неинтересно? — голос Юлы звучал глухо.

— Не, ни разу. Потом на твоей страничке со всеми заценю. Даже прокомментирую, как хорошо нам было вместе, — заржал Димка, хотя смеяться совсем не хотелось.

Эти фотки увидит не только Машка, но и Лялька, и Сергей, и органы опеки, если дело дойдет до суда за Ляльку.

Юла повесила трубку не попрощавшись. После разговора с ней сон как рукой сняло. Димка долго вертел в руках телефон, собираясь отправить сообщение Машке. Даже почти придумал, что написать, но посмотрел на нее, такую строгую и правильную, и положил телефон на тумбочку.

Крестовский появился в пятницу как ни в чем не бывало. Вошел в аудиторию и пожелал всем доброго утра. Димка не отводил от него взгляда, готовый ко всему, даже к тому,

чтобы получить в морду за выходку с Юлой. Крестовский его взгляд проигнорировал, хотя не заметить не мог.

Весь день Димка вертелся будто на иголках, наблюдая идиллию Шиловой и Крестовского. В его голове вообще не укладывалось, как Крестовский мог так спокойно себя вести. Неужели он настолько уверен в себе, уверен в Шиловой? Димка понимал, что Шилова не стала бы рассказывать про поцелуй. Но лично Димке хватило бы и одного откровенного фото своей девушки с кем-либо, чтобы этого кого-либо убить.

К концу лекций, окончательно издергавшись, он нарочно подгадал так, чтобы выйти из аудитории вместе с Крестовским. Тот притормозил в дверях, пропуская Шилову, и не пошел сразу за ней, будто давая Димке возможность выйти. Димка так обалдел, что тоже притормозил, глядя на него снизу вверх. Синяки Крестовского пожелтели, и пластыря на носу уже не было, но выглядел он все равно каким-то нездоровым. Правда болел, что ли? Крестовский мазнул по Димке взглядом и, не дождавшись, когда тот выйдет, отправился следом за Шиловой.

Уже перед уходом домой, издали увидев их самозабвенно целующимися в пустом коридоре, Димка окончательно осознал, что ничего не понимает ни в Шиловой, ни в Крестовском, мысленно махнул рукой и уехал домой.

Уезжать без Машки по-прежнему было мерзко, но Димка не представлял, как с ней теперь поговорить. Чуть поостывшую злость сменило чувство вины, и Димка не знал, что было хуже. В машине он заметил, что экран телефона начал крошиться. Решив, что Машка все равно не позвонит, а никого другого он слышать не хочет, Димка выключил смартфон. На душе было настолько тошно, что, приехав домой, он достал из холодильника контейнер с мясным салатом и заперся у себя, надеясь, что ни Лялька, ни Сергей сегодня не возжелают с ним общаться. Пара тупых комедий, три матча в FIFA — и благословенный сон наконец над ним сжалился.

Проснулся Димка под утро в холодном поту. День, когда родители улетели в Инсбрук, снился ему довольно часто.

Сон заканчивался всегда по-разному. Порой Димке удавалось уговорить их не лететь, и тогда просыпаться было совсем невыносимо. Но чаще всего они все же улетали. А вот в сегодняшнем сне они впервые взяли с собой Ляльку. На самом деле в тот роковой день Лялька уехала на экскурсию со своей школой. Вопрос ее отлета вообще не поднимался, потому что решение лететь родители приняли спонтанно, а Лялькина экскурсия была запланирована давно. Димку же мама с собой звала. Они даже немного поругались, но потом мама села на кровать рядом с ним и крепко его обняла. Димка до сих пор помнил, как она сказала:

— Димушка, это, конечно, ваше с Ромкой дело, но мне кажется, полгода — уже достаточный срок. Поговорите, в конце концов. Не знаю... В ухо друг другу дайте, что ли?

— Ма, я не поеду! — Димка, дурак, еще тогда выкрутился из ее объятий. — Летите к своему ненаглядному. Дядь Лёве привет и все такое. Я — пас.

— Димка, Димка, — покачала головой мама.

Мамино «Димка, Димка» всегда звучало так, будто она звонила в колокольчик. По этому колокольчику Димка считал едва ли не больше всего.

Мама тогда так расстроилась из-за его нежелания лететь, что даже забыла свой мобильный на его кровати. Димка заметил это, только когда родители уже уехали, а в его комнате вдруг заиграл мамин рингтон. Звонил отец, чтобы проверить, где мама посеяла телефон. Они с отцом немного посмеялись, потом мама крикнула на заднем плане, что Димка — упрямый кракозябл, и... все.

Димка прокручивал в голове этот телефонный разговор и то, как мама уговаривала его лететь, наверное, миллион раз. Иногда ему казалось, что он придумывает то, чего не было на самом деле, порой он боялся, что начинает что-то забывать. Но упрямый кракозябл был точно. И колокольчик был.

А вот сегодня во сне Димка вышел их провожать, хотя тогда остался в доме, потому что на улице накрапывал дождь. Во сне взлетная полоса начиналась прямо на парковке у их дома. Димка махал рукой, и Лялька махала ему

из кабины в ответ. Димка еще удивился тому, что Лялька улетала с родителями. А как же экскурсия? А потом во сне позвонили и сообщили о случившемся, и его выбросило в реальность.

Димка смотрел в потолок с колотящимся сердцем и думал, что психолог ни черта не помогает. Сколько он уже к ней ходит? А результат приблизительно нулевой. Из достижений — только умение откладывать телефон. Но это он бы и без психолога смог.

Дверь в его комнату негромко скрипнула, и Димка резко сел на постели. К нему никто не входил без стука.

Лялька в дверном проеме казалась очень маленькой. Она стояла и молчала, и Димке стало жутко.

— Ляль, — хрипло позвал он.

Та не ответила, и Димка почувствовал, как волоски на теле встают дыбом. Вдруг показалось, что сегодняшний сон не был сном. Что настоящая Лялька улетела, а это вовсе не она. Он зашарил по тумбочке у кровати в поисках выключателя, Лялька же медленно побрела в его сторону.

Вспыхнувший свет заставил Ляльку остановиться и прикрыть лицо широким рукавом. На ней была розовая пижама размера на полтора больше, чем нужно. Что за мода у этих детей? Спать же неудобно. Димка дернулся было встать, но вылезать из кровати в трусах перед сестрой вдруг показалось неловко.

— Кинь в меня шортами, — попросил он.

Лялька отняла руку от лица, шурясь, повертела головой и направилась к креслу, на котором валялись смятые шорты. Влажной кожей Димка чувствовал сквозняк. Он всегда спал с открытым окном, а Лялька оставила открытой еще и дверь.

— Окно закрой, — попросил он, гадая, почему она молчит.

То есть она, в принципе, была не слишком говорливой, но сейчас это было уже чересчур.

Шорты полетели ему точно в голову. Лялька залезла одним коленом на подоконник, чтобы дотянуться до ручки на створке окна. Димка смотрел на ее босую пятку и никак

не мог успокоиться. Лялька никогда к нему не приходила. В голову пришла идиотская мысль, что Шилова выложила фотки и Лялька их увидела. Однако поведение сестры не походило на готовность устраивать разборки.

Натянув шорты, Димка закрыл дверь и, вернувшись к кровати, сел на край. Лялька, справившись со створкой, осталась стоять у окна, и Димка только сейчас понял, что она что-то прижимает к себе.

— Что там у тебя? — спросил он.

— Виник. — Лялька вытянула руку, демонстрируя плюшевого зайца не первой свежести.

Димка смутно помнил его еще по лондонскому дому.

— Привет, Виник, — сказал он, чувствуя неконтролируемое облегчение оттого, что Лялька наконец подала голос. — Что-то случилось?

Часы в его комнате остановились пару месяцев назад, поэтому он не знал, сколько сейчас времени, но, судя по виду за окном, было довольно рано.

Лялька молча подошла к его постели, и Димка немного подвинулся, освобождая ей место. Но Лялька неожиданно плюхнулась к нему на колени и крепко обняла за шею. Димка изо всех сил прижал ее к себе, чувствуя, как в нем снова поднимается паника.

Виник, оказавшийся зажатым между их телами, чем-то неприятно царапал Димкин голый живот, но это казалось несущественным.

— От тебя пахнет, как от папы по утрам, — вдруг пробормотала Лялька, прижавшись холодным носом к его шее, и вздохнула рукой влажные волосы на Димкином затылке.

Комок, образовавшийся в горле, не давал нормально сглотнуть, и Димка вдруг понял, что сейчас позорно разревется. Мысль о том, что Лялька не улетела, приносила такое облегчение, что хотелось орать от счастья, но то, что она сидела сейчас здесь, как ничто напоминало, что мамы с папой больше нет.

— Ляль... — прошептал Димка и прижал сестру к себе еще сильнее.

Виник вдавился в живот так, что дышать стало трудно.

— Димка, а если я соберусь замуж, как ты отнесешься? Комок из горла рухнул в желудок.

— Чего? — Димка попытался отодвинуть Ляльку, чтобы заглянуть ей в глаза, но она вцепилась в его шею.

— Ты слышал, — щекотно прошептала она прямо в ухо.

— Ляля, тебе пятнадцать, ты в курсе?

— В курсе, — ее голос звучал сердито.

— Поэтому мы поднимем этот вопрос года через три, а лучше — через десять, — стараясь говорить спокойно, произнес Димка, хотя внутри все клокотало. Неужели она познакомилась с кем-то? Но где? В Сети? Это же надо быть полной дурой, чтобы серьезно относиться к таким знакомствам. Сидит там целыми днями бесконтрольно... Он ведь двести раз говорил Сергею, что ей нужно обрезать интернет, но психолог, видите ли, сказал, что это будет непродуктивно.

Непродуктивно, блин!

— А если я не хочу ждать столько лет? — после паузы продолжила Лялька расшатывать его нервную систему. — Может, я влюбилась?

— Какое, на фиг, влюбилась?! — не выдержал Димка.

— Не ори на ухо! — оборвала Лялька.

— Какое, на фиг, влюбилась? — сердитым шепотом повторил Димка. — В кого?

— Ни в кого, — пошла на попятную Лялька.

В наступившей тишине Димка лихорадочно придумывал, что бы еще сказать. Разговор про влюбленность ему совсем не понравился. Он не знал, как играть на этом поле с пятнадцатилетней сестрой. Он не мама. И даже не папа.

— Ты с кем-то познакомилась? — наконец спросил он. Лялька не ответила.

— Ну не Крестовский же это до сих пор? — нервно усмехнулся Димка.

Лялька снова промолчала. Вдруг дверь в комнату распахнулась так, как будто ее хотели выломать. Лялька подскочила и вжалась в Димку. На пороге показался Сергей. Грудь его ходила ходуном, словно он только что вернулся с пробежки. Димка так и решил бы, но Сергей был босиком, в джинсах и старой футболке.

— Лена! — воскликнул он.

Лялька дернулась, собираясь отстраниться, но Димка прижал ее крепче и спросил:

— Что случилось?

Сергей вместо ответа прислонился спиной к косяку и сполз на пол. Посидел так несколько секунд, а потом вяло помахал рукой: мол, все нормально, и пробормотал:

— Я в офис еду. Буду на телефоне.

— Угу, — буркнул Димка.

Сергей с трудом встал и, выйдя из комнаты, тихо прикрыл дверь.

— Он, наверное, меня потерял, — прошептала Лялька. — Он иногда заходит проверить, дома ли я.

— А ты бываешь не дома? — спросил Димка, осознавая, что сам он большую часть дня проводит вне дома и понятия не имеет, чем в это время занимается сестра. То, что она социофоб, еще ни о чем не говорит.

— Не бываю я не дома, — обиженно произнесла Лялька. — Можешь у Андрея спросить.

— Вот еще. Я и так верю.

— Димка, а у тебя с Машей твоей серьезно, да? — вдруг спросила Лялька.

— Почему ты спрашиваешь? — нахмурился Димка.

— Пытаюсь понять, скоро ли ты сбежишь.

— Куда сбегу? Ляль, ты что?

Он снова попытался заглянуть ей в лицо, но она снова не позволила.

— Будешь со мной возиться, да?

— Хватит пороть ерунду. Давай лучше дуй одеваться и идем завтракать. Потом поедем в магазин.

— В какой? — Лялька наконец отцепилась от его шеи и, прижав к груди Виника, посмотрела прямо в глаза. Она была похожа сейчас на милого нахохлившегося воробышка.

— Мне надо телефон купить.

Одной рукой Димка продолжал придерживать Ляльку, второй потер красное пятно на животе. У Виника оказался чертовски твердый нос.

— Ну ты и лох, — фыркнула Лялька, вставая. — Кто ездит за телефоном в магазин? Интернет на что?

— Сама ты это слово, — огрызнулся Димка и принялся демонстративно заправлять постель. — Сколько тебе времени нужно, чтобы собраться?

— Откуда это? — шепот Ляльки заставил его обернуться.

Лялька держала в руках мамин телефон. Она никогда не была в его комнате, Сергей же ни разу не спрашивал, что это за аппарат, и Димка совсем расслабился — перестал убирать мобильник в стол.

— Это... — Он отбросил подушку, которую держал в руках, и взъерошил волосы на затылке.

— Это же мамин? — Лялька по-прежнему говорила шепотом.

— Да. — Димка хлопнул в ладоши и, нацепив на лицо улыбку, направился к сестре.

Лялька сжала телефон так, будто не собиралась отдавать, и отступила к письменному столу. От мысли, что она может забрать телефон, Димкин желудок сжался.

— Работает, — укоризненно произнесла Лялька.

— Ну да, — Димка старался говорить беспечно. — Здесь есть московская симка. Почему бы ей не работать?

— Ты платишь за него?

Димка кивнул.

— Разблокируй! — потребовала сестра.

— Не, извини, — покачал головой он и протянул руку за аппаратом.

— Разблокируй! — повысила голос Лялька и прижала смартфон с Виником к себе.

— Нет.

Спорить было, наверное, глупо, но стоило Димке подумать, что Лялька войдет в список вызовов и увидит исходящие на его номер, как его окатило волной стыда. Ни за какие сокровища мира он не признался бы никому в том, что иногда звонит с этого телефона на свой, потому что высвечивающийся на его экране входящий от мамы примирил его с этим дурацким миром и давал силы на то, чтобы вставать с утра и идти в универ, шутить, смеяться, делать

вид, что все хорошо. Иногда Димке казалось, что именно это не дает ему сорваться, а не бесполезные встречи с психологом дважды в неделю.

Лялька смотрела прищурившись и больше не выглядела мило. Прижатый к ее груди Виник грустно свесил уши. Мысль о том, что он старший брат и должен как-то разрулить сейчас ситуацию, не дать ей перерасти в конфликт, стучала в Димкином мозгу с настойчивостью дятла. И, случись это в другой день, Димка, наверное, смог бы справиться, но после сегодняшнего сна, который опять вывернул его наизнанку, сил не осталось.

— Дай сюда! — заорал он и, вырвав из рук не ожидавшей этого Ляльки телефон, закинул его на верхнюю полку шкафа и для верности оттолкнул ногой компьютерное кресло подальше от Ляльки.

— Придурок, — прошипела Лялька и выбежала из комнаты, больно толкнув его по пути в плечо.

Димка зажмурился и сжал руками виски. Он отстойный старший брат, он отстойный друг, да и как человек он — полное дерьмо. Признание этого факта не уняло тошноты, зато позволило хлопнуть от души дверью в ванную. Плевать. У него все равно ничего нормально не выходит. Так что и начинать не стоит.

В магазин он все же поехал, хотя действительно мог бы заказать телефон через интернет.

Выехав из дома, он решил, что, добравшись до Москвы, отпустит Андрея, купит телефон и позвонит Машке. Он, конечно, фиговый друг, но Машка же терпела его все это время. К тому же рядом с ней он чувствовал себя почти нормальным. Он позвонит, они пойдут погуляют, и все наконец начнет налаживаться. Димка уже почти озвучил свои намерения Андрею, но за окном начал накрапывать дождик. Пока он прикидывал, нормально ли будет предложить Машке погулять в такую погоду, дождь превратился в ливень. В принципе, можно было бы забрать Машку из дома и сразу поехать в кафе или кино. Но Машка обычно болезненно воспринимала такие приглашения, считая, что он не должен за нее все время платить. Обычно ему

удавалось путем уговоров и шантажа добиться ее согласия на то, чтобы платил он, потому что он мужчина, а не потому что у нее нет денег, но сейчас их отношения были такими, что даже не стоило пытаться затевать подобные выяснения.

В итоге Димка попросил Андрея просто поездить по городу. Они бесцельно крутились по центру Москвы часа два. Димка старался не думать о ссоре с Лялькой, о Крестовском, о Шиловой, даже о Машке, потому что выходило, что он облажался по всем фронтам. Спустя какое-то время он все же остановил Андрея у салона связи и купил себе новый смартфон. В машине он бросил коробку на сиденье рядом с собой, даже не достав гаджет. По пути домой он смотрел на пелену дождя за окном и думал о том, что покупки не радуют. Совсем. И началось это очень-очень давно. Наверное, еще при родителях.

Так прошел еще один бесцельный день.

Вечером перед сном он наконец достал новый телефон, поставил его на зарядку и, вставив сим-карту, включил. Оказалось, что Машка написала ему сообщение больше двадцати двух часов назад. Вчера поздно вечером.

«Я знаю о фото. Позвони мне».

И ссора с Лялькой вдруг оказалась ерундой по сравнению с тем, что Машка узнала о фотосессии с Шиловой. Димка сглотнул и нажал на вызов.

Глава 19

Ты — тот, кто сделает сотни открытий.

Маша проснулась резко, будто что-то выбросило ее из сна. Еще до того, как открыть глаза, она поняла, что находится не дома. От пледа, которым она была укрыта, пахло одеколоном Крестовского, и Маша моментально вспомнила, как приехала к нему и, главное, почему. Стыд накатил волной. Как теперь посмотреть ему в глаза? Однако не успела она до конца осознать глубины своего падения, как услышала чей-то рассерженный шепот. Вероятно, именно он ее и разбудил.

— Я жду! — по шепоту невозможно было понять, кто говорит.

Маша осторожно открыла глаза. В комнате царил полумрак, свет горел лишь на вытяжке в кухонной зоне и еще, кажется, у входной двери. Спинка дивана мешала Маше увидеть говоривших.

— Юль, я понимаю, как это выглядит со стороны, но это правда не то, о чем ты могла подумать, — раздался шепот Крестовского.

Машу будто окатило кипятком от осознания того, что в квартире Шилова. Господи, если она сейчас потребует объяснений от Маши, то придется вставать, а на ней вещи Крестовского! Маша зажмурилась изо всех сил.

— Крестовский, ты вконец охренел? — Шилова перестала шептать, однако из-за проблем со связками ее речь звучала ненамного громче шепота.

— Юль, тише, пожалуйста. Ты Машу разбудишь.

— Что?

— Юль, ну правда. У нее сегодня был сложный день.

— И что же такое случилось?

— Это личное. Я не могу это обсуждать.

Крестовский по-прежнему шептал, Шилова говорила обычным голосом.

— Личное? У вас с ней?!

— Да нет же! — голос Крестовского взлетел вверх, но он тут же вновь зашептал: — Просто это не мой секрет. Маше нужно было... выговориться.

— Рома, ты меня совсем за дуру держишь? — в интонации Шиловой появились неприятные нотки.

— Нет. Я... правду говорю.

— Она спит в твоей квартире!

— Ну не в кровати же! — шепот Крестовского стал сердитым. — Хватит уже, пожалуйста. Я никогда тебя не обманывал. Между нами ничего нет.

— Между мной и тобой? — с сарказмом уточнила Шилова.

— Да что ж такое?! Между мной и Машей. Она с Волковым.

— И потому спит на твоём диване. Кстати, Волков в курсе?

Машино сердце замерло. Если Шилова расскажет Димке, а судя по ее финту с фотографиями, непременно расскажет, Димка убьет Крестовского. И саму Машу — заодно.

— Полагаю, Волков не в курсе. Но я бы попросил тебя с ним это не обсуждать. Я сам с ним поговорю.

Правильность и порядочность Крестовского показались Маше вдруг такими неуместно наивными, что жутко захотелось обнять это нелепое создание.

— А со мной тоже поговоришь? — после паузы спросила Шилова.

— Конечно. Отвечу на любые вопросы, кроме причины, по которой Маша здесь. Это — ее.

У двери послышались какая-то возня, шуршание одежды и шепот Крестовского:

— Не сердись. Это того не стоит, правда.

— Разбуди ее и выстави отсюда, — вдруг произнесла Шилова.

— Как это? — Джентльмен в Крестовском явно был удивлен.

— Я жду.

Маша так и видела, как Шилова сложила руки на груди.

— Я не могу, Юль.

— Крестовский, ты еще мой парень или уже Рябининой?

— Что?

— Это очень простой вопрос.

Крестовский ответил не сразу. Видно, подбирая слова, чтобы быть правильно понятым.

— Еще несколько дней назад я был уверен, что твой, — наконец сказал он.

Сердце Маши едва не выскочило из груди. Что он несет?

— А потом посиделки с Рябининой при свечах резко изменили твое мнение?

— Нет. Не изменили. Меня озадачило, что моя девушка поехала к фотографу, хотя мы договаривались, что она не поедет. Или я что-то не так понял?

— Ты что-то не так понял, — отрезала Шилова.

— Офигеть! — Крестовский забыл о том, что нужно шептать.

— Ну да. — Шилова была невозмутима. — Ты же с русским не очень дружишь. Вот и пожинаешь плоды.

Крестовский рассмеялся. Шилова не поддержала его веселье.

— Знаешь, я боюсь, что мы сейчас много наговорим такого, о чем потом пожалею, поэтому давай на сегодня возьмем тайм-аут, окей?

— Окей, милый. Еще какой «окей».

— Юля, ну давай не так. Не уходи вот так.

— Пошел ты. Отпусти. Ну.

Звонок домофона заставил Машу вздрогнуть, а Крестовского — выругаться по-английски.

— Да-да, Ирина Петровна. Сто девятнадцатая. Поднимайтесь, пожалуйста.

— Это англичанка? — ошарашенно спросила Юла.

Маша же распахнула глаза и уставилась в потолок. Единственный человек, который мог сообщить ее матери о том,

что она здесь, в этот момент, кажется, обнимался с Шиловой у двери. Вот подлец!

— Так, я сваливаю, — меж тем объявила Шилова.

— Не-не-не, — запротестовал Крестовский. — Я тебя отвезу.

— Ты дурак? Как ты отвезешь?

— На машине. Они потом дверь захлопнут, и все.

Маша бы удивилась этому театру абсурда, если бы ее так не тошнило от страха перед разговором с матерью. Вероятно, Крестовский распахнул дверь, не дожидаясь звонка.

— Добрый вечер, Ирина Петровна.

— Здравствуйте, Роман, Юля.

— Здравствуйте, Ирина Петровна.

— Где Маша? — голос мамы звучал требовательно.

— Она пока спит. На диване.

Маша снова зажмурилась.

— Ирина Петровна, вы проходите, пожалуйста. Я Юлю отвезу.

— То есть как?

— Вы просто дверь захлопните потом. Замок автоматический.

— Нет, Роман, так не пойдет. Я не хочу потом отвечать, если здесь что-то пропадет.

— Простите?

— Я доеду сама. Не вопрос, — голос Шиловой звучал неуместно радостно. — А ты Машу с Ириной Петровной подвези.

— Юль, подожди...

— Не провожай.

Дверь хлопнула, и в квартире повисла неуютная тишина. Спустя некоторое время ее нарушил напряженный голос Крестовского:

— Чаю? Кофе?

— Нет, спасибо, — так же напряженно ответила мама, и Маша поняла, что дальше делать вид, будто спит, смысла не имеет.

Сев на диване, она запустила пальцы в волосы и принялась разбирать не до конца просохшие пряди, нарочно

не глядя в сторону входной двери. Каждую секунду она с замирающим сердцем ждала оклика матери и не могла решить, как ответить: огрызнуться или сделать вид, что не слышит. Однако первым подал голос хозяин квартиры:

— В ванной есть фен.

Маша невольно посмотрела на Крестовского и передумала убивать его за звонок матери. Хотя он и пытался изображать гостеприимного хозяина, выглядел так, будто мечтал оказаться где угодно, только не в собственной квартире. Засунув руки в карманы джинсов, Крестовский вновь перекатывался с носков на пятки, и это отбросило Машу на пару часов назад, когда она рассказывала ему о подслушанном разговоре. Стыд окончательно победил злость, а еще некстати вспомнилось, как она задремала, положив голову на его плечо, к слову сказать, весьма жесткое и неудобное.

— Спасибо, — пробормотала Маша и, встав с дивана, направилась в ванную. На маму она по-прежнему не смотрела.

Крестовский постучал в не до конца прикрытую Машей дверь и, только дождавшись разрешения, открыл ее, остановившись на пороге. В руках он держал стопку Машиной одежды. Маша и не подозревала, что джинсовку можно сложить так аккуратно.

— Прости... — сказали они одновременно.

Маша подняла на него взгляд, а он продолжил:

— Я не мог не предупредить твою маму.

Маша кивнула, понимая, что Димка на месте Крестовского и не подумал бы никому звонить.

— У тебя теперь из-за меня проблемы с Шиловой? — спросила Маша, чтобы потянуть время.

Крестовский усмехнулся, вероятно, сообразив, что Маша слышала их разговор, и пожал плечами:

— Проблемы есть, но они не из-за тебя. Не волнуйся, — ответил он, глядя куда угодно, только не на Машу.

— Ты ее любишь? — зачем-то спросила Маша.

Наверное, чтобы снова потянуть время. Во всяком случае, ей самой хотелось верить, что причина в этом.

На этот раз Крестовский посмотрел прямо ей в глаза. Маша некстати подумала, что она наверняка растрепанная и опухшая после недавних рыданий. Ее рука сама собой потянулась пригладить волосы. Крестовский перевел взгляд на Машину руку и, словно спохватившись, сделал шаг вперед, положил одежду на мраморный столик у раковины и молча вышел.

Дверь закрылась с тихим щелчком. Вопрос о Шиловой остался без ответа.

Маша переодевалась и умывалась так долго, как только могла, разглядывая кипенно-белые стены, черную ванну, черную раковину, пол, выложенный большими черно-белыми квадратами, и чувствуя себя шахматной фигурой, которую только-только ввели в игру. Кажется, Димка говорил, что в шахматах пешка может стать ферзем. Маша посмотрела на себя в большое зеркало и поняла, что вряд ли это ее случай.

В ванной Крестовского здорово пахло. Вместо привычного Маше резкого запаха стирального порошка, маминых духов и одеколона, которым пользовался папа, здесь пахло мятой, немного зимним утром и одеколоном Крестовского. Рядом с зеркалом стояла электрическая зубная щетка с картинкой из диснеевского мультика. Три вида зубной пасты, два контейнера для линз, ополаскиватель для полости рта и бритва. Бритва удивила Машу отдельно, хотя умом она понимала, что, наверное, все мальчики в восемнадцать уже бреются.

Наконец, собравшись с духом, Маша толкнула дверь.

На кухне горел свет и пахло кофе. Мама сидела за барной стойкой спиной к Маше, Крестовский подпирал подоконник. Кажется, разговора в Машино отсутствие у них не получилось. Стоило Маше выйти, как Крестовский поставил на подоконник чашку, которую до этого сжимал в ладонях, и снова засунул руки в карманы. Мама медленно развернулась и соскользнула с барного стула так изящно, будто сидела на них каждый день.

— Ты готова? — спросила мама как ни в чем не бывало.

Приготовившаяся защищаться Маша растерялась и посмотрела на Крестовского. Тот выглядел сейчас таким же

собранным и отстраненным, каким он встречал ее с Димкой в свой день рождения.

Маша молча направилась к выходу, видя боковым зрением, что мама двинулась за ней. Из Машиных кедров торчала ультрафиолетовая сушилка для обуви. Она оглянулась на идущего следом за мамой Крестовского, и тот вопросительно приподнял брови.

— Спасибо! — указала Маша на кеды.

Крестовский вежливо ответил:

— Пожалуйста.

Надев не до конца просохшие кеды, Маша открыла входную дверь и вышла в ярко освещенный холл. Всего на этаже было три двери, но в холле стояла такая тишина, будто за ними никто не жил. Вот в ее доме жильцов всегда было слышно.

Вызвав лифт, Маша повернулась к Крестовскому, чтобы попрощаться. К ее удивлению, Крестовский, успевший надеть ветровку, запирает дверь.

— А ты куда?

— Я вас отвезу, — ответил он.

— Спасибо, Роман, не стоит, — сказала мама тем тоном, каким всегда разговаривала с Крестовским в университете, хотя, как выяснилось, виноват он был лишь в том, что родился на свет вместо маминого ребенка. И уж точно не по своей воле.

Маша ожидала, что Крестовский уйдет от конфликта, как всегда это делал в универе. Обычно он старался не попадаться маме на глаза или же молча соглашался со всем, что она говорила, хотя Маше казалось, что у него зачастую есть отличное от преподавателя мнение. Поэтому сейчас она открыла было рот, чтобы попрощаться, однако Крестовский вдруг твердо произнес:

— На улице дождь, а у Маши мокрые кеды.

Мама посмотрела на Машу, потом на него и неожиданно не стала спорить. Маша же почувствовала, что ее щеки заливают краска. Почему его волнует то, что она в мокрой обуви? Она же не Шилова.

Они спустились на лифте в подземный гараж, и машина Крестовского приветливо мигнула фарами. Когда Крестовский распахнул пассажирскую дверь, Маша постеснялась сесть спереди. Мама же предложением воспользовалась. Крестовский, дождавшись, пока она устроится, молча прикрыл переднюю дверь и так же молча открыл заднюю. Маша скользнула на пассажирское сиденье, а Крестовский, по-прежнему не произнося ни звука, вытянул из-за сиденья ремень безопасности и подал его Маше.

Перед тем как тронуться с места, Крестовский настроил кондиционер так, что на Машины ноги начал дуть теплый воздух. Она посмотрела на него в зеркало заднего вида и, когда их взгляды встретились, улыбнулась. Ей очень хотелось, чтобы он улыбнулся в ответ, и он не подвел. Его улыбка вышла еле заметной, но она была.

— Вы давно водите, Роман? — нарушила тишину мама, когда Крестовский плавно остановился перед очередным светофором.

Маша вспомнила его признание и мысленно взмолилась, чтобы он не ляпнул маме о своих проблемах с вождением. С той сталось бы выйти из машины, а Маше хотелось по возможности оттянуть момент, когда они с мамой останутся наедине.

— Машину — год, — коротко ответил Крестовский.

— Почему вы перебрались сюда?

— Мы — это я или мы вместе с отцом? — уточнил Крестовский, посмотрев в боковое зеркало со стороны водителя, перед тем как перестроиться.

По профилю мамы Маша видела, что та злится. Однако заговорила она ровным голосом. Правда, со своей особой интонацией — для недалеких студентов.

— Меня интересуете вы, Роман. Ваш отец с моей дочерью, к счастью, не общается.

Маша открыла было рот, чтобы вмешаться, но не решилась. Крестовский ответил не сразу, видно, в первую очередь выстроил фразу в голове:

— Я приехал потому, что отец решил перебраться в Москву.

— Не пожалели? — По насмешливому тону мамы было ясно, что ее вопросы продиктованы единственным желанием — уязвить.

— Нет. — Его тон можно было бы с легкостью посчитать пренебрежительным.

Еще неделю назад Маша сама бы на это купилась, как купилась сейчас мама. Та смерила Крестовского неприязненным взглядом и отвернулась к окну. Маша тяжело вздохнула и попыталась поймать взгляд Крестовского в зеркале заднего вида, но он теперь неотрывно смотрел на дорогу. Маша откинулась на сиденье и тоже отвернулась к окну, размышляя о том, как ей теперь быть, как общаться с мамой, как ее теперь называть.

Вдруг откуда-то раздалась вторая сюита Баха. Маша вздрогнула и хлопнула себя по карману, однако звук доносился из маминой сумочки.

— Дмитрий, — оповестила мама, передавая Маше трубку.

Маша бросила взгляд на отражение Крестовского, но тот все так же смотрел на дорогу, будто происходящее его не касалось.

— Алло, — прикрыв трубку рукой, произнесла Маша.

Конечно, лучше было бы не отвечать на звонок, потому что ей нужно было как-то оправдываться за ужин с Крестовским, а сейчас был не самый удачный момент, но проигнорировать вдруг объявившегося Волкова она не решилась.

— Маш, — голос Димки звучал настороженно, — говорить можешь?

— Не очень, — призналась Маша.

— Не можешь или не хочешь? — к ее удивлению, спросил Волков.

— Не могу. Я тебе перезвоню, как до дома доеду.

Маша почувствовала на себе взгляд и посмотрела в зеркало заднего вида. Крестовский тут же вернул свое внимание на дорогу.

Сбросив звонок, Маша засунула телефон в карман. Крестовский включил радио, и в машине негромко зазвучал

рейв. Маша такое не слушала, она же правильная девочка. В ее доме играли классическая музыка и душещипательная попса. Она правильная девочка... И теперь ей нужно было решить, как жить дальше.

Въезд во двор их дома перегородила машина скорой помощи, поэтому Крестовский высадил их чуть поодаль. Маша распахнула дверь и попыталась выйти, но ремень безопасности не позволил. Пока она возилась с застёжкой, Крестовский успел обойти машину, по очереди открыть двери для мамы и для Маши и, склонившись над Машей, отстегнуть замок ремня.

— Спасибо, — прошептала Маша почти в самое его ухо.

Он лишь кивнул в ответ. Зато подал руку, помогая выбраться из машины, и на этот раз Маша ее приняла, испытывая мстительное удовольствие оттого, что это увидела ее мама.

Крестовский нейтральным тоном пожелал им доброго вечера, сел в машину и рванул с места так, будто стартовал на этапе Гран-при «Формулы-1».

Маша направилась к подъезду, внутренне готовясь к апокалипсису. Она опасалась, что разборки начнутся сразу, как только они войдут в квартиру, однако мама, разувшись, отправилась на кухню, хлопнула дверцей шкафчика и включила чайник. Маша сбежала в свою комнату, так и не решив, что сказать. В душе было столько всего, что стоило начать злиться на маму, как тут же выползал стыд за свое происхождение, злость на то, что от нее скрывали правду, вина перед матерью за то, что так и не добились от нее истинных причин нелюбви к Крестовскому. Забравшись на кровать и прижав к себе старого плюшевого медведя, Маша думала о том, что на самом деле она очень-очень маленькая для той бездны, которая разверзлась в ее душе. Хотелось плакать, шоколада и никогда никого не видеть. Разве что... Крестовского. Потому что он знал правду и при нем можно было выплакаться. При Димке Маша не смогла бы: и стеснялась, и берегла его.

Взяв в руки мобильный, Маша открыла чат с Крестовским. Хотела поблагодарить его за то, что выслушал, но вдруг

подумала, что все время пишет и звонит ему первая. К клубку неприятных чувств добавилось еще чувство стыда за свою навязчивость.

Открыв чат с Димкой, Маша долго смотрела на свое последнее сообщение: «Я знаю про фото, позвони мне» — и все никак не могла нажать на вызов. Сил на то, чтобы объяснять ужин с Крестовским, просто не было. Когда мама постучала в комнату, Маша вздохнула едва ли не с облегчением, потому что так и не набралась храбрости для звонка Димке.

Мама успела переодеться в домашнее платье, Маша же к этому моменту сняла лишь влажные носки. В их доме было заведено переодеваться после улицы, и Маша ожидала, что мама сейчас сделает ей замечание, однако та ничего не сказала, прошлась по комнате, поправила стопку черновиков от реферата на столе, занавеску и только потом повернулась к Маше:

— Как много ты слышала?

— Достаточно, — ответила Маша, и в ее голосе против воли появился вызов.

Мама вздохнула, однако не стала уточнять. Вместо этого развернула компьютерный стул и села лицом к Маше.

— Я влюбилась в него. Так сильно, что ничего и никого вокруг не видела. До этого жила лишь учебой, а потом встретила его и едва университет не бросила.

Маша, готовая к чему угодно, кроме исповеди, затаив дыхание прижала к себе медведя. Она никогда не видела маму такой: потерянной, испуганной и глубоко несчастной. Против воли в душе поднимались жалость и желание защитить любимую маму от боли, не заставляя ее ворошить прошлое. Вот только одновременно с жалостью что-то злое в душе Маши твердило о том, что мама это заслужила своим обманом. Пусть теперь оправдывается. В первый раз Маша чувствовала, что почти ненавидит ее.

— Лев был ярким, остроумным, веселым, душой компании. Ну что я тебе рассказываю? Ты же видела его сына. Бывает же так — копия. — Мама нервно усмехнулась и продолжила: — Когда он обратил внимание на меня... это было

чудом. У нас завязался бурный роман. Ночные свидания, прогулки по городу, рестораны, цветы... Знала бы ты, сколько цветов он мне дарил! Твой отец за всю жизнь столько не подарил.

Маша закусила губу, чтобы не сорваться. Отец любил маму. И цветы здесь были совершенно ни при чем. А еще она вдруг поняла, что мама живет в своем прошлом, даже не пытаясь из него вылезти. Иначе заметила бы, что сходство Романа со Львом ограничивается исключительно внешностью. «Душа компании...» Разве это про него?

— А потом все разом рухнуло. Оказалось, что я беременна. Он сказал, что мы поженимся, радовался, как ребенок. Но поговорил с семьей и разом стих. Стал говорить, что мы можем сбежать из дома, еще какую-то ересь. Но я не собиралась сбежать. Я не хотела прятаться, будто я преступница. Я поговорила с его матерью, хотя он и был против. Она оскорбляла меня, унижала... Говорила, что я хочу змеей проползти в их приличную семью. С тех пор он пропал. Мобильных тогда не было. Раньше он всегда сам звонил мне на вахту общежития, а после случившегося перестал. Я раздобыла его домашний номер. Но он не подходил к телефону. А спустя две недели он уехал, и больше я о нем не слышала.

Мама замолчала, глядя на сцепленные на коленях кисти. Маша же смотрела на нее и понимала, что чувство жалости перевешивает. Чертова жалость, которая не давала даже как следует разозлиться. И с Волковым всегда так было.

— У меня был выбор: бросить институт и лишиться всех перспектив или сделать аборт. Я выбрала второе.

Мама подняла голову и посмотрела на Машу с вызовом. Маша зажмурилась. Слушать исповедь мамы оказалось неожиданно больно.

— Ты жалела? — спросила Маша, не открывая глаз.

Представив себя в такой ситуации, она подумала, что не знала бы, как поступить.

— Жалела, Машка. Я ведь сразу пожалела. Еще в больнице. Грызла подушку, кричала, что передумала, а там уж передумывай, не передумывай — дело сделано. Ни университет

вдруг оказался не нужен, ничего. Взяла академ, уехала в свой поселок. Там глаз поднять не могла: все ухмылялись, мол, учебу не потянула, дура блаженная. Я ведь плохо оттуда уехала, со всеми подружками разругалась. Считала, что умнее всех. А как вернулась, они все — кто уже с лялькой, кто вот-вот родит. Там все быстро происходило. Почти сразу после школы. Ну и жизнь как в болоте. Выдержала я два месяца и в Москву вернулась. Устроилась продавцом, потом в институте восстановилась. Трудно было. А потом, где-то через год, с Юрой познакомилась. Вернее, с тобой сначала, а потом уже с ним.

— Как это? — не удержалась Маша.

— Ты в парке упала и редела. Родителей рядом видно не было. Я тебя подняла и пожалела. Пластырем коленку заклеила. А тут и Юра подбежал. Он зачитался конспектом, не заметил, что тебя рядом нет. И пока шли до метро, он мне все и рассказал: про тебя, про себя. Так я стала твоей мамой.

— Прямо вот так?

— Ну, не прямо так, сначала сидела с тобой несколько раз, пока он подрабатывал, гуляла с тобой. Денег на няню у него не было, родители тоже помогать не спешили. А мне с тобой хорошо было. Ты смешная была. А потом ты на прогулке стала всем говорить, что я — твоя мама, и я... знаешь...

Мамин голос сорвался, и сама она вдруг разрыдалась, горько, во весь голос. Маша никогда не слышала, чтобы мама так плакала. Она бросилась к матери и обняла ее за плечи.

— Машка... — прошептала мама и усадила Машу себе на колени. Восемнадцатилетнюю Машу весом пятьдесят килограммов. — Машка, Машка... я так тебя люблю. Я так боюсь за тебя. Ты же моя. Что бы там кто ни думал! Я нашла тебя в парке, ревушую и чумазую... Я заклеила тебе коленку и спела песенку, я косички тебе плела, я в больнице с тобой лежала, когда у тебя была ветрянка...

Мама снова разрыдалась, и Маша разрыдалась вместе с ней. Они ревели вдвоем в полутемной комнате, и это было почти так же хорошо, как реветь в квартире Крестовского.

— Ты меня никуда не отпускала, чтобы во мне гены плохие не проснулись? — всхлипывая, спросила Маша о том, что так убивало ее все последние часы.

— Нет, — замотала головой мама. — Нет, Машка.

Мама принялась лихорадочно целовать мокрые Машины щеки.

— Мы, девки, — все дуры. Гены тут ни при чем. Ты же выросла в скромности, достаток у нас вон какой. А тут сначала Волков твой на нас свалился... Красивый, зараза, море ему по колено. Думаешь, я не знаю, как девочки от таких голову теряют? Я спать перестала, как он появился. Потом, правда, разузнала о нем. Он правильный, Маш. Дурной, конечно, но правильный. С ним тебе спокойно будет. Он тебе нравится?

— Я не знаю, — ответила Маша, вытирая лицо подолом футболки.

Потом посмотрела на маму, и они обе вдруг рассмеялись: зареванные, с опухшими носами. Наверное, они впервые были так похожи.

— Крестовский тоже правильный. В смысле, Роман. Он... — начала Маша, желая реабилитировать его в маминих глазах. Это казалось важным.

— Он тебе нравится? — перебила мама, очень внимательно глядя Маше в глаза.

— Я не знаю, — ответила Маша, хотя на этот раз ответ дался труднее. Потому что, кажется, нравился.

— Машка, глупостей не делай. Прошу тебя. Не хочу, чтобы ты жалела, понимаешь?

— Я не наделаю, мам. Правда.

Мама на миг прижала Машу к себе, но почти сразу отстранила и простонала:

— Вот тяжеленная стала!

Маша поднялась с маминых коленей и посмотрела на нее сверху вниз. Даже зареванная мама была очень красивой. Вот такие могут из пешек в ферзи, если на их пути не попадают подлецы.

— А папа знает? — спросила она.

— Нет, Маш. И не нужно ему этого.

— Вы ссоритесь все чаще.

Мама поднялась со стула, расправила подол домашнего платья, будто оно было как минимум бальным, и только потом посмотрела на Машу:

— Люди часто ссорятся. Это ничего не значит. Твой отец — чудесный человек. За другого я бы замуж не вышла.

— Даже ради меня? — не удержалась Маша.

— А у другого ты бы и не родилась, — улыбнулась мама, и Маша наконец почувствовала себя счастливой.

Позже они пили чай, и Маша старалась не вспоминать чаепития с Крестовским, его нелепого «полагаю» и внимательного взгляда. Потом они с мамой посмотрели две серии популярного английского ситкома, и Маша в сотый раз пообещала себе, что когда-нибудь ее английский ничем не будет уступать маминому, а после они отправились спать, умиротворенные и, кажется, наконец сблизившиеся.

Лежа в постели, Маша прокручивала в голове историю мамы и понимала, что по всему выходит, что она любимая дочка. Пусть пришедшая взамен, но все равно любимая. И родители вроде бы не собираются разводиться. А значит, все хорошо.

Она немного поразмышляла о своей биологической матери, но потом поняла, что не хочет ничего знать о женщине, отдавшей ее, как ненужную вещь. Пока они с мамой смотрели ситком, Маша спросила о документах. Оказалось, что биологическая мать написала отказ от своих прав и Машины официальные родители как раз те, кого она всю жизнь ими считала. История, казавшаяся чудовищной еще несколько часов назад, вдруг вырुлила в какую-то понятную плоскость. Маша решила, что об этом непременно нужно сообщить Крестовскому. Его переживания за Машу выглядели очень искренними. Ну и что, что снова придется звонить первой. Она же не просто так.

Крестовский на звонок не ответил, хотя Маша ждала до последнего, пока соединение не сбросилось автоматически. Стараясь отогнать неприятные мысли, Маша написала ему сообщение:

«Мы все выяснили с мамой. Позвони, если не спишь».

Ей не понравилась формулировка, но переделывать она не стала. Крестовский сообщение не прочел, и это было в первый раз. Неужели обиделся из-за маминого поведения? «Или же просто помирился с Шиловой», — подсказал внутренний голос. А ведь наверняка правильный Крестовский, освободившись, поехал улаживать конфликт с Шиловой. Ну и что, что они, по его словам, не спят? Маша, признаться, не верила в эту чушь, потому что репутация у Шиловой была та еще, да и Крестовский отнюдь не выглядел неискушенным мальчиком.

Думать о том, что Крестовский может быть сейчас с Шиловой, оказалось, к ее удивлению, неприятно. Желая отвлечься хоть чем-то, Маша загрузила на телефоне «Фейсбук» и только тут вспомнила, что должна была позвонить правильному, хоть и дурному Волкову.

В груди екнуло, и снова пришли мысли о Шиловой, с которой Димка слишком уж активно общался на этой неделе. Маша глубоко вздохнула и решительно нажала на вызов.

Димка ответил после второго гудка, хотя время на часах близилось к двенадцати. На заднем плане приглушенно играл какой-то рэп.

— Ты там в клубе, что ли? — зачем-то спросила Маша, хотя звуковой фон никак не тянул на клуб.

Ожидала, что Димка съязвит в обычной манере, однако тот неожиданно серьезно ответил:

— Нет, дома.

— Понятно, — пробормотала Маша.

Наступила неловкая тишина. Маша не знала, как приступить к оправданиям за ужин с Крестовским и как оправдать сегодняшний визит к Крестовскому, как оправдать свои мысли относительно Шиловой и Крестовского и как...

— Маш, давай встретимся, — нарушил тишину Димка.

— Сейчас? — Маша посмотрела на часы и прикинула, что после сегодняшнего разговора мама, скорее всего, ее отпустит. Вот только сил и желания куда-то идти не было совсем. К тому же за окном снова шумел дождь.

— Можно сейчас, можно завтра.

— Давай завтра, — с облегчением согласилась Маша.

Несколько часов передышки перед боем определенно не будут лишними.

— Ты только не пропадай, как сегодня, ладно? — Тон у Димки вдруг стал просительным.

— Дим... — начала Маша, понятия не имея, как продолжить.

— Давай завтра. Я не хочу обсуждать фотки по телефону, хорошо?

— Я тоже не хочу. Завтра звони, как проснешься.

— Звони сама, как проснешься.

— Ты же еще будешь спать.

— Неважно.

— Ну хорошо. Спокойной ночи, — не стала спорить Маша.

— И тебе, Маш.

Димка отключился, оставив озадаченную Машу пялиться на экран. Она догадалась проверить сегодняшние пропущенные. От Димки их было восемнадцать. Ух ты! В первый раз за все время их общения.

Маша проверила чат с Крестовским. По-прежнему тишина.

Отложив телефон, Маша натянула на себя одеяло, думая о том, что вокруг все же происходит какая-то ерунда.

Глава 20

Мне никогда не найти свою нишу.

Стоило Ирине Петровне появиться на пороге его квартиры, как Роман понял, что звонок ей был опрометчивым решением. Даже мысль о том, что она стала жертвой обмана со стороны его отца, не помогла смириться с тем, как она смотрела и каким тоном разговаривала с Романом. А ведь лично он ей ничего не сделал.

Роман как гостеприимный хозяин сварил кофе и принялся считать минуты до Машиного появления из ванной. Их разговор с Ириной Петровной ограничился его вопросом, добавлять ли в кофе сахар, и ее отрицательным ответом. Ирина Петровна пила кофе и смотрела на Романа так, что он чувствовал себя одновременно ничтожной букашкой и беспринципным насильником. Как ей удавалось выразить такой спектр чувств одним взглядом и приподнятой бровью, Роман не знал и знать не хотел. Он вообще надеялся больше никогда ее не встречать вне универа. На лекциях он как-нибудь потерпит, так и быть.

Помимо присутствия Ирины Петровны его сильно беспокоил тот факт, что Маша, кажется, обиделась на то, что он сообщил о ее местонахождении. Роман понимал, что она в своем праве, но по-другому поступить не мог. И не только потому, что это было бы неприлично или еще сильнее раздуло бы конфликт с Волковым, нет, дело было не в этом. Дело было в том, что он слишком хорошо помнил, как замерла их семья в ожидании вестей о Волковых-старших, каким страшным было то неведение. Как приходившая по утрам надежда на то, что вот сегодня новости наконец появятся, таяла вечерами, а назавтра все повторялось. Как

тихо было в их доме, как отец допоздна сидел в кабинете и иногда кричал на кого-то по телефону. Как русская бабушка, скупая на знаки внимания, приходила вечерами к Роману в комнату и подолгу сидела в кресле, делая вид, что читает. И сам Роман делал вид, что читает, а в животе у него было холодно от страха. А перед уходом бабушка говорила в пустоту: «Завтра непременно должно что-то появиться». На следующий день она повторяла то же самое, и так продолжалась, пока она не уехала к себе. И Роман, поначалу совсем по-детски веривший в эти слова, вскоре понял, что ничего не изменится. И оттого, что случилось горе, такое нелепое и несправедливое, а ты ничего не можешь с этим поделать, было настолько страшно, что он не мог спать по ночам. Все время вспоминал дядю Лёшу, так любившего небо, и тетю Аню, у которой была самая добрая улыбка в мире...

Именно тогда он понял, что ждать новостей и не получать их — одна из самых страшных пыток на свете. Особенно страшно в ней то, что наступает момент, когда ты предаешь само ожидание хорошего, готовый услышать уже хоть что-нибудь, лишь бы больше не находиться в этой опустошающей неизвестности.

Маша, к счастью, была лишена подобного опыта, поэтому все равно не поняла бы мотивов Романа.

В сумке Ирины Петровны несколько раз начинал играть Бах, но та делала вид, что ничего не происходит. Роман знал, что этот рингтон установлен на Машином телефоне на звонки Волкова, и испытывал в связи с этим смешанные чувства. То, что Волков так настойчиво звонит Маше, было неприятно, однако мысль о том, что Волков Машу явно потерял, заставляла сердце Романа тревожно сжиматься. Он помнил, как три года назад отец увещевал Димку по телефону: «Димыч, я тебя понимаю, родной мой, но звонить толку нет. Если бы телефон появился в Сети, тебе бы пришлось сообщение... Хорошо, давай хотя бы звонить раз в сутки. Оно как раз приходит в течение суток — чаще нет смысла». После этих разговоров отец подолгу курил и молчал, а Роману было

так страшно и тошно, будто это он сам безнадежно пытался дозвониться до пропавшего где-то в горах телефона.

Когда Маша вышла из ванной, Ирина Петровна почему-то ничего не сказала ей о звонках Волкова. Роман вначале решил вмешаться, но потом подумал, что не имеет на это права. Впрочем, долго терзаться по этому поводу ему не пришлось, потому что вскоре Волков до Маши дозвонился.

С одной стороны, Роман испытал невероятное облегчение, с другой же — ему захотелось резко затормозить, чтобы восторженно глядевшая на экран Маша ткнулась носом в спинку сиденья. Но, разумеется, он этого не сделал. Просто больше не смотрел на Машино отражение в зеркале заднего вида. И позже, помогая ей выбраться из машины, тоже на нее не взглянул.

На обратном пути Роман включил магнитолу погромче и, выстукивая ритм по рулю, подумал, что стоит позвонить отцу. Позвонить и сказать, что он все знает...

Роман на миг прикрыл глаза, остановившись перед светофором, и вдруг вспомнил о ссоре с Юлой. Вот с кем нужно было разобраться в первую очередь. Сцена в его квартире вышла некрасивой, а комментарий Юлы о том, что с ней он, видите ли, джентльмен, а Машу затащил в постель, звучал вообще абсурдно. Будто это не Юла столько месяцев то и дело останавливала его в самый последний момент. А уж вообразить, что у него был секс с Машей... Роман побарабанил пальцами по рулю. Если более близкие отношения — это то, что нужно Юле, он не против. Он теперь только за, потому что ему нужно выбросить из головы все глупости, связанные с девушкой Волкова. Он докажет Юле, что никакая Маша их отношениям не грозит. Ведь у них на самом деле все хорошо. Нужно просто договориться забыть о ее съемке и его ужине с Машей, и все будет как раньше. Юла — красивая, умная, милая. И, наверное, ей на него не совсем уж наплевать, раз она ревнует его к Маше. Он тоже может ревновать. Да даже к Волкову сможет, если ей так уж хочется. Ведь отношения — это работа. Вон даже

у попугайчиков-неразлучников, как выяснилось, бывают тяжелые времена. Что уж говорить о простых смертных...

Роман убавил звук и, воткнув в ухо гарнитуру, набрал номер Юлы. Слушая гудки, он думал, что стоит одолжить у отца «Рене» и устроить Юле романтический ужин. Впрочем, будет ли ей теперь комфортно на «Рене»?

«Рене»... «Рене»!

Чертыхнувшись, Роман сбросил звонок и набрал отца. Его потряхивало, пока он ждал ответа.

Отец ответил не сразу. Роман успел больно прикусить губу и стереть с нее кровь.

— Рома? — судя по голосу, отец выпил.

Неудивительно, учитывая встречу с любовью юности.

— Почему твоя яхта называется «Рене»?

— Прости?

Роман услышал, как хлопнула дверь, отсекая музыку и женский смех.

— Почему твоя яхта так называется?

— Рома, что случилось?

— Ответь!

— Маша! — воскликнул отец. — Она с тобой говорила.

— Рене — это ведь Ирина, так?

Отец молчал.

— Господи, ты ее любил, да? И любишь? Не маму, а ее? Яхта ведь появилась позже!

— Прекрати истерику, — сухо сказал отец. — Как ты знаешь, яхтой занималась Аня, и...

— Яхтой — тетя Аня, маму зовут Диана, а у нас — «Рене». Зашибись!

— Рома, ты зачем звонишь? — в голосе отца появились интонации, ясно говорившие собеседнику о том, что разговор пора заканчивать, что он, собеседник, идиот, который может сам себе организовать кучу проблем, если сейчас не отстанет.

— Я хочу услышать, любишь ли ты маму.

— Мы говорим о той самой женщине, которая укатила с любовником в Австралию, да, сынок?

Роман понял, что огребет сейчас по полной, однако кивнул. Потом спохватился, что отец не видит, и твердо сказал:

— Да.

— А я полагал, что у моего сына есть мозги. Что бы там тебе ни наговорила Маша, которая, напоминая, является девушкой Волкова, вот только, кажется, в силу моральных качеств не всегда об этом помнит...

— Не смей! — крикнул Роман, отдавая себе отчет в том, что впервые повышает голос на отца.

— Даже так? — хмыкнул отец и отключился.

Роман осознал, что его трясет. Притормозив у обочины, он включил аварийку, вспомнив, что под знаком «Стоянка запрещена» разрешена остановка для посадки и высадки пассажиров. Пассажиров у него не было. Разве что полчище тараканов в голове. Но он вдруг понял, что ему совершенно наплевать на возможный штраф, хотя когда-то он обещал себе быть законопослушным водителем. Только в этой Москве, видимо, витает какой-то вирус, разрушающий обещания, запреты, мечты...

О своем намерении позвонить Юле он вспомнил, только добравшись до дома. Юла не ответила. Роман послал ей голосовое сообщение с извинениями и просьбой перезвонить, однако она его не прослушала.

Роман выпил кофе, принял горячий душ и, достав из упаковки новый теннисный мяч, принялся бездумно бросать его в стену, надеясь, что звукоизоляция в его квартире достаточная для того, чтобы равномерный стук не свел с ума соседей. Он считал броски и ни о чем не думал. На четыреста шестнадцатом броске мяч отлетел по неудачной траектории и сбил с барной стойки чашку с остатками кофе. На этом Роман решил закончить с физическими упражнениями. Спать не хотелось, думать о чем-либо — тоже. Подаренный Волковым набор «Лего» попался на глаза очень кстати. Роман устроился на полу у кровати и принялся собирать самолет. С самого детства возня с «Лего» действовала на него умиротворяюще. В голову пришла мысль поблагодарить

Волкова за подарок, но Роман по здравом размышлении решил не нарываться.

Когда зазвонил телефон, увлекшийся Роман вздрогнул и выронил мелкую деталь, которая укатилась под стеллаж. Он представил, что придется снимать с полок книги, вазу, и едва не застонал. Телефон продолжал трезвонить. Сначала Роман не хотел брать трубку. На часах было около одиннадцати, теоретически он мог спать... Но потом решил, что, наверное, это отец и лучше не откладывать неприятный разговор.

На экране светилась улыбка Юлы. Роман невольно улыбнулся сам и ответил на звонок.

У него возникло ощущение дежавю, а сердце рухнуло в желудок. Юла рыдала. Так же, как мама несколько дней назад. Рыдала и повторяла: «Рома... Рома... Рома...»

— Юля! Что случилось?!

Роман вскочил, наступил на не до конца собранный самолет, но даже не обратил на это внимания.

— Забери меня, Роман... Ты ведь забереешь?

— Конечно. Диктуй адрес.

— У меня телефон садится. И я не знаю адреса, — с новой силой расплакалась Юла.

— Пришли мне сообщение с локацией. Я приеду к этому месту.

Юла отключилась, и Роман так и не понял, услышала ли она его слова.

Однако не успел он перезвонить, как телефон пикинул входящим сообщением. Судя по точке на карте, Юла была в центре. Перепрыгнув через детали конструктора, Роман бросился к выходу, схватил с барной стойки ключи от машины, с вешалки — куртку, отстраненно думая, что еще неделю назад его жизнь была гораздо спокойней и размеренней и нравилась ему несравнимо больше.

До адреса, отмеченного в сообщении Юлы, Роман добрался минут за пятнадцать. Машин на дорогах было немного, что для центра Москвы являлось невиданным делом. Роман списал это на дождь, который и не думал прекращаться.

Он еще раз набрал Юлу, хотя делал это несколько раз по пути, но телефон по-прежнему был вне зоны доступа. Почему Юла не подзарядила его в любой кафешке, оставалось загадкой. За время пути Роман несколько раз прокрутил в голове их ссору и пришел к выводу, что не такая уж это и ссора. Во всяком случае, ситуация явно не стоила того, чтобы выяснять отношения. Роман планировал забрать Юлу, отвезти к себе, а там уж разбираться с проблемами по одной.

Припарковавшись под знаком «работает эвакуатор», Роман оставил номер мобильного под дворником, хотя понимал, что это вряд ли его спасет, и отправился пешком, потому что подъехать к обозначенному месту ближе было невозможно. Ему не впервые казалось, что центр Москвы состоит из бесконечных переулков, арок и сотен ресторанов. Но если при свете дня это выглядело до определенной степени романтично, то дождливой ночью, когда видимость близилась к нулевой, все эти переулки казались совершенно одинаковыми, а арки выглядели провалами в неизвестность.

После десяти минут блужданий по кругу спутник потерял Романа, и стало понятно, что Юлу здесь не найти. Роман остановился на крыльце одного из баров, стряхнул воду с лица и вытер ладони о мокрые джинсы, думая о том, что последний шанс отыскать Юлу — тупо заходить во все бары подряд и спрашивать про нее. Судя по последним данным со спутника, он был близок к цели. Вот только он подозревал, что роскошных блондинок в субботний вечер в центре столицы наберется не один десяток, а он понятия не имеет, во что Юла одета, и как особую примету может назвать лишь шрам у ключиц и низкий голос. Но сообщение, которое помогло бы полиции, вряд ли поможет барменам. Не все же заглядывают в декольте к девушкам, а уж разобрать тембр голоса в баре... Роман прислонился к стене и достал телефон, собираясь предпринять еще одну заведомо бесполезную попытку дозвониться до Юлы.

Вдруг дверь рядом с ним распахнулась, ударив его по плечу с такой силой, что Роман едва успел поймать вылетевший

из рук телефон. На крыльцо выскочила девушка и стала озираться по сторонам. Роман широко улыбнулся и приготовился пошутить, что на ловца и зверь бежит, не зря же он учил пословицы, но потом рассмотрел Юлу, и улыбка сама собой исчезла.

— Юля! — позвал он, и та, резко обернувшись на его голос, отскочила в сторону, словно он был маньяком.

Она была растрепана, с потекшей тушью.

— Юля, отойди от двери. Могут ударить, если кто-то выйдет.

Юла смотрела на него так, будто не понимала, что он говорит. Роман даже подумал, что заговорил на английском. Он уже собирался повторить фразу, когда Юла бросилась к нему и вцепилась в его ладонь так, что ее ногти больно впились в кожу.

— Ты приехал, приехал? — Она смотрела на него огромными испуганными глазами и, кажется, опять собиралась заплакать.

— Ш-ш-ш. — Роман прижал ее к себе, глядя по спутанным волосам и понимая, что никогда прежде не видел Юлу такой растрепанной и помятой. — Конечно, приехал.

— Ромка, я такая дура. — Юла мелко дрожала, прижимаясь к нему всем телом.

— Разберемся. Сейчас приедем домой и со всем разберемся.

Роман почувствовал, что кофта Юлы мокрая, будто она ходила под дождем.

— Что у тебя с телефоном? — спросил он.

— Он там. — Юла кивнула в сторону двери, из которой вышла.

— Давай заберем и поедем домой.

Юла вдруг обхватила его за шею и прижалась еще сильнее:

— Черт с ними — и с телефоном, и с сумкой. Так пошли.

Роман осторожно высвободился из ее объятий и посмотрел в лицо Юлы. Помимо размазанной косметики он отметил запекшуюся кровь на нижней губе и красное пятно на шее. В ушах зашумело.

— Кто тебя ударил? — спросил Роман, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Неважно. Поехали отсюда.

Юла попыталась отступить, но Роман крепко сжал ее плечи:

— Кто, Юля?

— Рома, пожалуйста... Просто заberi меня. Я сама дура.

— Юля, будь ты хоть сто раз душой, это не оправдывает того, кто посмел тебя ударить.

В голове против воли всплыла история с Патриком, который ударил маму, беззащитную, находившуюся в его власти, в другой стране.

— Рома, пожалуйста!

Роман понимал, что настаивать глупо, но остановиться уже не мог. Он был в шаге от того, чтобы встряхнуть Юлу, но именно в этот момент дверь открылась, и из нее вывалились двое парней. Один из них похабно присвистнул, глядя на Юлу и, еле ворочая языком, произнес:

— Ты с кем там уже обжимаешься?

Юла вздрогнула и попыталась оттолкнуть Романа, будто неверная жена, застигнутая врасплох.

— Этот? — спросил Роман, убирая телефон в карман и застегивая молнию, чтобы тот не выпал.

— О, а мы чё, ревнивый муж, да? — заржал упырь.

Он был пьян настолько, что плохо стоял на ногах, и ему приходилось держаться за товарища.

— Отстань от него, — обратилась к упырю Юла, и ее голос дрогнул.

Роман же, отстранив Юлу, подошел ближе к парням.

— О! Да это же наш мальчик с фактурой! — Упырю удалось наконец сфокусировать взгляд на лице Романа.

Роман непонимающе прищурился, и тут все встало на свои места. Про фактуру говорил фотограф, у которого Юла хотела сниматься голой. И, похоже, снялась. Да еще, кажется, с продолжением.

Роман оглянулся на Юлу. Та куталась в кофту и беззвучно плакала. Роман вдруг заметил, что слева юбка Юлы порвана почти до середины бедра, колготки тоже в дырках.

В ушах зашумело с новой силой, и Роман с разворота влепил кулак в челюсть модного московского фотографа. Тот крикнул и отлетел на руки товарищу. Роман не стал ждать, пока он очухается, и ударил его еще раз.

Если бы кто-то неделю назад сказал ему, что он способен на такую звериную ярость, Роман бы в жизни не поверил. Голос отца о том, что конфликты нужно решать словами, утонул в грохоте крови в ушах. Друг фотографа бросился на Романа, и Роман едва успел увернуться от кулака, летевшего в висок. Удар пришелся в плечо. Дальше все слилось в единую смазанную картинку. Драка в московской подворотне совсем не походила на бокс, который преподавали в его английской школе и на который Роман ходил исключительно в составе команды поддержки Стива.

Боковым зрением Роман увидел, что из дверей клуба выбегают люди, и понял, что ничем хорошим этот вечер для него не закончится, но ему вдруг стало плевать. Важно было то, что чертов фотограф ответит за каждую слезинку Юлы, потому что если девушка не согласна, то нельзя, то ты не мужик!

Роман почувствовал, как его схватили за плечи и оттащили от фотографа. Тот стонал и матерился на земле, и Роман подумал, что все же его не убил. Подумал со смесью облегчения и сожаления. Последнее его немного испугало.

— Все, парень. Успокойся.

— Ему надо вызвать «девять-один-один», — тяжело дыша, отозвался Роман, когда понял, что его держит охранник бара и почему-то не бьет.

— Да мало этому ублюдку прилетело, — плевков охранника почти долетел до лица жертвы избиения. — Что не месяц, так он нарывается. Девки, правда, сами дуры, но он — утырок тот еще.

— «Девять-один-один» все равно надо.

— Ты давай сваливай отсюда. Менты ща приедут.

— Тут все равно камеры. Я останусь.

Охранник развернул Романа к себе лицом. Они были одного роста, только охранник лет на двадцать старше.

— Ты дурак, что ли? Хочешь сесть из-за этого дебила? Я видел драку. Ничего ты ему не сломал. Вон смотри.

Роман оглянулся и увидел, что фотограф встал с земли и, продолжая злобно материться, побрел обратно в бар.

— Он еще на твоих похоронах простудится. Так что вали давай.

Не отошедший от потасовки Роман продолжал стоять на месте.

— Так, ты... как там тебя? — обратился охранник куда-то в сторону.

— Юля, — голос Юлы был едва слышен.

— Бери его, Юля, и валите отсюда. Оба. Нам неприятности не нужны.

— У нее там телефон и сумка, — вспомнил Роман.

— Да что ж такое?! — простонал охранник и, взяв Юлу под локоть, попытался вернуться с ней в бар. Но та уперлась насмерть:

— Я без него не пойду!

Роман оттеснил охранника и взял Юлу за руку.

В баре было шумно, пахло кальяном и орал какой-то современный рок, но звук был такой паршивый, что Роман не разобрал ни слова. Юла провела его мимо барной стойки к боковой двери, за которой обнаружилась узкая лестница. Роман не хотел даже думать, зачем и с кем Юла могла подниматься по этой лестнице. Юла толкнула одну из дверей, и они очутились в небольшом прокуренном помещении.

— Хэй, Юлья, — с наигранным акцентом произнес какой-то бородатый чувак, Роман же окинул взглядом присутствующих и понял, что если дело дойдет до драки здесь, то «девять-один-один» придется вызывать уже для него.

Юла не обратила внимания на оклик и, обойдя один из столиков, сдернула с дивана сумку. Парочка, целовавшаяся на диване, на ее действия никак не отреагировала.

— А где Русик? — перехватил Юлу за руку один из парней.

Роман отметил, что они здесь все гораздо старше двадцати. Как Юлу сюда занесло?

— В баре, — откликнулась Юла и выдернула руку.

Роман поразился тому, насколько уверенной она выглядела, будто не рыдала от страха пять минут назад. И даже

растекшаяся тушь уже не делала ее такой жалкой, как на улице.

Роман стоял в дверях и чувствовал, что каждый его нерв вибрирует в ожидании драки. Адреналин еще не схлынул, и руки слегка подрагивали. Те несколько секунд, что Юла шла в его сторону, показались ему вечностью.

— Ну чё там, дождь еще не кончился? — обратился к Роману тот, кто первым окликнул Юлу. Обратился без акцента, нормальным голосом.

Роман мельком себя оглядел. Промокшая куртка и грязные джинсы говорили сами за себя, но он все равно кивнул.

— Фигово, — отреагировал мужик, будто у него на носу был теннисный матч, которому грозил перенос из-за погодных условий, и обратился уже к подошедшей Юле: — Бай, Юлья.

— Пока, — царственным голосом ответила Юла и первой вышла за дверь.

Выдохнул Роман только у своей машины. До этого он ожидал появления отряда мстителей из каждой полутемной подворотни.

Если эвакуатор и работал, то, к счастью, где-то в другом месте. Роман смял промокшую бумажку со своим номером и засунул ее в карман. Юла, не дожидаясь его, распахнула дверь и забралась в машину. Роман сел за руль, заблокировал двери и только потом посмотрел на Юлу.

Та достала из сумочки зеркальце и влажные салфетки и принялась вытирать подтеки туши. Несколько секунд Роман за этим наблюдал, а потом молча завел машину и вырулил на дорогу. Он не знал, как начать разговор. Он боялся дать волю воображению, потому что оно рисовало слишком неприглядные картины. Юла же молчала. Закончив приводить себя в порядок, она сбросила туфли и, забравшись с ногами на сиденье, отвернулась к окну. Роман то и дело поглядывал на ее отражение в стекле.

Через десять минут он не выдержал:

— Зачем ты к нему поехала?

Он не хотел, чтобы вопрос прозвучал наездом, но, кажется, именно так это и прозвучало.

- Отвези меня домой, — ответила Юла.
- У вас что-то было?
- Бабушка еще не спит, наверное.
- Ты меня слышишь? — повысил голос Роман.
- А ты меня? — повернулась к нему Юла.

Роман выдохнул и несколько секунд смотрел на дорогу, собираясь с мыслями, а потом медленно проговорил:

— Да, Юля, я тебя слышу.

— Правда? А мне вот кажется, что ни черта! Вы все меня не слышите, как будто мне связки не просто повредили, а вообще их отрезали. Я говорю, говорю, а никто не слышит: ни ты, ни отец, ни бабушка... Все только и рассказывают, что мне делать. А послушать всем влом!

— Юль, это неправда. Если у тебя сложилось впечатление, что я тебя не слушаю, то оно ошибочное. Поверь.

— Заткнись! Просто заткнись! — выкрикнула Юла и снова разрыдалась.

Роман сильнее сжал руль, понимая, что ни черта не умеет утешать. С Машей, вероятно, случайно получилось. Он тут же устыдился мыслей о Маше и протянул руку в знак примирения, но Юла сделала вид, что не видит его жеста. Тогда Роман положил ладонь ей на бедро. Положил без подтекста, как делал много раз до этого, однако Юла вдруг взвилась и отбросила его руку так, будто он ей под юбку полез.

— Хватит меня лапать!

— Юль, ты что? — ошарашенно произнес Роман.

Юла сердито отвернулась и не ответила.

После нескольких минут тишины Роман включил радио и принялся прокручивать в голове тексты звучащих в эфире песен, чтобы хоть немного успокоиться.

Юла не стала возражать, когда он припарковался в ее дворе и вышел проводить. Уже в лифте Роман подумал, что понятия не имеет, как объясняться с Жанной Эдуардовной. Зеркало отражало его изрядно помятую физиономию, грязные, порванные на колене джинсы и сбитые костяшки.

Жанна Эдуардовна негромко охнула и приложила ладонь к губам таким жестом, будто была как минимум на сцене Большого.

— Проходите! — звучно произнесла она, отступая в сторону.

Роман молча вошел и остановился у порога. Юла сбросила туфли и побрела по коридору.

— Юленька!

— Ба, не сейчас, — отрезала она, и Жанна Эдуардовна, двинувшаяся было за ней, остановилась на полпути.

— Что стряслось, Роман? — повернулась она к Роману, и взгляд у нее стал такой, будто они переместились со сцены Большого в комнату дознавателя.

— Я не знаю, что вам ответить, — произнес Роман, чувствуя безграничную усталость.

— Внешний вид Юли — ваша работа? — цепко глядя в его лицо, уточнила Жанна Эдуардовна.

Роман покачал головой.

— Это хорошо, Роман. Это очень хорошо. От вас бы она такого не пережила.

Роману стало так мутно, что даже затошнило, хотя последний раз он ел много часов назад вместе с Машей.

— Вы пострадали? — продолжала допытываться Жанна Эдуардовна.

— Нет, все в порядке, — на автомате ответил Роман, признавая себе, что, конечно, он несет ответственность за Юлу, но прямо сейчас не прочь бы передать эту ответственность кому-то другому.

— Тогда не буду вас задерживать, отдыхайте.

Порой ему казалось, что бабушка Юлы умеет читать мысли.

— Вы... позаботьтесь о ней, ладно? — ляпнул Роман и сам понял свою бестактность. Будто он допускал мысль, что Жанна Эдуардовна без его просьбы не стала бы заботиться о внучке.

Однако пожилая леди лишь покачала головой и красиво поставленным голосом произнесла:

— Непременно.

Дома Роман обнаружил, что у его ветровки оторван карман, протерт один из рукавов и надорван воротник. Он достал из хозяйственного шкафчика в ванной большой мусорный

мешок и засунул в него свернутую ветровку. Туда же отправились порванные джинсы. Прodelывал все это Роман на автомате. В голове не было ни единой связной мысли. Будто в промокшей одежде заоченело не только его тело, но и мозги.

Роман пустил в душе воду и, раздевшись, оглядел себя в большое зеркало. На груди слева красовалась ссадина, и он вспомнил, что чей-то удар пришелся как раз по нагрудному карману, в котором лежал телефон. Помимо этого у него оказалась разбита губа, а левое колено и правый локоть выглядели так, будто он проехался ими по асфальту. Забравшись в душевую кабину, Роман понял, что можно было не проводить осмотра, а выяснить все опытным путем: ссадины нещадно жгло от горячей воды.

Промучившись пару минут, Роман выбрался из кабины, затолтался в полотенце и отправился на кухню за аптечкой.

Телефон он проверил, уже лежа в постели. Там было сообщение от Маши, голосовое — от деда и пропущенный звонок от Стива. Чат с Машей Роман открывать не стал. Деду решил ответить завтра, потому что в Лондоне было около полуночи. В это время дед уже спал. А вот Стиву Роман написал:

«Подрался сегодня в баре».

«Офигеть, — пришло через пару минут. — Хочу в Москву. Здесь у нас болото».

«Цени свое болото, придурок», — написал Роман, а про себя подумал, что он свое не ценил и в его болоте случилось цунами. И волны, кажется, еще даже не достигли максимальной высоты.

Глава 21

Я — тот, кому суждено ошибаться.

Димка не знал, на какой по счету звонок Машка наконец ответила. К тому моменту он успел накрутить себя почти до нервного срыва. Сначала он просто нервничал, ожидая разборки с Машкой, когда же стало понятно, что она не отвечает на звонки, воображение начало подсовывать картины одну страшнее другой. А ведь до этого он был уверен, что справился: победил свою привычку сразу думать о плохом. Но, вероятно, безрезультатный дозвон до Машки слишком сильно отбросил его в те дни, когда он так же набирал номер отца. С той лишь разницей, что номер отца сразу был вне зоны доступа, Машка же просто не отвечала, и это тоже почему-то пугало до икоты.

Димка отмахнулся от Сергея, когда тот предложил поужинать, отмахнулся от Ляльки, которая что-то там хотела ему рассказать. Он был просто не в состоянии воспринимать информацию. Весь его организм перешел в режим ожидания.

Он ходил из угла в угол по своей комнате и обещал себе, что выдержит десять минут, а потом попробует набрать еще раз. И срывался. Не выдерживал даже пяти и вновь набирал Машкин номер. Он не верил в то, что Машка могла обидеться из-за фоток с Шиловой настолько, чтобы игнорировать звонки. Значит, что-то случилось. Что-то непонравилось. Почему он, идиот, не включил телефон сразу? Почему позволил себе почти полдня быть без связи? Еще гордился собой втайне: вон как круто победил зависимость.

После очередного безответного звонка Димка не выдержал и позвонил Шиловой, хотя чем та могла помочь

в поисках Машки, представлял слабо. Но вдруг? Набирая Шилову, он впервые подумал, что отсутствие у Машки друзей друзей хоть и переводило его в разряд людей уникальных, было однозначно неудобно.

Шилова ответила почти сразу.

— Да?

— Юль, привет.

— Чего тебе? — Шилова, как всегда, была сама приветливость.

— Я не вовремя?

— А ты всегда не вовремя. То опаздываешь, то тормозишь... — огрызнулась Юла.

Димка вспомнил, как они целовались всего пару дней назад, и почувствовал неловкость. После поцелуя колкости Юлы стали гораздо менее безобидными. Словно она что-то в своей голове пересмотрела. Неужели Димка оказался так плох? Мелькнула шальная мысль спросить напрямую, но Димка решил, что это будет глупо, поэтому спросил то, что собирался:

— Ты случайно не в курсе, где Машка? Понимаю, что вы не подружки и все такое, но у вас там какое-то девчачье мероприятие, кажется, намечалось?

Димка и правда вдруг вспомнил, что девчонки из группы куда-то там намыливались.

Шилова молчала так долго, что Димка решил бы, что связь оборвалась, если бы не слышал музыку, которая играла рядом с Юлой.

— Волков, милый, хорошая попытка, но не засчитана. Мероприятие, о котором ты вспомнил, планировалось на конец октября. Рябинина на такие тусы не ходит. Поэтому мог бы просто признаться, что потерял свою ненаглядную.

— Окей, я потерял свою ненаглядную. Часом не знаешь, где она? Или, может, у тебя есть номер Ирины Петровны? А то я так им и не разжился.

— Номер Кротовой есть в чате группы. Ко второму курсу пора бы уже об этом знать. Но насчет Рябиной я тебе могу помочь.

Голос Юлы звучал как-то странно. То есть так же низко и силно, как обычно, но было в нем что-то еще.

— У тебя там все нормально? — против воли спросил Димка.

Он и до поцелуя чувствовал непонятную ответственность за Юлу, а уж после...

— Ну, если учесть, что Рябина прямо сейчас в постели Крестовского, то как бы нет, у меня не все нормально, но я переживу. Главное — ты переживи. Вы ж, мальчики, существа хрупкие. Ломаетесь на раз.

В голосе Шиловой звучали нотки истерики, но Димке на них уже было откровенно наплевать.

— Повтори, — тихо попросил он.

— У тебя там что, вся кровь к темечку прилила, где рога пробиваются, даже уши заложило?

Димка нажал отбой, чувствуя, как шумит в ушах. Уголок верхней губы стал подергиваться. Блин, опять ведь вернут седативы. Он прижал пальцы к губе, глядя в одну точку. Левой руке стало больно. Оказывается, он сжал телефон с такой силой, что едва не вывихнул себе фаланги пальцев. Мелькнула мысль — долбануть телефон о стену, но потом он вспомнил, что купил его только вчера и что за последние три года уже несколько аппаратов закончили свой век до срока после полета в стену.

Наверное, то, что Димка сумел разжать руку и положить мобильный на стол, говорило о том, что психолог не зря его хвалит, якобы он научился собой управлять и ему, возможно, позволят добиться опекуновства над Лялькой. Только все эти мысли шли фоном, а кровь грохотала в висках с такой силой, что было понятно: спать сегодня не придется. Ее величество мигрень пожаловала снова.

Из носа потекло, и Димка подставил ладонь. Ковер из своей комнаты он давно выкинул, потому что первые месяцы тот без конца отправлялся в химчистку. Димка медленно побрел в ванную, думая о ковре, о предстоящей мигрени, о том, что Сергей улетает через несколько дней и за время его отсутствия хорошо бы поговорить с Полиной Викторовной, чтобы попытаться понять, на чьей же

стороне Сергей и насколько плачевно состояние компании. Дел было выше крыши.

Когда они были детьми, у Крестовского часто шла кровь из носа, стоило тому чуть перегреться или неудачно стукнуться этим самым носом. Димка жутко его всегда жалел и одновременно завидовал, потому что в такие моменты вокруг Крестовского носились все, кто был рядом, а тот героически молчал и выглядел самым спокойным из всех присутствующих, потому что точно знал, что эта фигня ненадолго. Взрослые тоже это знали, но все равно каждый раз пугались.

Однажды, лет в двенадцать, Димка попытался втихаря разбить себе нос, чтобы тоже выглядеть так же героически и важно, но заработал лишь здоровую царапину, потому что умудрился разодрать переносицу о торчащий из забора гвоздь. В итоге получилось не героически, а тупо. Нос болел, но кровь из него так и не пошла. Переносицу обрабатывали, и он еще долго ходил как дурак с царапиной и опухшим носом. Дышать было трудно, а врать, что споткнулся, — стыдно.

Крестовский, единственный, кому Димка тогда рассказывал правду, искренне удивился Димкиной зависти и объяснил, что ничего классного в этом нет, что вкус у крови жутко мерзкий и от этого его почти каждый раз тошнит. В ответ же признался, что тоже завидует Димке, потому что Димка веселый, всегда знает, что сказать, и не носит очков.

Прошли годы — и вуаля, Димка заработал себе мигрени с носовыми кровотечениями. И это оказалось совсем не круто — кровь вправду имела премерзкий вкус.

Кровь перестала идти, но виски и затылок по-прежнему ломило. Машка, его Машка, которую он даже поцеловать не посмел за три года знакомства, — в постели Крестовского. Черт, того Крестовского, который... Димка вдруг понял, что злость на Крестовского гораздо сильнее, чем на Машку. С девчонок взять нечего. Он понял это еще по истории с Эммой, да и Шилова эту истину подтвердила. Поэтому то, что Машка клюнула на Крестовского, было целиком и полностью виной последнего. И это вдруг оказалось намного

больнее, чем в пятнадцать. Димка умылся, закрыл воду и, вытерев руки о джинсы, вернулся в комнату. С мокрой челки текло в глаза, и ему пришлось проморгаться, прежде чем взять телефон.

Почти безнадежно Димка набрал Машкин номер, обещая себе, что, если она не ответит и в этот раз, он позвонит Крестовскому. После четвертого гудка Машка взяла трубку.

На заднем фоне был такой звук, будто она находилась в машине.

Димка прокашлялся и, стараясь говорить спокойно, произнес:

— Маш, говорить можешь?

— Не очень, — ответила Машка, и Димка почувствовал, что губа вновь задергалась. Ну разумеется, кто же выберет психованного Волкова, когда на горизонте маячит блистательный Крестовский?

— Не можешь или не хочешь? — спросил Димка, ожидая, что Машка сейчас скажет что-нибудь вроде «хватит нести чушь», но она ответила:

— Не могу. Я тебе перезвоню, как до дома доеду.

Димка нажал отбой и опустился на кровать. Из окна дуло, мокрой голове было холодно, но ему было на все плевать. Он ведь на самом деле до последнего не верил Шиловой. Ну, то есть верил, но все же надеялся на какое-то нормальное объяснение. Вот только Машка была в машине Крестовского. Раньше на ней ездил дядя Лёва, частенько звоня по пути крестнику, и Димка отлично знал звуковой фон этой машины. Существовала, конечно, вероятность ошибки, но, положив руку на сердце, Машка крайне редко ездила на машине.

Даже если предположить, что про постель Юла соврала, тот факт, что Крестовский везет Машку куда-то субботним вечером, делал катастрофу осязаемой. Это было сродни ужину на «Рене».

Крестовский жил полной жизнью. Димка же этим похвастаться не мог из-за своей дурацкой амаксофобии, накрывшей его после случая с родителями. К счастью, она

распространялась в основном на вождение. Пассажиром Димка чувствовал себя чаще всего вполне сносно, особенно если ему не приходилось сидеть на переднем сиденье. Права ему оформили, ПДД он тоже выучил, но за руль сесть так и не смог. Поскольку раньше это сильно не мешало, в листе приоритета при работе с психологом пункт с амаксофобией стоял почти в самом конце.

А вот сейчас Димка подумал, что, возможно, он не позволил себе даже поцеловать Машку не только из-за страха, что с тем, кто ему дорог, непременно случится беда, а еще и потому, что он не живет нормальной жизнью. Он будто недееспособный. Его возят в универ, он живет с сестрой и дядей. И если относительно случайных девчонок из клубов он не заморачивался, потому что никогда не оставлял своего номера телефона, а если оставляли они, никогда не перезванивал, то в отношении Машки, выходит, подсознательно комплексовал. Что он за мужик, в конце концов, если у него из багажа только стадо тараканов в голове и каждый размером со слона?

Правильный во всех отношениях Крестовский выигрывал по всем фронтам. И в пятнадцать, когда у Димки, казалось бы, все еще было отлично, и уж тем более теперь.

Димка свернулся клубком на кровати и нащупал пульт от стереосистемы. Голова раскалывалась, но сидеть в тишине было невыносимо.

Время шло, а Машка все не звонила. Куда можно столько ехать? Даже с учетом пробок можно было бы уже запросто добраться до загородного отеля, до аэропорта, до любого ресторана в городе и ближнем Подмоскowie.

Димка смотрел на стрелки часов, думая о том, что Юле, наверное, тоже фигово и что надо бы ей позвонить, но в голове прочно обосновалась работающая дрель, и сил на то, чтобы набрать номер Юлы и звучать бодро, не было.

Спустя час к нему заглянул Сергей и, включив свет, тихо выругался. Димка выругался следом, потому что от яркого света голова едва не взорвалась. Сергей тут же щелкнул выключателем и скрылся в ванной. Он вернулся с холодным полотенцем и таблеткой обезболивающего.

— Да не поможет, — едва слышно прошептал Димка, но Сергей положил ему на лоб полотенце и почти силой впихнул в рот таблетку.

Димка привстал и послушно взял протянутый стакан воды. Таблетки никогда не помогали, но Сергей каждый раз так трогательно на них надеялся, что у Димки не хватало духа его надежду разрушить. Укладываясь обратно на подушку, он неожиданно для самого себя спросил:

— А ты нас не обманываешь?

Будь он в нормальном состоянии, никогда не брякнул бы подобного.

— Относительно чего? — насторожился Сергей, и Димка понял, что это и есть ответ.

— Да так, забей. Фигню ляпнул.

Сергей некоторое время стоял над ним и молчал. У Димки не было сил продолжать разговор, поэтому он сделал вид, что засыпает. Минут через десять Сергей вышел.

Димка снял с головы полотенце и осторожно добрался до телефона на письменном столе. Машка так и не позвонила. Устроившись на кровати, Димка набрал Юлу, понимая, что прервать свидание Машки и Крестовского сил у него сейчас не хватит. Это же придется слушать ее ложь, придумывать остроумные реплики... Вдруг Юла уже с ними разобралась и сейчас прикапывает где-нибудь труп Крестовского? В этом плане Димка в Шилову очень верил.

Телефон Юлы оказался выключен. Неужели правда прикапывает?

Димка вновь свернулся клубком и даже сумел задремать.

Из сна его выдернул телефонный звонок. Головная боль тут же проявилась, давая понять, что радоваться рано. Димка прокашлялся, глотнул воды из оставленного Сергеем стакана и ответил Машке.

— Ты там в клубе, что ли? — непонятно почему спросила Машка, и Димка честно ответил:

— Нет, дома.

Хотел спросить: «А ты?» — но понял, что боится ответа.

— Понятно, — протянула Машка и замолчала.

В висках запульсировало с новой силой. Димка вдруг понял, что не верит в постель. В то, что Машка была с Крестовским, верит, а вот в то, что Крестовский так поступил, — нет. Это же Крестовский, черт побери. Он же его как себя знал и... знает.

— Маш, давай встретимся, — наконец произнес Димка.

Плевать, что там произошло. Он все исправит. Ему же уже не пятнадцать. И машину он водить начнет, и переехать сможет. Он все, блин, сможет. Вот только мигрень чуть отпустит. Димка включил громкую связь и, сев на кровати по-турецки, устроил телефон перед собой. Мигрень иногда немного ослабевала, если сжать виски ладонями, что Димка и сделал.

— Сейчас? — удивленно спросила Маша.

Димка сглотнул и понял, что сейчас было бы классно, просто отлично, и то, что она готова с ним встретиться, тоже было добрым знаком, вот только он в таком состоянии точно не сможет предстать героем романа.

— Можно сейчас, можно завтра, — ответил он, оставляя выбор за Машкой.

Если она решит сейчас, значит, к ней приедет нечто зеленое и невменяемое, но приедет.

— Давай завтра, — решила Машка, и Димка с облегчением выдохнул, а потом попросил:

— Ты только не пропадай, как сегодня, ладно?

Он ненавидел себя за то, как жалко это прозвучало, но на большее оказался просто неспособен.

— Дим... — позвала Машка.

— Давай завтра, — перебил Димка. — Я не хочу обсуждать фотки по телефону, хорошо?

И фотки, и Шилову, и Крестовского...

— Я тоже не хочу. Завтра звони, как проснешься.

— Звони сама, как проснешься.

— Ты же еще будешь спать.

— Неважно, — ответил Димка, понимая, что завтра он будет зомби в любом случае. Часом раньше, часом позже — роли не играет.

— Ну хорошо. Спокойной ночи, — не стала спорить Машка.

— И тебе, Маш, — ответил он и нажал на отбой.

Устроившись на подушках, он приготовился к бессонной ночи. Мигрень не даст второго шанса уснуть. Они это уже проходили.

Ближе к утру Димка все же смог задремать, правда, ему снова приснился отъезд родителей, поэтому он проснулся сам, за пятнадцать минут до Машкиного звонка. Мигрень не ушла до конца, затаилась в висках, готовая вернуться от любого громкого звука или нервной встряски. Димка успел принять душ и побриться. Из зеркала на него смотрело бледно-зеленое нечто, которое очень не хотелось показываться Машке, но делать было нечего.

Машка позвонила около одиннадцати. Говорила немного напряженно, но другого Димка и не ожидал. Она предложила погулять, но у Димки за окном уже шел дождь, который совершенно точно вскоре должен был добраться до Москвы, поэтому они сошлись на том, что Димка заедет к ней домой.

Пожалуй, в первый раз он реально думал, что надеть. Даже вытащил из шкафа рубашку, чтобы выглядеть таким же приличным, как Крестовский, но быстро отбросил эту затею. Стало тошно прикидываться перед Машкой кем-то, кем он никогда не станет. Вернее, станет, наверное, когда начнет всерьез заниматься делами компании. Тогда придут и пиджаки, и галстуки. Но пока он явно на них не тянул.

В итоге Димка надел чистые джинсы, белую футболку и ярко-синюю толстовку. Машка когда-то сказала, что ему очень идет синий цвет.

Сварив себе кофе, Димка позвонил Андрею и предупредил, что ему нужно в город. Андрей обещал быть готовым через пятнадцать минут, благо жил он в гостевом доме на их участке.

Перед уходом Димка заглянул к Ляльке. Та еще валялась в постели, с кем-то переписываясь. При появлении Димки Лялька снова спрятала телефон под подушку.

— Тайный поклонник? — приподнял бровь Димка.

— Ты уходишь? — Лялька сделала вид, что не услышала намека.

— Ага. Ты вчера там о чем-то рассказать хотела?

По правде сказать, после бессонной ночи он не был готов грузиться еще и Лялькой, Машки одной было выше крыши, но как старший брат считал своим долгом спросить.

Лялька села на кровати и некоторое время на него смотрела. Димка подпирал дверной косяк и делал вид, что ничуть не торопится.

— Ты к Маше своей? — невпопад спросила Лялька.

— Типа того, — неохотно ответил Димка.

— Ну привет ей, — лучезарно улыбнулась Лялька, хотя по непонятной Димке причине Машку терпеть не могла.

— А поговорить?

— Иди уже, а, Ромео несчастный.

Димка фыркнул и, показав неприличный жест не то Ляльке, не то ее японским мальчикам на стене, спустился вниз.

На выходе он проверил бумажник, телефон и попросил их помощницу передать Сергею, что он будет в городе, возможно, допоздна. Димка не знал, как повернется разговор с Машкой, но надеялся на лучшее.

Андрей стоял на крыльце и что-то набирал в телефоне. Увидев Димку, он жестом фокусника спрятал телефон в карман.

— Тоже тайный поклонник? — хмыкнул Димка, чем заслужил долгий взгляд водителя.

По пути он решил купить цветы. Вернее, он считал, что это тупо и по-киношному, но, с другой стороны, может, именно по-киношному девочкам и нравится? Они же любят там, чтобы к ним в окно по водосточной трубе, весь мир у ног и все такое.

Покупая цветы, Димка чувствовал себя дебилом. Сначала его взгляд упал на букет чего-то похожего на ромашки, однако продавщица каким-то образом определила, что он едет извиняться, и сказала, что ехать надо с розами. Розы совсем не подходили Машке, но, поскольку лично Димка

вообще ничего в этом не понимал, он решил довериться продавщице.

Еще он заехал в пекарню и купил Машкины любимые круассаны с шоколадом. Сам он их терпеть не мог. Крестовский, к слову, тоже. Но главное ведь, чтобы Машке нравилось.

Димка отпустил Андрея и поднялся на пятый этаж. Перед дверью квартиры он долго переминался с ноги на ногу и думал, что надо было покурить, но потом вспомнил, что Машка не раз просила его бросить, мотивируя это заботой о его бренной тушке. Не то чтобы он прямо так готов был бросить, но один раз можно ведь и потерпеть? Нажимая на звонок, Димка чувствовал, что его сердце бухает как молот.

На Машке было милое платье в клеточку, и выглядела она в нем ничуть не старше Ляльки.

— Это тебе, — Димка впихнул в руки удивленной Машки букет, положил на трюмо пакет из кондитерской, разулся, снял куртку, поправил волосы перед зеркалом. В общем, сделал кучу суетливых движений, лишь бы не смотреть на Машку.

— Спасибо, — наконец отмерла Машка. — Есть будешь?

— Не. Чаю можно.

Машка улыбнулась как-то по-особенному, не так, как всегда, и направилась на кухню. Димка, выдохнув, пошел следом, прихватив пакет с круассанами.

— А Ирина Петровна?..

— У ученика. Будет к трем.

— А Юрий Викторович?

— На гастролях.

Машка встала на цыпочки и попыталась дотянуться до стоявшей на шкафчике вазы.

Димка подошел к ней и без особых усилий снял вазу.

— Клево быть высоким, — усмехнулась Машка.

— Для девушки — не очень, — парировал он, — если только она не баскетболистка. И мужа придется среди коллег искать.

— А среди олигархов типа не бывает высоких? Ты, например.

Машка стояла к нему спиной, наливая воду, поэтому Димке не нужно было следить за лицом и можно было качественно обалдеть. Машка провела параллель: муж — олигарх — он сам? Впрочем, он сразу вспомнил, что Крестовский был еще выше. Настроение, которое и так едва перевалило за ноль, резко упало.

Чтобы не стоять столбом, Димка деловито достал из шкафа блюдо, вытряхнул на него круассаны и включил чайник. Встретившись взглядом с Машкой, он понял, что она за ним наблюдает. И снова в ее взгляде было что-то очень неприличное. Не Машкино.

Стало жарко. Димка снял толстовку и, аккуратно ее сложив, пристроил на подоконник.

— Ты умеешь складывать вещи? — удивилась Машка, на что Димка криво улыбнулся.

Чай пили в молчании. Машка с удовольствием ела круассан, Димка из вежливости давился своим и думал, почему он, дурак, другого-то ничего не купил? Он вообще сегодня так торопился угодить Машке, что был сам не свой.

Наконец Машка разгладила подол на коленях и, не поднимая глаз, произнесла:

— Про фотографии...

Димка едва не поперхнулся чаем и поспешил отставить чашку.

— Понимаешь, я не знала, что нас снимают. Я думаю, что фоток там было много, просто Шилова показала тебе самые такие... двусмысленные.

— Маша, — перебил Димка, — ты написала мне, чтобы поговорить про фото с «Рене»?

— Ну да. — Машка подняла на него несчастный взгляд.

Если бы Димка сейчас стоял, то ему точно пришлось бы срочно искать опору, потому что все тело от облегчения стало ватыным. Машка не видела фоток с Юлой. Черт! Шилова — зараза. Только попугала, а на деле ничего никому не отправила. Димка провел ладонями по лицу и выдохнул. Сегодня же он поедет к Шиловой и заберет фотки вместе с негативами. Шантажом ли, за деньги — без разницы. Эти

фото никто не увидит. Ни Лялька, ни судьи, ни Сергей, ни Машка с Крестовским.

Отняв руки от лица, он понял, что Машка продолжает что-то говорить.

— ...не так. То есть это так выглядело, наверное, но я смотрела потому, что он говорил о тебе, и еще я ведь в первый раз с ним разговаривала. Он совсем не таким оказался, каким казался на расстоянии.

Эйфория, последовавшая за облегчением, начала таять. Машка выглядела взволнованной, щеки ее пылали, а сама она не могла перестать оправдываться. За суматохой последних дней Димка и думать забыл, что все началось с фоток, сделанных на «Рене». И вот теперь Машка рассказывала ему, насколько офигенен Крестовский. Так офигенен, что Машка не может перестать о нем говорить.

— Он тебе нравится? — напрямик спросил Димка.

Машка запнулась и, подняв голову, посмотрела на Димку с испугом. Сколько раз она смотрела на него с пониманием, сочувствием, удивлением. А вот с испугом — впервые. Чертов круассан превратился в желудке в камень.

— Маш, я не буду психовать. Правда. Мне просто нужно знать.

Машка молчала так долго, что Димка уже потерял надежду на ответ. Камень в желудке превратился в битое стекло.

— Он... не такой, каким казался. Он... с ним можно говорить.

Видимо, Димка все же не уследил за лицом, потому что Машка спохватилась и зашептала:

— С тобой тоже можно, Дим. Я не про то. Просто я ведь не любила его за компанию, а он... как человек оказался неплохим.

— Не любила за компанию, а полюбила без компании, — пробормотал Димка, опустив взгляд к кружке. Смотреть на Машку стало вдруг невыносимо.

— Ну что ты говоришь?! При чем здесь любовь, Димка? Я же почти его не знаю. Я...

Димка открыл было рот, чтобы спросить про вчерашний день, но просто не смог. Ерунда это все. Не было никакой

постели. Шилова наврала, как и с фотками. Но то, что Крестовский начал нравиться Машке, было неоспоримым фактом, который становилось сложно игнорировать. Димка понимал, что у него только два пути: смириться или же доказать Машке, что Крестовский ничуть не лучше его.

Машка встала и принялась убирать чашки со стола. Димка встал, чтобы ей помочь.

В своем платье Машка выглядела такой домашней и такой... его, что отдавать ее Крестовскому казалось преступлением.

Когда она вернулась к столу с тряпкой, чтобы вытереть крошки, Димка не нашел ничего лучше, чем взять ее за локоть, развернуть к себе и поцеловать.

Он представлял себе это не один десяток раз. Без фанатизма и придыхания. Просто знал, что однажды это случится. Она ведь его.

Поцелуй с Машкой отличался от всех других в его жизни. Во-первых, потому что его сердце сейчас металось между желудком и горлом, а во-вторых, все его мысли заняла навязчивая идея доказать, какой он классный. Помнится, Шилова несколько дней назад не впечатлилась, поэтому сейчас Димка с непонятно откуда взявшимся задором подхватил Машку под бедра и усадил на стол. Получилось круто и залихватски. Уперев ладони в столешницу по обе стороны от Машкиных ног, Димка придвинулся вплотную и только тут понял, что Машка не отвечает на поцелуй. Если до этого она пыталась, пусть суматошно и невпопад, но это можно было списать на отсутствие опыта, то теперь она застыла и стала отклоняться, едва не укладываясь на стол. Димка по инерции потянулся за ней, и только когда Машка вцепилась в его плечи мертвой хваткой и разорвала поцелуй, он замер и открыл глаза.

Машка загнанно дышала и смотрела на него с таким ужасом, будто случилось что-то страшное.

— Не надо, пожалуйста, Димочка, не надо!

В первый раз в жизни она назвала его «Димочкой». Димка выпрямился и сделал шаг назад.

— Прости, я слишком быстро, да?

Его футболка на плече, в которое Машка вцепилась, не выпуская тряпки, промокла. Димка вытащил из ее победившего кулака влажную тряпку и отнес ее в раковину. Когда он повернулся к Машке, та спрыгнула со стола так стремительно, что перевернула табуретку, и бросилась прочь из кухни. Димка рванул следом.

Машка забежала в свою комнату и попыталась закрыть дверь. Димка не позволил. Его тело действовало на автомате, в то время как в мозгу горела сигнальная лампочка: что-то случилось! Он накосячил!

— Не трогай меня, пожалуйста.

Голос Машки звучал так жалобно, что Димку едва не стошнило от осознания, что она его реально боится.

— Маш, ты что? Я, конечно, псих, но не маньяк же.

Машка даже не улыбнулась. Отступила к окну и отдернула тюль, будто собиралась прыгать.

— Маш, ты рехнулась? Отойди от окна. Пятый этаж.

Он шагнул вперед, но Машка реально ухватила за ручку на раме. Димка бросился к ней и, схватив ее поперек туловища, оттащил прочь от окна. Машка брыкалась и вырывалась вполне серьезно. Засветила локтем ему в подбородок с такой силой, что у него из глаз посыпались искры. Бросив Машку на кровать, Димка отступил к окну, перекрывая к нему доступ. Машка отползла к стене и обтянула подол платья, прикрывая колени. Она тихонько всхлипывала и не смотрела в его сторону.

— Так, успокоились оба! — объявил Димка и потер лицо ладонями.

Машка шмыгнула носом и потянула на себя покрывало с кровати.

— Маш, я не собирался ничего делать. Я просто... Черт, я просто тебя поцеловал.

Машка икнула.

— Маш, я не собирался ничего тебе делать. Услышь меня! Дальше поцелуя не зашло бы.

Мигрень вернулась. Димка отступил ближе к окну, чтобы сойти с ковра, в случае если у него опять пойдет носом кровь.

— Зачем ты?.. — прошептала Машка.

Он с усилием усмехнулся, не зная, как ответить на этот вопрос. Придумывать что-то внятное прямо сейчас не было сил, а правда заключалась в том, что он решил доказать, что он лучше Крестовского, классный парень и вообще... Но звучало это так тупо, что вслух Димка произнес:

— Не знаю.

Машка нервно рассмеялась. Смех перешел во всхлип.

— Уходи, Дим. Пожалуйста, — негромко попросила она.

— Хорошо, — кивнул Димка и вышел из комнаты.

Стараясь не делать резких движений, он забрал из кухни толстовку, оделся, обулся и успел снять с крючка куртку, когда Машка все-таки вышла его проводить.

Она стояла чуть в стороне, глядя на него настороженно, будто он вправду был маньяком.

— Ничего бы не было, — устало сказал Димка.

— Не делай так больше, — попросила Машка.

— Не буду, — непослушными губами усмехнулся Димка. — Давай сделаем вид, что я не приезжал. Букет можешь выкинуть в окошко.

Ему самому казалось, что он говорит заторможенно, будто пьяный. Оставалось надеяться, что со стороны это так не выглядело.

Машка тоже усмехнулась и покачала головой:

— Букет красивый, и он ни в чем не виноват.

— Ладно, — через силу улыбнулся Димка.

Что-то объяснять было бессмысленно. Надеяться на прощение — тоже. Впрочем, об одном он не мог не спросить:

— Почему ты так шарахнулась? Ты вправду решила, что я могу?..

Договорить не получилось. Слишком дико это звучало.

— Нет. Я просто испугалась, — быстро ответила Машка, и Димка понял, что она соврала.

Глава 22

Ты — тот, кто может ошибки исправить.

К приходу Димки Маша решила нарядиться. В ее гардеробе было несколько простых летних платьев, которые она ни разу не надевала на улицу. Мама долгое время не оставляла попыток сделать из Маши настоящую девочку.

Маша придирчиво выбирала между легкомысленным светло-голубым платьем в цветочек и строгим в клеточку. Наконец выбор пал на последнее. Хотелось выглядеть не кокетливо, а женственно. Маша подкрасила ресницы, сбрызнула запястья духами, стараясь не думать о странности того, что делает. Никогда она не готовилась к встрече с Димкой как к свиданию. Не то чтобы она решила последовать маминому совету и начать творить с ним глупости, просто вдруг подумала, что с Димкой нужно объясниться, помириться и прийти к какому-то решению. А еще, признаться, надеялась, что, увидев ее в платье, Волков отнесется к ней со снисхождением. Вдруг не будет сильно уж орать из-за дурацких фоток?

Когда Димка объявился на ее пороге с цветами, Маша настолько обалдела, что не сразу заметила, как паршиво он выглядит. Пока он помогал ей накрыть на стол, Маша пыталась представить, что они женаты и Волков, болтающийся рядом на кухне, — часть ее будущей жизни. Это не пугало, но было определенно странным. И лишь когда он сел за стол, Маша наконец набралась смелости посмотреть прямо на него. Тут-то она и увидела, насколько Димка был бледным. Это означало, что у него снова был приступ мигрени. И, судя по тому, как осторожно Димка двигался,

приступ не прошел до конца. Зачем же он приехал? Неужели просто потому, что им нужно поговорить?

От этого стало немного страшно. Димка с цветами, с ее любимыми круассанами...

Они молча пили чай, и Димка не спешил начинать разговор. Маша не выдержала тягостного молчания и заговорила сама.

Когда она попыталась объяснить про фото, Димка вдруг отодвинул чашку и потер лицо ладонями. Маша приготовилась к тому, что он сейчас взорвется, однако он молчал, глядя в стол, и Маша зачатила, стараясь быстрее рассказать про то, что ничего у нее с Крестовским не было и на фото все выглядело вообще не так, как было на самом деле.

— Маша, он тебе нравится? — неожиданно спросил Димка, подняв на нее взгляд.

Маша запнулась на полуслове и, к своему ужасу, поняла, что ее щеки пылают. В ее голове был однозначный ответ на этот вопрос, но Димка же не поймет, что в ее «да» нет двусмысленности. Крестовский правда оказался классным, но это ничего не значило.

Когда она попыталась донести это до Димки, вышла какая-то ерунда. Во всяком случае, Димка пробормотал:

— Не любила за компанию, а полюбила без компании.

Машу будто окатило кипятком. Она возмутилась, принялась объяснять, что он неправ, но снова выходила ерунда. И не потому, что она влюбилась, нет, конечно, а потому что словами объяснить это было очень сложно. Тем более Димке.

А потом случился ее первый поцелуй.

Маша даже подумать не могла, что Димка сотворит такое. То есть она предполагала, что однажды это может произойти. Представляла, как это будет. Раньше представляла чаще, потому что долго не могла понять сути их отношений, а в последние месяцы успокоилась на том, что у них просто дружба, хоть и слишком странная на вид. И вот теперь Димка ее поцеловал.

Это было совсем не так, как в ее воображении. Она ожидала чего-то нежного и бережного, но Димка будто

слетел с катушек. Маша не успела решить, как ей быть: оттолкнуть ли его или дожидаться, пока все закончится, а потом уже объяснить, что так не нужно, что она не готова... Она решила, что все же объяснит, когда он наконец остановится. То, что будет как-то по-другому, она даже представить не могла, поэтому позволила себе ответить на его поцелуй. Было странно. Главным образом потому, что это был Димка. Сердце колотилось в груди, но осознание того, что это ее Димка, немного успокаивало. В голове даже успела оформиться мысль, что все не так уж и страшно, и, возможно, мама права насчет Димки. Возможно, так вправду будет лучше для всех.

Все изменилось, когда он вдруг почти забросил ее на стол. В мозгах у Маши перешелкнуло. Это уже не было просто поцелуем. В фильмах такое заканчивалось сексом. Маша в панике отстранилась, однако Димка продолжал ее целовать. Задыхаясь от ужаса и унижения, она начала умолять его остановиться, а в голове билась единственная мысль — бежать.

Когда он ввалился в ее комнату, Машу накрыл животный ужас. Плакать уже было не стыдно и не страшно. Вспомнился мерзкий бабушкин сосед. Она, конечно, не стала бы прыгать с пятого этажа, но зачем-то шарахнулась к окну и даже схватилась за ручку. Димка все это время убеждал ее, что бояться нечего, но она больше не верила.

Когда он схватил ее в охапку и прижал спиной к себе, Маша начала отбиваться, с ужасом понимая, что мама была права. Все они одинаковые, эти избалованные мажоры, независимо от того, как ты к ним относишься. Мелькнула мысль: «Смог бы так поступить Крестовский?» Еще день назад Маша была уверена, что нет. Впрочем, она и в Димке была уверена. Настолько, что даже надела чертово платье. Наивная дура!

Когда она полетела на кровать будто мешок картошки, стало почти все равно. Хотелось, чтобы это уже поскорее закончилось. Однако Димка неожиданно отошел к окну и резко произнес:

— Так, успокоились оба!

Он снова говорил, что ничего бы не было, просил прощения. Маша же, укрывшись покрывалом, бросала на него затравленные взгляды и никак не могла перестать всхлипывать. Сейчас она понимала, что ничего страшного точно не случится. Димка уже был похож на самого себя. Только дышал тяжело, и губы у него были очень бледными. Хотя на кухне после поцелуя они были красными. Маша почему-то обратила на это внимание.

— Маш, я не собирался ничего тебе делать. Услышь меня. Дальше поцелуя не зашло бы, — снова повторил Димка.

Маша смотрела на него и понимала, что ей хочется умереть прямо сейчас, потому что жизни без Димки, к которому так привыкла, она просто не представляла. Но как сделать вид, что ничего не случилось, не представляла тоже.

Она — чертова неудачница. А он — псих, который сам не ведает, что творит. Или ведает?

— Зачем ты?.. — спросила Маша, вглядываясь в его лицо.

Он долго молчал, потирая висок, и в Маше против воли начало подниматься привычное сочувствие.

— Не знаю, — наконец сказал он.

Маша закрыла глаза. Не знает? То есть типа такой прикол?

— Уходи, Дим. Пожалуйста, — попросила она, моля про себя, чтобы он не стал спорить.

И он не стал.

Маша все же нашла в себе силы выйти его проводить. Впрочем, подойти не решилась. Смотрела на него из коридора, отстраненно отмечая, что он стал двигаться еще осторожнее. Но жалко его уже не было. Было очень жалко себя и их дружбу.

— Ничего бы не было, — устало сказал Димка, но Маша ему не поверила.

А перед самым уходом он окинул ее взглядом и вдруг спросил:

— Почему ты так шарахнулась? Ты вправду решила, что я могу?..

Машино сердце гулко стукнулось в груди. В эту секунду она поняла, что никогда не смогла бы рассказать ему про

бабушкиного соседа, потому что Димка был из тех, кто мог сказать: «И что такого? Плюнь, разотри и забудь» или же «Сама виновата».

— Нет. Я просто испугалась, — поспешила ответить Маша.

Димка посмотрел на нее внимательным взглядом, а потом кивнул сам себе и, не прощаясь, ушел.

Маша снова расплакалась.

Она стояла у окна и смотрела на то, как он вышел из-под козырька подъезда, натянул на голову капюшон и пошел по тротуару. Его машины нигде не было видно. Жалость к нему мешалась в ней с разочарованием и жалостью к себе. Если бы можно было отмотать время назад, Маша предпочла бы, чтобы сегодняшнего дня не было.

Она переделалась в шорты и футболку и попыталась сесть за конспекты, но в голову ничего не лезло. Думать о случившемся было тошно. Очень хотелось, чтобы кто-то сказал, что дело не в ней, не в чертовом платье, не в духах... И так вышло, что на свете был только один человек, который мог ее утешить, потому что, кроме него, никто не знал ее секрета.

Вытерев вновь побежавшие слезы, Маша взяла телефон и открыла чат с Крестовским. Ее вчерашнее сообщение все еще висело непрочитанным. Неужели он до сих пор с Шиловой? Или же потерял телефон? Или же проводит выходные с отцом? А может, в гости приехала мама? Маша с ходу придумала кучу оправданий, потому что идея про Шилу ей не нравилась. Она хотела, чтобы ее утешили, а Шилова в эту картину не вписывалась.

Отдавая себе отчет в том, что ведет себя не очень порядочно, Маша набрала Крестовского. Она ждала, пока гудки не прекратились. Крестовский трубку не взял. Маша вновь попробовала заниматься, но лежавший рядом телефон отвлекал внимание на себя.

Маша проверила «Фейсбук». На странице Крестовского была тишина. И на странице Шиловой, удивительное дело, последним висело фото с посещения выставки кошек. А как же «ни дня без фоточки себя любимой»?

Пока Маша паялилась на экран, телефон зазвонил, но, увы, оказалось, что это мама, которая предупредила, что будет позже.

Поговорив с мамой, Маша поняла, что дома находиться просто не может. Одевшись и взяв зонтик, она отправилась в сторону университета. Да, ей нечего было там делать воскресным днем. Она, конечно, могла бы придумать повод, например посещение библиотеки или же консультацию у преподавателя, которые порой назначались на выходные, но сама-то прекрасно знала, что, выйдя из метро, пойдет не в сторону универа, а в сторону дома Крестовского.

У современной высотки курил консьерж. Маша поздоровалась и набрала на домофоне номер квартиры Крестовского. Было немного стыдно, но после того, что она пережила дома, теперешний стыд казался не самым страшным чувством на свете. Она представила себе Крестовского с еще не до конца сошедшими синяками, домашнего, со складкой на лбу, которая прорезалась, когда он сочувственно изгибал брови, и призналась самой себе, что он ей нравится. И ему она доверяет.

Домофон пиликал, но Крестовский не спешил отвечать. Маша сбросила звонок и набрала номер его квартиры еще раз.

— В сто девятнадцатую? — лениво спросил консьерж, оглядывая Машу с головы до ног.

— Да, — ответила она, стараясь не ежиться под неприятным взглядом.

— Нет его. Уехал еще с утра.

— А когда вернется, не знаете? — зачем-то спросила Маша.

— Не доложил, — ответил мужчина и подошел к двери.

Маша шагнула в сторону. Приложив магнитный ключ к замку, консьерж обернулся к Маше:

— Ждать будешь?

Маша прикинула, что ей придется сидеть с этим чело-веком, и помотала головой.

— Ну, как знаешь, — пожал плечами мужчина и скрылся в подъезде.

Немного погуляв под дождем, Маша отправилась домой. На душе было тоскливо.

Дома мама встретила вопросом про цветы. По ее лицу было видно, что огромный букет роз явно произвел впечатление.

— Это Димка заезжал, — уклончиво ответила Маша, разуваясь.

— А с каких это пор Димитрий к нам с цветами заезжает?

Маша вздохнула, понимая, что мама не собирается отставать:

— Он просто накосячил и приехал извиняться.

— Это как же надо было накосячить, чтобы таким букетом извиняться? Или я чего-то не знаю? — прищурилась мама.

— Ой, мам, мы просто не разговаривали неделю. Он там себе чего-то сам придумал, сам обиделся, а к выходным прозрел, — соврала Маша. — А букет этот ему купить, как мне — жвачку, сама же понимаешь.

Взгляд мамы стал внимательным. Было видно, что Маше не удалось усыпить ее бдительность, поэтому, предвосхищая вопросы, она быстро обозначила свои планы:

— Мне еще реферат дописывать и «Театр» твой читать. Потом поговорим, ладно?

Маша быстро чмокнула маму в щеку и убежала в свою комнату. Развесив на холодной батарее мокрые джинсы, она загрузила ноутбук. На «Фейсбуке» не было никаких изменений. Кроме того, что Димка неожиданно был онлайн. Маша открыла его страничку и долго смотрела на аватарку. Димка здесь был в толстовке с наброшенным на голову капюшоном и походил то ли на рэпера, то ли на шпану из соседнего двора. Она снова вспомнила случившееся, и опять захотелось плакать. Как быть без Димки, Маша так и не придумала.

Пока она разглядывала его фотку, телефон пиликнул сообщением.

«Привет», — написал Димка.

Маша тут же отбила: «Привет».

«Как ты»

«?»

«Хорошо».

«Машка, я идиот и псих, но я не хотел тебя обидеть».

Маша долго смотрела на эту строчку, а потом нажала на вызов.

Димка ответил сразу же.

— Маш.

— Я не знаю, как быть дальше, — неожиданно для самой себя честно сказала Маша.

— Я знаю, — без паузы ответил Димка. — Я все исправлю. Обещаю. Все будет как раньше. Можешь при встрече дать мне в нос.

Маша усмехнулась.

— В нос, которым ты шмыгаешь?

— Тут дождь.

— Ты на улице?

— Ага.

— Ты, как от меня ушел, так и гуляешь?

— Ага.

— Дим, ты дурак? Ты даже без зонтика!

Маша ничего не могла поделать, режим заботы об этом придурке включился автоматически. Она сразу вспомнила, в каком состоянии он был утром.

— Я часа полтора в кафешке провел. Не ругайся. Хотя... лучше ругайся. Мне нравится, — добавил он, и это почему-то прозвучало двусмысленно. Димка, вероятно, сам это понял и быстро проговорил: — В смысле, мне нравится, что ты со мной говоришь, что тебе не все равно.

Маша вздохнула и поняла, что Волков — это все-таки ее карма. Чем она только такое заслужила?

— Дуй домой и погрейся в теплой ванне.

Димка опять шмыгнул носом и негромко сказал:

— Маш, спасибо. Я очень испугался сегодня, что ты больше никогда со мной не заговоришь. Ты только говори, ладно? Всего другого можно не делать, а это...

— Господи, Волков, — простонала Маша, чувствуя, что щеки вновь пылают от неловкости, — хватит уже, а? Красноречие — не твой конек. То есть твой, но только когда ты девочек на вечеринках развлекаешь.

— Крестовский даже на вечеринках развлекать не умеет, — пробурчал Димка и тут же добавил: — Прости.

— Дим, я вас не сравниваю. Мне все равно, что умеет Крестовский на вечеринках. Он — это он, а ты — это ты.

Димка молчал так красноречиво, что Маша сразу поняла: он хочет спросить, кто же из них лучше. Ну восемнадцать лет уже! Когда это тупое ребячество выветрится?

— Поезжай домой. Завтра увидимся, — сказала Маша.

— Хорошо. Пока.

Маша вздохнула и отложила телефон. От разговора с Димкой стало чуть легче. Получалось, что он готов попробовать общаться как раньше. Вопрос в том, готова ли она. Забота и волнение о нем никуда, оказывается, не делись, но что делать со страхом?

Маша вздохнула и открыла файл с рефератом. Тот сам себя не сделает. К счастью, учеба как средство от ненужных мыслей по-прежнему действовала.

Вечером, вернувшись из ванной, Маша увидела значок сообщения в мессенджере и пропущенный вызов. Сообщение, к ее разочарованию, оказалось от Димки. Он спрашивал, какую главу «Театра» читать. Маша поняла, что вопрос — просто повод, потому что они читали текст подряд и прочесть одну лишнюю главу для Димки, который учился в английской школе, было плевым делом. Однако Маша ответила и пожелала ему спокойной ночи. Будучи уверенной, что звонок был тоже от Димки, Маша едва не отложила телефон, но что-то дернуло ее посмотреть. Сердце тут же оборвалось, а желудок сжался. Крестовский звонил семь минут назад. Маша посмотрела на часы. Было без пяти десять. Надеясь, что Крестовский не успел отрубиться за семь минут, Маша набрала его номер.

Крестовский ответил только на пятом гудке.

— Маша, добрый вечер. Извини, что поздно, — сказал он так, будто это не она ему звонила. — Я раньше не мог.

— Неважно. Все в порядке, — заверила Маша и замолчала, не зная, что еще сказать.

Конфликт с Димкой вроде как пока разрешился, эмоции схлынули, и желание немедленно вывалить на Крестовского

очередные свои проблемы поутихло. Все-таки здорово, что его не оказалось дома.

— Ты написала, что поговорила с мамой, — прервал паузу Крестовский.

Маша поймала себя на мысли, что он говорит как-то странно.

— Да, — ответила она. — Мы помирились и все выяснили. Думаю, теперь проблем не будет. И с нашим с тобой общением, и вообще, — добавила она и покраснела, потому что вдруг поняла, что навязывается. Крестовский ведь ни разу не говорил, что ему нужно общение с ней, не говоря уже обо всем прочем.

— Оу, это отличная новость, — попытался изобразить воодушевление Крестовский.

Именно попытался, как заметила Маша. А еще она вдруг поняла, что с ним не так: он говорил сейчас медленнее обычного. А еще у него опять прорезался акцент, который был отчетливо слышен в некоторых звуках в первые месяцы его пребывания здесь.

Маша почувствовала, что сердце тревожно сжалось от нехорошего предчувствия.

— Рома... — начала она, но на заднем плане раздался звон стекла, и Крестовский негромко выругался по-английски. — Что случилось? — испуганно спросила Маша.

— Разбился этот... в который чай наливают.

— Стакан? — нелогично предположила Маша, хотя чай в стакане видела только в поездах, а Крестовский, наверное, вовсе никогда не видел.

— Чайник. Чайник заварочный, — вспомнил название Крестовский.

— Ты не поранился? — встревоженно спросила Маша, потому что заторможенный Крестовский, забывающий слова, начинал всерьез ее пугать.

Он ответил не сразу, и Маша успела напридумывать страшное. Когда же он заговорил, короткий всплеск облегчения вновь сменился в ней тревогой:

— Нет. Я не поранился. Все хорошо. — Крестовский судорожно вздохнул, будто ему не хватало воздуха.

Маше в голову вдруг пришла мысль о суициде. Минувшим летом мама подсунула ей ролик со статистикой. Маша тогда пару недель не могла перестать названивать Волкову с проверками его настроения. То, что она будет думать о подобном в отношении Крестовского, было каким-то сюрреализмом.

— Рома, пожалуйста, скажи, что у тебя случилось?

— Все хорошо. Правда, — быстро ответил Крестовский.

— Рома! Ты не умеешь врать.

— Я просто устал, Маша. Не спал почти. Поэтому тор-
можу.

— Ты ничего не принимал? — напрямик спросила Маша.

К ее ужасу, правильный до мозга костей Крестовский сразу понял, о чем она, и негромко хмыкнул:

— Нет, мысли приблизить собственные похороны у меня пока не возникало, если ты об этом.

— Пока?

— Не лови меня на формулировках, пожалуйста. Я правда устал.

Маша легла на кровать и облегченно закрыла глаза. Усталость — это ничего. С этим они справятся.

— Я могу тебе помочь?

Крестовский снова надолго замолчал.

— Можешь ответить на английском, если тебе совсем сложно. Смею надеяться, что пойму.

— Да поймешь, конечно, — сказал он на русском. — Ты хорошо говоришь.

Маше против воли стало приятно, потому что одно дело — слышать оценку мамы, а совсем другое — когда тебе говорит носитель языка.

Крестовский же снова вздохнул и произнес:

— Нет. Мне помощь не нужна. Я в норме. Просто посплю.

— Хорошо, — не стала настаивать Маша, понимая, что готова сорваться к нему, чтобы подержать за руку так же, как он держал ее вчера. — Спокойной ночи, Ром.

— И тебе, — отозвался Крестовский и первым отключился.

— Увидимся завтра, — произнесла Маша в уже замолчавший телефон.

Тревога никуда не делась, но она успокаивала себя тем, что из Крестовского правда никудышный лгун, а значит, ничего непоправимого действительно не случилось.

Утро показало, что успокоилась Маша рано. И если с Волковым, позвонившим, когда она подходила к универу, и хрипло сообщившим, что он с температурой и потому не придет, все было понятно: Маша привычно отругала его за наплевательское отношение к здоровью и пообещала позвонить после учебы, то вид Крестовского, явившегося на занятие через десять минут после начала лекции, заставил Машу вспомнить все вчерашние тревоги.

Крестовский, извинившись за опоздание, занял свое место, и Маша поняла, что на сегодняшней лекции можно поставить крест, потому что слушать преподавателя она больше не сможет. Все ее внимание обратилось к Крестовскому.

Тот выглядел почти как Димка в его самые плохие дни: бледный и заторможенный. К тому же, если Маше не померещилось, к не до конца сошедшим синякам под глазами добавился синяк слева на подбородке. Поскольку Крестовский сидел к ней правым боком, убедиться, так ли это, во время лекции не представлялось возможным.

Маша отдавала себе отчет в том, что он прекрасно чувствует ее взгляд, однако за всю лекцию он ни разу не посмотрел в ответ. Пялился на препода, в окно, на пустое место Шиловой — куда угодно, только не на Машу. А стоило прозвенеть звонку, как он вылетел из аудитории с такой скоростью, будто от этого зависела судьба вселенной. Маша даже решила, что ему стало плохо и он не придет на следующую лекцию. Однако он пришел, опоздав на пару минут, снова, извинившись, уселся на свое место и игнорировал ее взгляды до конца лекции.

Где-то к середине второй пары Маша окончательно убедилась, что Крестовский — такой же придурок, как и Волков. Трюк с приходом после звонка и поспешным побегом в конце занятия он проделывал так упорно, что посчитать

это случайностью могла бы только полная дура. Маша душой не была, поэтому отправила Крестовскому сообщение:

«Если ты бегаешь от меня, то выдохни. Я не буду тебя дергать».

Честно признаться, ей было дико обидно это писать, потому что одно дело — когда демонстративно молчит Волков, у которого, как выяснилось, был повод, и совсем другое — когда так же ведет себя Крестовский, который еще вчера желал спокойной ночи, а позавчера держал за руку и утешал. Нажимая «отправить», Маша чувствовала опустошение. Дураки эти мальчишки. Все как один.

На парте Крестовского завибрировал телефон. Схватив его, Крестовский включил беззвучный режим и только после этого открыл сообщение. Маша не стала проявлять тактичность и отворачиваться. Наоборот, она внимательно следила за его реакцией.

Крестовский прочитал сообщение, провел рукой по волосам, взъерошивая их еще сильнее, чем обычно, и наконец посмотрел на Машу. Впервые за день.

Она оказалась права: на его скуле был синяк. А еще во взгляде было что-то такое, что заставило Машу вопросительно приподнять брови, хоть она и обещала себе на него не реагировать.

Крестовский еще раз взъерошил волосы и, тихо встав, вышел из аудитории.

Маша настолько обалдела, что едва не вышла следом, однако вовремя опомнилась. Мокрова, подруга Шиловой, уже и так смотрела на нее с подозрением, хотя Маша понимала, что вряд ли в представлении Мокровой принцип Крестовский может иметь что-то общее с простушкой Машей.

На телефоне высветилось сообщение от Крестовского: «Спасибо!»

А потом — еще одно: «Извини, я не хотел бы разговаривать».

Маша несколько секунд смотрела на экран телефона, а потом, уже ничего не соображая, набрала: «Что случилось?»

«Это личное. Извини еще раз», — ответил Крестовский, и Маше стало до того обидно, что на глаза едва не навернулись злые слезы. Она достала из сумки бутылку воды, сделала глоток и глубоко вздохнула. Выходит, в его понимании, то, что она рассказывает личное, — это нормально, а когда дело касается его...

Впрочем, злость быстро сменилась стыдом. Ведь это она сама свалилась ему на голову со своими проблемами, внесла напряженность в его отношения с Шиловой, заставила его оправдываться перед его отцом, перед своей матерью, даже перед Волковым. По всему выходило, что у него есть миллион поводов ее избегать.

Маша быстро отбила «извини» и убрала телефон в сумку.

Крестовский вернулся в аудиторию спустя несколько минут. Челка и волосы на висках у него были мокрые, а еще, когда он остановился и поднял листок Мокровой, упавший в проход, Маша заметила, что костяшки на его правой руке в ссадинах и синяках. Ее план — вспомнить про гордость и оставить Крестовского в покое — рассыпался в прах.

Глава 23

Я позволяю себе сомневаться.

Сон никак не шел. Мозг наконец включился, и Роман принялся вновь и вновь прокручивать в голове драку. Он не мог восстановить ход событий — память зафиксировала все вспышками, однако прекрасно понимал, что, будь его противники трезвее, он лежал бы сейчас в лучшем случае в больнице, а в худшем — в морге. Когда искали Димкиных родителей, отцу пару раз приходилось ездить на опознания. Возвращался он оттуда всегда мрачным и молчаливым. Роман на миг представил, что в этот раз отцу пришлось бы опознавать его, а потом сообщать об этом маме, своим родителям, деду... От такой перспективы Романа даже затошнило. Сколько проблем могло бы быть из-за одной драки.

Впрочем, еще ничего не закончилось. Любой из тех, кого Роман вчера ударил, мог заявить в полицию, и по камерам проще простого будет установить, что драку начал именно Роман. Отец, понятно, его отмажет, но Роману жутко не хотелось давать ему повод считать сына ничтожеством, от которого одни проблемы.

Отец вообще почему-то считал, что Роман может попасть под влияние дурной компании, вляпаться во что-то противозаконное, что у него нет четкой цели и он понятия не имеет, чего хочет от жизни. Жаловался на то, что это — бич современных детей, мол, все у них есть, ни к чему стремиться не нужно. Перед переездом они обсуждали это сотни раз. Роман давал слово, что проблем с ним не будет, но отец, кажется, не верил. Роману это было неприятно. Да, возможно, у него не было цели и он плыл по течению, но, что бы там ни думал отец, Роман знал, чего совершенно

точно не хочет. Еще в школе на примере своих друзей он видел, что алкоголь и дурь ведут к деградации. Поэтому он, даже якобы склонный попадать под влияние, не собирался бухать и нюхать всякую дрянь. Вот только отец вряд ли будет разбираться в таких тонкостях. В их семье существовали четкие правила. Драка в общественном месте и проблемы с законом эти правила нарушали. Чего теперь ожидать от отца, Роман не знал. Пожалуй, единственный человек, на поддержку которого он мог рассчитывать, — это английский дед. Тот сам был не прочь подраться в молодости. Бабушка часто вспоминала, как он ввязывался в драки, стоило кому-то не так на нее посмотреть.

Беда в том, что на Юлу не просто посмотрели, судя по ее состоянию, этот урод ее ударил. И ладно, если просто ударил, а если... Мысль о том, что Юлу, хрупкую, фарфоровую Юлу, кто-то мог силой к чему-либо принудить, вызывала ярость. А следом за яростью шло чувство вины. Если бы он нашел правильные слова, когда Юла приехала к нему и застала тут Машу, если бы он все же отвез ее... Если бы, черт побери, просто чаще говорил ей, какая она красивая и классная, то случившегося можно было бы избежать.

Бесконечные «если» водили в голове хороводы, напрочь лишая сна. Роман в раздражении сел на постели и откинул одеяло. Стертое колено защипало.

Поняв, что уснуть не суждено, Роман выпил кофе и включил какой-то бессмысленный американский боевик. Ему не был присущ снобизм многих англичан, не любящих американские язык и культуру. Кто он такой, чтобы бороться за чистоту крови? Однако когда на экране появился русский персонаж в нелепой одежде и с идиотским именем и начал произносить набор почти никак не связанных друг с другом русских слов, Роман, скривившись, выключил. Он пробовал читать, но глаза быстро заболели. Отложив «Театр», Роман снова уставился в потолок. Очень хотелось позвонить Юле, но на часах была половина четвертого утра, и он боялся ее разбудить.

В конце концов Роман нашел в Сети шум океана, запустил трек на повтор и вывел его на блютус-колонку. Под шум

волн и крики птиц Роман начал было задремывать, но измотанный мозг не желал сдаваться и запустил процесс размышления над тем, чайки это кричат или альбатросы. К счастью, так и не определившись с ответом, он все же задремал.

В семь пятнадцать разорался будильник, который он забыл отключить на выходные. Застонав, Роман выключил будильник, а заодно и звук океана и решил еще поспать, но, когда при попытке повернуться на другой бок плечо и колено отозвались болью, он сразу вспомнил случившееся вчера. Сон слетел, и Роман схватил телефон, чтобы проверить, не звонила ли Юла. На экране светилось лишь одно непрочитанное сообщение от Маши. Он не стал открывать чат.

Кое-как приняв душ, Роман приготовил омлет. Есть совсем не хотелось, но он вчера так и не поужинал, а уморить себя голодом было бы слишком мелодраматично. За завтраком он просмотрел результаты матчей в английской Премьер-лиге, пролистал френдленту на «Фейсбуке» и отправил Стиву поздравление с днем рождения. Но, как ни старался он отвлечься привычной активностью, сердце подлетало к горлу, стоило подумать о Юле, а время, как назло, тянулось нестерпимо медленно. Так медленно, что хотелось запустить чашкой с горячим кофе в настенные часы. Роману было страшно. В первую очередь потому, что в случившемся была и его вина.

Когда он садился в машину, часы показывали половину девятого. Юла наверняка спала, но Жанна Эдуардовна была ранней пташкой, хоть и кокетливо говорила, что у нее старческая бессонница, на что галантный Роман всегда возражал, что в ее возрасте и слова-то такого еще знать не положено.

Жанна Эдуардовна открыла почти сразу. В квартире пахло кофе и еще чем-то, резко и неприятно.

— Проходите, Роман, — ничуть не удивилась его визиту Жанна Эдуардовна.

Роман, поблагодарив, стянул куртку и шепотом спросил:

— Как Юля? Она вам что-нибудь рассказала?

— Рассказала, Роман, — не понижая голоса, ответила Жанна Эдуардовна, и Роман бросил опасливый взгляд на длинный коридор. Дверь в комнату Юлы была закрыта, но все равно

ему не хотелось шуметь. Сон, как говорила русская бабушка, — лучшее лекарство.

— Насколько все плохо? — прошептал он. — Мне она ничего не сказала и...

— Пойдемте на кухню, — ответила бабушка Юлы.

Роман пошел за ней, отметив, что впервые видит, чтобы великая актриса так неграциозно двигалась, будто она не на сцене и даже не в примерке. Словно спектакль давно закончен.

Будь Роман не таким усталым, вероятно, удивился бы пафосу, который генерировал его мозг в это утро.

В кухне резкий запах чувствовался особенно сильно. На столе Роман увидел пузырек с надписью «настойка пустырника». Жанна Эдуардовна тут же убрала флакончик в шкафчик и повернулась к Роману. Тот взглянул на ее лицо и обеспокоенно спросил:

— Вам плохо?

Рука сама собой потянулась за телефоном, чтобы набрать «девять-один-один».

— Садитесь, Роман. — Голос Жанны Эдуардовны прозвучал непривычно сухо.

Терзаемый дурными предчувствиями Роман сел и снял очки, потом снова их надел.

Жанна Эдуардовна устроилась напротив и некоторое время молча на него смотрела. Роман предсказуемо не выдержал:

— Что с Юлей? Я могу с ней поговорить?

— Не можете, — отрезала Жанна Эдуардовна неожиданно неприязненным тоном.

— Почему? — Роман откинулся на спинку диванчика и автоматически скрестил руки на груди. Отступить просто так он не собирался.

— Потому что ее здесь нет.

— Как нет? — Сердце ухнуло в пятки.

— Она в больнице.

Роман снял очки и положил их на стол. Лицо Жанны Эдуардовны потеряло четкость, зато теперь можно было уткнуться в ладони.

Почему он не убил вчера этого подонка? Господи, как жить-то теперь с этим?

Роман понял, что раскачивается, как маятник, вперед-назад, и с усилием остановился.

— Насколько все плохо? — спросил он, не отнимая ладоней от лица, и без паузы добавил: — Я хочу ее увидеть.

— К ней не пускают, — тон бабушки Юлы смягчился.

Роман убрал ладони и решительно надел очки.

— Что я должен сделать, чтобы пустили?

— А зачем, Роман? — Жанна Эдуардовна смотрела прямо в его глаза.

— Я должен быть с ней рядом.

— Вы так ее любите? — по ее голосу было слышно, что она не верит в такую возможность.

Роман открыл было рот, чтобы сказать «да», но вдруг понял, что бабушку Юлы ему обмануть не удастся, поэтому он сказал:

— Я чувствую ответственность.

Жанна Эдуардовна кивнула, словно и не ожидала другого ответа, и, тяжело опершись на стол, встала.

Роман тоже поднялся, но она махнула рукой с почти обычной своей царственностью и произнесла:

— Не прыгайте, Роман. Я просто сварю нам кофе.

Пока варился кофе, они молчали. Роман смотрел в окно на соседнюю высотку и радовался тому, что тошнотворный запах лекарств наконец-то стал почти неразличим за ароматом кофе.

— Вы совсем не подходите Юлии, Роман.

Жанна Эдуардовна с тихим стуком поставила перед ним чашку.

— Прошу прощения? — поперхнулся воздухом Роман и, спохватившись, добавил: — Спасибо за кофе.

— Вы слишком правильный, — как ни в чем не бывало продолжила свою мысль бабушка Юлы. — Когда вы только появились, видит Бог, я обрадовалась, потому что Юлька совсем с ума сходила. Клубы эти, гонки по ночной Москве...

— Гонки? — обалдел Роман.

— Она на тот момент водилась с компанией стритрейсеров. Мы с ужасом ждали, когда она сама права получит. Без прав ее уже ловили. А после одной из аварий — к счастью, без жертв — отец запретил ей садиться за руль. Она, что удивительно, согласилась. Это потом я уже поняла, что в тот момент в ее жизни появились вы.

Роман вновь снял очки и потер лицо. Складывалось впечатление, что бабушка Юлы говорит о ком-то незнакомом. Милая и нежная Юла в плохой компании? В окружении гонщиков? Господи, каким же скучным должен был казаться ей после этого Роман! И как она могла вообще на него внимание обратить?

Жанна Эдуардовна отпила из своей чашки, не отводя взгляда от Романа. Роман запустил пальцы в волосы и сосчитал до пяти, чтобы немного успокоиться. Голова шла кругом. Обработку новой информации он решил оставить на потом, потому что сейчас он пытался выстроить логическую цепочку: Юла была в плохой компании, родные переживали — появился Роман — Юла с компанией рассталась, все наладилось — Роман Юле не подходит. Мозг просто взрывался. Впору было начать сомневаться не только в своих знаниях русского, но и в здравом смысле. Роман вздохнул и сдался:

— Жанна Эдуардовна, я понимаю, что не подхожу Юле, по вашему мнению. Не понимаю почему, но понимаю, что вы так считаете. Но давайте мы с этим разберемся немного позже? Сейчас самое главное — помочь Юле. Я готов нести ответственность. Я...

— С чего вы взяли, что это ваша ответственность?

Роман вдруг обнаружил, что театральность бабушки Юлы, которая ему всегда нравилась, начала резко раздражать. Он почти не спал последние сутки. Он предвидел проблемы с отцом и, возможно, с полицией, он сходил с ума от беспокойства за Юлу, а Жанна Эдуардовна то и дело выдерживала эффектные паузы.

— Просто скажите мне, где Юля, и я уйду, — произнес Роман, отодвигая нетронутый кофе. — Если не скажете, я все равно это выясню. Мне придется обратиться к отцу

и искать через него. Это спровоцирует определенную огласку, поэтому...

— Вы меня шантажируете?

— Нет, Жанна Эдуардовна. Я отношусь к вам с безмерным уважением, я очень благодарен вам за то, как вы меня приняли и как помогли мне в адаптации здесь. Поэтому я просто озвучиваю то, что буду вынужден сделать.

— Мальчик мой, это так наивно — надеяться на связи папы, ничего не зная о реальном положении вещей. У отца Юли связей не меньше, поверьте. Но речь сейчас не об этом. К ней не пускают даже родных. Она снова в клинике неврозов.

— Что это значит? — сглотнул Роман.

— У нее был нервный срыв. Уже третий. Теперь какое-то время она проведет в клинике, потом, скорее всего, переедет к отцу. Вопрос с учебой будет решаться позднее.

Роман потрясенно уставился на Жанну Эдуардовну. То, что Юла, бывало, рыдала после пары коктейлей и говорила, что жизнь — тлен, воспринималось им как некая особенность. Он даже думал, что это такие женские штучки, чтобы пожалели, достали луну с неба и тому подобное. А выходит, все было совсем иначе.

— Почему вы не предупредили меня раньше? — не удержался он.

— О чем?

— О том, что у нее проблемы!

Необходимость предупреждать о таких вещах казалась Роману очевидной. Жанна Эдуардовна же отрывисто рассмеялась.

— Как вы себе это представляете, Роман? Моя внучка знакомит меня с приличным мальчиком, и я тут же говорю, что она склонна к неврозам и что у нее депрессия в ремиссии? Вы бы так сделали? Впрочем, о чем я? Вы бы сделали. Вы чересчур правильный.

— Но это было бы честно. Я бы знал сразу и...

— Роман, вы мне — посторонний человек. Скажите, должна ли я была позаботиться о вашем комфорте в ущерб счастью своей внучки?

Роману понадобилось несколько секунд, чтобы до него дошло, о чем речь.

— Вы считаете, что я хотел бы знать заранее, чтобы не связываться с ней?

По лицу бабушки Юлы стало понятно, что именно так она и считает, и Роман рассмеялся, откинувшись на спинку диванчика. Смех перешел в стон. Он не понимал не только девушек, он и их бабушек не понимал.

— Если бы вы предупредили, я бы просто вел себя иначе, — пояснил он, думая о том, что его отцу тоже часто приходилось идти на компромиссы, чтобы сохранить душевное спокойствие мамы. — Я бы знал, что можно делать, а чего — нельзя, и...

— Вот об этом я и говорю. Вы не просто правильный. Вы ненормальный. Если бы я вдруг сошла с ума и предупредила вас о том, что с Юлей нужно быть очень осторожным, то вы в свои неполные восемнадцать вляпались бы в отношения, которые выжали бы вас самого. А с вашей правильностью вы бы еще и не сразу решились их разорвать. Впрочем, к счастью, моя девочка не из тех, кто стал бы долго терпеть тряпку. Она бросила бы вас сама. И очень страдала бы.

Роман, прищурившись, смотрел на бабушку Юлы и не знал, что сказать, потому что столько бреда за одну единицу времени он не слышал в своей жизни никогда. Его внутренний голос говорил, что он точно не бросил бы Юлу, если бы знал, что у нее проблемы. Отец ведь не бросал маму, когда у той были периоды плохого настроения и хандры, сменявшиеся вереницей вечеринок. Отец не бросил, а мама в итоге бросила. Роман вздохнул и подал голос:

— Я вас понял, Жанна Эдуардовна. Дайте мне, пожалуйста, название клиники и координаты врача. Если вы это не решаете, дайте мне номер ее отца.

— Опомнитесь, Роман! — повысила голос Жанна Эдуардовна.

— Я несу за нее ответственность! — тоже повысил голос Роман.

— Да уймись вы уже, Роман. Право, это неприлично — быть таким наивным в наш век. — Голос Жанны Эдуардовны вновь стал обычным. — Ответственность за Юлию несут ее родители. И я. Дело ведь не в вас, Роман, как бы вам ни хотелось обратного. Она всеми силами пыталась докричаться до отца. Он вновь женился, на девице, которая немногим старше Юльки, и она просто не может с этим смириться. Вот и привлекает его внимание всеми доступными способами. В ней живет великая актриса... В маленькой-маленькой девочке, — закончила Жанна Эдуардовна, глядя в окно.

Роман смотрел на Жанну Эдуардовну и думал, что она уже далеко не молода и что сама она все же не такая уж хорошая актриса, потому что, как бы ни хотелось ей сейчас выглядеть спокойной, ее пальцы дрожали, а уголки губ опустились вниз.

— Спасибо за кофе, — произнес Роман и встал из-за стола.

— Вы не любите Юлю, Роман, — негромко сказала Жанна Эдуардовна. — Вы хорошо к ней относитесь, заботитесь о ней. Но беда в том, что вы ее не любите. Впрочем, и это не самое страшное. Вы не любите себя, поэтому неспособны сделать счастливым кого-либо другого. И я рада, что все наконец закончилось.

Роман открыл было рот, чтобы сказать Жанне Эдуардовне, что она совсем его не знает, чтобы делать такие выводы, но в итоге промолчал. Тот, кто сказал, что в споре рождается истина, вероятно, спорил с теми, кто готов был его услышать.

Жанна Эдуардовна не вышла его проводить.

Сев в машину, Роман уткнулся лбом в сложенные на руле руки. От мыслей о Юле было тошно. Да, наверное, он ее не любил, но он был искренне уверен, что любовь ничего не значит в отношениях. Черт, да в его окружении вообще никто, похоже, никого не любил. Родители, по большому счету, жили каждый своей жизнью. Раньше Роман был уверен, что отец любит мать, но выходило, что отец просто о ней заботился. Наверное, он когда-то любил Ирину Петровну. И что? Кому от этого было легче? Ирине Петровне, которую отец бросил? Или же самому отцу? Русские бабушка и дедушка друг друга уважали, но тоже жили каждый своими

интересами. Пожалуй, лишь об английском деде можно было сказать, что он любил бабушку, потому что наотрез отказался отдавать ее в пансионат, когда она заболела, и почти три года не отходил от ее постели. Впрочем, как отличить, когда человек заботится о другом человеке из любви, а когда просто потому, что чувствует ответственность?

Роман понял, что зашел в тупик. Он не мог простить себе случившееся с Юлой. Но при этом понимал, что Жанна Эдуардовна права: дело здесь не в любви. Роман чувствовал, что не оправдал доверия Юлы, что повел себя не по-мужски. Но это означало, что он переживает не за нее, а за... себя? Открытие было крайне неприятным. Казалось, что Волков на его месте поступил бы как-то иначе. Разрулил бы все правильно, и трагедии не случилось бы.

Черт, насколько проще все было вчера в драке. Не было мыслей: любовь, не любовь, правильно, неправильно... Ты просто бил, уворачивался и снова бил. Потому что в тот момент только так можно было восстановить справедливость. Впервые Роман понял Волкова, который мог без долгих раздумий зарядить кому-то в морду.

С Волкова мысли предсказуемо переместились на Машу, и Роман это себе позволил. Глупо было отрицать очевидное: Маша ему нравилась. Впрочем, слово «нравилась» не могло вместить всего, что происходило в душе Романа, стоило ему вспомнить о Маше. Ему хотелось смотреть на нее, слышать ее голос, видеть ее улыбку. То, что он может думать вот так о Маше после случившегося с Юлой, заставило Романа постучаться затылком о подголовник сиденья. Разве заслуживает он быть хоть с кем-то из них, если позволяет себе такие мысли? Немного успокаивало то, что это были просто мысли, которые Роман не собирался никогда никому озвучивать, потому что самой главной константой этой истории был Димка. Тому наверняка тоже нравилось смотреть на Машу, слышать ее голос и видеть ее улыбку. И, как ни крути, Димка имел на это гораздо больше прав, чем ворвавшийся в его жизнь Роман, который, по словам проницательной Жанны Эдуардовны, и себя-то счастливым сделать не мог, куда уж ему пытаться осчастливить кого-то еще?

Заводя машину, Роман уже наверняка знал, что отойдет в сторону и будет в общем-то радоваться за Волкова и Машу. И у них все будет хорошо. Нужно просто все сделать правильно. Без драм и истерик. Просто дать понять и Маше, и Димке, что Маша Роману совсем не интересна. Задача не из простых, учитывая, сколько ерунды он успел натворить, но это и хорошо. Чем сложнее задачи, тем меньше времени на бесполезное самобичевание. А еще он попробует все исправить с Юлой. Если Жанна Эдуардовна права и Юла захочет порвать с Романом, он должен услышать это от нее самой. Вдруг все еще можно исправить? Он готов заботиться, оберегать. Плевать на эту любовь. Кому она нужна? А то, что психолог считает неправильным ставить чужие интересы выше своих... ну, так работа у него такая: искать неправильное в мозгах клиентов, готовых за это платить.

Непрочитанное Машино сообщение больше не вызывало раздражения. Из проблемы оно превратилось в часть стратегии. А всего-то стоило придумать отличный план. Волков обязательно такой план оценил бы. Он вообще раньше любил всякие планы и стратегии.

Роман вернулся домой и, сбросив куртку и ботинки, рухнул на спину поперек кровати. Ортопедический матрас подбросил его вверх, и содранный локоть напомнил о себе болью. Сняв очки, Роман не глядя положил их на тумбочку. Промаяхнулся. Очки упали на пол. Поднимать было лень.

В дверь позвонили. Роман вздрогнул и вскочил с кровати. Звонить сразу в дверь, а не в домофон, могли только Юла и отец. Первую вряд ли выпустили из клиники. Второго же Роман сейчас очень не хотел видеть.

Он потер лицо и не двинулся с места. Звонок стих, и Роман перевел дух, однако выяснилось, что рано. Послышался щелчок замка, и отец распахнул дверь. Он сразу увидел Романа, да и кто не увидел бы почти двухметрового парня?

Отец убрал ключи в карман. Сбросил ботинки и молча прошел на кухню, достал бутылку воды из холодильника, потом зачем-то включил чайник. Роман стоял и не знал, что сказать. Было отчего-то очень стыдно.

Налив воды в стакан, отец залпом его опустошил, потом скинул куртку и, повесив ее на спинку барного стула, посмотрел на Романа:

— Ну, здравствуй, сынок.

— Здравствуй, — ответил Роман и, тоже пройдя на кухню, достал из шкафчика чашку. Вспомнил, что чай сегодня не заваривал, и принялся рыться на полках в поисках чайных пакетиков.

Как рассказать отцу о драке, он понятия не имел. Под ложечкой засосало. Роман закрыл один шкафчик и открыл было другой, но оказавшийся рядом отец вдруг захлопнул дверцу с такой силой, что, будь механизм чуть послабее, шкафчик точно развалился бы. Роман совсем по-детски пораздовался тому, что даже не вздрогнул. Внутри, конечно, все перевернулось и сердце заколотилось, но сам он вполне спокойно потер шею и, отступив к окну, присел на подоконник.

— Что это? — отец указал на левую руку Романа. Тому не нужно было смотреть вниз, он прекрасно знал, что там здоровенная ссадина.

Поскольку вопрос был риторическим, Роман просто пожал плечами, и вовсе не потому, что хотел разозлить отца — злить того еще больше было уже просто некуда, а потому что ему вдруг стало дико стыдно.

Думать о том, что драка — единственно верное разрешение ситуации, было хорошо наедине с собой. Когда же отец смотрел вот так, в мозгах сразу выстраивались в ряд все вбитые с детства постулаты.

— Скажи мне, сынок, — начал отец, — почему о том, что у тебя неприятности, мне рассказывают посторонние люди?

— Кто рассказывает? — спросил Роман.

— А если бы что-то случилось? — пропустив мимо ушей его вопрос, повысил голос отец, и не успел Роман опомниться, как отец оказался рядом и схватил его за шею. — А если бы тебе не в челюсть дали, а башку проломили?

Он больно сжал шею Романа, пригибая его голову вниз.

— Извини, — сказал Роман, вцепившись левой рукой в столешницу барной стойки, чтобы не упасть.

— Ты мне слово давал, Роман.

Отец резко его отпустил, но Роман не спешил поднимать голову. Ему было стыдно и очень обидно. Отец никогда не поднимал на него руку. Бывало, повышал голос или же говорил таким тоном, что хотелось забраться под кровать, но никогда и пальцем не трогал. И вот теперь, когда он ростом с отца... Это насколько же сильно Роман его подвел!

Отец меж тем включил вытяжку и закурил. Он никогда не курил дома. Этот уговор соблюдался еще со времен его жизни с мамой. И вот теперь отец жадно затягивался, выпуская дым в сторону вытяжки. Это почти не помогало — запах сигарет полз по квартире, впитывался в вещи, в мебель. Роман, как и мама, терпеть не мог этот запах, и отец об этом прекрасно знал, но, докурив одну сигарету, тут же прикурил вторую, со всей наглядностью демонстрируя Роману, что находится у себя дома и плевать хотел на желания сына и на то, что по бумагам Роман является собственником этой квартиры. Чувство безысходности накрывало Романа все больше, пока отец, нервно затягиваясь, смотрел мимо него на очертания высотки университета.

— Ты пострадал? — наконец спросил отец. — Кроме синяка на лице и руки, имею в виду.

— Нет, — соврал Роман.

Докурив, отец затушил окурок под струей воды и выбросил его в мусорку. Пахнуть стало еще отвратительнее.

— Твой переезд в Москву был ошибкой, — вдруг произнес отец, и Роман встрепенулся.

Он и сам об этом все время думал, но ему казалось, что внешне все выглядит вполне благополучно.

— Сначала еще было ничего, но теперь тебя понесло, — продолжил отец.

Это было неправдой. Никуда Романа не несло, но отец говорил так, будто все для себя понял. Переубеждать его в чем-то в такие моменты было бессмысленно.

— Проблемы с полицией будут? — спросил отец, устраниваясь за барной стойкой лицом к кухне, и посмотрел так, как смотрят следователи в детективных сериалах.

— Не знаю, — честно ответил Роман.

— Где ты подрался?

— В центре, у бара.
— Красота, — вздохнул отец. — Ты был один?
— Дрался — да.
— Господи, Роман, а словами нельзя было?
— Они были пьяны, к тому же...
— Они? Ты дрался не с одним?
— Ну так... — смутился Роман. — С одним, но он был с другом, и...

— Ты бывал в этом баре раньше? У тебя там друзья? — голос отца звучал резко.

Роман с детства терпеть не мог, когда отец разговаривал вот так.

— Нет. Я был там в первый раз. Я вообще не хожу по барам. Я...

— Да я в шоке не оттого, что ты ходишь по барам! Ходи бога ради, раз нравится оставлять там деньги и здоровье. Меня больше волнует, чем ты думал, ввязываясь в драку с двумя отморозками в незнакомом месте? Тебе жить надоело? Ты хочешь, чтобы я вернул тебя матери инвалидом?

Роман вскинул голову:

— А ты бы вернул? Если бы я стал инвалидом? — не смог он удержаться от вопроса.

— Не придирайся к словам! — повысил голос отец и потер лицо ладонями. — Я наивно надеялся, что переходный возраст у нас позади, что ты взрослый, ответственный человек. А теперь я должен вздрагивать от каждого телефонного звонка, вдруг он из полиции или из больницы.

— Пап, ну не преувеличивай. Я здесь восемь месяцев, и это первый случай! Можно подумать, ты не дрался никогда.

— Нет, Рома. Не дрался. Потому что мне всегда хватало мозгов не оказываться в ситуациях, где дело нужно решать кулаками. Это твой выбор, понимаешь? Никто не в силах тебе это навязать.

— Хорошо. А если дело не в тебе? Если другому человеку нужна помощь и защита, то что?

— Понятно, — фыркнул отец. — Я все думал, почему Волков без конца в драку лезет. Сергей уже вешается с ним. А у нас, оказывается, Маша со всех сторон беззащитная.

— При чем тут Маша? — возмутился Роман, к своему ужасу чувствуя, как в лицо бросилась краска. Над этой частью плана, кажется, стоило поработать отдельно.

Судя по тому, как скривился отец, смущение Романа не прошло незамеченным.

— Я не знаю, Ромка, как тебя так угораздило. Я в кошмарном сне такое увидеть не мог...

— Ты все неправильно понял, — твердо сказал Роман, понимая, что его горящие уши портят всю серьезность момента. — Маша ко вчерашней драке не имеет никакого отношения. Ее там не было.

— Да что ты? Может, еще скажешь, что вообще ее вчера не видел?

Роман открыл было рот, чтобы соврать, что не видел. Но что-то в тоне отца заставило передумать.

— Ты следишь за мной? — прямо спросил он.

— Делать мне больше нечего, — снова фыркнул отец. — Хотя теперь понимаю, что поспешил, сочтя тебя самостоятельным.

— Тогда откуда ты столько знаешь о перемещениях Маши? Или... Черт, ты следишь за Ириной Петровной?

Отец, успевший плотнуть воды, поперхнулся.

— Ты в себе? — прокашлявшись, спросил он, глядя на Романа с неподдельным удивлением.

— Я — да. А ты? «Рене» ведь в честь нее, да? — Роман вернулся к явно неприятному для отца разговору.

Отец встал из-за стойки, прошелся по квартире и заметил на полу у кровати наполовину собранный самолет «Лего».

— Ты в детство впал? — не оборачиваясь, спросил он.

— Подарок твоего крестника, — подал голос Роман и добавил: — Не уходи от ответа, пожалуйста.

— Роман, я не буду обсуждать с тобой эту ситуацию. Это случилось давно. Тебя еще на свете не было. Случилось так, как случилось.

— Ты жалел? — спросил Роман.

Ему правда было важно понять, что чувствовал отец, бросив девушку, которую, судя по всему, любил, и связав жизнь

с другой. Очень хотелось найти подтверждение своей теории о том, что любовь не является основой отношений.

Отец присел на корточки, достал из-под россыпи деталей инструкцию и принялся ее рассматривать, будто собирался продолжить сборку.

— Жалел, Ром. Иногда. Но чаще был рад. У нас все равно ничего не вышло бы.

— Почему?

Роман подошел к отцу и присел на край кровати. Отец поднял голову и посмотрел на него снизу вверх.

— Потому что мы были очень разными. Как вы с Машей, — с нажимом произнес он.

Роман понял, что отец его провоцирует, и решил не поддаваться.

— Тогда почему ты так называл яхту?

— Да просто так, Ром. В память.

— Ты не знал, что она в этом универе?

— Нет, конечно. Мне и в голову не пришло ее искать.

Роман посмотрел недоверчиво. Отец нашел нужную деталь и приделал к платформе.

— Вернее, пришло, конечно, но я решил, что это блажь. Я знал, что она уехала в свою деревню после моего отъезда. Думал, там и осталась. Мне даже нравилось думать, что она там коровам хвосты крутит.

— Ты как будто злишься на нее, — заметил Роман и, наклонившись к схеме, прищурился, пытаясь рассмотреть деталь, следующую по порядку сборки.

— Злюсь, Ромка. Потому что все мозги мне вынесла. Потому что думал о ней все равно.

Роман поднял голову и уставился на отца:

— Так ты же говорил, что не любил.

— Про «не любил» я ни слова не сказал, — нахмурился отец и добавил: — Желтой детальки нет.

— Под шкафом, наверное, — указал на стеллаж Роман.

Отец вздохнул, отложил инструкцию и сел на пол, опершись спиной о кровать. Роман лег на бок и устроил голову на согнутой руке.

— Тогда почему ты не женился на ней? Тем более бросил с ребенком.

Он помнил, что отец сказал, что они не будут это обсуждать. Но вроде бы разговор получился сам собой. Роман замер в ожидании ответа. Отец мог и наорать.

— Я не поверил про ребенка. Мама настаивала на том, что все девушки из неблагополучных семей работают по одной схеме: встречают сына богатых родителей, а дальше залет.

— Неужели все? — спросил Роман.

Отец повернул голову и внимательно на него посмотрел.

— Про Машу думаешь?

— Нет, ты что! — Роман сел на кровати по-турецки. Отец, развернувшись к нему, оперся локтем о матрас.

— А чего краснеешь так? — уточнил он.

— Я всегда краснею, когда волнуюсь, — отрезал Роман. — Ты прекрасно это знаешь.

— А почему волнуешься? — не отставал отец, и Роман не мог понять, прикалывается он над ним или спрашивает всерьез.

— Потому что ты все время переводишь разговор на Машу!

— А у меня нет повода? Это не Маша ходит к моему сыну и проводит здесь кучу времени?

— Да откуда ты знаешь? — Роман даже подпрыгнул от возмущения. — Здесь камеры?

Он завертел головой в поисках подтверждения своей догадки.

— Сынок, ты в берега-то вернись. Какие камеры? Ты еще скажи, что картинка сразу идет на стрим-канал и я зарабатываю миллионы на старых извращенцах, которые следят за твоей юной тушкой.

— Кому нужна моя тушка? — фыркнул Роман.

— Без понятия. Проверим?

Роман против воли улыбнулся. Все-таки отец у него классный.

— Нет уж. Ну скажи: как ты узнал про Машу?

— Я вижу тебя насквозь.

— Ну окей. Меня видишь. Но не Машу же. Про нее как узнал?

— Да, господи, что ж ты у меня такой тупой временами?
Ну включи голову!

Роман попробовал мыслить логически, но голова не включалась. В ней был туман от недосыпа и усталости.

— Не могу, — пожаловался он.

— Да Виктор Валерьевич мне рассказывает!

— Кто? — опешил Роман.

— Роман, снобизм — это главная твоя беда.

— Снобизм? — опешил Роман во второй раз. — Неправда, я не...

— Виктор Валерьевич — твой консьерж.

— Ах, его так зовут!

— Да, милый. Его так зовут. И именно он рассказывает мне, все ли в порядке. Нет ли у тебя дебошей, сколько к тебе приходит девушек и в каком виде ты возвращаешься домой.

Роман откинулся на спину и закрыл лицо руками.

— Слежка — это унижительно, — пробормотал он.

— Слежка — да, а вот оповещения о том, что что-то не в порядке, — простая подстраховка и забота о ребенке.

— А количество девушек относится к разряду «что-то не в порядке»?

— Количество девушек идет бонусом.

Судя по голосу, отец ни капли не был смущен.

Роман же не знал, как на него посмотреть. Ему было стыдно и обидно, а еще не давала покоя мысль, зачем отец раскрыл карты. Не потому же, что Роман спросил? Со Львом Крестовским такое не прокатывало.

— Почему ты так запросто сдал свой источник информации? Я ведь теперь девушек буду в другое место водить.

— Хочешь домой? — вдруг спросил отец.

Роман отнял руки от лица и вновь сел.

— Домой — это куда?

— Бедный ребенок. Быть человеком мира, наверное, трудно?

И снова Роман не понял, прикалывается отец или же сочувствует.

— Я серьезно, — сказал он. — Ты о чем?

— В Лондон хочешь вернуться?

Сердце Романа на миг замерло.

— В Лондон? Возвращаешь маме, не дожидаясь инвалидности? — Он не хотел, чтобы в голосе прозвучала обида, правда не хотел, это вышло против воли.

— Да маме-то ты на кой, Рома? Можешь сначала индивидуально подтянуться, а остаток года доучиться со своими. Можешь окончить экстерном, не возвращаясь в школу. Там, небось, прикалываться будут, что ты отсюда сбежал. С колледжем пока определяйся.

Роман замотал головой, пытаясь уложить в голове услышанное.

— А ты? — спросил он, потому что он-то переезжал сюда, чтобы поддержать отца, а теперь выходило, что тот его отсылает.

— А зачем тебе там я? — удивился отец.

Роман снова замотал головой.

— Там незачем. Но как ты будешь здесь один? То есть я хотел спросить: ты остаешься или тоже возвращаешься?

— Я пока не могу бросить здесь бизнес. Сергей не тянет один. Ну и вообще...

Роман взъерошил волосы и уточнил:

— А «вообще» — это Ирина Петровна, да?

— Да что ты к ней привязался? — вновь повысил голос отец. — «Вообще» — это моя жизнь. Отчитываться я не собираюсь.

— Ну тогда и это — моя. И я не поеду, — твердо произнес Роман, хотя возвращение в Лондон определенно избавило бы его от проблем с Волковым и Машей. Но он не мог бросить Юлу, не попробовав все исправить.

Отец приподнял бровь:

— Уверен?

Роман горько усмехнулся, поняв, что он-то здесь ничего не решает:

— В деньгах урежешь, как маму?

Отец отвернулся от Романа и вновь потер лицо руками. Роман отстраненно подумал, что это у них общая привычка,

которая дает возможность потянуть время и собраться с мыслями.

— Дурак ты, Ромка. Давай так: пока я просто спрашиваю, хочешь ли ты в Лондон. Но имей в виду: если повторится вчерашнее, хоть один синяк, хоть один намек на нелады с законом, хоть один намек на любые другие проблемы — ты улетаешь первым же рейсом. Это понятно?

Роман смотрел на отца и гадал, станет ли он когда-нибудь таким, ну, чтобы все беспрекословно слушались и побаивались.

— Я не услышал ответа. — Отец обернулся.

— Понятно.

— Ну и славно.

Отец встал и, хлопнув в ладоши, направился на кухню, сдернул куртку со стула, а потом повернулся к Роману:

— Поехали пообедаем, что ли?

Роману не хотелось, но он привычно это не озвучил, отлепился от кровати и пошел за отцом.

Они пообедали в ресторане, сходили в кино... Проводить время так, будто ничего не случилось, было странно. Сначала мысли Романа то и дело возвращались к Юле и его плану с Машей, но отцу, с его кипучей энергией, все время удавалось Романа из этих мыслей выдернуть. В итоге у них получился на удивление неплохой семейный выходной, что в очередной раз убедило Романа в том, что с отцом ему повезло гораздо больше, чем большинству его знакомых.

Перед тем как посадить Романа у дома, отец сжал его локоть и очень серьезно произнес:

— Рома, подумай насчет Лондона. По-моему, там тебе будет лучше.

Роману очень не хотелось портить идиллию, но удержаться он не смог:

— Мне будет лучше или тебе здесь спокойнее?

Отец усмехнулся и откинулся затылком на подголовник. По его лицу скользили блики от фар проезжавших мимо машин.

— Мне будет спокойнее однозначно.

Роман вздохнул и тоже откинулся на подголовник.

— Я не могу, — ответил он. — Я Юлю не могу бросить.

— Не можешь, потому что любовь или?..

— Или, — честно признался Роман.

— Приплыли, — вздохнул отец. — Что ж ты на мои грабли?

Он произнес это с таким разочарованием, что Роман встрепенулся, осознав, о чем отец подумал.

— Нет. Ты не о том. Она не беременна.

— Что ж ты так пугаешь-то? — Отец длинно выдохнул и неестественно рассмеялся. — Ну и денек, — пробормотал он, глядя в потолок.

— А если бы она была беременна, что ты сказал бы?

— Что ты придурок, который не знает дорогу в аптеку, — тут же откликнулся отец, и Роман нервно усмехнулся, вспомнив, что именно это же он подумал о Волкове, когда решил, что Маша беременна.

— А потом? — спросил он.

Отец тяжело вздохнул, некоторое время смотрел в боковое стекло, а потом повернулся к Роману и очень тихо ответил:

— Я не знаю, сынок. Постарайся сделать так, чтобы нам не пришлось это проверять.

Роман кивнул, почувствовав вновь навалившуюся усталость. Пока они были на людях, он еще как-то держался, сейчас же, разморенный поездкой, он бодрился с трудом.

— Я пойду? — спросил он, стараясь подавить зевок.

— Что случилось с Юлей, не расскажешь?

— Я потом, можно? Уже ничего не сообщаю.

— Волноваться начинать?

— Нет. Я разберусь.

— Хорошо.

Роман открыл дверь и спустил ноги на асфальт, отец же вдруг произнес:

— Только ты ведь понимаешь, что на двух стульях не усидеть?

— Опять идиомы, — простонал Роман, бросая на отца взгляд через плечо.

— Не идиомы, а здравый смысл. Если у тебя проблемы с Юлей, то наличие Маши их только усугубит. Я уж не говорю про напряжение с Димкой.

— Я знаю, пап. Проблем не будет, — ответил Роман и выбрался из машины.

Отец мигнул фарами, и его машина скрылась за углом, а Роман поплелся домой.

Виктор Валерьевич, как всегда, смотрел так, будто Роман ему что-то должен, и Роману впервые захотелось показать неприличный жест человеку, который был вдвое старше него. Потому что не фиг шпионить. Это подло, как ни крути.

Войдя домой, Роман обнаружил, что его телефон благополучно лежит на барной стойке, и на экране куча системных сообщений. Разблокировав его, Роман увидел сообщение от Стива, один пропущенный звонок от Ляльки, один — от лондонского деда и три пропущенных — от Маши.

Усевшись за барную стойку, он написал деду, что был без связи и позвонит ему завтра, потому что сейчас очень хочет спать. Дед был человеком понимающим: в ответ прислал большой палец и пожелание спокойной ночи.

Роман допил воду из оставленной отцом бутылки и долго смотрел на экран телефона, не в силах решить, кому звонить дальше и звонить ли вообще. В итоге «перезвонить» напротив номера Маши он нажал случайно. Просто дрогнул палец. Тут же испугался и сбросил звонок, надеясь, что вызов не успел пройти. Прямо сейчас он был не в состоянии претворять свой план в жизнь.

Набирая Ляльку, Роман думал о том же, о чем всегда: что где-то там, рядом с Лялькой, есть Волков, и, возможно, он слышит этот звонок.

Лялька ответила после второго гудка.

— Привет, ты был занят? — спросила она.

— Да. С отцом день проводил, а телефон дома забыл.

— С отцом. Круто.

Роман прикусил язык, понимая, что ляпнул, но Лялька продолжила как ни в чем не бывало:

— Как дядя Лёва?

— Нормально. Меня вот воспитывает.

— Тебя? Двухметрового тебя?

— Во мне метр и восемьдесят семь сантиметров, — поправил Роман, а потом до него дошло, что голос Ляльки звучит как-то необычно.

— Ляль, что случилось? — спросил он.

— Димка приперся домой насквозь мокрый. Заболеет, наверное, — грустно произнесла Лялька.

— Оу, — отозвался Роман. — Ну, он там пусть выпьет что-нибудь.

— Рома, мы говорим о моем брате. Он даже от мигрени ничего не пьет. Он предпочитает гордо плевать, вместо того чтобы лечиться.

— У него мигрени? — удивленно спросил Роман. — Раньше же не было.

— Раньше он и психом таким не был, — резонно заметила Лялька, и Роману нечем стало крыть.

— Ты просто поболтать хотела?

— Типа того, но ты говоришь будто пьяный.

— Правда? Не, я не пил.

— Да знаю, что не пил, — проворчала Лялька, и Роман понял, что с Волковым этот ребенок слишком хорошо знает, как может звучать голос того, кто напился.

Стало мутно от того, до чего они все докатились.

— Ляль, я в норме. Просто не выспался. Но слушать могу. Что случилось?

— Да ничего, — замялась Лялька, и Роман понял, что она врет.

— А поподробнее? — уточнил он.

— Рома, а что такое любовь?

— Прости? — спросил Роман, чтобы потянуть время.

Он и в нормальном своем состоянии на этот вопрос не смог бы ответить. Тем более Ляльке, вопрос которой, вполне возможно, имел прямое отношение к нему.

— Что такое любовь? — терпеливо повторила Лялька.

— Не знаю, — честно ответил Роман. — Я не думал никогда. Почитай в инете. Там же девочки на форумах пишут.

— Ты дурак? — прямо спросила Лялька.

— Не исключено, — не стал отпираться Роман. — А почему ты спрашиваешь?

— Потому что ты несешь бред.

— Про любовь почему спрашиваешь?

— Ну, потому что мне недавно сказали, что любовь — это путь двух одиноких людей навстречу вечности.

Роман завис, пытаясь перевести это с пафосного на человеческий, и понял, что терпит неудачу.

— Ляль, кто тебе это сказал? — спросил он, потому что, кажется, снова пришла пора наводить ревизию в Лялькиных контактах. Развелось идиотов вокруг, которые, увидев красивую девочку на фото, подкатывают со всякой ерундой.

— Неважно, — тут же отозвалась Лялька. — Ты согласен с этой фразой?

В другой раз Роман нашел бы в себе силы пошутить или же даже всерьез задуматься над этой формулировкой и объяснить Ляльке, что ей скормили чушь, но сегодня был явно не его день.

— Не, Ляль. Даже из любви к тебе я не смогу переварить эту мысль.

— Ну и дурак, — обиделась Лялька и бросила трубку.

Роман подумал, что девочки в пятнадцать обижаются всерьез и надолго, поэтому тут же перезвонил, чтобы извиниться. Лялька сбросила звонок и неприлично послала его в сообщении.

Тогда он написал, что готов обсудить это завтра, потому что сегодня его сердце и разум закрыты для прекрасного. Лялька прислала в ответ смайлик, и Роман вздохнул с облегчением. Жанна Эдуардовна сегодня говорила, что он пытается нести чужую ответственность. И это не только с Юлой. Выходит, с Лялькой — тоже. Вот только Роман понял, что о взваливании на себя чужой ответственности хорошо рассуждать в теории. А на деле же он не представлял, как можно бросить человека, которому нужна помощь. Да и не хотел представлять, если честно. И любовь была здесь совсем ни при чем, потому что лично Роман все равно в нее не верил.

Он отложил телефон и зачем-то вскипятил чайник. Усталость перешла в ту фазу, когда спать уже не хотелось,

а мир воспринимался как четырехмерное кино, поставленное на замедленное воспроизведение.

Телефон зазвонил, и, бросив взгляд на экран, Роман понял, что зря понадеялся, что его вызов на Машин номер не прошел.

«Два одиночества на пути в вечность. Чушь какая», — подумал Роман, глядя на телефон. А еще подумал, что у него есть классный план, в результате которого у Волкова с Машей все будет хорошо. Он много чего успел подумать в своем замедленном мире, прежде чем принять вызов и произнести:

— Маша, добрый вечер. Извини, что поздно. Я раньше не мог.

Глава 24

Ты так легко меня можешь оставить.

После случившегося с Машкой хотелось сдохнуть. Димка бродил под дождем, а в голове было пусто. Он вспомнил, что Сергей сегодня планировал работать, и хотел было поехать к нему в офис, но потом подумал, что выглядит жалким промокшим придурком, и ему стало бы стыдно перед секретаршей отца.

Димка пытался определить, в какой момент началась катастрофа. По всему выходило, что все пошло наперекосяк со дня рождения Крестовского. Очень хотелось привычно обвинить Крестовского во всех грехах, но Димка понимал, что, если бы он сам не бросил Машку на «Рене» одну, та не провела бы вечер с Крестовским и у них не было бы шансов познакомиться поближе. Выходило, что во всем виноват именно он сам. Сначала бросил ее на Крестовского, потом целовался с Шиловой. Вспомнив о Шиловой, Димка встрепенулся. У него же был план — заполучить фотки.

Шилова не брала трубку. Димка позвонил ей раз десять, но в телефоне шли длинные гудки. Он написал ей сообщение с просьбой перезвонить и уселся в кафе погреться. Повесив куртку на спинку стула, Димка заказал себе горячий чай с гамбургером и долго грел покрасневшие руки о большую кружку. Шилова не перезванивала. Машке звонить он боялся. Мелькнула мысль позвонить Крестовскому и спросить про Шилу, но Димка прогнал ее прочь. Если Крестовский видел только фотку на странице Шиловой, то участие Димки в фотосессии было для него пока тайной, поэтому вопрос про Шилу прозвучал бы странно. Если

же Крестовский успел увидеть остальные фотки... Черт, наверное, нужно было все-таки признаться Крестовскому самому. Тогда бы у того было чуть меньше поводов его убить...

В ожидании гамбургера Димка загрузил «Фейсбук» и открыл страничку Шиловой. Выдохнул, когда понял, что новых фоток не было. На страничке Крестовского тоже ничего нового не появилось. Как и у Машки. Димка долго листал Машкины фото, гадая, как это произошло у родителей. Как отцу стало понятно, что он влюблен в маму? Влюблен ли он сам в Машку или просто зафиксировался на ней, как сказал психолог? Димка неожиданно осознал, что на последних сеансах категорически отказывался говорить о Машке. Наверное, психолог придумала бы, что он не хочет расставаться с фиксацией, опять обидно обозвала бы Машку костылем... Ну, не совсем напрямую, конечно, но только идиот не вычленил бы этот посыл из ее умных речей.

Поцелуй с Машкой отличался от поцелуя с Шиловой. Лучше ли он был или нет, Димка оценить не мог, потому что слишком перенервничал. Однозначным провалом стало то, что Машка его испугалась. В фильмах герой после такого покупал цветы, подгонял лимузин к окну и у них там все сразу складывалось. В жизни, увы, это вряд ли бы прокатило, поэтому, что делать, Димка понятия не имел.

Вернувшись на страничку Шиловой, он решил написать ей сообщение и надолго затупил над открытым окном мессенджера.

«Привет. Очень нужно встретиться и поговорить насчет фоток, полцарства за коня и все такое... Не хочу видеть их в доступе».

Перечитав сообщение, Димка понял, что Шилова возликует. Впрочем, тут же вспомнил, как она бегала от него всю пятницу, и уверенности немного поубавилось. Он еще повисел над текстом, но так и не смог придумать ничего более удачного.

Отправив сообщение, Димка принялся за еду. Как всегда после мигреней, еда была почти лишена вкуса, что каждый раз его огорчало.

Димка механически жевал и тупо листал обзоры последних матчей Премьер-лиги. Официантка несколько раз подходила и спрашивала, все ли ему понравилось. Димка угукал, не отрываясь от экрана. Когда пришла пора расплачиваться, он поднял руку, привлекая к себе внимание. Официантка, миловидная блондинка далеко за двадцать, направилась к нему, покачивая бедрами с такой амплитудой, что Димка всерьез испугался за посетителей, мимо которых она проходила.

— Что-нибудь еще желаете?

— Нет, спасибо. Посчитайте меня, пожалуйста.

Официантка смотрела на него так, будто он говорил на незнакомом языке. Будь на его месте Крестовский, тот бы точно напрягся и решил, что говорит на английском. Языковые мытарства Крестовского были видны невооруженным глазом, и Димка, признаться, удивлялся, как кто-то мог считать того снобом, когда идиоту было понятно, что он реально зависает в разговорах, потому что усиленно обрабатывает информацию. Родители однажды говорили между собой, что у Крестовского из-за искривления позвоночника какая-то фигня с мозговым кровообращением. Может, поэтому он был таким придурком? Хотя, возможно, дело было в том, что на русском в их семье говорил лишь дядя Лёва.

— Точно не желаете? — уточнила официантка.

— Точно не желаю, — четко выговорил Димка и оскалился улыбкой.

Собственная внешность порой жутко его раздражала. Особенно когда у него не было настроения, а рядом с ним зависали левые барышни.

Официантка лучезарно улыбнулась и удалилась. Димка намеренно не поднимал головы, когда она принесла папочку со счетом, чтобы не давать ей лишнего повода для разговора. Однако девушка оказалась настойчивой: рядом с чеком лежала карточка заведения с размашистым «Марина» и номером телефона. В другой раз Димка бы вежливо улыбнулся и выбросил карточку в ближайшую урну, но сегодня он был на взводе, поэтому, медленно подняв взгляд на Марину, он доверительно произнес:

— Милая Марина, вы намекаете на встречу?

Девушка жеманным жестом поправила вырез блузки и улыбнулась.

— Да не вопрос. Прямо сейчас?

Девушка слегка опешила и неуверенно произнесла:

— Может, вечером?

— Давайте. Только я несовершеннолетний, ничего? Просто предупреждаю. Мне-то без разницы, а вот вы под статью попадаете.

— Извините, — пробормотала Марина и торопливо отошла к стойке.

Димка раздраженно смял карточку и бросил ее на тарелку из-под гамбургера. К счастью, в бумажнике оказались наличные, потому что звать еще раз Марину с терминалом не было никакого желания.

Дождь по-прежнему шел. Куртка так и не успела просохнуть, о кроссовках вообще говорить не приходилось. Димка постоял под козырьком на крыльце, решая, куда пойти. Проверил сообщения на «Фейсбуке». Шилова так и не прочла. Машка же неожиданно оказалась в Сети. Димка глубоко вздохнул и написал: «Привет».

Машка тут же прислала: «Привет».

Он написал: «Как ты», «?».

«Хорошо», — ответила Машка.

Димка набрал в грудь воздуха и, задержав дыхание, написал: «Машка, я идиот и псих, но я не хотел тебя обидеть».

Медленно выдохнув, он закрыл глаза и стал ждать ответа, понимая, что от того, что напишет Машка, будет зависеть вся его жизнь, как бы пафосно это ни звучало. Если она даст ему шанс, он вывернется наизнанку, чтобы все исправить, если же она его пошлет... Димка не хотел пока об этом думать.

Через минуту Машка ему позвонила. Димка встрепнулся и торопливо ответил на звонок, даже не обратив внимания на то, что мужик, входивший в кафе, толкнул его в спину.

— Маш.

— Димка, я не знаю, как быть дальше, — скороговоркой проговорила Машка. Так знакомо, так честно, будто ничего у них не произошло и она просто на что-то жалуется.

— Я знаю, — ответил Димка и торопливо заговорил: — Я все исправлю. Обещаю. Все будет как раньше. Можешь при встрече дать мне в нос.

Ворчание Машки на его пофигистское отношение к здоровью было таким привычным, что Димка едва не всхлипнул от облегчения. Он нес какую-то чушь, сам понимал, что это чушь, но остановиться уже не мог.

— Господи, Волков, — наконец простонала Машка, — хватит уже, а? Красноречие — не твой конек. То есть твой, но только когда ты девочек на вечеринках развлекаешь.

— Крестовский даже на вечеринках развлекать не умеет, — пробурчал Димка и быстро добавил: — Прости.

Машка, конечно же, соврала, что она их не сравнивает, и Димка почувствовал приступ обиды, острый, как зубная боль. Крестовского не должно быть в их отношениях. Он, блин, здесь не в тему! Потому что Димка же всегда ему проигрывает, с какой стороны ни посмотри. Машка свернула разговор, и Димка, чувствуя смесь облегчения и разочарования, вызвал такси. Официантка Марина посматривала на него сквозь стекло, убирая посуду со столика, и Димке даже стало ее немного жаль. Это какой же поганой должна быть жизнь, чтобы раздавать свои номера малолеткам.

Дома его встретила хмурая Лялька, которая с порога наехала на него за то, что он весь день проболтался со своей Машкой. Димка хотел было объяснить, что у Машки он пробыл минут тридцать и лучше бы вообще не заезжал, но Лялька хлопнула перед его носом дверью своей комнаты, и Димка, привычно выругавшись по этому поводу, пошел к себе.

Горячий душ не особенно помог согреться, а в горле к вечеру появилось неприятное першение. До смерти хотелось услышать Машку, потому что она непременно бы пожалела, немного поругала, и стало бы легче. Вот только

позвонить Машке после сегодняшнего он так и не решился, несмотря на то что она вроде бы его простила.

Лялька заглянула к нему ближе к одиннадцати, когда Димку уже прилично трясло под одеялом. Долго бродила по комнате, вздыхала, поглядывала на шкаф, с которого Димка так и не снял мамин телефон, что отдельно его удивило. Могла бы сто раз залезть и забрать, пока его дома не было. Но, видно, Лялька оказалась на редкость честной. Или глупой.

— Ты чего маешься? Случилось что? — не выдержал наконец Димка.

Голос прозвучал сипло, а горло отозвалось болью. Лялька обернулась так резко, будто не ожидала, что в комнате есть кто-то еще, потом подошла к кровати и молча присела на краешек. Димка хотел отодвинуться, чтобы дать ей больше места, но Лялька уселась на край одеяла, и он, побарахтавшись, сдался.

— Дурак ты, — грустно сказала Лялька, глядя на его лицо. — Зонтиков в холле на выбор штук десять, водитель с машиной... Как можно было так промокнуть?

— Дурак, — согласился Димка и чихнул, в последний момент уткнувшись лицом в подушку. — Ты бы шла к себе, а то заразишься.

— Заразиться можно вирусом, а не простудой, балбес.

— И откуда ты такая умная? — пробурчал Димка и снова чихнул. Опять на всякий случай в подушку. — Ты что-то хотела?

— Димка, а как ты думаешь, как люди живут друг с другом?

— В смысле?

— Ну, мы ведь все разные. Как... многогранники.

Лялька произнесла это так пафосно, что сразу стало ясно: мысль не ее.

— И чё? — уточнил Димка.

— Да ничё, — огрызнулась Лялька и собралась было встать, но Димка выпутал руку из одеяла и схватил ее за запястье:

— Подожди. Мысль продолжи. Я туплю.

Лялька плюхнулась обратно на постель и внимательно на него посмотрела. Димка прищурил один глаз, потому что за Лялькиной макушкой светила люстра и смотреть в ту сторону было больно. Видимо, температура все-таки поползла вверх. Хотелось спать, но Лялька явно была на взводе.

— Мы все как многогранники, — повторила она. — С острыми гранями, понимаешь? Мы раним друг друга словами, поступками. И как жить тогда вместе?

— Вот блин. — Димка прикрыл глаза ладонью и попытался сосредоточиться. По каким она там страничкам в Сети ползает? Пора, что ли, родительский контроль включать?

Пока он думал, Лялька встала и произнесла:

— Ладно, забудь. Я сама дура — нашла у кого спрашивать.

— А вот сейчас было обидно, — попытался пошутить Димка, которому в самом деле нечего было сказать по сути вопроса.

— Сергея к тебе позвать? — спросила Лялька у двери.

— Да на кой он мне? Он же не жаропонижающее.

— Таблетку, может, принести? — Лялька смотрела немало обиженно, но зачем-то включила режим заботливой сестры.

— Не, не парься. Посплю и оклемаюсь.

Лялька пожала плечами и вышла из комнаты. Димка же провалился в сон, едва успев закрыть глаза.

Сергей все-таки пришел. Видно, Лялька все же нажаловалась. Сама она топталась в дверях, пока Сергей трогал Димкин лоб, что-то выяснял, а Димка спросонья никак не мог въехать, чего все от него хотят. Сергей провел по его лбу электронным градусником и погнал Ляльку за жаропонижающим.

Димка пробовал вяло отбиваться, но сил не было. В итоге Сергей напоил его лекарством, придвинул кресло к кровати, уселся в него и принялся гипнотизировать Димку внимательным взглядом. Лялька молча ушла к себе.

Смотреть на Сергея было больно, поэтому Димка прикрыл глаза. Сергей молчал, и Димку вновь начало вырубать.

— Вот как мне вас одних оставлять, а? — услышал он сквозь сон.

Разлепив глаза, Димка посмотрел на дядю.

— Да нормально. Чё такого? Первый раз, что ли?

— Да в том-то и дело. — Сергей вздохнул и откинулся на спинку кресла.

— Свет выключи верхний, — попросил Димка и жалобно добавил: — Пожалуйста.

Сергей выполнил просьбу, зажег лампу на тумбочке у кровати и вновь сел в кресло.

— Я завтра улетаю. Ориентировочно на неделю.

Димка кивнул. Он помнил, что Полина Викторовна заказывала билеты.

— Можешь на обратном пути на море зарулить и оттянуться. Мы не пропадем, — слабым голосом произнес Димка.

— О да! Вы у меня хоть куда, блин, — в сердцах откликнулся Сергей. — Спи. Я посижу, пока температура не спадет.

— Да иди спать. Она что с тобой спадет, что без тебя.

Сергей усмехнулся, а потом вдруг признался:

— Когда я болел, мама всегда сидела рядом, пока у меня температура не спадет, а только потом шла спать. А может, и не шла, — задумчиво закончил он. — Я-то дрых.

— Ну ты ж не мама, — резонно возразил Димка и добавил: — Наша тоже сидела. Она даже с Лялькой в госпитале лежала, когда у той какой-то особо жесткий вирус был. Хотя Лялька уже большая была. Лет десять. А еще всегда целовала в ушибленные места. Ну там, знаешь, типа коленку разбил, а она поцеловала, и реально легче становилось...

Комок, появившийся в саднящем горле, не дал договорить. Димка сглотнул, прокашлялся, а потом спросил:

— А почему легче становилось? Ты же врач. Так же не бывает, да?

Сергей молчал так долго, что Димке пришлось открыть глаза. Дядя хмурился и выглядел таким уставшим и несчастным, что впору было у его постели сидеть.

— Она просто мама, — наконец сказал он. — Мамы все немного волшебные.

Димка усмехнулся и вновь закрыл глаза, чтобы позорно не разреветься. От температуры глаза у него всегда слезились, а тут еще разговор этот.

Он постарался отвлечься мыслями о Машке. В его мозгу отчетливо оформилась мысль, что ничего у них с Машкой не наладилось. И неизвестно, наладится ли. То, что он сделал, простым извинением не решить.

— Сергей, — позвал он, не открывая глаз.

— М?

— Я сегодня так облажался.

— Да я вижу, — откликнулся дядя.

— Да я не про дождь. Я про Машку.

Пока Димка подбирал слова, Сергей молчал. Молчание было тяжелым, точно дядя в эту минуту думал о нем все самое плохое. Впрочем, он и сам бы о себе думал.

— Я ее поцеловал. Только все как-то тупо получилось. Там, ну... она испугалась...

Димка открыл глаза. Сергей наклонился вперед, уперев локти в колени, и смотрел так, будто готовился встать и сотворить с родным племянником что-нибудь нехорошее.

— Что именно ты сделал? Будут проблемы с полицией?

— Тьфу ты, блин! — в сердцах выругался Димка. — Тебя только это волнует? У меня проблемы с Машкой! Я ее подвел!

— Не истери! — отрезал Сергей. — Она испугалась поцелуя или ты сделал что-то еще?

— А если что-то еще? Вызовешь полицию?

— Если что-то еще, то, возможно, Маше нужен доктор — это раз; взрослый, которому можно рассказать, — это два, и...

— Да не нужно ей ничего. Я не идиот! — Димка сел на кровати, отбросив одеяло. Комната перед глазами сделала кувырок. — Просто не знаю, как теперь все разрулить.

Сергей вздохнул, откинулся на спинку кресла, помолчал, а потом предложил нелепое:

— Поговорить?

— Блин, да поговорили уже! Только все равно напряг, понимаешь? Хотя о чем я?... — Димка удрученно махнул рукой и плюхнулся на подушку.

Сергей снова вздохнул и задумчиво произнес:

— Ну, значит, надо сделать что-то, что можешь сделать для Маши только ты. Не цветы и подарки, а что-нибудь по делу.

Димка задумался, хотя мозги и отказывались работать нормально.

В памяти всплыло, что он хотел подарить Машке планшет, но она его отругала. Телефон у нее был. Не ахти какой, но все же. Хотя Сергей говорил не про подарки. Димка уже готов был признать поражение, потому что сегодня явно был не лучший день для генерирования годных идей, когда его вдруг озарило:

— Практика! Я хотел у тебя разрешения спросить. Нам нужно пройти обязательную практику на живом предприятии. Машка пыталась договориться пройти при универе, но там сказали, что на нашем факультете не засчитают. Можно, конечно, купить отчет и отзыв с печатями, но я хотел, короче...

— Ты хочешь, чтобы она проходила у нас?

— Можно же? Да?

— Лично я не против, — медленно проговорил Сергей. — Но нужно еще разрешение Льва.

Димка нахмурился. Он знал, что крестный сделает все что угодно, но обращаться с просьбой лишний раз не хотелось. К тому же ему вдруг пришло в голову, что Крестовский будет проходить практику там же...

— Я с ним переговорю, — меж тем решил Сергей, и давать задний ход показалось стыдно.

Они еще немного посидели в тишине, и Димка вновь начал вырубаться. Перед тем как окончательно провалиться в сон, он почувствовал, что Сергей касается его лба холодной ладонью.

Наутро стало понятно, что в универ он не идет. Градусник показывал 38,6, а сам Димка чувствовал себя преотвратно, поэтому он позвонил Машке, внутренне радуясь,

что у него есть повод. Машка немного поругалась, отчего Димке стало дико приятно.

Сергей заглянул к нему попрощаться перед отъездом, и Димка, несмотря на протесты, выполз проводить дядю до двери.

Сергей заметно нервничал, несколько раз проверял, не забыл ли паспорт и телефон, и Димка вдруг понял, что дядя ни разу за все три года не уезжал вот так, чтобы с чемоданом и надолго. От этой мысли стало необъяснимо тревожно. Димка попробовал успокоить себя тем, что, возможно, Лялькины подозрения имеют под собой основание и Сергей их обманывает, а значит, нечего так трястись из-за его отъезда, но в голову все равно лезло, что Сергей сейчас сядет в самолет и поднимется на высоту десять тысяч метров. Димка понял, что его начинает накрывать паникой. Только присутствие молчаливой и грустной Ляльки не позволило ему ляпнуть что-нибудь несусветное.

Когда Сергей в сотый раз все проверил и повернулся к племянникам, чтобы попрощаться, Димка сдержанно пожал протянутую руку, Лялька же вдруг бросилась к Сергею и повисла у него на шее. Димка прислонился к косяку, потому что стоять вдруг стало трудно, то ли от температуры, то ли от накативших эмоций. Сергей выглядел скорее испуганным, чем обрадованным. Он крепко обнял Ляльку и пробормотал в ее макушку:

— Это только на неделю. Я вернусь. Лучше скажи, что тебе привезти?

Лялька замотала головой и уткнулась в его плечо. Димке показалось, что она ревет.

— Ляль, — хрипло позвал он, и стоявшая тут же домработница деловито произнесла:

— Дима, тебе нужно в постель. Я сейчас согрею молока. — А потом обратилась к Ляльке: — Леночка, Сергею пора уезжать.

Дядя посмотрел на домработницу со смесью недовольства и облегчения. Лялька оттолкнула его так, будто он был в чем-то виноват, и бросилась вверх по лестнице. Димка заметил, что она и правда ревет.

Сергей расстроено покачал головой и произнес:

— Смотри тут за ней.

— Угу, — кивнул Димка и снова пожал протянутую руку, хотя было в этом что-то неправильное.

Лялька не выходила из комнаты до вечера, впрочем, Димка был этому только рад, потому что сил успокаивать и развлекать сестру у него не было. Вздохнуть нормально он смог только после того, как получил от Сергея СМС: «Я добрался, все ОК».

Димка думал, что время без опеки он проведет с пользой. Планировал съездить в офис и побеседовать с Полиной Викторовной. Надеялся на то, что этот разговор поможет ему составить правильное мнение о Сергее, а заодно немного разобраться в ситуации, потому что сказанное Сергеем «старые работники надеются на тебя» прочно засело в мозгу. Казалось, подтвердись эта мысль, и Димка сможет свернуть горы. И плевать, что ему только восемнадцать и никто не воспринимает его всерьез. Отец столько сил отдал любимому делу, сделав все, чтобы обеспечить им с Лялькой безбедное будущее, что Димка не позволит никому это разрушить. Правда, при условии, что его поддержат, потому что восторженным мечтателем он, может, и был, а вот наивным дураком — вряд ли.

Еще он честно собирался съездить к Машке и поговорить с глазу на глаз под предлогом идеи проходить практику.

Однако на деле все как-то не заладилось с самого отъезда Сергея. Димка захандрил. Вообще болел он редко, и каждый раз это было очень неприятно. Особенно потому, что раньше мама всегда была рядом, а теперь он должен был валяться один. Домработница, конечно, заходила к нему раз по десять в день и не предлагала разве что луну с неба достать, и то, вероятно, потому что он не просил. Но беда была в том, что ему не хотелось ничего: ни вкусностей, ни фильмов, ни книг. Он слушал музыку и тупо пялился в телефон, пока глаза не начинали слезиться. Потом немного дремал, а после все начиналось по новой. Несколько раз заходила Лялька, но он прогонял ее, чтобы та не заразилась. Лялька смотрела грустно, и Димке было немного стыдно ее

прогонять. Особенно потому что в душе он понимал, что не столько боится того, что Лялька заболит, сколько того, что ее придется утешать, так как выглядела она совсем потерянной.

В итоге все грандиозные планы пошли коту под хвост, потому что чувствовать себя более-менее неплохо он стал только к четвергу. Машка за четыре дня ни разу не позвонила, ограничиваясь ежевечерними эсэмэсками с вопросом о его самочувствии. Это угнетало сильнее температуры, потому что в былые времена она бы жалела его по телефону.

Ему вообще никто не звонил, кроме Сергея. Тот отзывался каждый вечер, задавал однотипные вопросы, молчал в трубку. В общем, тоже получалась ерунда, поэтому Димка выползал из комнаты и плелся к Ляльке, чтобы всучить телефон ей. Однако Лялька ни разу не согласилась поговорить с дядей. Димка подозревал, что ей было стыдно за те слезы при прощании. С ним Лялька тоже разговаривать не хотела. Отвечала односложно, только смотрела так, будто пыталась что-то понять по его взъерошенному виду. Под ее взглядом Димке становилось неудобно, и он уползал в свою берлогу.

Жизнь в Сети, которую пропагандировала Лялька, оказалась сущей ерундой. Димка честно пытался получать кайф от общения на форумах, но везде, кроме онлайн-стрелялки, народ был какой-то стремный. На одном форуме его вообще обвинили в том, что он — девушка. Мол, шифруешься, но я-то тебя знаю. Димка поскорее сбежал от той сумасшедшей, окончательно для себя решив, что реальное общение не идет ни в какое сравнение с этой туфтой.

В пятницу он решил, что еще одного дня в четырех стенах просто не выдержит, и отбил Сергею СМС, что идет в универ. Лялька в такую рань обычно еще дрыхла, но этим утром, спустившись в столовую, Димка с удивлением обнаружил сестру стоящей у окна. Силуэт Ляльки в обрамлении оконного проема был очень похож на силуэт мамы. Та так же, бывало, задумчиво смотрела вдаль, сжимая кружку в ладонях, и ветер из приоткрытой створки трепал ее распущенные волосы.

— Доброе утро, — сказал Димка, привалившись к дверному косяку.

Лялька вздрогнула и пролила кофе на подоконник.

— А где Тамара Михайловна? — спросил Димка, проходя на кухню и распахивая холодильник.

— У нее выходной сегодня. Сделать тебе омлет?

— А ты умеешь? — обалдел Димка и выглянул из-за дверцы.

— Я все умею, — серьезно сказала Лялька и вправду сделала омлет. Не такой, как Тамара Михайловна, но вполне сносный.

Пока Димка завтракал, Лялька сидела напротив с новой чашкой кофе и смотрела на него не отрываясь.

— Ляль, я подавлюсь, если будешь так смотреть, — предупредил Димка. — Ты туда цианистого калия подсыпала и ждешь, когда я очочурюсь?

— Дурак, — ответила Лялька, впрочем, без обычного огонька.

— Что стряслось? — насторожился Димка.

Лялька пожала плечами.

— По Сергею соскучилась? — осторожно предположил он. Лялька снова пожала плечами.

— Поговорить хочешь? — обреченно уточнил Димка и украдкой взглянул на часы. Если он посидит еще минут десять, про первую пару можно будет забыть.

Лялька помотала головой, и Димка с облегчением вскочил из-за стола. В голове вертелся предстоящий разговор с Машкой. А Лялька никуда не денется — разберутся со всем вечером.

— Вечером поболтаем? — спросил он и, повинувшись порыву, чмокнул сидящую сестру в макушку.

— Ага, — кивнула Лялька. — Ты тарелку оставь. Я сама.

Димка послушно поставил тарелку в раковину, а не в посудомойку. Хотел пошутить на тему того, что Лялька явно перебралась на какие-то полезные для жизни форумы, однако не стал.

Обувшись и натянув куртку, он с удивлением обнаружил, что Лялька вышла его проводить. В первый раз за все

время. Она стояла в паре метров и смотрела так, будто что-то случилось.

— Ляль, точно все нормально?

— Конечно, — ответила Лялька и, улыбнувшись так солнечно, как не улыбалась давным-давно, добавила: — Ты классный.

Димка хмыкнул и, бросив взгляд в зеркало, попытался пригладить шевелюру. Вышло не очень. Но сестра сказала, что он и так классный. Значит, синяки под глазами и бледная физиономия не в счет.

Андрей открыл для него заднюю дверь машины, и Димка привычно оглянулся на окно кухни. Тамара Михайловна имела странную, но очень милую привычку — махать ему в окошко. Домработницы сегодня не было, но, к его удивлению, ее место заняла Лялька.

Димка махнул рукой. Лялька помахала в ответ. Внезапная активность сестры, обрадовавшая поначалу, сейчас уже не казалась добрым признаком.

— Дима, — услышал он и только спустя несколько секунд понял, что к нему обращается водитель.

— Что, прости?

— Я говорю, что мне нужно срочно уехать на выходные. Там у брата неприятности.

— Что-то серьезное? — на автомате спросил Димка, хотя сначала хотел возмутиться, потому что у Сергея была четкая договоренность с Андреем — не отлучаться во время его отсутствия.

— Ногу сломал. А мать нужно из больницы забрать. Неудачно вышло. Ты уж прости.

Димка кивнул, понимая, что впервые слышит от Андрея такую длинную фразу.

— Хорошо. Когда планируешь вернуться?

— В воскресенье к обеду. Я на холодильник номер проверенного водителя повешу. Если тебе вдруг понадобится.

Димка хотел было вновь кивнуть, но вдруг подумал, что Лялька в доме одна и присутствие там Андрея будет неуместным. Не то чтобы тот мог ее обидеть, но все-таки...

— Ты же машину не забираешь, — произнес Димка таким тоном, что, даже если у Андрея и были подобные мысли, теперь ему придется от них отказаться. — Оставь номер на торпедо. Я потом заберу.

Он и сам не знал, с чего в его голосе вдруг прорезались хозяйские нотки. Андрей бросил взгляд в зеркало заднего вида, но ничего не сказал. Димка же вытащил из кармана мобильный и набрал Машку, надеясь, что та сможет рассеять непонятную тревогу. И Машка не подвела. Она ответила сразу, будто ждала звонка. Димка под дулом пистолета не вспомнил бы, о чем они говорили, но появилось ощущение, что все наладилось.

Встреча с Машкой прошла почти так же хорошо, как и разговор. Димка опоздал на пять минут и, плюхнувшись на свое место, не успел даже рта раскрыть, как Машка произнесла:

— Наконец-то! А то меня все уже задолбали подколками, что ты где-то отжигашь вместе с Шиловой. Ты живой?

— Живой, — ухмыльнулся Димка и, склонившись к парте, посмотрел в сторону Крестовского.

Тот действительно был один. Привычно смотрел на лектора, ни на что прочее не отвлекаясь.

— А где Шилова? — спросил Димка.

— Без понятия, — отозвалась Машка, и Димка наконец набрался храбрости посмотреть прямо на нее. Машка тут же отвела взгляд и покраснела. Димка понял, что рано обрадовался.

Всю лекцию он думал о том, что скажет Машке в перерыве. Дошел до того, что начал заранее сочинять остроты, хотя до сих пор за ним такого не водилось. А все потому, что утренняя тревога вернулась вновь. Казалось, что, если он не сделает что-нибудь прямо сейчас, случится нечто страшное. Машка то и дело бросала на него взгляды. И взгляды эти очень отличались от тех, что были раньше. Теперь Машка смотрела с напряжением, хоть и пыталась скрыть это за улыбкой.

К концу лекции Димку озарило, что если Шиловой тоже не было в универе с понедельника, то Машка с Крестовским

оставались совсем без надзора, а значит, дело у них уже могло пойти гораздо дальше разговоров. Вдруг она пошла тогда на попятный не из-за Димкиного напора, а потому что он просто не Крестовский? В итоге Димка накрутил себя до того, что был, в принципе, готов дать Крестовскому в физиономию, так сказать, превентивно.

Чтобы после не жалеть о содеянном, он сказал Машке, что подождет ее в коридоре, и рванул к двери, однако его неожиданно остановил знакомый голос:

— Дим, подожди.

Димка обернулся и с тоской понял, что все-таки ему придется объясняться с крестным, потому что Крестовского за каким-то чертом несло прямо к нему. Ведь огребет же сейчас — мало не покажется.

— На пару слов, — меж тем произнес Крестовский и отступил в сторону, пропуская тех, кто выходил из аудитории.

Однорупники бросали на них заинтересованные взгляды, и Димка был уже не прочь съездить по роже каждому, за исключением девочек.

Когда в аудитории почти никого не осталось, Димка оперся плечом о стену и, от греха подальше, засунул руки в карманы джинсов. Краем глаза он заметил, что к ним подошла Машка. Крестовский тоже это заметил и оглянулся на нее, словно чего-то ожидая. В груди у Димки тоскливо заныло.

— Мне уйти? — в голосе Машки послышался вызов.

— Нет-нет, — замотал головой Крестовский. — Ты можешь остаться, конечно.

Он повернулся к Димке и несколько секунд смотрел на того сверху вниз. Димка вдруг отметил, что к почти сошедшим синякам под глазами у Крестовского добавились еще метки на лице. Не веря своим глазам, Димка опустил взгляд вниз. Костяшки на правой руке Крестовского были разбиты.

— Ты подрался? — вырвалось у Димки.

Крестовский проследил за Димкиным взглядом и совсем по-детски спрятал руку за спину, потом опомнился, опустил ее вниз и пожал плечами:

— Неважно. Я сказать тебе хотел... В общем, я уезжаю.

— Счастливого пути, — ухмыльнулся Димка. — Матери и деду привет. Только зачем ты мне это говоришь?

Димка правда не видел необходимости в том, чтобы быть в курсе перемещений Крестовского.

— Я просто... насовсем, — произнес Крестовский и отчего-то покраснел.

Димка бросил быстрый взгляд на Машку. Та сидела на Валеркиной парте и смотрела на Крестовского с открытым от удивления ртом.

— То есть как — насовсем? — повернулся Димка к Крестовскому. — Почему?

— По личным обстоятельствам. Я просто решил, что будет правильно, если ты узнаешь это от меня, а не от отца.

— Крестовский, что ты несешь? Какие личные обстоятельства? Какое «правильно»? — Димка почувствовал, что начинает заводится. Крестовский не имел права уезжать. Он не мог его бросить здесь. — А кто, блин, меня бесить будет по утрам?

Последняя фраза прозвучала на редкость жалко, и Димке почти сразу стало за нее стыдно, однако Крестовский вдруг улыбнулся, совсем как в детстве, и пробормотал:

— Будешь начинать каждый день в умиротворении. Классно же?

«Нет, не классно!» — хотелось заорать Димке, но это было бы уже совсем тупо. Он почему-то подумал про Сергея, который улетел впервые за столько лет, про родителей, про странное поведение Ляльки... Стало тошно.

— У тебя случилось что-то? — неожиданно для самого себя спросил он.

Крестовский бросил взгляд на Машку и, быстро отвернувшись, неопределенно пожал плечами.

— Это из-за Машки? — напрямик спросил Димка, для верности указав в Машкину сторону.

— Нет, ты что! Маша здесь вообще ни при чем. Просто у меня не получилось здесь.

— Что не получилось? У тебя с учебой все в норме, какие-то еще проблемы?

Димка и сам не знал, зачем все это выясняет. Но мысль о том, чтобы остаться здесь без Крестовского, вдруг показала такой отвратительной, что захотелось взвыть.

Крестовский надул щеки и, шумно выдохнув, уселся на краешек ближайшей парты.

— Дим, я не знаю, как это объяснить. Просто, короче... я сообщил, и все.

После этих слов, по законам жанра, Крестовский должен был бы встать и уйти в закат, но он продолжал сидеть, словно чего-то ждал.

— Думаешь, я буду тебя отговаривать? — разозлился Димка.

— Да нет, конечно. Зачем тебе меня отговаривать? Я Ляльке сам потом скажу, ладно?

— Ты общаешься с Лялькой? — обалдел Димка.

— Ну разумеется, — приподнял бровь Крестовский, будто иначе и быть не могло, а потом негромко добавил: — Она немного странная в последнее время. Ты бы проверил ее контакты, а то она у меня доступ забрала.

— У тебя был доступ к ее контактам? — окончательно офигел Димка.

— Да. Мы договорились, что у меня есть пароль от ее странички и я буду периодически чистить ее контакты от всяких уродов, а она не будет возмущаться. А два дня назад она сменила пароль. Так что ты присмотришься.

Димка стоял, прислонившись к стене, и некоторое время молча разглядывал Крестовского, которого самозабвенно ненавидел последние три года.

— Зачем ты это делал? — негромко спросил он.

Крестовский потер шею и пожал плечами.

Димка вздохнул и понял, что ему будет не хватать этого придурка. Реально.

Крестовский резко поднялся, стараясь не встречаться взглядом с Машкой, шагнул вперед и замер перед Димкой, будто собирался протянуть руку.

— А где Шилова? — спросил Димка, не вынимая рук из карманов, и Крестовский после заминки перехватил

правой рукой сползающий с плеча рюкзак, решив тем самым вопрос с рукопожатием.

— Ее не будет. У нее академ.

— Крестовский, что ты с ней сделал? — прищурился Димка.

— Да так, — туманно ответил Крестовский и добавил: — Я пойду. Я приходил, чтобы с тобой пересечься. Пока.

— Пока, — отозвался Димка и, дождавшись, когда Крестовский выйдет, повернулся к Машке: — Что у вас тут без меня случилось?

Глава 25

Я умираю почти незаметно.

Маша и сама не ожидала, что слова Крестовского об отъезде так ее оглушат. Несмотря на злосчастное СМС, когда Крестовский заявил, что он не хотел бы ничего рассказывать, несмотря на то что он так ни разу и не заговорил с ней за все четыре дня, не считая утренних приветствий и прощаний после уроков, Маша чувствовала себя окрыленной.

Потому что Крестовский на нее смотрел. Она чувствовала его взгляд, когда ее просили прочесть вслух отрывки на английском, и начинала сбиваться, потому что в голову лезло то, что читает она с акцентом и он это слышит. Она чувствовала его взгляд, когда писала лекции, но стоило ей повернуться в его сторону, как он тут же опускал голову и делал вид, что перечитывает конспект, хотя Маша видела, что он почти ничего теперь не записывает. Когда же ей пришлось отвечать на семинаре, она едва не закипела от смущения, потому что ему не нужно было скрывать свое внимание. Двадцать две минуты он смотрел на нее так, что Маше очень хотелось отложить конспект доклада и выбежать из аудитории: сердце колотилось в горле и соображать в таком состоянии было невозможно. Маша даже хотела потом высказать ему все, что думает о такой подставе, но стоило ей вернуться за свою парту, как он уткнулся в мобильный, а к концу занятия она немного остыла, и предъявлять претензии показалось глупым.

Эти четыре дня происходило что-то, чему Маша боялась даже дать название. Она сама себе стала напоминать героиню Остин. Теперь каждое утро начиналось с мысли о Крестовском. Это бесило и держало в тонусе. Поначалу Маша даже всерьез подумывала о том, чтобы покрасить волосы или

же сделать модную стрижку. Хотелось закрепить во внешности те перемены, которые происходили внутри. Но когда она заикнулась об этом маме, та посмотрела так, что Маша быстро передумала, потому что объяснять то, что с ней происходит, не хотелось никому. Да она и не смогла бы.

Ее жизнь напоминала американские горки. А Крестовский молчал. И смотрел.

Маша дала себе и ему время до пятницы. Решила, что, если он так и не заговорит до конца учебной недели, она подойдет к нему сама.

Когда Димка позвонил и сказал, что больше не может сидеть дома, поэтому придет на занятия, Маша, к собственному стыду, испытала приступ досады. Она-то настроилась на то, что сегодня сможет поговорить с Крестовским и выяснить наконец, что происходит. И вот теперь Димка собирался в универ. От неожиданности Маша изобразила бурную радость — и в телефонном разговоре, и после, когда он пришел. Она изо всех сил старалась, чтобы все выглядело как раньше, хотя стоило взглянуть на Димку, как ее щеки сами собой залились краской. Маша четко поняла, что отдала бы все на свете за то, чтобы того поцелуя не было. Димке, судя по тому, какой он был дерганный, их общение давалось не легче.

Эйфория, ставшая Машиной спутницей в последние дни, улетучилась, уступив место тревоге, потому что стоило появиться Димке, как Крестовский перестал смотреть в сторону Маши. Будто она исчезла из аудитории, из университета, из города и вообще из жизни. Он смотрел на преподавателя, в телефон, в тетрадь. Он даже вновь принялся писать конспекты. Впервые за всю неделю. Маша не пыталась объяснить эти странности, ей просто было страшно.

К концу занятия Димка себя явно накрутил. С ним такое бывало, и Маша знала, что ему нужно покурить, побыть одному, и, возможно, его плохое настроение само рассосется. Если же нет, то его может чем-нибудь бомбануть, потом случится какой-нибудь большой капец, а потом Димка будет милым и виноватым. Маша искренне надеялась на первый вариант. Когда после лекции Димка рванул к выходу, Маша бросилась следом, но вдруг услышала:

— Дим, подожди.

Ее сердце едва не выпрыгнуло из груди. Она в растерянности замерла, понимая, что оставить этих двоих сейчас, когда Димка на взводе, означало приблизить большой капец. А еще она почувствовала обиду. С ней самой Крестовский так и не заговорил, но стоило появиться Волкову...

Крестовский неожиданно не стал возражать против ее присутствия при разговоре. То ли тоже оценил состояние Димки, то ли собирался сказать что-то, что нужно было услышать и ей. Маша присела на первую попавшуюся парту и посмотрела на Крестовского, понимая, что при взгляде на Димку ее никогда так не трясло. Наверное, это что-то означало.

А потом он сказал, что уезжает.

В отличие от Димки, который, к ее удивлению, мирно пытался что-то выяснить, Маша как-то сразу поняла, что Крестовский решил уехать насовсем. Она смотрела на него во все глаза, пытаясь уложить эту мысль в голове, и не знала, как ей теперь быть. На первый взгляд решение Крестовского вернуться домой выглядело логичным. Здесь ему все было чужим, да и без него Димке было бы спокойнее, не говоря уже о Машиной маме. Но Маше было плевать на логику. Она боялась даже представить, как будет по утрам приходиться в универ и смотреть на опустевшую парту Крестовского. Не слышать его размеренной речи, его негромкого смеха, не видеть его. Как же так?

Крестовский говорил, глядя исключительно на Димку. Маша его не слушала, потому что не смогла бы сейчас услышать ни слова. Она просто смотрела. Скользила взглядом по небольшой родинке на покрасневшей мочке уха Крестовского, по скуле, по ровному носу. У него был очень красивый профиль. Такие любят рисовать художники. Маша и сама бы нарисовала, если бы умела.

Когда Крестовский, так и не взглянув больше на Машу, вышел из аудитории, она поняла, что должна что-то сделать. Помочь ему. Или себе.

— Что у вас тут без меня произошло? — повернулся к ней Димка.

Он выглядел одновременно разозленным и жалким.

— Ничего, Дим, — устало произнесла Маша, вставая с парты. — Мы даже не поговорили ни разу за четыре дня.

Димка с недоверием прищурился:

— А с Шиловой что?

— Да не знаю я! — повысила голос Маша, и Костик, входивший в аудиторию, удивленно притормозил.

— Машенция, ты чё такая злая сегодня? Волков вернулся — радость.

— Несусветная, — подтвердила Маша и заняла свое место.

Димка после раздумий тоже вернулся к их парте, но сел только тогда, когда в аудитории появился препод.

Крестовский не вернулся, и всю лекцию Маша думала о том, что он потому ничего и не записывал в последние дни: ему это больше не было нужно. Он действительно ждал возвращения Димки, чтобы поговорить. Наверное, правильнее было бы все же оставить их наедине, вероятно, тогда у них получился бы совсем другой разговор, но Маша не жалела. Он ведь сам разрешил ей остаться.

Маша вдруг с испугавшей ее самой обреченностью поняла, что, кажется, влюбилась. Вот так неожиданно-негаданно. Влюбилась. Не в Димку, по которому сохла половина девчонок их потока, а в Крестовского, который держался особняком и лишний раз не раскрывал рта, а если и общался с кем-то, то только с Шиловой и ее свитой. Влюбилась... Настолько, что вдруг поняла маму, которая потеряла голову от однокурсника и готова была бросить учебу. Маша смотрела на пустую страницу тетради, и ей хотелось разреветься от осознания собственной ничтожности. Она — чертова неудачница, у которой ничего не будет в жизни! Как можно было осознать все после того, как он сообщил о своем отъезде?

Димка всю лекцию находился в задумчивости. Стоило прозвенеть звонку, как он тут же принялся кому-то названивать.

Маша вышла за продолжавшим терзать телефон Волковым и решила дождаться, когда он освободится, чтобы предупредить, что уходит. Она очень надеялась, что Димка не спросит, куда именно, потому что ее ответ ему бы точно не понравился. Димка, чертыхнувшись, сбросил звонок

и тут же снова кого-то набрал. Маша открыла было рот, чтобы предупредить о своем уходе, но Димка поднял ладонь, призывая ее подождать.

— Крестовский, тебе Лялька не звонила?.. Нет, сегодня... Не, ничего. Да просто трубку не берет... Ну да, напишу. Ладно, давай.

Димка сбросил звонок и наконец посмотрел на Машу.

— Слушай. — Он взъерошил волосы на затылке. — Мне уехать нужно. Не могу до сестры дозвониться. А она дома одна. Мало ли, короче.

— Я понимаю, — откликнулась Маша, испытывая чувство вины оттого, что ее накрыло облегчением: врать и оправдываться не придется.

Димка несколько секунд смотрел на нее так, будто собирался сказать что-то важное, отчего Маша внутренне напряглась и, чтобы как-то преодолеть неловкость, бодро произнесла:

— Поезжай. Потом отпишись.

Димка, словно очнувшись, кивнул и бегом бросился прочь по коридору.

— Рябинина, что-то от тебя поклонники прям бегом убегают, — насмешливо произнесла увидевшая это Мокрова.

— У меня они хотя бы есть, — парировала Маша и направилась к лестнице, чувствуя взгляд Мокровой. Да и плевать.

До дома Крестовского она добралась за пятнадцать минут. Набирая номер его квартиры на домофоне, Маша не знала, чего хочет на самом деле: чтобы он был дома или чтобы, как в прошлый раз, обстоятельства не позволили ей наделать глупостей. Потому что, кажется, именно глупости она и собиралась делать.

— Да, — раздалось в домофоне, и Маша, глубоко вздохнув, сказала:

— Это Маша.

Дверь шелкнула, и раздался звуковой сигнал.

Консьерж смотрел так, будто она — падшая женщина. Маше стало неприятно, однако парадоксальным образом это не отбило у нее желания подниматься в сто девятнадцатую квартиру. Крестовский ждал ее у открытой двери.

Он еще не переоделся после универа, лишь снял пиджак. Маша подумала, что он вправду красивый. Не яркой, агрессивной красотой, как у Димки, которую невозможно не заметить, а очень спокойной, мужской красотой, на которую залипаешь, стоит лишь раз обратить внимание. Его глаза — светло-карие при дневном свете — в искусственном освещении приобрели зеленоватый оттенок. А еще у него были удивительно правильные, благородные черты лица.

— Ты похож на английского лорда, — озвучила она свою мысль.

Крестовский потер шею и медленно произнес:

— Во мне нет ни капли благородной крови, поверь на слово.

Отступив в сторону, он впустил ее в квартиру. Маше показалось, что сделал он это с неохотой. Она сбросила туфли, стараясь не думать о том, как ее визит выглядит для Крестовского.

Посреди студии, в которой, как обычно, царил идеальный порядок, стояли два чемодана, со стеллажа в спальняной зоне исчезли фотографии и всякие мелочи, которые Крестовский, вероятно, привозил с собой. Квартира, и до этого выглядевшая не очень обжитой, теперь и вовсе напоминала номер отеля.

— Чаю? Кофе? — раздалось у нее за спиной.

Маша, не оборачиваясь, помотала головой. Ей нужно было собраться с мыслями. Она шла сюда, не имея четкого плана. Вернее, план у нее был, но настолько пугающий, что Маша предпочитала о нем не думать. А увидев подтверждение его слов об отъезде, она окончательно растерялась.

— Содовой, молока?

— Прекрати, — попросила она, повернувшись к Крестовскому.

— Я пытаюсь быть вежливым, — произнес он, засунув руки в карманы джинсов. — Будет некрасиво спросить тебя о цели визита?

— Господи, где тебя только воспитывали? — простонала Маша. — Ты издеваешься?

Крестовский некоторое время молча на нее смотрел, а потом обескуражил признанием:

— Я чувствую себя неловко оттого, что ты здесь.

Маша сглотнула и открыла было рот, чтобы спросить, почему он чувствует себя неловко и что вообще происходит, но вместо этого произнесла:

— Почему ты уезжаешь?

Крестовский обошел ее и направился на кухню. Маша пошла следом.

— У меня не получилось здесь, — после паузы произнес Крестовский, достав из холодильника две бутылки воды.

— Что не получилось, Ром? — Маша остановилась посреди кухни.

— Ничего не получилось.

Крестовский достал из шкафчика два стакана и поставил их на барную стойку, упорно избегая смотреть на Машу.

— Переезд был ошибкой, — произнес он, вскрывая бутылку воды.

— Можно мне лучше чаю? — попросила Маша, потому что поняла, что ее трясет и холодная вода только усугубит ситуацию.

— В пакетиках подойдет? Я чайник разбил, а новый так и не купил.

— Подойдет, — заверила Маша, подумав, что ей не нужно было приходить.

Крестовский почти прямым текстом сказал, что он ей не рад. Может быть, ей померещились эти четыре дня? Может, он вовсе не смотрел на нее по-особому? Просто ждал прихода Волкова и коротал время, поглядывая на его парту. А то, что там сидела Маша, — так это случайность. Сиди там Мокрова или Захарова, тоже чего-нибудь о себе возомнили бы.

Маша понимала, что, наверное, ей стоит уйти. Но, вместо того чтобы направиться к выходу, устроилась за барной стойкой, лицом к кухне. Потому что, уйди она сейчас, эта история останется незавершенной, Маша так никогда и не узнает, что творится в его голове, померещились ли ей эти четыре дня и, главное, каково это — прикоснуться к человеку, который

тебе очень-очень нравится. От этой мысли ее щеки запылали. Чтобы отвлечься от своего сумасшедшего плана, Маша принялась наблюдать за Крестовским.

Несмотря на высокий рост, Крестовский совсем не выглядел нескладным, двигался уверенно и экономно, будто чувствовал пространство вокруг себя. Когда он, одновременно наливая воду в чайник, второй рукой не глядя достал из шкафчика упаковку с чаем, Маша не удержалась от вопроса:

— А у тебя в детстве все игрушки лежали на своих местах?

Крестовский недоуменно оглянулся и некоторое время на нее смотрел.

— Ты не глядя находишь вещи в шкафчике. И у тебя везде порядок.

— Пф, — фыркнул он. — Знала бы ты, какой беспорядок у меня в голове... Но игрушки — да, лежали на местах. У меня были очень строгие няни. А с пяти лет я жил в школе-пансионате. Там тоже требовали соблюдать порядок. Я привык.

Его голос звучал немного напряженно.

Маша представила себя на месте Крестовского. Если бы ее в пять лет отправили жить в какой-то там пансионат, да она бы ревела сутки напролет. Она в сад-то со слезами ходила и каждый раз спрашивала маму, точно ли та ее вечером заберет.

— Ты не плакал?

Крестовский поставил на стойку перед ней чашку с чайным пакетиком, сахарницу и только потом ответил:

— Поначалу плакал. Не понимал, почему Волкова домой забирают, а меня — нет. Но потом привык.

— А почему тебя не забирали? — узнавая частички его жизни, Маша почему-то чувствовала себя искателем сокровища.

— Мама хотела вырастить из меня настоящего мужчину, — ответил Крестовский и с преувеличенным интересом принялся изучать упаковку с чайными пакетиками, не спеша садиться.

Маша неожиданно осознала, что равнодушие Крестовского — показное. У равнодушного человека не пульсирует так жилка на виске и не подрагивают руки.

— У нее получилось, — медленно произнесла Маша, не отводя взгляда от его лица. — Но мне тебя очень жалко. Такого маленького отправить в пансионат...

Крестовский перевел взгляд с чайной упаковки на Машу и пожал плечами:

— Так многие живут. Отец много работал, а маме со мной... сложно было. В пансионате я всегда был при деле: различные занятия, активность по возрасту.

Маша едва не закатила глаза: активность по возрасту, серьезно?

— А у вас не принято жить у бабушек с дедушками, если родители заняты? — спросила она. И вовсе не потому, что ей нравилось наблюдать за попытками Крестовского выглядеть равнодушным, а потому что ей вправду хотелось узнать о нем как можно больше. А сегодня у нее был последний шанс.

— Почему? Я все каникулы у деда проводил. Только дед у меня тоже работал. Он был тренером. А бабушка была слабослышащей. Ей со мной было тяжело.

Машино сердце сжалось. Крестовский реально был уверен в том, что доставлял всем кучу хлопот и пансионат для пятилетки был лучшим выходом.

— И теперь ты хочешь вернуться в свою благополучную и счастливую жизнь? — с улыбкой спросила Маша, и одному Богу было известно, чего стоило ей сейчас улыбнуться.

Крестовский вздохнул и сел напротив. Он долго смотрел на блестящий бок сахарницы, а Маша смотрела на него и думала о том, что его недавно кто-то ударил и он кого-то ударил. И, наверное, в Лондоне ему вправду будет лучше.

— Та жизнь... понятнее. Я знаю, что с ней делать, — наконец произнес Крестовский.

— Ну, если ты чего-то не знаешь, всегда можно обратиться за помощью, разве нет? — слотнув, спросила Маша, и ей нестерпимо захотелось коснуться его руки, но она, конечно же, этого не сделала.

— Бывает так, что обратиться не к кому, — переведя взгляд на столешницу, ответил Крестовский.

— Но у тебя же есть друзья, родители...

«Я», — хотела добавить она, но снова не решилась.

— Моя жизнь здесь похожа на какой-то сюр, — усмехнулся Крестовский и потер лицо ладонями. Потом побарабанил пальцами по столу и добавил: — Другьям такое не расскажешь. А у других... Знаешь, я тут окончательно понял, что у каждого куча проблем. Мы живем рядом с человеком и ничего о нем не знаем, а потом что-то случается, и ты такой: «О боже!», а сделать уже ничего нельзя, потому что, когда можно было, ты был придурком, который ничего не видел, кроме своих проблем. И так все время, — закончил он.

— Ты говоришь о Юле? — тихо спросила Маша, решив, что назвать Шилову по фамилии сейчас было бы неуместно.

Крестовский не ответил.

— Ты из-за нее подрался?

Он снова промолчал. Тогда Маша, решившись, коснулась его пальцев. Он вздрогнул и тут же убрал руку со стола, а потом, подняв взгляд на Машу, четко произнес:

— Завтра у меня самолет. Утром. Ты еще будешь спать, а я уже буду стоять в очереди на паспортный контроль. И обратного билета у меня нет.

Договорив, он слотнул, и Маша сцепила кисти рук в замок, потому что заметила, что ее пальцы дрожат.

— Почему ты уезжаешь на самом деле?

Она понимала, что уже задавала этот вопрос и он уже на него отвечал, но ей очень хотелось услышать, что причина и в ней тоже. Что вот так бросить все и сбежать за сотнями километров можно оттого, что некстати обратил внимание на нее, такую простую, такую, как ей всегда казалось, скучную.

Крестовский несколько мгновений молчал, а потом произнес совсем не то, чего она ждала:

— Понимаешь, если на одну чашу весов поставить то, что я раздражаю Волкова, что заставляю отца сидеть раньше времени, что я накосячил в итоге с Юлей, а мое существование не дает покоя Ирине Петровне... Всего этого уже более чем достаточно, чтобы уехать, — невпопад закончил он.

— А что на другой чаше весов? — спросила Маша.

Крестовский встал, оттолкнувшись ладонями от барной стойки, и направился к чайнику, который давно закипел. Возвращаться он не спешил. Просто стоял спиной к Маше и молчал.

— Рома, ты не ответил.

Называть Крестовского по имени казалось странным и... правильным.

— А нет никакой другой чаши, — резко ответил Крестовский. — Я натворил ерунды. Вместо того чтобы все исправить, зачем-то влез в отношения Волкова. Тебе не стоило сюда приходить, — закончил он, не оборачиваясь.

Машино сердце понеслось вскачь. Все-таки ей ничего не привиделось? Она правильно поняла?

— Рома, — позвала она.

Он помотал головой и не обернулся. Маша встала и на ватных ногах двинулась к нему. Крестовский снял чайник с подставки, поставил его на стол, сжав ручку с такой силой, что его кулак побелел. Маша подошла к нему и накрыла его руку, сжимавшую ручку чайника. Для этого ей пришлось приблизиться почти вплотную.

— Я сейчас налью чай, — едва слышно пробормотал Крестовский.

— Я сама, — сказала Маша, и он разжал кулак.

Маша, замирая от собственной храбрости, провела ладонью по его кисти и скользнула своими пальцами между его, не давая ему шанса убрать руку.

Пальцы Крестовского дрогнули, несколько секунд оставались напряженно выпрямленными, а потом сжались, переплетаясь с Машиными. И теперь уже она не смогла бы выдернуть руку, если бы вздумала дать задний ход. Но она и не хотела отступать. Кажется, она находилась именно там, куда рвалась всю последнюю неделю.

Крестовский по-прежнему не оборачивался, и Маша была очень этому рада, потому что понятия не имела, как посмотреть ему в глаза. Зажмурившись, она подалась вперед и прижалась лбом к его спине между острыми лопатками. Крестовский вздрогнул и сжал ее пальцы сильнее.

Маша чувствовала, как часто он дышит, а еще ей показалось, что он дрожит. Или же это была ее дрожь?

— Рома, почему ты уезжаешь? — шепотом спросила она, едва касаясь губами мягкой ткани его рубашки. На самом деле ей очень хотелось спросить: «Рома, что ты чувствуешь ко мне?»

Он с шумом втянул воздух носом и упрямо прошептал:

— Потому что должен.

— Кому? — спросила Маша.

Он не ответил, и Маша, прижавшись щекой к его спине, прошептала:

— Глупый. Ты так смотрел на меня эту неделю, что мне хотелось с занятий убежать.

— Прости, — усмехнулся он, и его спина под ее щекой дрогнула. — Я больше так не буду.

— Не уезжай, — попросила Маша, ужасаясь своей откровенности.

Она услышала, как он сглотнул, почувствовала, как зачастило его сердце. Маша никогда не думала о композиторстве, но сейчас ей казалось, что она могла бы записать мелодию его сердца. И это было бы что-то жутко драйвовое и явно хитовое. Она усмехнулась этой мысли.

Крестовский тоже нервно усмехнулся и ответил:

— Я не могу, Маша.

— Почему?

Он вздохнул, и Маша теснее прижалась щекой к его спине.

— Я только что объяснил. Я мешаю здесь, я...

Маша отклонилась назад и потянула свою руку из его захвата. Крестовский сильнее сжал ее пальцы. Маше даже стало немного больно.

Крестовский, словно это почувствовав, выпустил Машину руку и развернулся к ней лицом. Маша отступила на полшага назад. Эти несчастные полшага оказались ловушкой. Наверное, окажись она ближе, она бы не осмелилась поднять на него взгляд. Отступи чуть дальше — и это не ощущалось бы так, будто с нее сняли кожу.

Крестовский тяжело дышал, его зрачки были расширены, и Маша непременно испугалась бы, если бы на его

месте был кто-то другой. Ему она доверяла полностью. Иначе не пришла бы сюда с затаенной мыслью пойти до конца.

Если раньше она думала о том, что скажет Димка, как к этому отнесется мама, то сейчас, когда Крестовский смотрел на нее вот так, все сомнения разом ее оставили. Именно в этот момент Маша поняла, что действительно готова на все. Осознание того, что он уедет и уже ничего никогда не случится, было просто невыносимым. О том, что будет после его отъезда, Маша предпочитала сейчас не думать.

Она скользнула взглядом по его губам, по подбородку, по дернувшемуся кадыку... Две верхние пуговицы его рубашки были расстегнуты, и Маша увидела, что его шея и грудь сравнялись по цвету с алеющими ушами.

Она подумала, что сама, наверное, такая же красная, и ей стало немного неловко, но ровно до того момента, когда Крестовский произнес севшим голосом:

— Не смотри на меня так, пожалуйста.

Маша встретила с ним взглядом и прошептала:

— Почему?

И хотя она догадывалась об ответе, ее сердце все равно рухнуло в желудок, когда он едва слышно сказал:

— Иначе я тебя поцелую.

Маша открыла было рот, чтобы что-нибудь сказать, но ей удалось лишь нервно усмехнуться, в который раз за последние десять минут. Ее смехок послужил спусковым механизмом. Крестовский за долю секунды преодолел эти несчастные полшага и поцеловал Машу в губы.

Машино сердце из желудка подлетело к горлу. На миг она испугалась того, что должно было произойти, а потом он осторожно скользнул ладонью по ее спине, и Маша как-то сразу успокоилась.

Этот поцелуй не был даже отдаленно похож на поцелуй с Димкой. Сейчас ей не было страшно, не нужно было ни о чем беспокоиться. И это оказалось удивительно — ни о чем не думать, а просто позволить себя целовать, зная, что можешь абсолютно довериться человеку.

Крестовский целовал ее так нежно, что у Маши кружилась голова. Чтобы осознать происходящее до конца, она привстала на цыпочки и обняла его за шею.

Крестовский шумно втянул носом воздух и прижал ее к себе. Маша почувствовала, что они куда-то перемещаются, но не стала открывать глаза, потому что верила ему безоговорочно.

Она оказалась прижатой спиной к дверце то ли шкафа, то ли холодильника. К нежности поцелуев добавился напор, но страшно по-прежнему не было. Только голова закружилась еще сильнее от осознания того, что все это по-настоящему. Маша отвечала ему как могла, почему-то не комплексуя из-за отсутствия опыта. Она была уверена, что он и не подумает смеяться над ее неловкостью.

Когда ее рука скользнула под воротник его рубашки, по горячей шее, по горлу и вниз по груди до первой застегнутой пуговицы, Крестовский отстранился и уперся лбом в дверцу шкафа над Машиным плечом.

— Что мы делаем? — спросил он, крепко зажмурившись.

— Это называется «целоваться», — пошутила Маша, чувствуя неловкость, и убрала руку, случайной зацепив его пуговицу. Пуговица выскользнула из петли. Крестовский, тяжело дыша, выпрямился, посмотрел на свою рубашку, на которой теперь уже три пуговицы были расстегнуты, и сделал шаг назад.

Он молча смотрел на Машу, и с каждой секундой ей становилось все неудобнее. С пуговицей вышло неловко. Маша и не планировала ничего такого прямо сразу. Да и вообще понятия не имела, как приступить к своему плану, потому что до сих пор не была уверена в том, что правильно понимает происходящее между ними. Если бы она была в сказке, то его собранные чемоданы сейчас исчезли бы, сам Крестовский наконец сказал бы, что к ней чувствует, и они уже вместе придумали бы, как решить вопрос с Шиловой и Димкой. Но Маша, увы, находилась в реальности, в которой Крестовский стоял напротив, засунув руки в карманы джинсов и втянув голову в плечи так, будто ему было холодно.

Не выдержав молчания, Маша шагнула к нему и вновь обняла его за шею. На миг ей показалось, что Крестовский отстранится, но он остался стоять на месте. Замирая от того, что собирается сделать, Маша осторожно его поцеловала, и он тут же ответил на поцелуй, не позволив ей даже на секунду усомниться в уместности ее порыва. И она была ему за это безгранично благодарна, потому что, поступи он по-другому, Маша умерла бы на месте от стыда. Для полного счастья ей не хватало только, чтобы он ее обнял, но он так и не вынул рук из карманов.

Оторвавшись от его губ, Маша несколько секунд смотрела на него снизу вверх, думая о том, что он очень красивый, а еще очень особенный и самый лучший. В голову ей лезла сплошь какая-то чепуха, которой место даже не в любовных романах, а в блокжике страдающей пятиклассницы. Разом поняв всех девочек из интернета, которые так подетски и косноязычно выражали свои влюбленные порывы, Маша произнесла:

— Ты красивый.

— Ты тоже. Очень, — серьезно ответил Крестовский, и Машино сердце невольно замерло. Услышать это от честного Крестовского было бесценно.

— Спасибо, — прошептала она, чувствуя, что краснеет.

— Можно вопрос? — по-прежнему серьезно произнес Крестовский и отступил на шаг, вынуждая ее разорвать объятие.

Маша кивнула, хотя сама планировала засыпать его вопросами.

— Зачем ты здесь?

Было бы честно ответить «потому что, кажется, я влюбилась и понятия не имею, что мне с этим делать», но Маша представила шок Крестовского и решила, что она все же не настолько храбрая, чтобы быть честной.

— Я хотела поговорить с тобой до отъезда.

— О чем? — тут же спросил Крестовский.

У Маши не было ответа на этот вопрос. «О нас» прозвучало бы глупо, поэтому она сказала:

— О Димке.

— Оу. А что с ним? — с преувеличенно озабоченным видом нахмурился Крестовский и принялся суетливо застегивать пуговицы на рубашке.

Маша не знала, как продолжить, поэтому решила рассказать часть правды.

— У меня с ним проблема. Он меня поцеловал.

Крестовский, закончивший возиться с рубашкой, даже не изменился в лице — смотрел все с теми же озабоченностью и готовностью помочь. Пауза затягивалась. Наконец, поняв, что Маша не собирается продолжать, Крестовский, кашлянув, уточнил:

— А в чем проблема?

— В том, что он меня поцеловал, — ответила Маша.

Крестовский помотал головой:

— Маша, извини, я не понимаю. В чем именно проблема? Он как-то так по-особенному тебя поцеловал, что это превратилось в проблему?

Если бы Маше не было так неловко сейчас, она бы непременно рассмеялась. Господи, почему они все такие тупые?

— Да, он сделал это по-особенному, завалил меня на кухонный стол и...

Маша замолчала, понимая, что снова ищет утешения у Крестовского, хотя это, по сути, не его проблема.

Выражение лица Крестовского наконец изменилось, и на смену показной озабоченности пришло... Маша охарактеризовала бы это как раздражение, однако его голос звучал приторно-вежливо, когда он произнес:

— Слушай, главная проблема, по-моему, в отсутствии у тебя подруг. Я не знаю, что тебе сказать. Я не очень привык обсуждать подобное с девушками. Я... Черт, почему ты вообще позволила случиться поцелую?

— Потому что он не спрашивал!

— Надо было сразу дать мне по морде!

Закончили они одновременно.

— Ты про какой поцелуй? — спросили они в один голос.

Маша нервно усмехнулась, Крестовский остался серьезным.

— Я про Димку, — сказала Маша. — А ты, вероятно, про сегодняшнее?

— Маша, что ты подразумевала под фразой «он не спрашивал»?

— Я не думала, что он меня поцелует, — принялась объяснять Маша, хотя и чувствовала себя при этом дико неловко. — Он просто как с цепи сорвался, завалил меня на стол, я... Не смотри так, ничего не случилось, я убежала. Но ты представь, как я испугалась. Я не знаю, как теперь с ним в одном помещении оставаться. Как общаться теперь. Да и вообще как хоть с кем-то теперь наедине оставаться. Это же...

— До этого он себе подобного не позволял? — медленно произнес Крестовский с очень странным выражением лица.

— Нет, мы вообще не целовались ни разу.

Крестовский смотрел на Машу расширившимися глазами и, кажется, не верил.

— Не смотри так. Да, это был мой первый поцелуй с Волковым. И он вот так себя повел. И я испугалась. Я теперь...

— Понятно, — перебил ее Крестовский и отошел к дивану. У дивана он поправил и так аккуратно сложенный плед, поменял местами диванные подушки, хотя они были одинаковыми и стояли ровно.

— Рома, в чем дело?

— Ты ведь проверяла, да? — повернувшийся к ней Крестовский выглядел таким, каким она видела его на протяжении многих месяцев: собранным, отстраненным и невозможно далеким.

— Ты испугалась Димки и хотела проверить, будет ли тебе страшно поцеловаться с кем-то еще? Так? Нет, я понимаю: я — удобная кандидатура. Я в курсе твоего страха, я завтра улетаю, и у тебя не будет проблем. Я правда понимаю и не обижаюсь. — Крестовский поднял руку, призывая Машу помолчать, хотя у нее и слов-то не было, рот она открыла от удивления. — Видишь, это нестрашно. И с Димкой тоже все наладится. Это просто нервы. Он не сделал бы тебе ничего плохого. Я его знаю.

— Рома... — начала Маша, не зная, как продолжить. Монолог Крестовского показал, что у него мозги работают вообще не как у нормальных людей. Она немного боялась, что он воспримет ее желание пойти с ним до конца как попытку девушки из необеспеченной семьи подцепить богатого мальчика, и готовилась объясняться именно по этому поводу. Но то, что он решит, будто она что-то тут проверяла, потому что испугалась Волкова...

— Давай так: я сейчас отвезу тебя в универ, и вы поговорите, — меж тем произнес Крестовский.

— Он уехал домой, — на автомате ответила Маша, пытаясь понять, что ей теперь делать и почему Крестовский такой идиот.

— Оу... Ну ты же знаешь его адрес? Насчет сегодняшнего... Либо мы ничего не говорим Димке, либо я сам ему все объясню. Скажу, что это — моя вина. В общем-то так оно и есть. Я за второй вариант, потому что, если это всплывет, когда меня не будет, Волков может взбеситься...

— Рома, что ты несешь? Остановись, — наконец обрела дар речи Маша.

— Не хочешь ему говорить? Ну окей. Только все тайное однажды становится явным, как-то так, кажется, говорят?

— Хватит! — повысила голос Маша. — Ты несешь чушь. Мы с Димкой никогда до этого не целовались, потому что мы просто друзья. Я не знаю, с чего ты взял обратное. Тогда, на яхте, Димка просто так это брякнул. Я не знаю зачем. И я ничего не проверяю...

— Маша, — Крестовский перебил Машу, резко рассмеявшись, — ты заблуждаешься. Вы не друзья. Для Димки — нет. Он считает тебя своей девушкой. И, поверь мне, у него есть основания. Я наблюдал за вами несколько месяцев.

— Ты наблюдал?

— Речь не об этом. — Крестовский отвел взгляд, вновь зачем-то переставил местами подушки и произнес: — Вы отличная пара, и у вас все будет хорошо.

— А что, если мне нравишься ты? — Маша решила, что терять ей уже нечего и, пожалуй, она может позволить себе

побыть храброй, потому что он как-то умудряется понимать все не так.

Крестовский снова рассмеялся и в третий раз поменял подушки местами. Маша подошла к дивану, Крестовский отступил в сторону. Тогда она взяла две крайние подушки и сбросила их на пол.

— Я вижу, ты никак не определишься, как им лучше стоять. Пусть пока полежат, ладно? — едва сдерживаясь, чтобы не заорать, произнесла она.

— Пусть полежат, — согласился Крестовский и отступил еще на шаг.

— Я не кусаюсь, Рома, — сообщила Маша и уселась на диван, скрестив руки на груди.

Крестовский после некоторых раздумий молча сел рядом и повернулся к Маше. При этом его колено случайно коснулось ее, и он тут же отодвинулся.

— Ты слышал, что я сказала? — спросила Маша, глядя на него в упор.

— Да. Только это пройдет.

Это был не тот ответ, на который рассчитывала Маша, поэтому она спросила:

— Откуда такая уверенность?

— Маша, я не могу влезть в отношения Димки во второй раз. Ты слышала про историю с Эммой. Ужин на «Рене» был ошибкой. Сегодняшний поцелуй был ошибкой в квадрате. Это моя вина, я не должен был.

— Почему ты винишь только себя? Это я сюда пришла. Я хотела, чтобы ты меня поцеловал, я...

Маша осеклась, когда поняла, как Крестовский на нее смотрит. На нее никто никогда так не смотрел. Будто она — центр вселенной. Маша протянула руку, чтобы коснуться его щеки, но он, отдернув голову, встал:

— Тебе пора, Маша.

Голос Крестовского прозвучал непривычно жестко, и Маша подумала о маме и Крестовском-старшем. Наверное, тот выглядел и говорил так же. Впрочем, мама вспоминала, что они так и не поговорили, потому что Лев

трусливо сбежал. Что ж, у его сына оказалось больше мужества. Хотя, может быть, дело в том, что у него просто не было возможности избежать этого разговора.

Маша молча встала, не зная, что еще сказать. Что обычно говорят, когда мир вдруг рушится в одночасье, когда человек, в которого ты умудрилась влюбиться, сначала целует тебя, так нежно, так по-особенному, смотрит так, будто проникает под кожу, а потом говорит, что ты непременно должна уйти?

Крестовский вновь взъерошил волосы, попробовал улыбнуться, но у него, к счастью, не вышло. Улыбнись он сейчас своей голливудской улыбкой, Маша точно разревелась бы.

— Маша, прости, — начал он. — Ты мне... тоже нравишься. Очень. Именно поэтому я... — он запнулся, подбирая слова. — Я уже наделал глупостей на две жизни вперед. Окончательно добивать Волкова я не хочу. Он считает тебя своей девушкой, пусть даже и не взаимно, а я считаю его своим другом. Я не могу.

Крестовский говорил таким тоном, будто Маша была непроходимо тупой и не желала понимать очевидных вещей.

— Вы — два идиота! — не выдержав, выкрикнула Маша. — А ты к тому же еще и трус, — уже спокойнее добавила она и пошла к выходу.

Они оба решили, что она принадлежит Волкову, и им обоим было абсолютно наплевать лично на нее, несмотря на то что она им типа нравится.

Подхватив с пола сумку, Маша попыталась быстро обуться, но одна из туфель лежала на боку. Маша зло пнула ее, чтобы та перевернулась, но туфля улетела под вешалку. От такой подставы Маша едва не разрыдалась. Какая же она дура! Напридумывала себе что-то.

Бросив сумку на пол, она присела на корточки и потянулась за туфлей.

— Маша, пожалуйста, — раздалось над ее ухом.

Маша подняла голову. Крестовский стоял на коленях совсем рядом и смотрел так, как смотрел на нее четыре последних дня.

— Ты идиот, — тихо сказал Маша.

Он кивнул и, подавшись вперед, прижался губами к ее виску. Маша закрыла глаза.

— Прости меня, — услышала она. — Я правда трус. Прости. Мы можем переписываться, если хочешь. Созваниваться. Я всегда тебя поддержу. Ты можешь звонить в любое время, правда.

Маша, поднявшись на ноги, наконец обулась. Крестовский тоже встал. Он выглядел несчастным и потерянным, и Маше непременно стало бы его жалко, если бы ей самой не было так тошно.

— Знаешь, мы не сможем стать друзьями, Рома. Это так не работает. Удачи тебе в Лондоне, счастья тебе и вообще... — Маша говорила какие-то шаблонные фразы, понимая, что замолчи она сейчас — и слезы потекут ручьем.

Где-то в глубине квартиры зазвонил мобильный Крестовского, но он даже не шелохнулся, продолжая смотреть на Машу.

— Не будешь отвечать? — стараясь, чтобы голос звучал непринужденно, уточнила она.

Крестовский помотал головой, глядя на нее во все глаза.

— Ну пока. Удачи, — улыбнулась Маша.

Мобильный Крестовского зазвонил снова. Крестовский вновь на него не отреагировал. Вместо этого шагнул к Маше и крепко ее обнял. Маша тут же уткнулась в его плечо и поняла, что никогда не испытывала такой смеси эмоций. Она будто целую жизнь прожила за последние полчаса. Ее мир успел рухнуть, возродиться, рухнуть вновь. Злости больше не было, и на гордость сразу стало как-то наплевать. Вероятно, дело было в чемоданах, которые стояли посреди квартиры немым напоминанием о его скором отъезде.

Маше казалось, что она могла бы стоять так вечность, улавливая запах его кожи за нотками одеколона и кондиционера для белья. Крестовский осторожно поцеловал ее в макушку. Маша обняла его за шею и, привстав на цыпочки, во второй раз за сегодняшнюю жизнь сама поцеловала его в губы, понимая, что ей совершенно плевать на завтрашний день; сегодня она планировала заполучить воспоминания, которые будет лелеять бессонными ночами,

и Крестовский, ответивший на ее поцелуй, кажется, соби-
рался ей это позволить.

Телефон смолк, и Маша, улыбнувшись в губы Крестов-
ского, собралась было пошутить, что весь мир может подо-
ждать, однако в ее сумке заиграла вторая сюита Баха.

Крестовский тут же отстранился и хрипло спросил:

— Волков?

Маша кивнула.

— Наверное, нужно ответить? — произнес Крестовский.
И, судя по его взгляду, это не было вопросом.

Перед тем как ответить, Маша поправила блузку, словно
Димка звонил по видеосвязи.

— Алло.

— Маш, скажи номер квартиры Крестовского.

— Что? — Маша в панике оглянулась на Романа.

— Номер квартиры Крестовского скажи! — Димка так
заорал в трубку, что Маша подскочила.

— Сто девятнадцать, — одними губами подсказал Кре-
стовский, хотя Маша и сама это знала.

— Сто девятнадцатая, — повторила Маша в трубку, и на
стене у двери тут же запиликал домофон.

Глава 26

Ты рушишь планы, и это красиво.

Решился на переезд Роман неожиданно легко. После телефонного разговора с бабушкой Юлы. Та позвонила в понедельник утром с телефона Юлы, и Роман, увидев входящий, едва не взлетел до потолка от облегчения, радуясь, что у него появился шанс все уладить.

Однако радость лопнула как мыльный пузырь в первую же секунду разговора. Оказалось, что Юла улетела с отцом во Флориду, потому что большую часть времени тот проводил именно там.

— Она оставила мне сим-карту, Роман. Сама вам звонить не захотела. И меня не просила, но я решила, что вам лучше узнать о ее отъезде.

— Она вернется?

— Я очень надеюсь, — ответила Жанна Эдуардовна без своих обычных прибауток и после паузы добавила: — Она, возможно, вам напишет, а может, и нет. Вы видели ее в уни-зительной ситуации. Женщины такое не прощают.

Роман кивнул, хотя это и было глупо. Жанна Эдуардовна отключилась не прощаясь, а Роман еще долго стоял посреди пустой квартиры и смотрел в одну точку. Кажется, все разрешилось без его участия. Юле он больше не нужен. Роман окинул взглядом студию и вдруг подумал: зачем ему все это? Зачем жить там, где тебе плохо? Не давая себе времени передумать, он позвонил отцу и сообщил, что улетает в Лондон.

Отец спросонья предположил, что причина — юбилей английского деда, который должен был наступить через десять дней, но Роман сказал, что улетает насовсем. Отец

после паузы произнес: «Слава богу» — и, сообщив, что планирует еще поспать, отключился.

Поскольку вопрос с отлетом решился внезапно, Роман не придумал ничего лучше, чем пойти в универ. По пути он объяснил это сам себе желанием поговорить с Волковым. Правила приличия требовали, чтобы он сам сообщил об отъезде. Роману хотелось думать, что эта информация будет Волкову важна.

Волков занятия прогуливал, а взглянув на сидящую в одиночестве Машу, Роман тут же вспомнил о своем плане.

Игнорировать Машу оказалось очень сложно. Роман приходил в аудиторию после звонка, убегал, как только заканчивалась очередная лекция. Это было стыдно, но сообщить об отъезде — отстраненно, как бы между прочим — он не мог. Ему казалось, что Маша неминуемо начнет задавать неудобные вопросы, на которые у него не было ответов, а еще она ведь будет смотреть прямо в глаза, внимательно и с участием, как умеет только она. И как в такой ситуации сохранить дистанцию?

После его тупого СМС, сообщившего, что он не хочет разговаривать, Маша перестала смотреть в его сторону. И это, пожалуй, было хорошо. А то, что настроение испортилось окончательно, — это ерунда. Он справится.

После занятий Роман купил билет на субботу, объяснив отцу, что хочет закончить здесь дела. Отец хмыкнул и, к счастью, ни о чем расспрашивать не стал. В связи с приближающимся отъездом дяди Волкова в командировку на отца свалилось много работы, и времени на то, чтобы вникать в дела Романа, у него не осталось. Роман был этому несказанно рад, потому что, спроси его отец, какие он дела собирается здесь завершать, вразумительного ответа он дать не смог бы.

Весь вечер понедельника он собирал вещи, зависая то над книгой, то над моделью самолета, но к ночи бóльшая часть багажа была собрана.

Во вторник Роман снова пошел в универ, но Волков опять не появился. Однако это не помешало Роману остаться до конца лекций, потому что дома делать было нечего,

а в универе была грустная Маша. Она больше не смотрела в его сторону и выглядела так, будто у нее что-то случилось. Роман убеждал себя в том, что дело в ссоре с Волковым, потому что не желал даже на миг допускать мысли, что причина может быть в его дурацком СМС. Первоначальный план трещал по швам.

Сейчас, когда он сидел один и можно было смотреть в сторону Маши без опасений вызвать недовольство Юлы или взбесить Волкова, Роман не мог ничего с собой поделать. Как будто его совесть, успокоенная обратным билетом и решением непременно слетать к Юле во Флориду, когда страсти поулягутся, капитулировала и позволила Роману делать почти все, что ему захочется. А ему хотелось смотреть на Машу.

Вдруг оказалось, что месяцы намеренного игнорирования пространства вокруг Волкова, в котором неизменно находилась Маша, не уберегли его от того, чтобы столько всего о ней узнать. Например, она не всегда хмурилась от досады. Иногда она делала это от неловкости. Еще она очень быстро писала, а если смотреть на нее достаточно долго, краснела и низко склоняла голову к тетради, над которой мелькала ее ручка. В такие моменты Роман отворачивался, потому что чувствовал себя виноватым в том, что ее достает. Обещал себе больше так не делать, но не проходило и пяти минут, как его взгляд сам собой устремлялся в ту сторону.

Совесть молчала, потому что на барной стойке в его квартире лежал распечатанный электронный билет до Лондона. К тому же это ведь не вмешательство в дела Волкова. Он ведь с ней даже не разговаривает.

В среду Роман написал заявление на отчисление, но так и не отдал его в ректорат. Вместо этого все четыре пары он размышлял, не выбросить ли его и не написать ли новое на академический отпуск. Вот только не факт, что Юла вернется в Москву, тем более не факт, что станет доучиваться. Так что ему не было смысла возвращаться. Доводы были разумными, но заявление на отчисление так и лежало в его сумке до самой пятницы, когда наконец в универ пришел Волков.

Одновременно с облегчением Роман испытал досаду. Волков одним своим видом вытеснил из головы Романа всю сентиментальную чепуху. Видя боковым зрением, как Маша и Волков привычно беседуют, Роман понял, что он все-таки идиот. Стоило тут торчать четыре дня, зачем-то наблюдая за чужой девушкой... Мог бы улететь еще во вторник, а Волкову позвонить по видеосвязи.

Злясь на себя за тупость, Роман задержал Волкова после первой лекции и сообщил, что уезжает. Волков на миг стал таким, каким Роман помнил его по тем временам, когда они еще были друзьями: растерянным и ожидающим ответа. Причем такого, который ему понравится. Такого ответа у Романа не было. Он попробовал шутить, но выходило тупо, потому что Волков смотрел так, будто вправду не хотел, чтобы Роман уезжал, и это было как удар под дых. Потому что они ведь не были больше друзьями.

А еще Роман всей кожей чувствовал взгляд Маши, которая сидела тихо, как мышка, но смотрела так, будто мстила за эти четыре дня, когда Роман ее разглядывал. Он понимал, что краснеет, несет ерунду, но ничего поделать с этим не мог.

Зато после признания на душе стало легче. Правда, неплохо вышло с Машей. Он даже не попросился, потому что позорно сбежал; но как вышло, так вышло. К лучшему.

Роман занес заявление в ректорат и отправился домой. Он планировал переодеться и погулять напоследок по Москве, купить сувениры Стиву и ребятам, подарок деду. Но к нему пришла Маша.

У Романа было несколько секунд на принятие решения, и он его принял: взвешенно, без эмоций. Раз достоверно изобразить незаинтересованность не получилось, он поступит иначе. Это ведь во благо. Правда, от того, что он собирался сделать, его ощутимо потряхивало, но это ерунда. Он справится. Обязательно. Волков ему за это еще спасибо скажет. В каком-то другом, идеальном, мире.

Свой план Роман решил осуществлять постепенно. Сначала продемонстрировал недовольство по поводу Машиного прихода. Она явно смутилась, но уходить не спешила. А ведь как все было бы просто, уйди она сразу. Затем

начались расспросы, и Роману пришлось рассказывать об особенностях жизни детей в Лондоне. Все это время он про себя молил ее уйти, но она вместо этого стала выпытывать о причинах его отъезда.

А потом Маша неожиданно взяла его за руку, и Роману пришлось убрать руку со стола, а после и вовсе сбежать на кухню под предлогом налить чаю, потому что ему нужно было собраться с силами. Вдруг оказалось, что быть подонком не так-то просто.

Когда Маша подошла к нему со спины и коснулась его кулака, Роман едва не опрокинул на пол чайник с кипятком. Он еще не был готов, но Маша-то об этом не знала и своими действиями невольно форсировала события, особенно когда прижалась щекой к его спине.

Роман на автомате что-то говорил, а сам убеждал себя в том, что вот сейчас он все сделает как надо. Соберется и сделает.

Нанести осознанный удар, глядя человеку в глаза, было не просто сложно, это ощущалось физически больно. Роман мысленно проклинал отца, который с детства вбивал ему в голову нормы морали и правила поведения с девушками. В итоге Роман смалодушничал — предупредил Машу о поцелуе. В его идеальном мире после этих слов она должна была отшатнуться, броситься к выходу, как тогда в каюте, но она усмехнулась и качнулась в его сторону. Роман, запретив себе рефлексию, шагнул вперед и поцеловал ее в губы.

В этот момент он понял, что его план обречен на провал, потому что поцеловать любимую девушку так, чтобы ей не понравилось, чтобы, более того, она испугалась и возненавидела тебя, оказалось непосильной задачей. Во-первых, потому что в момент, когда ее губы приоткрылись навстречу, Роман окончательно смирился с тем, от чего бегал многие месяцы: он влюблен, и спорить с этим бесполезно; а во-вторых, стоило Маше ответить на поцелуй, как он понял, что не сможет сделать ей больно. В теории все было легко. Он понимал, что, если сейчас рассмеется, скажет гадость, пошутит на тему ее неверности Волкову, она

его возненавидит, потому что прекрасно осознавал, чего стоило честной, справедливой Маше прийти сюда, зная, что Димке будет больно. Но на практике попытки убедить самого себя: «Вот сейчас я перестану ее целовать и скажу гадость, еще секунду...» — результата не приносили. Секунда шла за секундой, а остановиться он был не в состоянии.

Маша обняла его за шею, и Роман понял, что, если не сделает что-либо прямо сейчас, пути назад не будет. Невероятным усилием воли он запретил себе быть нежным и подался вперед, заставляя Машу отступать до тех пор, пока она не уперлась спиной в дверцу холодильника. Вот здесь она снова должна была испугаться, но в ее поцелуях, хаотичных и быстрых, страха по-прежнему не было, и Роману пришлось признать, что он — идиот, который сделал все еще хуже.

Он разорвал поцелуй и, отстранившись, уперся лбом в холодильник. Вопрос «что мы делаем?», по сути, не был для Романа вопросом. Это была констатация факта, что он — лузер, который не заслуживает ни друзей, ни девушки, ни чьего-либо нормального отношения. Ответа Маши он не разобрал, но зато почувствовал, как она расстегнула пуговицу на его рубашке. Вот тут Роман напрягся окончательно, потому что так далеко в попытке испугать Машу он заходить не собирался. Он вообще надеялся, что все закончится после его предупреждения о поцелуе. Маша смотрела так доверчиво и восторженно, была такой красивой, что Роман понял, что он пропал. Еще никогда ничей другой взгляд так не выворачивал его наизнанку. Куда там Эмме с тем глупым спором, стоившим ему в итоге друга! Куда Монике и Лиззи! Хотя и та и другая Роману правда нравились, и с обеими у него дело дошло до секса, но таких эмоций, с которыми ты не знаешь что делать, он не испытывал никогда. Наверное, в этой чертовой Москве и правда вирус.

А потом Маша поцеловала его сама, и, когда прошел первый шок, он понял, что отвечает на ее поцелуй. Единственное, чего он себе, к счастью, не позволил, — обнять ее в ответ.

Потом он пытался спасти ситуацию диалогом, и вроде бы все даже стало налаживаться, но ровно до того момента, пока Маша не рассказала про поцелуй с Волковым. Роман на миг перестал дышать от обиды. Он очень надеялся, что выглядит спокойным и отстраненным и что Маша, у которой тоже, оказывается, был план, не видит, каково ему сейчас.

Проверить, будет ли страшно целоваться с кем-то кроме Волкова... Ну а что? Вполне хороший план. Главное — действенный. И будешь, конечно, смотреть с восторгом и восхищением, когда станет понятно, что все преодолимо, что целоваться нестрашно, а значит, и с Волковым все решается.

Роман мигом забыл, что он хотел обидеть и испугать Машу, чтобы она наконец ушла. Сейчас он был обижен и испуган сам. Обижен, потому что быть запасным вариантом оказалось, мягко говоря, неприятно. А испуган потому, что слишком много узнал о своих чувствах к Маше во время этого злосчастного поцелуя.

После того как он уверил Машу, что Волков не причинил бы ей вреда, она неожиданно разозлилась. Это сбило его с толку, но Роман решил ничего не выяснять. Просто нужно было убедить ее уйти и забыть все как страшный сон. Он попытался донести эту мысль до Маши, но она вдруг сказала, что он ей нравится, и все реплики, четко выстроенные у него в голове, улетучились. И все снова пошло не по плану. Потому что сделать Маше больно после ее признания смог бы только конченный подлец. Таким Роман пока еще не был, поэтому он честно озвучил ей причину, по которой ей лучше уйти. Он сказал даже больше, чем хотел. И вдруг оказалось, что признаться в симпатии к Маше легче, чем сказать вслух о том, что он продолжает считать Димку другом и не может снова сделать ему больно. Маша обозвала его трусом, и Роман с горечью понял, что победил. Оказывается, победа может остаться за трусом, если он вовремя скажет правду. Эта мысль окончательно выбила его из колеи.

Глядя на то, как Маша уходит, Роман малодушно решил оправдаться. Понял, что если оставит все так, то легче будет сразу сдохнуть, потому что презрение человека, который

тебе дорог, отравляет жизнь почище яда. Уж Роман-то знал об этом не понаслышке.

Он лепетал оправдания, а Маша выглядела так, будто из музыкальной композиции убрали тему, оставив только ячейки. Мысль о том, что Маша — многотемная музыка — может превратиться в примитивный набор повторяющихся ритмов, так испугала Романа, что он шагнул вперед и обнял ее изо всех сил. Почему ему на ум пришли давно, казалось, забытые знания из его музыкального прошлого, он не знал. Может быть, потому что звонок его телефона разносил по квартире роковый рефрен, а может, потому что он всегда видел Машу такой нежной и музыкальной, просто раньше не позволял себе об этом думать.

Когда Маша неожиданно обняла его и поцеловала, Роман сдался и позволил себе этот последний поцелуй, потому что у него был билет в один конец и потому что сейчас все закончится, он отвезет Машу к Волкову, получит по физиономии и уйдет. И никогда больше не вспомнит о Маше, не зайдет на ее страничку, не будет пересматривать фото с вечеринки на «Рене»...

Вторая сюита Баха поставила точку в его метаниях, и от этого вдруг стало так легко, что Роман подумал: зря он забросил музыку. Она же была частью его жизни много лет.

Волков так орал в трубку, что Роману все было слышно, и это тоже приносило облегчение. Все закончится здесь и сейчас. Это ли не классно?

Роман нажал кнопку домофона, отпер дверной замок и обратился к Маше:

— Побудь на кухне, пожалуйста.

Маша замотала головой и схватила его за руку. В ее глазах был испуг. Роман сжал ее пальцы и, поднеся их к лицу, коротко поцеловал:

— Пожалуйста.

И Маша сдалась.

Роман распахнул дверь как раз в тот момент, когда лифт остановился на его этаже.

Волков выглядел дерганным и каким-то странным, будто принял что-то тонизирующее.

Роман коротко вдохнул и выдохнул. Он не хотел драки. Не с Волковым. Но отдавал себе отчет в том, что за любой подлый проступок приходит неминуемая расплата.

— Дим, — Роман примирительно поднял ладонь, — перед тем как ты дашь мне в морду, можно я объясню?

Сейчас главное было — отвести угрозу от Маши. И не потому, что Роман был таким уж джентльменом, просто он не мог позволить кому-либо причинить Маше вред. А Волков, находившийся в таком состоянии, пожалуй, был на это способен.

Волков кивнул и, подвинув Романа плечом, вошел в квартиру. Машу он увидел сразу и медленно повернулся к Роману.

— Дим, Маша пришла попрощаться, — начал Роман, перемещаясь так, чтобы оказаться между Волковым и Машей. — Я ее поцеловал. Я идиот. Можешь меня убить. Я даже сопротивляться не буду. — Роман чувствовал, как мускулы ноют от напряжения в ожидании драки.

Волков смотрел на него несколько секунд, а потом очень тихо произнес:

— Лялька пропала.

— Что, прости? — не смог сразу переключиться Роман.

— Она трубку не брала, — произнес Волков, не взглянув на подошедшую к ним Машу, — и дома ее не оказалось. Зато там было вот это.

Волков достал из кармана смятый тетрадный лист и протянул Роману.

«Димка, прости. Но так будет лучше. Он меня любит и не ранит своими грехами. Мы совпадаем».

Роман перечитал записку несколько раз и напряженно произнес:

— Чушь какая-то.

Маша забрала записку и пробежала глазами написанное. Она выглядела взволнованной и сосредоточенной.

— Это из какого-то фильма? — наконец спросила она. — Про грани? Просто фраза странная.

Волков несколько секунд смотрел на Машу, а потом медленно произнес:

— Она спрашивала на днях, как люди могут жить друг с другом, если они все — многогранники и ранят друг друга гранями.

Волков перевел взгляд на Романа, и Роман вспомнил:

— А меня она спрашивала, что такое любовь. Говорила, что кто-то сказал ей, что это два одиночества на пути в вечность. Я еще ответил ей тогда, что это чушь.

— Кто ей об этом сказал? — спросила Маша, глядя попеременно на них обоих.

Волков скинул кеды не расшнуровывая и прошел на кухню.

— Какой-то упырь из Сети. Попить можно? — обратился он к Роману, указав на воду, которую Роман достал из холодильника после прихода Маши.

— Да, конечно, — откликнулся Роман и, чтобы не было так мучительно неловко, забрав у Маши записку, сделал вид, что перечитывает ее.

Волков выпил залпом половину бутылки и повернулся к Роману, несколько секунд на него смотрел, потом перевел взгляд на Машу. Роман даже представить не мог, что творится сейчас у Волкова в душе. Если бы можно было все переиграть, в эту самую минуту Роман знал правильный ответ: он ни за что не открыл бы дверь Маше.

— Ты в полицию сообщал? — негромко спросил Роман.

— Они сказали, надо ждать три дня. — Волков оперся локтями о барную стойку и запустил пальцы в волосы.

Роман не знал, как это происходит здесь, но в Лондоне на сообщение должны были отреагировать. Тем более что Лялька несовершеннолетняя.

— Они соврали, Дим. Просто не захотели возиться. Они не имеют права отказать, — подала голос Маша и, обойдя барную стойку, встала напротив Волкова. Роман напрягся. Ему показалось, что Димка сейчас взорвется, поэтому он тоже приблизился к барной стойке и встал с торца.

Волков выпрямился и посмотрел на Романа.

— Ты говорил, что у тебя есть доступ к ее аккаунту.

— Был. Она сменила пароль не так давно.

— Блин! — Волков вновь схватился за голову. — Кто он? Какого черта я отмахивался? Вдруг она рассказала бы.

— Рома, — неожиданно обратилась Маша к Роману, и они с Волковым синхронно на нее посмотрели.

Роман вновь почувствовал, что краснеет. Он вообще пока не мог до конца поверить в Лялькину пропажу, поэтому сейчас его больше заботило то, что он успел сказать Волкову о поцелуе, а тот пока никого не убил. Это сбивало с толку.

— А ты можешь попробовать войти в ее аккаунт? Мало ли, — закончила Маша.

Волков фыркнул. Роман пожал плечами и отправился за ноутбуком. Письменного стола в его квартире не было, поэтому Роман поставил ноутбук на барную стойку монитором к Волкову и загрузил страничку. Маша обошла стойку и встала рядом с Романом. Чувствуя себя героем сериала, Роман набрал пароль, ни на что особенно не надеясь. Какое же было его удивление, когда пароль оказался правильным. Волков хмуро на него посмотрел.

— В последний раз пароль был другой. Я могу тебе СМС показать. Я Ляльке писал, что не могу войти. Она написала, что мне там нечего больше делать.

Роман потянулся за телефоном, но Волков отмахнулся и, пододвинув к себе ноутбук, открыл вкладку с сообщениями.

У Ляльки была очень обширная переписка. Роман об этом прекрасно знал, Волков же удивленно выругался и принялся заходить во все письма подряд. В последних сообщениях нескольким пользователям Лялька отвечала на какие-то текущие вопросы, ничем не выдавая своего намерения сбегать.

— Стой. — Роман притянул к себе ноут. — Я более-менее знаю по никам ее друзей-подружек. Я скорее увижу кого-то нового.

Пользователя с ником «Странник» Роман заметил сразу. В последнюю его проверку — где-то с месяц назад — этого человека в переписке не было. Роман открыл ветку сообщений с колотящимся сердцем.

Последнее сообщение было Лялькино: «Все поняла. Целую».

Роман скосил взгляд на навалившегося на его плечо Волкова и прошептал:

— Похоже, вот он.

— Прокрути, — хрипло попросил Волков, и Роман послушно прокрутил сообщения вверх.

Сообщений было много. Катастрофически много. Если бы Роман не знал, что еще месяц назад этой переписки не было, ни за что бы не поверил, что можно написать столько. В каждом сообщении было минимум несколько абзацев.

— Мы это до утра читать будем, — напряженно произнес Волков.

— Поищем про грани? — предложила Маша.

Роман пожал плечами и задал поиск на странице. Сразу стало понятно, что наивная Лялька попалась. «Странник» не жалел красивых слов. Тут были и многогранники, которые ранят острыми гранями сердце до крови, и люди-вселенные, которые не принимают чужих частиц, и много прочей чуши.

— Господи, Лялька реально на это повелась? — выдохнул Волков и повернулся к Роману. Роман осторожно произнес:

— Она намекала на то, что у нее появился человек, который ее понимает.

— Блин, я бы предпочел, чтобы этим человеком был ты. — Волков отступил от барной стойки и опять схватился за голову.

— Подождите паниковать, — подала голос Маша. — Насколько она адекватна?

— В смысле?

Голос Волкова звучал враждебно, однако Маша, не обратив на это никакого внимания, продолжила:

— Насколько у нее все в порядке со здравым смыслом? Если она умная девочка, то должна была понять, что все это — чушь.

Роман посмотрел на экран, ожидая, что Волков ответит на реплику Маши. Однако тот молчал. Тишина становилась давящей, и Роман не выдержал:

— Она умная девочка, но очень одинокая. Она могла поверить. У нее были... В общем, могла.

Роман затылком чувствовал взгляд Волкова.

— И что теперь? — наконец произнес Димка.

— Никто не видел, как она ушла? — спросил Роман, оборачиваясь к Волкову.

Видеть Димку таким было невыносимо. Будто ему опять пятнадцать и ему сообщили о несчастье с родителями.

— Нет. У домработницы и водителя выходной. Она одна была. Да еще Сергей в командировке.

— Лучше не придумаешь, — заметила Маша, а Волков, неотрывно глядя на Романа, произнес:

— На кой я только поперся в этот универ?

— Дим, ты не мог сидеть дома безвылазно. Не случись это сегодня, случилось бы завтра, через неделю.

Пока Роман подбирал слова, Маша отодвинула его от монитора и начала прокручивать переписку.

— Номер! — вдруг закричала она. — Здесь номер телефона этого «Странника».

Волков выхватил мобильный и отпихнул Романа от барной стойки, чтобы подойти к ноуту.

— Стой! — Роман схватил его за локоть. — Не звони пока.

— Да я не дурак! — огрызнулся Волков и, навалившись на барную стойку плечом к плечу с Машей, принялся вглядываться в экран.

Роман стоял позади них и чувствовал себя крайне неуютно. Он был здесь явно лишним. Только необходимость разобраться с пропажей Ляльки удерживала его от того, чтобы сбежать.

— Смотрите, он знал про отъезд Сергея, — пробормотала Маша, указывая курсором на одну из строчек. — Видно, Лялька сказала выше. Знал про отсутствие домработницы...

Роман подошел ближе и, стараясь не обращать внимания на склоненные друг к другу головы Маши и Димки, уставился на экран.

«Странник 03:18

переписку удали и не бери свой телефон, по нему вычислят

Купи новый

Лена 03:19

Я знаю)))

Странник 03:19

Люблю тебя больше жизни))) считаю минуты

Лена 03:22

И я».

— Ее телефон недоступен? — спросил Роман, чтобы как-то оправдать то, что стоит тут над Волковым.

Тот кивнул.

— А нельзя проверить, не покупала ли она новый? — спросила Маша.

Волков щелкнул пальцами:

— Машка, ты гений!

Он выпрямился так быстро, что Роману пришлось отшатнуться назад, чтобы Волков не зарядил ему затылком в нос. Волков схватил телефон и принялся в нем рыться, попутно поясняя:

— Отчет о ее тратах приходит не только Сергею, но и мне. Он так решил. Последний заказ... Скатка для лица. Чё это такое?

— Это косметика, — отмахнулась Маша. — Дальше читай.

— Пилинг, тьфу, блин. Так, еще есть термокружка, спальник. Боже, они что, решили сбежать в лес? — простонал Волков и через некоторое время произнес: — Телефона нет. Есть наушники — две пары — и аккумулятор с жестким диском.

— У нее мог быть запасной аппарат?

Волков помотал головой.

— Сергей регулярно проверяет ее покупки. Когда она в последний раз заказывала телефон взамен разбитого, он выяснял, что случилось. Так что телефон у него был бы на контроле. А в последних покупках его нет.

— Она могла купить телефон в магазине, — предположила Маша.

— Она неделю назад говорила мне, что только лохи покупают телефоны в магазинах, когда есть интернет, — ответил

Димка. — К тому же она никогда не выходила из дома одна. Она просто потерялась бы.

— Но ей нужно было с ним созвониться, — настаивала Маша.

— Она могла созвониться и оставить трубку дома, — предположил Роман.

— Давайте позвоним по номеру. — Волков положил свой телефон на барную стойку и поднес палец к экрану, но Роман вновь схватил его за руку.

— Подожди. Что ты скажешь?

— Скажу, что ошибся номером.

— А что, если ему это покажется подозрительным? Судя по переписке, он планомерно ее в себя влюблял. Мне кажется, что он старше. Давай позвоним моему отцу и попросим его проверить номер. У него есть каналы.

— Давай, — с готовностью согласился Волков, хотя Роман ожидал, что он будет упираться.

Однако план осуществить не удалось. На телефоне отца исправно включался автоответчик, и после третьего звонка Роман вспомнил, что у отца сегодня какая-то конференция.

— Черт. Он недоступен сегодня.

— Давайте в полицию, — сказала Маша. — Будем настаивать на приеме заявления.

— Пока мы будем настаивать, время пройдет! — рявкнул Димка.

— Полегче, — попросил Роман, который не мог позволить говорить с Машей в таком тоне.

— Я звоню, — хмуро сообщил Волков.

— Давай с моего, — предложил Роман и, пододвинув к Волкову телефон, пояснил: — На всякий случай.

Завтра ему этот номер уже не понадобится. Так что если влипать, то уж с ним. Мысль была, конечно, наивной и довольно глупой, но и сама ситуация была не слишком нормальной.

Волков набрал номер и включил громкую связь.

— Давай лучше я, — прошептала Маша.

На том конце долго не отвечали, а когда мужской голос сказал «слушаю», Маша с Димкой так ошарашенно

переглянулись, что Роман понял: что-то произошло, а еще вдруг почувствовал, что Лялька действительно в опасности.

Димка потянулся к телефону, Маша схватила его за руку и стала изо всех сил отталкивать. Нужно было что-то делать, потому что их молчаливая возня могла вызвать подозрение. Роман схватил трубку и, выключив громкую связь, бодро произнес:

— Добрый день, меня зовут Геннадий, я представляю компанию...

К счастью, придумывать название несуществующей компании ему не пришлось — мужчина отключился.

— Ублюдок, — прорычал Волков и вырвал телефон. Роман инстинктивно отодвинул Машу в сторону, от греха подальше.

— Да не ты, — тут же добавил Волков, скрипнув зубами. — Это Андрей.

— Кто? — не понял Роман, мысленно пробежавшись по списку одноклассников. Андреев в нем не было.

— Наш водитель! Мой, точнее.

Димка нажал на повтор номера, однако Роман выхватил у него телефон и сбросил звонок.

— Подожди! Ты уверен?

Волков нетерпеливо кивнул и вновь потянулся за телефоном.

— Мне тоже так показалось, — подтвердила Маша.

— Стой. Не надо сгоряча, — попросил Роман и, отодвинув Волкова, притянул к себе ноут.

— По переписке похоже? — спросил он, разворачивая экран к хмурому Волкову.

— Откуда я знаю? Я с ним даже не говорил толком, не то что не переписывался. Хотя... Блин, он правда в последнее время постоянно кому-то писал. Черт. Я даже сегодня с утра заглядывал к Ляльке: та писала что-то, и он писал внизу.

— Это может быть совпадением, — резонно заметил Роман. — Он взял выходной, ты сказал?

— Да. Сообщил мне утром. Сказал, брат сломал ногу и надо мать куда-то там везти.

— А он откуда?
— Я не знаю! — заорал Волков. — Я его не нанимал.
— А кто нанимал? — стараясь говорить спокойно, спросил Роман.

— Кажется, из фирмы родительской прислали.

— Можешь уточнить?

— Пока мы будем уточнять, он черт-те что с ней сделает! — опять заорал Волков и толкнул Романа в грудь. Роман покачнулся, но устоял. И, странное дело, в эту минуту он очень хорошо понимал Волкова. Тот не злился, а был напуган до потери контроля.

— Дима, позвони Полине Викторовне и спроси об этом человеке, — настойчиво произнес Роман.

— Откуда ты знаешь Полину Викторовну? — пробурчал Димка, но взял свой мобильный.

— Я знакомился с сотрудниками, когда приехал.

Роман вправду провел много времени, запоминая, кто есть кто в иерархии компании, хотя, признаться, не считал это нужным, потому что компания априори предназначалась Волкову. У Романа тогда даже появилось неприятное чувство, что отец передумал и решил оттеснить Волковых от управления.

Волков тем временем дозвонился до Полины Викторовны, приятной женщины, которая располагала к себе с первого взгляда.

— Полина Викторовна, здравствуйте. Это Дима Вол... Да, все хорошо. Спасибо. Я отвлеку вас на минуту? Вы не могли бы подсказать, нашего водителя Андрея... ой, я фамилию не знаю... Самохина. Да, Андрея Самохина к нам, получается, от фирмы отправили?... Ах, вот как... А вы не могли бы поискать его паспортные данные или прописку? Он просто взял неожиданный выходной и... Да, спасибо!

Волков повесил трубку и выдохнул:

— Капец, как я ее боюсь каждый раз. Андрея привел прошлый управляющий.

— Прекрасный человек, который исчез с деньгами? — уточнил Роман.

— Он самый.

— А почему он продолжил тебя возить после той истории? — удивился Роман. — Твой дядя вообще это не контролировал?

Волков несколько секунд смотрел в пространство, а потом потряхнул головой.

— А я допускаю, что дядя мог знать. И что, может быть, ни в какой он не командировке.

— О чем ты говоришь? — опешила Маша.

— Лялька подозревала Сергея в том, что он мог сам разорить компанию. Не по недосмотру, а умышленно.

— Так компания пока не разорена, — встрял Роман. — У нее не было повода для такого заявления.

— Да какая разница? Главное то, что Лялька в опасности. Понимаешь? В реальной!

Говоря это, Волков отступал все дальше, пока не уперся в подоконник. Запустив руки в волосы и что-то прошептав, Волков уселся на пол. Маша бросилась к нему и присела на корточки.

— Подожди. Рано паниковать. Давай все же в полицию и...

— А если в этом замешан Сергей? — едва слышно произнес Волков. — Они же ничего тогда не сделают. Он — ее опекун. Он, а не я, блин.

Роман был не в силах смотреть на то, как корежило бедного Димку, поэтому он придвинул к себе ноут и стал быстро просматривать переписку. Прочтя пару десятков последних сообщений, он пришел к выводу, что Волков с Машей правы. Увез ее действительно водитель, потому что в переписке активно обсуждался отъезд дяди Волкова, домохозяйки и ни разу в тексте не упоминался водитель, который должен был бы болтаться у дома и явно мешать.

Роман поделился своими выводами с Волковым, на что тот только застонал.

— Давай попробуем отследить ее телефон по GPS? — предложил Роман. — Мало ли...

— Я пробовал. Он дома лежит.

— А вам не кажется странным, что Лена не удалила переписку? — вдруг подала голос Маша, продолжая участливо поглаживать Волкова по колену.

— А правда, — встрепенулся Димка. — Не удалила же. Почему?

— Мало того, что не удалила, так еще и вернула тебе доступ, — добавила Маша, глядя на Романа.

Роман задумчиво постукал пальцами по столешнице.

— Есть идеи почему? — спросил он.

Маша встала и подошла к ноутбуку. Роман подвинулся, уступая ей место. Несколько секунд Маша просматривала конец переписки, а потом вдруг сказала:

— Она боялась.

— Чего? — вскинул голову Волков.

— Его, Дим. Посмотри. В переписке выше они отвечают минута в минуту. Ну, с учетом длины сообщений. Видимо, когда он выходил в Сеть, они переписывались нон-стоп. А вот здесь, в конце, и сообщения короткие, и ответы не такие уж, чтобы над ними думать, а Лена отвечает с опозданием. Будто слова подбирает.

— А ведь точно, — произнес Роман. — Она всегда отвечает сразу, без задержек, если не обижается. Я за все время ни разу не ждал ответа по несколько минут.

— Она его боялась, — медленно произнес Димка вставая. На него было жалко смотреть. — Поэтому и доставала нас вопросами. Потому что сомневалась. А еще она Сергея провожать вышла и меня — сегодня. Никогда такого не было. Я идиот!

— Дима, — Роман схватил Волкова за плечи и с силой встряхнул, — соберись. Ты не мог знать. Сейчас главное — их найти.

— Как? — зажмурившись, прошептал Волков.

— Если бы это была сказка, у нее совершенно случайно оказался бы запасной номер с подключенным GPS, по которому Димка мог бы ее отследить, — пробормотала Маша, неотрывно глядя на экран и нервно почесывая локоть.

Димка посмотрел на Машу, высвободился из рук Романа, схватил с барной стойки свой мобильный и принялся что-то в нем искать. Спустя несколько секунд он вскинул голову и развернул телефон экраном к Роману и Маше. Роман увидел карту, на которой была отмечена точка.

— Ты подключен к телефону водителя? — не поверил Роман.

— Я подключен к телефону мамы! — заорал Волков и рванул к выходу.

Роман растерянно посмотрел на Машу, но, судя по ее лицу, она тоже ничего не поняла. Обменявшись взглядами, они синхронно бросились за Волковым. Тот уже натягивал кеды.

— Куда ты? Стой!

— Я за ними! Лялька взяла мамин телефон. Она не сможет с него позвонить, он заблокирован, если только она не сбросила его до заводских настроек, но он у нее. Ее можно отследить!

Роман схватил с вешалки куртку и сунул ноги в кроссовки.

— Маша, ты остаешься здесь! — бросил он через плечо.

— Еще чего?! — заявила Маша, успевшая, как оказалось, надеть куртку.

— Вы со мной? — удивился Волков.

— Нет, блин. Мы отпустим тебя одного! — огрызнулся Роман, которому очень не нравилась перспектива рисковать Машей. — Не на такси же ты поедешь.

— Я на машине, — буркнул Волков, выходя из квартиры.

— Ты же не водишь, — вырвалось у Романа.

— Не вожу, но делать-то что-то нужно. Не такси же ждать.

— Твоя машина не пойдет. Он ее знает. И скажи Маше, чтобы осталась, — попросил Роман, чувствуя себя жутко неловко.

— Сам скажи, — дернул плечом Волков. — Это же ты с ней сегодня...

Роман шумно выдохнул и принялся запирать квартиру, пока притворившаяся глухой Маша с интересом разглядывала двери лифта.

В лифте Маша как ни в чем не бывало обратилась к Роману:

— На твоей машине тоже нельзя ехать. Он мог видеть ее у «Рене».

— Думаешь, запомнил? — усомнился Роман.

— Вполне мог, — подтвердил опасения Маши Волков.

Роман тяжело вздохнул и, предвкушая разборки с отцом, произнес:

— Подождите у лифта, я поднимусь за ключами.

О том, что сделает с ним отец, если он хотя бы поцарапает его новую машину, Роман предпочитал не думать. В конце концов, отец сам немного спровоцировал возможные повреждения тем, что оставил машину в гараже дома Романа, а не у себя.

Оправдание было откровенно слабым, но за неимением другого сошло.

Глава 27

Здесь больше нет ни надежды, ни света.

Димка чувствовал, что внутри него образовалась огромная черная дыра, куда засасывало все эмоции.

Когда Машка в лифте коснулась его лба и констатировала, что у него температура, он отстраненно удивился тому, что не чувствует прохлады ее руки. Все было как в тумане.

Он даже не испытывал особой злости на Андрея. Скорее досадовал на себя, что за столько времени не удосужился с ним поговорить. Может, заметил бы что-то странное. Но нет. Ему было не до этого. Его голова была забита гулянками и Машкой. И вот теперь Машка с Крестовским, а ему в общем-то все равно. Во всяком случае, прямо сейчас. Димка понимал, что, когда все разрешится, он, скорее всего, запоем по-другому, но до этого момента еще нужно дожить.

Крестовский посматривал на него с настороженностью и тревогой одновременно, и Димка хотел ему объяснить, что тот может не дергаться — бить ему морду никто не собирается, разборки откладываются на неопределенный срок, но озвучить эту мысль у него не было сил. Впрочем, Крестовский, кажется, в итоге понял.

В гараже Крестовский подвел их к новенькому «Мерседесу AMG GT». Если бы тот был двух-, а не четырехместным, у них был бы шанс оставить Машку здесь под благовидным предлогом. Сейчас же она демонстративно залезла на заднее сиденье, стоило хмурому Крестовскому открыть дверь. Димке тоже не нравилось ее участие в потенциально

опасной поездке, но Машка была жутко упрямой, а у них сейчас на счету каждая секунда.

Сначала Димка малодушно решил сесть на заднее сиденье, но потом подумал, что там Машка и это будет выглядеть тупо, поэтому он глубоко вздохнул и плюхнулся на сиденье рядом с Крестовским, надеясь, что паническая атака не накроет его сразу, а даст возможность хоть немного побыть в здравом уме.

В салоне пахло кожей и не было ни одной пылинки.

— Дядя Лёва на нем хоть поездить успел? — хмуро спросил Димка.

— Ага, когда из салона забирал, — вздохнул Крестовский и принялся настраивать под себя зеркала и сиденье.

— А ты водишь-то тут хоть нормально после Лондона?

Крестовский пожал плечами и ответил:

— Привык.

Его голос звучал напряженно, и Димка подумал, что законопослушный Крестовский сейчас, по сути, спер тачку у отца. Это не могло не вызывать уважения.

Крестовский повернул ключ зажигания, и мотор утробно зарычал.

— Сколько в ней лошадей? — спросил Димка, чувствуя, как сердце побежало быстрее. Здравствуй, паническая атака. Давно не виделись.

— Больше пятисот, — отозвался Крестовский и, когда Димка присвистнул, попросил: — Дай мне минуту.

Димка заткнулся и даже отвернулся к боковому окну, потому что вообще не представлял себя на месте Крестовского. Он в жизни не сел бы за руль. Сегодняшняя поездка до дома Крестовского не считалась. Там у него просто не было выбора. У Крестовского же выбор был — просто никуда не поехать.

Крестовский тронулся и тут же вдавил тормоз в пол, отчего Димка едва не стукнулся носом о торпедо.

— Извините, мне надо привыкнуть, — негромко произнес Крестовский.

— Все хорошо, — подала голос Машка.

— Ага, — подтвердил Димка, потому что от душевного спокойствия Крестовского сейчас зависели их жизни.

Когда Крестовский вырулил с подземной парковки, Димка, стараясь выровнять сбивающееся дыхание, закрепит на подставке свой смартфон, на экране которого отмечалась локация маминого телефона.

Думать о Ляльке было настолько страшно, что Димка спросил у Крестовского:

— У тебя когда самолет?

— Утром. Но теперь, пока с Лялькой не решим...

— Ты думаешь, мы будем решать до утра? — нервно спросил Димка, чувствуя, что с дыханием не справляется. Паника неотвратимо накатывала. Сердце колотилось в горле, а по позвоночнику покатила первая капля пота.

— Нет. Не думаю. Мы сейчас их догоним. Дорога на выезд пока не загружена. На чем он едет?

— Без понятия. Моя машина стоит у твоего дома, — севшим голосом произнес Димка, пытаясь зафиксироваться на спокойном голосе Крестовского. Ведь прямо сейчас в машине не происходило ничего страшного. Все было в Димкиной дурной голове.

— Как ты добрался вообще? — после паузы спросил Крестовский, бросая на Димку напряженный взгляд.

— Как в тумане. Забирать ее оттуда не буду, — заявил Димка во избежание дальнейшей дискуссии на эту тему.

Ему казалось, что Крестовский видит его состояние, и осознавать это было до того унизительно, что хотелось взвыть. Оставалась крохотная надежда, что Крестовский спишет это на волнение за Ляльку. Бояться за близких не так позорно, как бояться езды на переднем сиденье.

Некоторое время в машине стояла тишина, а потом Крестовский бросил взгляд в зеркало заднего вида на Машку, устроившуюся посередине сиденья, и попросил:

— Маша, сядь, пожалуйста, за водительское кресло и пристегнись.

— Почему за водительское? — спросила Машка, однако послушалась.

— Потому что при аварии, по статистике, это самое безопасное место, — с серьезным лицом произнес Крестовский, и Димкин желудок подскочил к горлу.

— Но мы же не планируем аварию? — Судя по голосу, Машка тоже нервничала.

— Нет, конечно, — очень спокойно ответил Крестовский. — Просто на всякий случай.

Димка вдруг понял, что он чертовски рад тому, что Крестовский едет с ним. Спокойствие Крестовского придавало уверенности в том, что все будет хорошо. Это с Димкой вечно случается какая-то фигня, а с Крестовским — никогда. Он слишком хорош для плохих событий.

Димкин телефон зазвонил. Крестовский посмотрел на экран, и не успел Димка отреагировать, как он невозмутимо сбросил звонок.

— Это из офиса, — пояснил он обалдевшему Димке. — Наверное, Полина Викторовна. Перезвони с моего, чтоб связь с Лялькой не терялась.

Димка послушно взял протянутый мобильник, на котором Крестовский уже успел набрать номер.

— Здравствуйте, Роман Львович, — услышал Димка бодрый голос Снежной Королевы.

— Э-э-э, здрасте еще раз. Это не Роман Льво...

— Ой, Дмитрий Алексеевич. Я по номеру решила, что это Роман Львович. Вы вместе? — В приветливом тоне секретаря появились нотки дознавателя.

— Да, вместе. Мы тут за город собрались. На отдых, — зачем-то начал врать Димка, хотя Полина Викторовна вопросов не задавала. Впрочем, молчала она так, что хотелось заранее во всем сознаться.

— Я вам звонила, — наконец сжалилась над ним Снежная Королева. — Это немного странно, но в отделе кадров не сохранилось личного дела Самохина Андрея. Обычно они хранятся в течение пяти лет, прежде чем отправиться в архив, но здесь...

Димка посмотрел на Крестовского так, будто тот тоже слышал сказанное. Крестовский в ответ вопросительно приподнял брови.

— Я понял, — протянул Димка. — Спасибо, Полина Викторовна.

— Дмитрий Алексеевич, у вас проблемы? — напрямую спросила женщина.

Димка глубоко вздохнул. Конечно, у него проблемы, у него офигеть какие проблемы, но она ничем не поможет, хотя...

— Скажите, Полина Викторовна, а вы доверяете Сергею?

Он ожидал заминки, потому что вопрос был очень неудобным, но Снежная Королева ответила сразу:

— Смотря в чем. В сфере управления у него нет опыта, поэтому очевидно, что эту должность ему доверили от безысходности, пока не подрастет смена. А вот когда моя дочь вывихнула плечо, Сергей Евгеньевич очень оперативно ей помог. Все дело ведь в том, с какой стороны посмотреть.

— Понятно, спасибо, — сказал Димка, удивленный тем, что у Снежной Королевы, оказывается, есть дочь.

— Если вам что-то понадобится, говорите, хорошо?

— Да, я... — Димка посмотрел на профиль Крестовского и решился: — Вы не могли бы попросить Льва Константиновича позвонить мне или Роману, когда он освободится?

— Разумеется, Дмитрий Алексеевич. Хорошего дня.

— И вам, — откликнулся Димка и сбросил вызов.

— Ну что? — тут же спросили Машка и Крестовский в один голос.

— Личного дела Андрея нет в отделе кадров, — медленно произнес Димка, отмечая, что паника немного отступила. То ли потому, что он отвлекся, то ли повлияла спокойная уверенность Крестовского.

— Ничего себе, — откликнулась Машка.

Крестовский промолчал.

— Неужели Сергей? — Димка откинулся на подголовник и несколько раз постучался затылком.

— Не стучись головой, — тут же отреагировала Машка. — Разболится — что будем делать?

Димка обернулся к ней и хотел было огрызнуться, потому что на фиг ей теперь заботиться о его голове, у нее же

рядом вон целый Крестовский сидит, но лицо у Машки вправду было встревоженное, и он промолчал. Вместо этого повернулся к Крестовскому:

— То есть ты улетаешь? Прямо насовсем?

Тот ничего не ответил, лишь напряженно сжал челюсти. Димка очень хорошо это видел.

Выяснять отношения сейчас было совсем не в тему, но ехать в тишине — невыносимо, к тому же Димка дико боялся возвращения панической атаки, поэтому он продолжил:

— А на фига тогда Машке мозги пудрил?

— Дима! — повысила голос Машка. — Мне никто мозги не пудрил. Я сама пришла к Роме.

— Он у нас уже Рома? Клево! — Димка с тоской понял, что у него даже разозлиться нормально на этих придурков не получается, потому что Крестовский, который мог за просто послать его, спер у отца машину и ввязался с ним в поиски Ляльки. К тому же сидит теперь, излучает уверенность и не дает ни единого шанса Димкиным паническим атакам.

— Дим, я совершил ошибку. — Голос Крестовского звучал по-прежнему спокойно, хотя на щеках появились красные пятна. — Мы обсудили это с Машей. Я не должен был... — Он бросил взгляд на экран Димкиного телефона и нахмурился.

— Что там? — Димка тут же забыл про разборки.

— Они какое-то время не движутся, — сказал Крестовский. — Нам осталось всего двенадцать километров. Они не движутся последние семь минут.

— Почему ты сразу не сказал? — Сердце вновь заколотилось.

— А что это изменило бы? — резонно заметил Крестовский. — К тому же я не уверен, что это не проблемы с позиционированием.

Димка схватил телефон и уставился на точку.

— Что он там с ней делает? — сквозь зубы процедил он, понимая, что ему хочется что-то разбить.

Машка отстегнула ремень и вновь сдвинулась на сиденье. Она сжала его плечо так привычно:

— Дим, не заводись, пожалуйста. Всего двенадцать километров. Мы быстрее. Нас там не ждут.

— Тебя — уж точно! — огрызнулся Димка, хотя забота Машки была приятна. — Сядь на место. Не слышала, что Крестовский говорил?

Машка обиженно села на место и щелкнула замком ремня безопасности. Крестовский рядом негромко выдохнул, и Димка невольно бросил на него взгляд. Крестовский правда втюхался в Машку и явно не знал, как себя с ней теперь вести и на что он вообще имеет право. Бедный идиот. Что ж его так угораздило?

— Ты из-за Машки уезжаешь? — напрямик спросил Димка.

— В том числе, — не стал отпираться Крестовский, неотрывно следя за дорогой.

Димка некоторое время его рассматривал, пока количество красных пятен на щеках Крестовского не увеличилось вдвое, а потом, сжалившись, отвернулся. Осознавать, что он все еще может вывести Крестовского из равновесия одним взглядом, было необъяснимо приятно. Из-за такой мелочи собственная значимость вырастала на глазах.

— Я боюсь, что они могли выбросить телефон. Вдруг Лялька ему окончательно поверила? — после продолжительного молчания произнес Крестовский.

— Не думаю, — тут же откликнулась Машка.

— Ты ее вообще не знаешь, — заметил Димка.

— Ей пятнадцать. Она влюбилась, но она не может не сомневаться и не бояться, Дим. Она меняет всю жизнь. Она не выбросила бы телефон так быстро. Это же лишиться единственного шанса все переиграть.

В Машкиных словах был резон, и Димка решил не спорить, потому что эта мысль давала надежду на хороший исход. А ему очень нужна была эта надежда. Он уже терял ее однажды и знал, как чудовищно жить без нее.

— Они двинулись, — вдруг произнес Крестовский и напряженно спросил: — Телефон не сядет?

— Чей? — не понял Димка.

— Тот, который у Ляльки.

— Я не знаю. Я его не заряжал давно. Но его и выключенный можно отследить. Я проверял.

Крестовский кивнул, а Димка зачем-то сказал:

— Это мамин. Она его забыла перед отлетом на моей кровати. Я понимаю, что это чушь, но мне приятно, что он есть. Что я могу на него позвонить. И с него — на свой. И можете считать меня психом, — агрессивно закончил он, ожидая смеха или комментариев, и очень удивился, когда Крестовский все так же спокойно произнес:

— Мне тоже было бы приятно видеть этот номер во входящих.

Машка ничего не сказала, и Димка отвернулся к окну, потому что в глазах вдруг защипало.

Вскоре Машке позвонила мама, и та принялась шепотом оправдываться в трубку, а потом с вызовом заявила, что ушла с уроков к Крестовскому, потому что тот завтра улетает. Ирина Петровна, вероятно, онемела от такой наглости, потому что Машкина трубка надолго замолчала. Димка же, не удержавшись, повернулся к Крестовскому. Тот неотрывно смотрел на дорогу и делал вид, что ничего особенного не происходит, но Димка видел, каким пунцовым он стал. Димка открыл было рот, чтобы отвесить какой-нибудь комментарий, возможно, непристойный, но неожиданно ему стало жаль Крестовского. Тому реально не повезло: из всех девчонок универа запасть именно на Машку.

А потом Ирина Петровна начала орать. Димка однажды уже слышал ее ор на Машку, поэтому удивился меньше, чем мог бы, а вот с Крестовского слетела вся невозмутимость. Он вздрогнул так, будто никогда не слышал, чтобы люди кричали, и бросил обеспокоенный взгляд в зеркало заднего вида. Димка обернулся, чтобы посмотреть на Машку. Та кусала губы и, кажется, готова была зареветь.

Крестовский начал перестраиваться в правый ряд, вероятно, чтобы высадить Машку и отправить домой. Но Машка вдруг со злостью сбросила звонок и выключила телефон, после чего утерла все-таки побежавшие слезы и с вызовом спросила:

— Зачем ты притормаживаешь?

— Маша, — осторожно начал Крестовский, — давай мы тебя высадим, вызовем тебе такси и ты поедешь домой? Не нужно конфликтов из-за...

— Крестовский, будь так любезен, не решай за меня, что мне делать.

Димка демонстративно присвистнул. Крестовский бросил на него мимолетный взгляд и глубоко вздохнул, явно намереваясь продолжить дискуссию.

Это он, конечно, зря. Машка ведь тоже орать умеет. Этот Ромео недоделанный просто пока не в курсе. Несколько секунд Димка всерьез размышлял, хочет ли он, чтобы Машка предстала перед Крестовским в невыгодном свете, а потом решил, что нет, не хочет. Сам не понял почему. Поэтому, стоило Крестовскому произнести «Маша», как Димка положил ладонь ему на плечо и ощутимо сжал.

Крестовский, вздрогнув, покосился на Димкину руку, но, к счастью, намек понял и заткнулся. В машине повисла неуютная тишина.

Как и предсказывал Крестовский, в середине дня трасса на выезд из города была еще не загружена, поэтому им удалось довольно быстро выбраться из Москвы.

Когда, по данным навигатора, до Ляльки оставалось полтора километра, начал накрапывать мелкий дождик. Димка, ненавидя себя за дрожь в голосе, спросил:

— А что мы будем делать, когда их догоним?

Крестовский ответил сразу, будто у него был план:

— Заставим остановиться и заберем Ляльку.

Димка посмотрел на него в удивлении:

— Ты серьезно? А если у него оружие?

— Волков, хватит смотреть сериалы. Он запудрил Ляльке мозги, чтобы она с ним сбежала. Твоего дяди в городе нет, от тебя полиция отделалась, о телефоне Ляльки он не знает. Зачем ему оружие?

Димка отвернулся к боковому окну, думая, что Крестовский либо наивен до безобразия, либо говорит так, чтобы всех успокоить. В обоих случаях их мероприятие выглядело паршиво. Димка опустил взгляд на мобильный Крестовского, который все еще держал в руках, ожидая, что он зазвонит

и дядя Лёва решит все проблемы. Мобильник молчал. Голос подала Машка:

— Почему они так долго выезжают из города?

— Почему долго? Нормально, — тут же откликнулся Крестовский. — Он отвез Димку в институт, потом ему нужно было вернуться, а потом выехать по трассе в противоположном от дома Волковых направлении. Все это — время.

— Все равно долго. Димка успел туда-сюда смотаться.

— Ага. И вы тоже много чего успели, — нервно вставил Димка, хотя и не собирался, но чем ближе они были к Ляльке, тем труднее ему было держать себя в руках.

— Дим, если хочешь, мы можем поговорить об этом прямо сейчас, — отозвался Крестовский, — но, мне кажется, лучше...

— Не хочу я, — огрызнулся Димка, а Машка добавила с заднего сиденья:

— Прости.

И Димке стало совсем тошно.

Машину Андрея он увидел издали. И ведь не знал, что это именно она, но почему-то при взгляде на темный «форд» сердце зачастило.

— Вон он, — указал Димка.

Крестовский прищурился, будто мог разглядеть что-то сквозь тонированное заднее стекло, а потом произнес:

— Сейчас пойдет расширение дороги. Мы его догоним.

— А дальше? — спросила Машка.

— Впереди три светофора. На каком-нибудь подрежем, когда скорость будет небольшой.

— Дядя Лёва тебя убьет за машину, — предрек Димка, зная, как трепетно крестный относится к своему автопарку.

— Тогда сможешь забрать себе мою коллекцию самолетиков, — усмехнулся Крестовский, нервно барабанив пальцами по рулю.

— Придурок, — озвучил свою мысль Димка и впился взглядом в «форд», который ехал через две машины от них.

План Крестовского был хорош. Димка признал это, когда они подъезжали к первому светофору. Крестовский

внезапно перестроился в левую полосу, не обращая внимания на сигналы, сопровождавшие его маневр. У светофора они почти поравнялись с машиной Андрея. То, что за рулем именно Андрей, Димка теперь уже видел четко. Нервировало то, что окна в машине затонированы и Ляльку разглядеть не удавалось, но Димка решил не накручивать себя раньше времени.

— А почему на переднем сиденье никого? — нервно спросила Машка, которая вновь уселась по центру.

— Маша, пристегнись! — подал голос Крестовский, и Димка с удивлением услышал в его голосе нотки дяди Лёвы.

— Я пристегнута, — огрызнулась Машка и демонстративно оттянула ремень безопасности.

Толку от такого пристегивания, конечно, не было никакого.

— Тогда сядь позади меня, — все тем же тоном произнес Крестовский.

— Рома! Ты еще его не подрезаешь, — вновь зачем-то огрызнулась Машка.

Умом Димка понимал, что она просто злится и норовит задеть Крестовского исключительно от всеобщего нервяка, но со стороны это выглядело тупо, и Димка впервые подумал о том, насколько же по-идиотски обычно ведет себя сам.

— Маш, — он решительно повернулся к Машке, — делай, как тебе говорят, раз уж оказалась здесь, — и после паузы добавил: — Пожалуйста.

Машка насупилась, однако просьбу выполнила. Крестовский бросил на Димку благодарный взгляд. Димка отвернулся.

На первом светофоре подрезать Андрея не удалось, потому что Крестовский не успел поравняться с его машиной. А при приближении ко второму светофору вдруг все пошло наперекосяк.

Точнее, сначала все было отлично. Крестовский перестроился в средний ряд и так подпер девушку на маленьком красном «пежо», что та посчитала за лучшее перестроиться, от греха подальше. Однако стоило им поравняться

с машиной Андрея, как тот их заметил. Встретившись взглядом с Андреем, Димка несколько секунд наивно надеялся, что это все — ошибка и Андрей привычно скупой улыбнется, опустит стекло, потому что свое Димка на автомате опустил, и как-то объяснит свое присутствие здесь. Однако то, как посмотрел Андрей в ответ, развеяло все надежды на лучшее. Димка запоздало вспомнил, что у Андрея, кажется, есть лицензия телохранителя, а значит, и соответствующая подготовка, у него колоссальный опыт вождения и, главное, с ним была Лялька. Лица сестры Димка не видел, зато различал ее силуэт на заднем сиденье.

В считанные секунды Андрей резко вывернул руль вправо и, объехав по обочине остановившуюся перед ним машину, рванул вперед, несмотря на красный сигнал светофора. Крестовскому из среднего ряда деться было некуда, поэтому он просто проследил за тем, как машина Андрея свернула направо и быстро скрылась из виду.

Когда для них загорелся зеленый и поток не спеша двинулся, Крестовский включил аварийку и, опустив свое стекло, высунул поднятую вверх левую руку.

— Что ты делаешь? — спросила Машка.

— Показываю поворот, — напряженно отозвался Крестовский и, нажав на сигнал, нагло подрезал дедулю на стареньких «жигулях».

Когда им удалось выползти из потока машин и свернуть направо, Димка сумел воочию убедиться в заявленных характеристиках машины. За несколько секунд они разогнались до такой скорости, что Димка поспешил закрыть окно, потому что Крестовский свое уже закрыл и из-за разницы давления на скорости закладывало уши.

Дорога, на которую они свернули, была условно четырехполосной: по две полосы в каждую сторону. Условно потому, что разметки на ней не было, зато встречались выбоины и ухабы. Крестовского это, кажется, мало волновало, а вот Димка про себя начал считать до десяти и обратно, чтобы перестала накатывать паника.

Он боялся, что Андрей скроется в лесу, но, к счастью, ответвлений с дороги не было.

Его «форд» они увидели довольно быстро. Тот мчался по дороге, подрезая попутные машины и перестраиваясь из ряда в ряд. Пару раз даже выскочил на встречу. Димка с тоской представил, что сейчас они будут делать то же самое, и его замутило от страха.

Крестовский вел машину так, будто они — коты и у каждого в запасе по семь жизней. Димка не знал, уверенность ли это или отсутствие опыта, и, признаться, не очень хотел выяснять правду, чувствуя, что она ему не понравилась бы.

На одном из особенно резких маневров Крестовского Димка бросил взгляд на Машку. Та была белая как мел и сидела, вцепившись в ручку над дверью. Увидев, что Димка на нее смотрит, Машка спросила:

— Что мы будем делать, если он не остановится? — ее голос прозвучал на удивление спокойно.

— Через четыре километра пост ДПС, — тут же откликнулся Крестовский. — Его тормознут. Он идет слишком быстро.

— А если его не станут останавливать? — все так же спокойно спросила Машка.

— Такое бывает? — Крестовский бросил на Димку напуганный взгляд, и стало понятно, что его план явно зиждется на вере в борьбу с правонарушениями.

— Не знаю. Но могут не тормознуть, — посчитал своим долгом заметить Димка.

— Тут камеры. Мы давно на них попали. Нас там уже ждать должны, — упрямо произнес Крестовский, и Димка не стал спорить. Какой в этом смысл?

— А если нас будут останавливать, а он проскочит, что ты сделаешь? — спросила Машка.

Крестовский после секундной заминки ответил:

— Я тоже проеду.

Димка едва не присвистнул: Крестовский учился плохому на глазах.

Дождь начал усиливаться. Глядя на фары «форда», Димка надеялся, что они успеют добраться до поста ДПС до того, как начнется ливень. В ливень всегда происходит что-то плохое. Три года назад тоже был ливень.

На пути Андрея попался особо обидчивый поборник справедливости на джипе, которого тот, вероятно, успел подрезать, и теперь джип вилял перед «фордом», не давая ему себя обогнать. Это была очень опасная игра, от которой у Димки засосало под ложечкой. Он вдруг подумал, что понятия не имеет, есть ли у Ляльки те же проблемы, что и у него: боится ли она транспорта. Если да, то как же страшно ей сейчас! Впрочем, ей по-любому должно быть страшно, потому что романтический побег двух влюбленных многогранников, черт бы их побрал, пошел не по сценарию. Утешало лишь то, что маневры джипа оказались им в конечном итоге на руку: Крестовскому удалось поравняться с Андреем.

— Позвони ему и скажи, чтобы остановился, — распорядился Крестовский, и Димка послушно набрал на его телефоне номер, по которому они уже звонили сегодня.

Андрей не ответил. Даже не взглянул в их сторону. По тому, что он пытался скрыться от них, по сути дела, Димка понял, что никакого оружия при нем, слава богу, нет, иначе он бы просто остановился и угрозами вынудил их держаться подальше. Впрочем, эта мысль не могла утешить, потому что Лялька по-прежнему находилась в машине Андрея, а план Крестовского продолжал выглядеть тухлым. Что, если на посту ДПС не станут возиться со старым «фордом», а попытаются задержать новенький «мерс»? Кто им там поверит про похитителя?

Джип резко тормознул напоследок, чтобы припугнуть Андрея, а потом начал набирать скорость. Крестовский поравнялся с «фордом», держась левой полосы, что в определенном смысле лишало «форд» маневренности.

Некоторое время ничего не происходило, а потом «форд» начал набирать скорость. Крестовский последовал его примеру. Тогда Андрей притормозил. Крестовский среагировал мгновенно, тоже сбросив скорость. Димка нервно ерзал по сиденью, до рези в глазах вглядываясь в затонированное стекло «форда» в надежде рассмотреть Ляльку, но мог лишь угадывать ее силуэт. Его нервировали эти раскачивания Андрея с набором и сбросом скорости. Было понятно, что

он проверяет реакцию Крестовского. Вот только знать бы, для чего конкретно.

Димка бросил взгляд на бледного Крестовского, но не рискнул его дергать, хотя нестерпимо хотелось спросить, что тот думает. Взгляд Крестовского метался между лобовым стеклом и боковыми зеркалами, и Димке было страшно. Очень хотелось, чтобы все закончилось, чтобы он проснулся у себя в комнате и оказалось, что все это было дурацким кошмаром. Но по истории с родителями Димка понял, что кошмары не проходят от одного лишь неистового желания.

«Форд» вновь начал набирать скорость. Крестовский — тоже, отставая на полкорпуса, чтобы дать себе место и время для маневра. Остальные водители, не желая участвовать в опасных играх, благоразумно держались на расстоянии.

— Что он задумал? — нервно спросила Машка.

— Его подрезать? — напряженно обратился Крестовский к Димке.

— Скорость слишком большая, — севшим голосом отозвался Димка. — А там Лялька.

— Тогда гоним до ДПС?

Дорога начала плавно сворачивать влево, и, когда из-за поворота показалась встречная фура, Димка как-то сразу понял, что сейчас будет. Они — наивные придурки, которые решили, что переиграют профессионала. И еще Машку в это втянули.

Андрей резко сбросил скорость. Крестовский среагировал на долю секунды позже. Удар в правый бок, казалось, был несильным, но их вынесло на встречу, и машина на мокрой дороге пошла юзом.

Словно в замедленной съемке, Димка видел, что Крестовский, забористо ругаясь на английском, выворачивает руль в сторону заноса, как учит хороший инструктор в автошколе. Правильный Крестовский, который был виноват только в том, что они с Димкой когда-то были друзьями...

Глава 28

Если мы выживем, станем счастливей.

Маша почему-то думала, что фура должна сигналить. Как в кино. Однако единственное, что она слышала, — собственный визг. Все произошло так быстро, что она толком ничего не успела понять. Еще минуту назад у них был план и казалось, что все закончится хорошо, и вот уже на мокром от дождя лобовом стекле растекается свет фар надвигающейся фуры.

Крестовский, что-то отрывисто повторяя на английском, пытался вернуть контроль над машиной, но их закрутило.

Маша зажмурилась изо всех сил, отчаянно жалея о том, что последний их разговор с мамой был ссорой. А еще подумала, что хоронить ее будут в белом платье. Но если она сгорит, то никто этого не увидит, потому что гроб будет закрытым.

Машины подбросило, потом — еще раз, а потом их куда-то потащило.

Маша ощутило ударились головой о боковое стекло, хотя держалась изо всех сил. Она слышала, как Димка что-то кричит, но не могла разобрать слов.

Вдруг движение прекратилось, и Маша, боясь поверить в то, что они живы, открыла глаза.

Ее левое плечо было неестественно вывернуто, потому что она так и не выпустила ручки над дверью, сама же Маша сжалась в комок, уткнувшись лицом в колени. В машине резко пахло, как на лабораторных по химии. Подняв голову, Маша увидела белое облако. Сморгнув слезы, она поняла,

что это — подушка безопасности, сработавшая со стороны водителя.

— Эй, — сипло позвала она и, отпустив наконец ручку, попыталась отстегнуться.

— Живы? — слышался приглушенный голос Крестовского.

— Я — да, — отозвалась Маша и тут же в панике крикнула: — Дима!

Димка вынырнул из-за спинки сиденья. Его лицо по цвету было почти такое же белое, как подушка безопасности Крестовского.

— Ты ударилась? — хрипло спросил Димка.

— Нет, — на автомате ответила Маша, понимая, что если бы педант Крестовский не заставил ее пристегнуться, то страшно представить, чем все для нее могло закончиться.

Подушка безопасности медленно сдувалась, наполняя салон резким запахом.

— Машина дяди Лёвы решила, что сын важнее крестника, и в общем-то правильно, — прокомментировал Димка дрожащим голосом и хлопнул ладонью по тому месту, откуда должна была вылететь его подушка.

— Тебе несказанно повезло, — гнусаво ответил Крестовский.

— Да ладно. Опять нос? — протянул Димка и нервно рассмеялся.

Крестовский мученически застонал, но его стон тоже быстро перешел в смех. После паузы к ним присоединилась и Маша.

Они смеялись, как могут смеяться только люди, бывшие минуту назад на волосок от гибели: легко, бездумно, беспричинно. Будто ничего плохого уже никогда не случится, потому что они победили самое страшное — смерть.

Первой опомнилась Маша. Отстегнув наконец ремень, она подалась вперед между сиденьями, чтобы посмотреть на Крестовского. Подушка уменьшилась почти в два раза. На белом материале расплывались алые пятна, и Маша

про себя подумала, что ей очень повезло, что она не боится крови. Мама уже была бы в глубоком обмороке.

Димка повернул голову и, встретившись с Машей взглядом, перестал смеяться. Маша, неловко кашлянув, посмотрела на Крестовского. Тот сидел, откинув голову на подголовник, и улыбался, прижимая ладонь к носу. По его подбородку вновь текла кровь. Димка поглядел на Крестовского со смесью раздражения и сочувствия. Кажется, что-то неуловимо менялось.

Маша вытащила из-под Димкиного сиденья свою сумочку и, отыскав в ней упаковку влажных салфеток, протянула их Крестовскому. Спихнулась, что он этого не видит, и коснулась его локтя, привлекая внимание. Крестовский вздрогнул, покосился на салфетки и, пробормотав «спасибо», забрал из ее рук упаковку, а затем, отстегнув ремень безопасности, выбрался из машины.

Маша встретила взглядом с Димкой. Он больше не улыбался и был все таким же бледным. Маша очень хотела сказать ему что-то ободряющее, но на ум ничего не приходило, кроме «прости», а это она уже говорила.

Димка пробормотал:

— Надо выбираться. А то тут воняет.

Он засунул в карман куртки телефон Крестовского, нашарил где-то на полу свой мобильный, пробормотал: «Надо же, цел» — и, еще раз хлопнув ладонью по торпедо, тоже выбрался из машины. Дверь рядом с Машей открылась, и Крестовский подал ей руку. Второй рукой он прижимал к лицу салфетки.

Маша приняла его руку и открыла было рот, чтобы спросить, как он, когда Димка вдруг заорал: «Они не уехали!» — и бросился к дороге.

В мгновение ока Крестовский сорвался за ним. Парни мигом вскарабкались по насыпи, в один голос крикнули Маше: «Стой там!» — и рванули через дорогу.

Судя по тому, что машины притормаживали, на той стороне дороги было на что посмотреть. Машино сердце, едва успевшее немного успокоиться, вновь заколотилось как сумасшедшее.

Распахнув пассажирскую дверь, Маша схватила с сиденья сумку и прижала ее к груди. Ей было велено остаться, но вдруг там нужна ее помощь?

Оставлять незапертой машину Льва Крестовского было страшно. Маша захлопнула пассажирскую дверь и открыла водительскую. Подушка совсем сдулась, и, забравшись в пропахший каким-то газом салон, Маша нащупала в замке зажигания ключи. Крестовский умчался, не взяв их с собой. К счастью, кнопка «закрыть» была обозначена на брелоке весьма наглядно. Маша заперла машину и направилась к дороге по скользкой траве. Пахло мокрым асфальтом и дождем, хотя сам дождь успел закончиться.

Выбравшись на обочину, она увидела, что из противоположного кювета валит дым, и бросилась наперерез при тормозившему джипу.

На обочине моргали аварийками четыре машины. Рядом с ними, сбившись в кучу, переговаривались несколько женщин. Мужчин видно не было. Маша с колотящимся сердцем направилась к женщинам. Боковым зрением она заметила, как из крайней припаркованной машины выбежал мальчишка лет десяти и бросился к одной из них. Та прикрикнула на него, а когда он все же подошел, закрыла ему глаза ладонью и заставила отвернуться от чего-то, чего Маше видно не было.

Подойдя ближе, Маша увидела, что на краю обочины в грязи лежит человек с окровавленным лицом и неестественно вывернутой рукой. Она тут же узнала в нем Андрея и сглотнула, сдерживая тошноту, а потом заторможенно повернулась в сторону кювета.

Темный «форд» ткнулся носом в болото и стоял накренившись. Из-под его капота валил дым, а водители остановившихся машин заливали капот из огнетушителей. Крыша «форда» была промята, будто на него сверху свалился гигантский камень.

— А что с крышей? — спросила Маша и удивилась тому, как тоненько прозвучал ее голос.

— Перевернулась два раза, — охотно пояснила одна из женщин, дородная дама в шлепках и цветастых капри, и тут же крикнула: — Миша, уходите уже!

Маша отыскивала взглядом мальчишек. Димка остервенело дергал заднюю дверь, но та не поддавалась. Крестовский с тем же успехом пытался открыть запертый багажник.

Вдруг из-под капота полыхнуло, и мужчины с криками отбежали. Один из них схватил Димку за плечи и заорал:

— Бежим — сейчас рванет!

Но Димка отпихнул его в сторону и вновь ухватился за ручку двери. Мужчины торопливо поднялись на обочину и скомандовали всем отойти подальше. Маша бросилась вниз, чтобы помочь ребятам, которые даже не пытались убежать, но один из мужиков — тот самый Миша — перехватил ее под ребра, втащил на обочину и заорал:

— Сдурела?!

— Там девочка! Вы не понимаете. В машине ребенок! — закричала Маша, отбиваясь.

— Какой ребенок? Ты сама еще ребенок! — заорала Мишина жена и тоже ухватила за Машин локоть.

Крестовский отбежал от машины, и Маша решила, что он собирается подняться к ним. Однако он не смотрел наверх, лихорадочно оглядывая землю. Его джинсы промокли почти до колен, рубашка под расстегнутой курткой была залита кровью.

Маша задергалась в удерживавших ее руках с новой силой, однако взрослые держали крепко.

Димка все так же безнадежно дергал неподдающуюся дверь. Каждый его рывок сопровождался яростным рыком. Крестовский вдруг метнулся в сторону и поднял с земли увесистый камень. Он что-то крикнул Димке и, замахнувшись, шарахнул камнем по стеклу. Стекло рассыпалось, и Крестовский, отбросив камень, полез внутрь.

— Не могу я! — вдруг крикнул мужчина над Машиным ухом и, скомандовав жене: — Держи девку! — бросился вниз.

— Миша! — вцепившись в Машины плечи, истошно закричала женщина.

— Да сгорит же пацанва! — заорал Миша в ответ.

Крестовский скрылся в машине по пояс. Маша зажмурилась, повторяя про себя: «Господи, господа, господа...»

и слыша, как державшая ее женщина так же монотонно шепчет: «Божечки, божечки, божечки...» Кто-то толкнул Машу, и, распахнув глаза, она увидела еще одного спешащего вниз по склону мужчину. У «форда» слышались крики, но черный дым не давал рассмотреть происходящее. Женщина выпустила Машин локоть и зажала рот обеими руками, с ужасом глядя вниз. Наконец из дыма вынырнул Михаил с Лялькой на руках. Он бежал к дороге так быстро, будто Лялька ничего не весила. По его черному от копоти лицу ручьями тек пот.

Бросившиеся на помощь Михаилу мужчины заслонили от Маши «форд». Ляльку, передавая с рук на руки, подняли на обочину и тут же унесли подальше. Маша даже увидеть ее не успела. Михаил же бросился обратно к машине. Его жена молчала, все так же зажимая себе рот ладонями. Глаза у нее были безумными.

Однако помощь Михаила у «форда» больше не понадобилась. Второй мужик уже тащил в сторону дороги Димку и Крестовского, ухватив их обоих за шкурки. Парни поскальзывались и падали, но мужик упорно тащил их за собой. Несколько человек подали им руки, задержавшийся внизу Михаил подтолкнул Крестовского в спину. Кто-то снова закричал: «Уходите!» — и все бросились в разные стороны. Маша, ноги которой стали ватными от облегчения, поняла, что бежать не может.

— Ходу, ходу! — орал кто-то за ее спиной. — Рвануть может!

Маша оглянулась. Димки не было видно, а Крестовский стоял неподалеку, прижимая левую ладонь к животу, и смотрел на «форд» расширившимися глазами. На его лице были потеки грязи. Маша сделала шаг в его сторону, потом — второй, и тут он ее заметил, и его лицо стало таким, что Маша всерьез испугалась. Крестовский кинулся к ней и, схватив за руку, потащил по обочине прочь от припаркованных машин. Оглянувшись на бегу, Маша увидела, что «форд» полыхнул.

Крестовский тоже это увидел и, резко остановившись, повалил Машу на землю. Не ожидавшая этого Маша больно

ударилась спиной и зажмурилась до кругов перед глазами, поэтому не увидела, а лишь почувствовала, как Крестовский рухнул на нее сверху и закрыл ее уши ладонями. Машино сердце едва не выпрыгнуло из груди от страха и осознания того, что он ее спасает. Она высвободила руки и укрыла его затылок на случай, если что-то в них отлетит. За грохотом крови в ушах она почти не услышала взрыва, но все равно вздрогнула всем телом.

Когда хрипло дышавший и пропахший гарью Крестовский наконец приподнялся и сначала посмотрел через плечо на машину, а потом Маше в глаза, она прошептала:

— Улетай в Лондон. Прямо с утра, — и расплакалась от облегчения.

— Не выйдет, — очень серьезно ответил Крестовский. — Я же свидетель и участник ДТП. Кто ж меня теперь выпустит?

Маша расплакалась еще сильнее, тогда он сполз с нее и, устроившись на земле по-турецки, затащил Машу к себе на колени.

— Маша, Машенька, не плачь, не утонет в речке мяч, — тихо запел Крестовский, легонько покачивая Машу.

— Там была Таня, — всхлипнула Маша в его плечо.

— Это хорошо, что тебя смущает только имя, а не отсутствие у меня слуха и голоса.

Маша наконец улыбнулась.

Кто-то с силой хлопнул Крестовского по плечу, отчего Маша покачнулась.

— Ну чё, малец, живой?

— Вполне. Спасибо, — вежливо ответил Крестовский, и Маша, подняв голову, увидела рядом Михаила.

— Ну и славно.

— Надо вызвать «девять-один-один», — встрепенулся Крестовский и, ссавив Машу с колен, встал сам и помог подняться ей.

— «Девять-один-один», говоришь? — хохотнул Михаил. — Серьезный ты парень, смотрю.

Он говорил так, будто был изрядно пьян.

— Где девочка, которую вы унесли? — спросил Крестовский.

— Там, с пацаном вторым, — понизил голос Михаил. — Тут не только ГАИ, а еще и ментов бы надо. У девочки-то...

Михаил не успел договорить, а Крестовский уже исчез. Маша бросилась следом.

Димка сидел на земле и обеими руками прижимал Ляльку к себе. Из-за распущенных волос ее лица не было видно, но, судя по тому, что Димка что-то говорил, Лялька была в сознании. Крестовский остановился рядом с ними.

Свидетелей ДТП прибавилось. Кто-то снимал на камеру, но ребята не обращали на это внимания. Маша хотела присесть рядом с Димкой, но вдруг заметила, что запястья Ляльки примотаны друг к другу скотчем, и растерянно замерла. Димка поднял взгляд на Машу, потом перевел его на Крестовского.

— Ром, у нее скотчем был рот заклеен. И руки замотаны. Со рта я снял. А с рук надо? Или полиции показать? А то вдруг нам не поверят? Вдруг ее заберут?

— Ш-ш-ш. — Крестовский сел на корточки и сжал Димкино плечо, а потом осторожно погладил Ляльку по голове.

— Маша, сфотографируй, — попросил он, кивком указывая на руки Ляльки. Маша достала из сумки телефон и включила его. Ее руки дрожали так, что нормальный снимок получился только с третьего раза.

Крестовский снова погладил Ляльку по голове и вдруг похлопал себя по груди, будто проверял что-то в карманах. Маша увидела, что его кисть в крови, и негромко охнула. Крестовский тут же бросил на нее предупреждающий взгляд, потом оглядел себя и, кажется, только сейчас заметил, что он без куртки.

— Нужно что-то режущее. Хотя бы ключи, — произнес он.

Маша вытащила из сумки маникюрные кусачки для заусенцев, протянула Крестовскому, и ее сердце екнуло, когда она увидела вблизи его руку, покрытую кровоточащими порезами. Бросив взгляд на его вторую кисть, Маша убедилась, что та в таком же состоянии. Вероятно, он порезался, пока вытаскивал Ляльку через разбитое окно.

Свидетели стояли молча на почтительном расстоянии, но Маша отчетливо ощущала на себе их взгляды.

Крестовский быстро расправился со скотчем на Лялькиных запястьях, а потом, не взглянув на Машу, вернул ей щипчики и обратился к Ляльке:

— Эй, мышонок...

Лялька, сидевшая до этого тихо, вдруг всхлипнула и, вывернувшись из Димкиных рук, вцепилась в воротник рубашки Крестовского. Крестовский подался вперед и обнял ее в ответ, оставляя пятна крови на ее светлой толстовке. Димка отпустил Ляльку и, отклонившись назад, оперся ладонями о землю, чтобы им не мешать: Лялька по-прежнему сидела у него на коленях.

— Голова болит? — тихо спросил Крестовский.

Лялька молча качнула головой.

— Кружится? — Она вновь качнула.

— Ты ударилась?

На этот раз Лялька пожала плечами.

— Ничего. Сейчас скорая приедет, — пообещал Крестовский.

Лялька вцепилась в него еще сильнее.

— Ш-ш-ш, никто тебя не заберет, — уверенно произнес Крестовский, будто читал Лялькины мысли.

Маша посмотрела на Димку и почувствовала, как защипало в глазах. Черные разводы на Димкиных щеках были исчерчены дорожками слез. Он и сейчас беззвучно плакал, глядя на Ляльку так, будто не верил, что видит ее живой.

Крестовский поднял голову и встретился взглядом с Димкой, а потом, не выпуская Ляльку из объятий, подался вперед и обхватил одной рукой Димкино плечо. Димка всхлипнул в голос и ухватился за них двоих, будто больше никого в целом мире не существовало.

Маша почувствовала себя лишней, и ей тут же стало за это стыдно.

В кармане у Димки зазвонил телефон. Он достал мобильный, несколько секунд смотрел на него с удивлением, а потом, сообразив, что это телефон Крестовского, протянул его хозяину. Крестовский посмотрел на экран, встал, со вздохом взял трубку из Димкиных рук и, отойдя в сторону, ответил на звонок.

Где-то вдали слышались звуки сирены. Привстав на цыпочки, Маша увидела две скорые.

— Скорые едут, — сообщила она Димке.

Тот безучастно кивнул. Крестовский вернулся и вновь присел на корточки:

— Дяде твоему будем сообщать?

— А надо? — Димкин голос звучал хрипло.

— Ты решай. Отец спрашивает. Я ему рассказал.

— Ляль, Сергею скажем? — спросил Димка у сестры.

Та молча покачала головой. Лялькино молчание нервировало. И, вероятно, не только Машу. Димка с Крестовским смотрели на Ляльку с плохо скрываемой тревогой.

Одна из скорых подкатила прямо к ним. Спрыгнувший с подножки седой врач громко поинтересовался:

— Пострадавшие где?

— Вон они, — тут же указала на их группу какая-то женщина.

У Крестовского снова зазвонил телефон, и он опять хотел отойти в сторону. В это время один из докторов присел рядом с Лялькой, а второй бесцеремонно схватил за рукав Крестовского. Тот с недоумением обернулся.

— Я в порядке, — вежливо произнес Крестовский, попытавшись высвободить руку.

— Ты в кровище, — в тон ему ответил доктор.

— Что? Нет, папа, все хорошо, — зачастил Крестовский в трубку. — У меня просто носом кровь шла. На мне ни царапины.

— Угу, особенно на руках, — себе под нос произнес доктор, открывая оранжевый ящик.

Крестовский закончил разговор и молча развернулся к доктору.

— Садись давай, герой. — Доктор говорил резко, отчего Маше стало неприятно.

— Сначала девушки, — сказал Крестовский, отступая на шаг.

Доктор бросил взгляд на Машу, потом — на Ляльку, которую врач настойчиво о чем-то расспрашивал. Димка, не выпуская сестру из рук, отвечал за нее.

— Руки давай. А эта кровь откуда? — Доктор указал на рубашку и лицо Крестовского.

Крестовский упрямо повторил:

— Девушкам помощь окажите, я...

— Слушай, мальчик, лично мне ни холодно ни жарко от того, истечешь ты кровью или нет. У девочек шок, от которого они не умрут, а вот когда вместе с шоком кровотечения — дело другое. Так что закрой рот и не мешай мне делать свою работу.

— Почему вы так говорите? — заступилась Маша за замолчавшего Крестовского.

— Потому что папы накупят прав и тачек дорогих, а мы потом собирай вас по обочинам, — огрызнулся доктор и, потянув Крестовского за руку, усадил его на землю и принялся светить ему лампочкой в глаза и задавать вопросы.

Маша краем глаза увидела, как во вторую машину грузят носилки с Андреем, и подумала о том, что им могут не поверить. Формально Крестовский и Волков — мажоры, которые устроили гонки на спортивном «мерседесе», за что и поплатились.

Маша бросилась вдоль обочины на поиски Михаила, боясь, что опоздала и он уже уехал, и с облегчением выдохнула, увидев его разговаривающим с подъехавшими дэпэ-эсниками. Он больше не выглядел пьяным, говорил четко, не смеялся. Маша только сейчас заметила, что он уже немолод. Наверное, ровесник ее папы. Рукав его ветровки был измазан сажей, а пузырившиеся на коленях джинсы промокли почти до бедер.

— Извините, — обратилась Маша, подойдя поближе, — Михаил, вы не могли бы оставить свой номер телефона? Вдруг придется подтвердить что-нибудь?

— А вы у нас?... — вопросительно уставился на Машу сотрудник полиции.

— Я Маша. Рябинина. Я...

— Добрый день, — услышала она позади себя голос Крестовского.

Тот на миг приобнял Машу одной рукой и, шагнув вперед, отодвинул ее за свою спину:

— Меня зовут Роман Крестовский. Я был за рулем второй машины. Она вон там, в кювете.

Полицейский, вытянув шею, посмотрел на Машу, потом — на Крестовского.

— Точно ты, не она?

— Что? Нет, что вы! Это я. У нее и прав-то нет.

— А у тебя? — прищурился полицейский.

— У меня есть. — Крестовский похлопал себя по груди. — То есть были, но они сгорели в куртке. В той машине. Крестовский кивнул на почти догоревший «форд».

— А что ты делал в той машине?

— Я? Помогал.

Телефон Крестовского вновь зазвонил. Он попробовал ответить, но экран не реагировал на забинтованные руки. Маша хотела было помочь, но Крестовский провел по экрану носом и произнес:

— Да, Виктор Фёдорович. Да, сейчас. — А потом протянул мобильный полицейскому со словами: — Это адвокат.

Полицейский закатил глаза и страдальчески вздохнул.

— Начинается, — пробормотал он и уныло продолжил в трубку: — Старший сержант Смирнов. Добрый день.

Пока старший сержант Смирнов разговаривал с адвокатом, Михаил толкнул Машу локтем в бок:

— Эй, пиши мой номер давай. Мало ли. И про скотч подтверждаю, и вообще...

Маша выхватила мобильный и стала забивать номер.

— Девчонка-то нормально? — спросил Михаил у Крестовского.

— В шоке. Но, думаю, все будет хорошо.

— Кто ж ее так? Игры такие?

— Игры, — вздохнул Крестовский и, обняв Машу за плечи, ощутимо на нее навалился.

— Что ж вы за поколение такое? — тоже вздохнул Михаил. — Игры вам все. А сгорели бы, а калекami остались бы?

Крестовский потупился, но ничего не ответил. Михаил, покачив головой, отошел на зов жены, а Крестовский шепотом спросил у Маши:

— Мы, наверное, ему денег должны дать, да? Как тут принято?

— Я не знаю, — тоже прошептала Маша.

— У меня бумажник в куртке остался, а Волкова сейчас дергать бесполезно.

— У меня есть пятьсот рублей, — вспомнила Маша. — Хватит?

Крестовский пожал плечами и знаком попросил Михаила вернуться.

Маша, чувствуя себя жутко неловко, полезла в сумку, но Крестовский сжал ее локоть и обратился к подошедшему мужчине, предварительно покосившись на все еще разговаривавшего по его телефону полицейского:

— Михаил, извините, мой бумажник сгорел в куртке...

Было видно, что заводить разговор о деньгах ему очень неловко.

— Беда, — покачал головой Михаил и крикнул: — Лид, барсетку мою принеси.

— Зачем? — раздалось в ответ.

— Неси, говорю, — повторил Михаил и, обернувшись к Крестовскому, добавил: — У меня там немного, но до города вам добраться хватит.

Крестовский ошарашенно посмотрел на Машу, потом на Михаила и замотал головой:

— Нет, вы не так поняли. Я про бумажник сказал, чтобы объяснить, что наличные сгорели, но если вы оставите номер карты, то я вам сегодня же переведу.

— Что переведешь? — очень спокойно спросил Михаил, но Маша как-то сразу поняла, что он разозлился.

— Деньги за помощь. Вы же рисковали и подтвердить про скотч согласились. — Конец фразы Крестовский пробормотал едва слышно, потому что, кажется, тоже понял, что совершил глупость.

— Дурак ты, пацан. Два метра вырос, а ума — с горошину.

Появившаяся рядом жена Михаила толкнула ему под локоть расстегнутую барсетку.

— Да не надо уже, — досадливо отмахнулся Михаил и развернулся, чтобы уйти.

— Извините, — пробормотал ему в спину Крестовский. — Я не...

— А вообще даже интересно, — обернувшись, произнес Михаил, — во сколько ты свою жизнь да жизнь той девочки оценил бы?

Крестовский, пунцовый как рак, опустил голову.

Возникший рядом Смирнов передал Крестовскому телефон. Тот еще раз пробормотал извинения Михаилу и принялся слушать, что ему говорят. Михаил махнул рукой и, взяв жену под локоть, направился к своей машине. Маша хотела было пойти за ним, чтобы тоже извиниться, но побоялась оставить Крестовского, который напряженно вслушивался в слова собеседника. Вдруг Крестовский расправил плечи и с достоинством, совершенно не вязавшимся с его смущенным и помятым видом, заявил в трубку:

— Нет, конечно, — а потом попросил, повернувшись к Маше: — Отнеси, пожалуйста, Волкову телефон.

Маша взяла его телефон и, уже отходя, услышала, как на вопрос Смирнова: «В трубочку дышать будем?» — Крестовский ответил: «Разумеется».

По пути к Димке Маша остановилась у машины Михаила. Тот смотрел в сторону Димки и Ляльки и не спешил садиться на свое место.

— Михаил, — робко позвала Маша, стараясь не думать о том, что собеседник Крестовского ждет на линии, пока она отнесет телефон Димке. Извиниться перед помогшим им человеком казалось важнее. Михаил нехотя обернулся, и Маша выключила микрофон на телефоне, чтобы звонивший не услышал их разговора.

— Вы, пожалуйста, не обижайтесь на Романа. Он в Москву недавно переехал. У него мама — англичанка, он вырос в Лондоне. Он как лучше хотел. Правда.

— Да не обижаюсь я, — вздохнул Михаил. — Просто скажи своему лондонцу, что не все деньгами меряется. У меня дочка, когда вам ровесница была, в давку на выходе

с концерта попала. Ее толпа к стене притерла. Так какой-то парнишка над ней руки выставил и раздавить ее не дал. Ни имени его не знаю, ничего. Узнал бы, ноги бы ему целовал. А вы — деньги...

— Простите, — повторила Маша, а жена Михаила потянула мужа за рукав:

— Поехали, Мишань, Катька с Севушкой заждались нас совсем.

— Поедем, Лид. Сейчас покурю и поедем, — негромко ответил Михаил, глядя мимо Маши на Димку с Лялькой.

— В машине покуришь, я сегодня разрешаю. Поехали.

Маша встретила взглядом с женой Михаила, и столько всего было в глазах этой немолодой женщины, что она прошептала: «Спасибо вам и счастливого пути» — и отступила от машины.

Ни Михаил, ни его жена не ответили.

Машин телефон зазвонил. Маша нажала «принять» не глядя. Кроме мамы, ей никто позвонить не мог. Не успела мама ничего сказать, как Маша совершенно искренне прошептала в трубку:

— Мапочка, я очень тебя люблю.

То, что ссора могла стать их последним разговором, кажется, что-то перевернуло в Машиных мозгах.

— Маша, — голос мамы звучал напряженно, — вы все живы?

— Откуда ты... — начала Маша, но мама вдруг горько разрыдалась:

— Машка, ты только мне не ври. Ты цела?

— Да, мам, да! Ни царапины.

— А мальчишки?

Маша добежала до Димки и молча передала ему телефон Крестовского, предварительно включив микрофон. Тот так же молча принял трубку. Краем уха Маша уловила, что там обсуждается вопрос госпитализации Ляльки, сама же она вслушивалась в мамины рыдания, и ей хотелось одновременно плакать и смеяться.

— Мальчишки хорошо, мам. Они — герои. Они такие умнички, ты бы знала.

— Герои, — сквозь слезы усмехнулась мама. — Я приеду, как только Лев скажет куда. Ты не волнуйся, Машка, я не буду больше ругаться. Ты только не убегай, ладно?

— Ну куда же я побегу? У меня даже загранпаспорта нет, — сказала Маша и вдруг поняла, что, говоря о бегстве, подумала о Лондоне, в котором никогда не была и, если честно, не особенно-то и рвалась побывать до недавнего времени.

Глава 29

Станем сильнее всех тех, кто нас ранит.

После того как Роман сел за руль отцовского «мерседеса», все вокруг стало напоминать плохой фильм. Сначала — мелодраму, потом — комедию, а напоследок — триллер.

От отца Роман знал, что у Волкова бывают панические атаки в транспорте, избавиться от которых психолог вроде как пока не помогает. Роман прочитал кучу статей о панических атаках. Даже просто читать о них было страшно.

Когда Димка уселся на переднее сиденье, Роман сразу вспомнил о его проблеме. Волков был белым, как молоко, и по его виску одна за другой стекали капли пота. Он дергался, ерзал по сиденью, и Романа даже подташнивало от осознания того, насколько Димке плохо в этот самый момент, и, главное, оттого, что с этим ничего нельзя сделать. Единственное, чем он мог помочь, — это отвечать на все реплики Волкова, не поддаваться на его провокации и говорить как можно спокойнее, чтобы не усугублять его панику.

Если бы Романа спросили в тот момент, верит ли он в счастливый исход их поездки, он не смог бы ответить, потому что не думал о будущем, решая сиюминутные задачи: не пропустить нужный поворот, не запутаться на эстакаде, не поддаться на провокации Волкова, не смотреть на Машу.

Когда их выбросило навстречу фуре, Роман не испугался, потому что у него тоже была сиюминутная задача: вернуть контроль над управлением. А потом он на некоторое время просто выпал из реальности и пришел в себя только после того, как выстрелившая подушка безопасности впечатала его в сиденье, попутно разбив многострадальный нос.

Дальше реальность вновь воспринималась Романом обрывками. Пока они тщетно пытались вскрыть «форд», чтобы достать Ляльку, он не чувствовал совсем ничего: ни страха, ни отчаяния. Просто пытался взломать чертов багажник, чтобы можно было пробраться в салон. Когда мужчины стали убегать, крича, что машина вот-вот рванет, Роману почему-то даже в голову не пришло побежать за ними. Вместо этого его наконец осенило разбить стекло. К счастью, рядом валялся здоровый камень. Поначалу Роман хотел его бросить в окно, но вовремя сообразил, что камень может угодить в Ляльку. Тогда он с силой ударил им по стеклу, мимолетно отметив, что с детства хотел разбить какое-нибудь окно, но повода не было.

Страшно ему стало уже в машине. Из-за дыма в салоне было плохо видно, и Роман впервые за день испугался до липкого пота, когда понял, что Лялька могла к этому времени задохнуться. Он нащупал ее плечо, провел рукой до ремня безопасности и, отстегнув его, еле успел подхватить завалившуюся на бок Ляльку. Обхватив ее поперек туловища, Роман понял, что ее руки связаны. Шок оттого, что кто-то мог так поступить с беззащитным ребенком, быстро сменился яростью, и это пришлось как нельзя кстати, потому что только чистая ярость помогла ему найти в себе силы оторвать Ляльку от сиденья и подтащить к разбитому окну. Он чувствовал, что кто-то тянет его за ремень джинсов, и это тоже было кстати, потому что давало понять: они с Лялькой не одни, их вытасчат.

Расстегнутая куртка зацепилась за что-то внутри салона, и стало ясно, что быстро выбраться не получится. Роман подтянул Ляльку как можно ближе к окну, хотел крикнуть, чтобы ему помогли, но вместо этого закашлялся, глотнув дыма. К счастью, Ляльку кто-то схватил и потянул из его рук. Сам Роман все еще был наполовину в машине, поэтому ему пришлось изогнуться так, что хрустнула поясница, ведь выпустить Ляльку, не убедившись, что ее крепко держат, он не мог. Кожаная куртка защитила от торчавших осколков бок и спину, кисти же обожгло болью, но руки Роман разжал, только когда Лялька оказалась снаружи.

Эти несколько секунд растянулись в сознании до бесконечности. Романа даже успело накрыть непередаваемым облегчением, потому что все, кажется, закончилось. Вот только выбраться из машины вслед за Лялькой не вышло: не пускала куртка. Роман вылез из окна, насколько смог, и стал ее сдвигать, но левая манжета зацепилась за браслет часов. Именно в этот момент Роман осознал, что все это по-настоящему, что машина горит и бензин может вполне реально взорваться.

Дрожащими руками Роман попытался расстегнуть кнопку, но мокрые от пота и крови пальцы все время соскальзывали. Его легкие разрывало кашлем, а внутри, как цунами, поднималась паника, смывавшая остатки хладнокровия и здравого смысла. Ему не выбраться отсюда. Это конец!

Вдруг рядом с ним возник Волков, который — Роман сам видел — успел убежать вслед за мужиком, унесшим Ляльку. Волков за долю секунды расстегнул кнопку на манжете и сдернул куртку с руки Романа. Роман подумал о документах и мобильном, которые остались в ее кармане, но Волков схватил его за плечи и, ткнувшись лбом в висок Романа, то ли прошептал, то ли прокричал:

— Уходим.

Их схватили за шивороты и поволокли по насыпи. Ноги скользили, но кто-то тащил их вверх, и Роман, у которого вдруг разом закончились силы, был благодарен.

Волков тут же умчался, Роман даже не успел его поблагодарить. Очень хотелось сесть на землю и закрыть лицо руками, но он понимал, что, сделай он так, подняться потом не сможет. Порезы на руках щипало, бок, которым его вдавили в край оконного проема, пока вытаскивали из машины Ляльку, тупо ныл, а еще ему стоило бы снять линзы, потому что раздраженные дымом глаза нещадно жгло. Но сил хватало лишь на то, чтобы удерживать тело в вертикальном положении. Пытаясь унять скачущее в горле сердце, он стоял на обочине, на безопасном расстоянии от «форда», и смотрел, как тот горит. Это было совсем не так, как показывают в фильмах. Страшнее.

Вдруг в поле его зрения попала фигура, стоявшая слишком близко к «форду». Роману понадобилось несколько секунд,

чтобы узнать Машу. Откуда в нем взялись силы сорваться с места, Роман не понял. Он схватил Машу за руку и потащил прочь по обочине. Кто-то закричал, что сейчас рванет, и Роман, повалив Машу на землю, рухнул на нее, в последний момент выставив локти, чтобы ее не раздавить. В левом локте что-то противно хрустнуло, и он еле сдержал стон. А потом Маша укрыла его голову руками, и от осознания того, что все почти закончилось, Роману стало так хорошо, что захотелось расплакаться. Но Маша посмотрела ему в глаза, сказала, чтобы он улетал в Лондон прямо завтра, и заплакала сама, и в нем откуда-то снова нашлись силы ее утешить. Усадив Машу к себе на колени, Роман вдруг с пугающей очевидностью понял, что не может ее оставить. Неловкость от нахождения внутри этого эмоционального треугольника оказалась ничтожной по сравнению со страхом от осознания того, что Маша могла погибнуть. Его Маши могло не стать. Роман больше не хотел ни о ком думать: ни об Ирине Петровне, ни об отце... Черт, да он даже о Волкове сейчас не хотел думать, потому что Маша, живая и настоящая, сидела на его коленях и всхлипывала ему в шею. Наверное, именно в эту минуту Роман все для себя решил. И он был настолько в этом решении уверен, что даже вновь обступившая их реальность больше не могла на него повлиять.

Волковы выглядели пугающе. И дело было не в скотче, обмотанном вокруг Лялькиных запястий. Самым страшным было то, что Лялька молчала. И Димка молчал. Только плакал. От вида этой сцены у Романа внутри все перевернулось. Он попытался разговорить Ляльку, но та была такой безжизненной и потерянной, что ничего не вышло. Стараясь не смотреть на слезы Волкова, он снова и снова обращался к Ляльке, надеясь, что сможет ее вытащить. Ведь раньше же получалось! Но минуты текли одна за другой, а Лялька не издавала ни звука. От этого что-то мерзко дрожало в животе. Спасало ситуацию только Машино присутствие. Во всяком случае, Роман точно знал, что при ней не позволит себе позорно разреветься. А это сейчас было особенно важно. Должен же кто-то из них быть сильным.

Но, когда Лялька бросилась ему на шею и Роман обнял ее и Димку, он на миг забыл о существовании Маши и о том, что реветь стыдно. К счастью, именно в этот момент позвонил отец, и стало не до сантиментов.

Голос отца дрожал и от этого казался совсем незнакомым. Роман бросился уверять, что с ним все в порядке, что он всего лишь поцарапал руки, зачем-то пряча свободную от телефона руку за спину, будто отец мог ее увидеть, а потом замолчал, собираясь с духом, чтобы сказать про машину.

Отец воспользовался паузой и едва слышно спросил:

— Рома, скажи, ты цел?

— Да, конечно, — откликнулся Роман.

— Рома, давай без твоих «да, конечно»!

— Пап, я в порядке, — зашептал Роман в телефон. — Я твою машину разбил.

— Рома, ты цел? — повторил отец, будто и не слышал слов Романа.

— Да!

— А Димка?

— И Димка, и Лялька. Тут такое дело...

— Рома, вы кого-то угробили?

— Пап, я не знаю, — честно ответил Роман. — Там Димкин водитель пострадал, но он... Пап, он, короче, Ляльку украл. Скотчем ей руки смотал и...

— Андрей?

Роман кивнул, а потом, спохватившись, добавил:

— Да, он. И еще я машину разбил. Твою. Новую.

— Рома, хрен с ней, с машиной, слышишь?

— Слышу, — ответил Роман, понимая, что никогда не слышал, чтобы отец говорил таким странным тоном. — Пап, ты в порядке?

— Я? Рома, я в офигенном порядке. Ничего не подписывай. Сейчас тебе позвонит Виктор Фёдорович, адвокат. Делай все, что он скажет.

— Пап, я правда только скорость превысил. Больше ничего.

— Ты не пил?

— Нет, конечно! — воскликнул Роман.

— Все-все, успокойся, — голос отца стал обычным. — Потом разберемся. Пока не подписывай ничего. И Димке скажи. Сергею сообщать будем?

— Я спрошу у Димки. Но, думаю, он не захочет.

— Я тоже думаю, что не стоит парня дергать.

Заметив Машу рядом с полицейским, он рванул туда, опасаясь, что она что-нибудь сболтнет. Хотя они и не успели обсудить это с Димкой и с отцом, Роман был на сто процентов уверен, что Волковы не захотят обнародовать историю с похищением. Зачем нужен лишний скандал? К счастью, Маша успела лишь представиться стражу правопорядка.

Роман очень надеялся, что он выглядит уверенным и спокойным, разговаривая с полицейским. Внутри у него при этом все замирало от ужаса, а в голове звучал голос отца о том, что все проблемы Романа — от его слабости и бесхарактерности. Звонок адвоката пришелся как нельзя кстати, но, услышав в трубке резкое: «Трубку гайцу дай», — Роман понял, что обрадовался рано. Пренебрежение в голосе адвоката вернуло Роману привычное уже в последнее время ощущение собственной ничтожности. Наверное, поэтому он и не сообразил, что предлагать деньги мужчине, помогавшему вытащить Ляльку, — не лучшая идея. Нужно было как-то тактичнее. Ведь он на самом деле не хотел его обижать. Но его прямота, увы, вновь сыграла с ним злую шутку. Был бы на его месте Волков, все было бы иначе. Вот кто мог разрулить любую ситуацию и всем в итоге понравиться.

Впрочем, долго упиваться собственной никчемностью Роману не пришлось: полицейский сунул ему под локоть телефон.

— Так, слушай внимательно, — раздался в трубке голос адвоката. — Делаешь фото схемы ДТП, фото своей и второй машины. Ничего не подписываешь. Я уже еду. Буду через двадцать две минуты. Лишнего не болтай. Ты что-нибудь употреблял?

— Нет, конечно! — возмущенно воскликнул Роман, хотя обещал себе сдерживаться, несмотря на то что от тона адвоката его корбило.

— Отлично. Тогда от освидетельствования лучше не отказывайся. Теперь дай мне Дмитрия.

Полицейский глядел на Романа с подозрением. Это нервировало. Маша стояла рядом и тоже смотрела, только не с подозрением, а с такими сочувствием и тревогой, что Роман невольно улыбнулся и протянул ей трубку:

— Отнеси, пожалуйста, Волкову.

Маша кивнула и, бросив нервный взгляд на полицейского, пошла к Волкову. Роману иррационально хотелось смотреть на нее не отворачиваясь. Будто она могла исчезнуть. Но Смирнов без особой надежды спросил: «В трубочку дышать будем?» — и Роман ответил: «Разумеется».

В трубочку он дышал в первый раз. Смирнов посмотрел на дисплей, потом спросил, не принимает ли Роман каких-либо лекарств. Роман назвал препарат, который принимает, и, наученный опытом, тут же пояснил:

— Мне его в Лондоне выписывали. Как он называется на русском, я не знаю.

Дальше они осматривали место ДТП. Роман все фотографировал и очень боялся сделать что-то не так. Он не вчера родился и понимал, что вопрос по-любому будет решен в его пользу, но подставлять отца еще сильнее не хотелось, поэтому Роман максимально осторожно рассказывал о самом ДТП. Сказал, что при заходе на поворот «форд» притерся к их боку, и Роман потерял управление, на что Смирнов, отвлекшись от разглядывания останков машины Андрея, спросил:

— А ты водишь давно?

— Год. Но большую часть времени — в Англии, — не стал врать Роман. — Здесь — около двух недель. У меня день рождения недавно был.

— С днем рождения, — хмуро произнес Смирнов.

— Спасибо, — вежливо ответил Роман.

— С погибшим были знакомы?

— А он погиб? — всерьез напрягся Роман.

— Да выглядел так себе, хотя еще дышал.

У Романа необъяснимо отлегло от сердца. Андрей, конечно, был преступником, но Роману было легче от мысли,

что он не погиб в результате этого идиотского ДТП. Роман вдруг вспомнил, как их снесло на встречу, и запоздало почувствовал тошноту, которая с детства приходила вместе со страхом.

— Ты нормально? — участливо спросил Смирнов. — Ударился сильно?

Роман некоторое время пытался сообразить, чем вызван этот вопрос и что лучше ответить.

— Эй, ты меня вообще слышишь? — Смирнов положил руку ему на плечо.

— Я... да. Все хорошо. Просто устал, — пояснил Роман.

— Ну ладно. Ты, если надумаешь в обморок там или еще чего, говори заранее. Терпеть не могу, когда вы без предупреждения... Это вон — к скорой.

— Хорошо, — кивнул Роман, хотя и считал требование абсурдным.

Маша подошла со спины, и Роман почувствовал ее присутствие еще до того, как она осторожно коснулась его локтя.

— Телефон, — сказала Маша, протягивая ему смартфон.

Роман убрал смартфон в задний карман джинсов. Маша несколько секунд смотрела на его лицо, а потом крепко взяла его под локоть и прижалась теплым боком. Это необъяснимо придало сил. Во всяком случае, тошнить перестало. Они живы. Все будет хорошо.

Смирнов тем временем разложил какие-то папки на капоте патрульной машины и стал вдумчиво заполнять бумаги.

— Димка решил возить Ляльку в платную клинику, — пробормотала Маша, еще теснее прижавшись к Роману.

— Хорошо, — шепнул Роман. — Они уже уезжают?

— Нет, он сейчас пишет отказ от госпитализации. Психует...

— Он боится за Ляльку, — вступился за Волкова Роман. — Но, я надеюсь, врачи не пропустили бы что-то серьезное. Так ведь?

Маша вздохнула и потерлась щекой о его плечо, отчего сердце Романа побежало вскачь.

— Лялька молчит, и они толком не знают, пострадала ли она, — после паузы сказала Маша. — Но руки, ноги у нее целы, рефлексy тоже в норме. Удивительно, да?

Роман только кивнул, потому что это вправду было удивительно.

— С какой скоростью ехал? — обратился Смирнов к Роману.

Роман напрягся, потому что ехал прилично за сотню километров в час, но признаваться в этом точно не стоило.

— Я не смотрел на спидометр, — четко произнес он, в то время как его сердце заколотилось еще сильнее от осознания того, что он врет стражу правопорядка. — Но я двигался в общем потоке.

Маша отклонилась и заглянула ему в лицо. Роман это почувствовал, но не повернулся к ней, продолжая неотрывно смотреть в глаза инспектору. Врать было стыдно, мерзко и... необходимо. К счастью, уши у него горели и до этого, поэтому старший сержант Смирнов не должен был заметить разницы.

— Понятно, — протянул Смирнов и, кажется, ни капли ему не поверил, но доказать обратное было невозможно, поэтому Роман выдохнул.

— Здравствуйте, — услышал он за плечом голос Волкова и обернулся.

Димка все еще был бледным, но разводы грязи с его лица исчезли. Рядом с ним, молча глядя в землю, стояла Лялька. Ее нос покраснел, а лоб был заклеен пластырем.

— Меня зовут Волков Дмитрий Алексеевич, — четко произнес Волков. — Я — свидетель. Был на переднем сиденье.

— Очень приятно, Волков Дмитрий Алексеевич, — откликнулся Смирнов. — А с вашего места наверняка хорошо был виден спидометр?

— Был, — ровно ответил Димка, и у Романа екнуло в груди. Пришла нелепая мысль, что Димка сейчас его сдаст и все испортит, однако тот продолжил как ни в чем не бывало: — Но я на него не смотрел. Мы ехали в потоке.

Это было откровенной неправдой, но Димка выглядел таким честным, что Роман и сам ему поверил бы.

С появлением Волкова Маша выпустила локоть Романа и встала чуть в стороне. Это позволило ему подойти к Ляльке. Пока Димка, не выпуская руку сестры, отвечал на какие-то вопросы Смирнова, Роман наклонился к Ляльке и, осторожно обняв ее за плечи, прошептал:

— Ты как, мышонок?

Лялька заторможенно подняла на него взгляд и вдруг разревелась. Димка вздрогнул и зло зыркнул в его сторону. Лялька же вытащила свою руку из Димкиной ладони и вновь обняла Романа за шею. Стоять, согнувшись в три погибели, чтобы маленькая Лялька могла до него дотянуться, было неудобно, но Роман знал, что будет стоять так столько, сколько потребуется. Лишь бы она хоть что-то сказала.

— Ляль, все хорошо будет. Слышишь? Сейчас мы все вместе поедem в госпиталь.

На этих словах Лялька отклонилась и посмотрела на него с такой надеждой, что он тут же продолжил:

— А ты как думала? Конечно, с тобой.

У Романа зазвонил телефон. Смартфон вновь не желал слушаться забинтованных пальцев, и пришлось опять «отвечать» носом. Английский дед встревоженно спросил, все ли в порядке. Мол, ему как-то беспокойно.

— У меня все отлично, — ответил Роман на английском, чем заслужил неодобрительный взгляд инспектора. — Не волнуйся. Все просто прекрасно. Я тут с друзьями. Позже перезвоню.

Нажав носом отбой, Роман бросил взгляд на машину ДПС, на догоравший «форд» и нервно усмехнулся. Знал бы его дед, насколько тут все отлично.

В этот момент рядом с машиной ДПС затормозила черная «ауди», и из нее вышел Виктор Фёдорович, невысокий коренастый мужчина с большими залысинами, одетый в строгий серый костюм.

— Добрый день, я — Горов Виктор Фёдорович, адвокат этих молодых людей.

Он деловито оттеснил Волкова от сержанта Смирнова и бесцеремонно заглянул в разложенные на капоте бумаги. Роману стало неловко. Потом Виктор Фёдорович повернулся

к Димке, сообщил, что скорая подъедет через три минуты, и обратился к инспектору:

— Молодых людей, думаю, можно отпустить. Я уполномочен подписывать все документы за них. Они будут готовы прийти по первому требованию и все подтвердить. Роман Львович уже изложил мне суть ДТП: они — совершенно очевидно, жертвы.

Роман слушал быструю речь Виктора Фёдоровича, и ему было тошно. Лично ему казалось, что Виктор Фёдорович не верит ни одному его слову и считает виновным в ДТП, но при этом сейчас уверенно выгораживает его перед инспектором. И выглядит это так, будто Роман — преступник, которого отмазывают за деньги.

Роман отвернулся от машины ДПС, разглядывая останки «форда». Где-то там упокоилась его куртка с документами и ключами от квартиры. А еще, кажется, все планы на ближайшее будущее. Хотелось, чтобы Маша снова стояла рядом и прижималась к его плечу, но с приходом Волкова это стало, увы, невозможным.

— Можете ехать, — прозвучал за его спиной голос адвоката, и Роман нехотя обернулся. — Только ключи от отцовского «мерса» оставь. Он встретит вас у госпиталя.

Роман осторожно похлопал по карманам джинсов и обмер, когда понял, что умудрился где-то посеять ключи. Однако стоявшая в стороне Маша неожиданно достала их из кармана своей куртки, и Роман уже даже не особенно удивился: сегодняшний день он определенно помнил фрагментами.

Машина скорой помощи внутри ничем не отличалась от тех, на которых пару раз доводилось ездить Роману в Лондоне. Ляльку уложили на носилки, Маша села на одиночное кресло, Роман и Димка — на сдвоенные. Всю дорогу в машине царил тишина. Ехать с Волковым плечом к плечу было странно и очень правильно.

На въезде в Москву Димка вдруг произнес:

— Спасибо, что ты сегодня поехал.

Говоря это, он смотрел в окно и наверняка не увидел глупой улыбки, против воли появившейся на лице Романа.

— Не за что, — сказал он, потому что нужно было что-то сказать.

Наконец машина въехала в небольшой закрытый дворик и подкатила к бело-зеленому зданию. Димка вдруг занервничал еще сильнее. Он молчал, но при этом без конца двигался: ерзал по сиденью, не знал, куда деть руки.

— Все хорошо будет. Мы уже в больнице, — шепнул Роман прямо ему в ухо, чтобы не побеспокоить Ляльку.

— Я знаю, — огрызнулся Волков. — Просто ненавижу больницы.

— Соберись, — снова прошептал Роман. — Ляльку не пугай.

Волков отклонился и посмотрел так растерянно, что Роману очень захотелось что-то сделать, но он никак не мог придумать, что именно. Единственное, что пришло на ум, — сказать:

— Отец обещал быть здесь.

— Это хорошо, — выдохнул Димка и, кажется, немного успокоился.

Впрочем, увидев отца, Роман понял, что успокоились они оба зря. Стоило им выйти из машины, как отец, кутивший возле урны в противоположной части двора, бросился к машине.

Роман шагнул вперед, собираясь что-нибудь сказать, но отец не дал — сгреб его в охапку и даже, кажется, оторвал от земли, потом оттолкнул так, что Роман едва не влетел обратно в машину, и схватил в охапку Димку.

— Дядь Лёв, ну вы и спринтер, — нервно рассмеялся Волков.

Машу отец, к счастью, обнимать не стал, а сразу подошел к носилкам с Лялькой.

— Лялик, ты как?

Лялька улынулась бледными губами, и на ее глазах снова стали закипать слезы. Волков тут же метнулся к носилкам и схватил Ляльку за руку.

Роман собирался было объяснить отцу, что Ляльку лучше не дергать, но, видимо, Сергей держал его в курсе их

семейных проблем, потому что отец просто наклонился и чмокнул Ляльку в бледную щеку:

— Ничего, мышонок. Сейчас тебя осмотрят, если надо, подлатают, и поедем домой.

— И вы с нами? — с какой-то детской надеждой спросил Димка.

— Да куда ж я от вас-то?

Они всей толпой двинулись за носилками. На Волкова было больно смотреть.

В приемном покое навстречу им вышла улыбчивая медсестра и неуместно радостно спросила:

— Волкова Лена? А мы вас уже ждем. Кто с ней?

Отец и Димка одновременно шагнули вперед, но Роман ухватил отца за локоть и потянул назад. Тот непонимающе оглянулся на Романа, а Димка четко произнес:

— Я с ней. Я ее брат. Совершеннолетний. Документы вот. — Он протянул медсестре паспорт.

Медсестра, не переставая улыбаться, повернулась к отцу, но тот, к облегчению Романа, лишь молча развел руками. Перед дверью, за которую уже успели увезти каталку с Лялькой, отец поймал Димку за локоть и сказал:

— Мы здесь в любом случае. Если что, сразу звони.

Димка кивнул в ответ и, рассеянно сказав «ага», скрылся за дверью.

Отец некоторое время смотрел на закрывшуюся дверь, а потом сообщил медсестре, что они будут ждать снаружи, и Роман, собрав все свое мужество, побрел за ним на улицу. Глядя в спину отцу, одетому в деловой костюм, Роман думал, что тому наверняка пришлось покинуть конференцию, узнав о случившемся. Еще думал, что отцу правда было бы намного проще, если бы он знал, что Роман в Лондоне. Вот только, кажется, этим его надеждам не суждено сбыться. Теперь главное — собраться с духом, чтобы отцу об этом сообщить.

Сглотнув, Роман отыскал взглядом Машу, и его сердце рухнуло в желудок, потому что ту обнимала Ирина Петровна, глядя поверх головы дочери на Романа с такой неприязнью, что впору было провалиться сквозь землю.

Отец Ирине Петровне тоже не обрадовался, однако улыбнулся и пошел в их направлении. Но стоило ему сделать пару шагов, как Ирина Петровна выпустила Машу из объятий и сама пошла навстречу. По ее лицу было видно, что ничего хорошего беседа не предвещает.

— Ира, — отец примирительно поднял руки, — давай без эмоций.

Кажется, это он зря сказал, потому что после его слов Ирина Петровна разве что не заискрилась.

— Без эмоций? — прошипела она. — Твой сын едва не угробил моего ребенка. И я должна не испытывать эмоций?

— Извините... — начал Роман, подбирая слова для оправдания.

Ирина Петровна развернулась к нему:

— Вы бы лучше вообще помолчали, Роман, потому что я сейчас близка к убийству.

Роман не знал, шутит ли она, но выглядело это весьма правдоподобно.

— Мама, — жалобно произнесла Маша и вклинилась между ней и Романом, будто прикрывая его от огня противника, — Рома не виноват. Я сама поехала. Я же говорила!

— Если бы не он, тебе бы и в голову не пришло ехать, — отрезала Ирина Петровна. — Поэтому нечего его выгораживать.

— Ира, давай снизим градус. — Отец говорил спокойно, но Роман прекрасно видел, что он тоже злится.

— Я не собираюсь снижать градус! Я вообще не собираюсь с вами дискутировать. Я только предупреждаю в последний раз, чтобы твой сын держался подальше. Ясно?

Ирина Петровна говорила все это, глядя на отца.

— Да не вопрос! — воскликнул тот. — У него билет на самолет.

— Так, значит, в ректорате меня обрадовали не зря? — тоже повысила голос Ирина Петровна.

— Зря! — громко ответил Роман, и все посмотрели на него. При этом стоявшая перед ним Маша развернулась так стремительно, что он невольно сделал шаг назад.

— Что? — в унисон спросили Маша и Ирина Петровна, однако Роман посмотрел на отца и сказал:

— Прости.

— Приехали, — произнес отец и, запустив пальцы в волосы, отошел к месту для курения.

— Ты не улетаешь? — спросила Маша, вглядываясь в его лицо так, будто что-то искала.

Роман чувствовал, что его уши пылают, щеки тоже горят, но, собравшись с мыслями, он посмотрел в глаза Ирине Петровне и произнес:

— Мне очень жаль, но я не лечу в Лондон.

— Вы отчислены, Роман! — нервно сказала та.

— Я восстанавлиюсь.

— Ну конечно, за деньги все можно.

— Мама, подожди, пожалуйста, — попросила Маша и, шагнув к Роману, попыталась взять его за руку, но, посмотрев на бинты, обхватила его предплечье. — Почему ты не улетаешь?

— Потому что не могу, — негромко сказал он.

— Но здесь ты тоже не можешь, — напомнила Маша.

Она была абсолютно права. Он не мог здесь.

— Но не здесь я еще сильнее не могу, — глядя Маше в глаза, произнес Роман.

— Какое удивительное владение русским языком, — саркастически заметила Ирина Петровна и, отыскав взглядом отца, позвала: — Лев!

Отец тут же затушил сигарету, дошел до припаркованной неподалеку машины, достал с заднего сиденья пакет и только после этого направился в их сторону. Он шел легко и выглядел абсолютно уверенным в себе, и Роман в тысячный раз подумал, что ему таким никогда не стать. Протянув Роману пакет, отец повернулся к Ирине Петровне:

— Слушаю.

Роман достал из пакета футболку и толстовку. И то и другое — с этикетками.

Маша немедленно забрала вещи из его рук и, вытащив из сумочки маникюрные кусачки, избавила одежду от этикеток. Ирина Петровна смотрела на это так, будто видела

что-то отвратительное. Роману было жутко стыдно оттого, что отец по его вине вовлечен в публичную сцену, что у Маши проблемы с мамой, но он не мог не радоваться в душе тому, что Маша ведет себя так, будто он — ее. Будто он нужен.

— Переодеваться он тоже здесь будет? — спросила Ирина Петровна у отца так, словно Роман был пустым местом.

Маша при этом выглядела такой несчастной, что Роману стало ее очень жалко. Бог с ней, пусть ему говорит что угодно, но Маша... Он открыл было рот, но отец буднично произнес:

— Не думаю. У него с воспитанием все в порядке. Да ты у него самого спросить можешь, если что. Он говорить умеет.

Ирина Петровна посмотрела на отца так, что Роман не мог не признать: на него все эти месяцы она смотрела, можно сказать, даже ласково. Решив не усугублять ситуацию, он взял из Машиных рук одежду и направился к машине.

— Мария! — раздалось за спиной, и, обернувшись, Роман увидел, что Маша идет за ним.

Он мысленно застонал. С одной стороны, внутри все пульсировало от мысли, что Маша так открыто с ним, с другой — он очень не хотел становиться причиной Машиного конфликта с мамой. Но, видимо, это было неизбежно в той реальности, которую он выбрал час назад у догорающего «форда».

Машина пикнула, и Роман кивнул отцу в знак благодарности, но тот отвернулся, сделав вид, что не заметил. Роман со вздохом открыл заднюю дверь и бросил одежду на сиденье.

Маша остановилась в шаге от него и, кажется, не собиралась отворачиваться. Роман посмотрел на нее сверху вниз. Без каблуков Маша была маленькая и очень... его. Роман не мог подобрать иного слова. Утренний план испугать Машу и сделать так, чтобы она его возненавидела, казался сейчас совершенно идиотским. Как бы он жил с мыслью о том, что она его ненавидит? Как смотрел бы на себя в зеркало по утрам, зная, что где-то в Москве кто угодно может обидеть и испугать Машу, сделать что-то, наплевав на ее

согласие?.. Если несколько дней назад он чувствовал, что его ответственность за Юлу огромна, то сегодня понял, что его ответственность за Машу безгранична, как вселенная, и он хочет ее нести, чтобы у Маши все в жизни складывалось благополучно.

— Маша, я очень не хочу, чтобы ты ссорилась с мамой, — впечатленный своим открытием, негромко произнес Роман.

— Я тоже, — ответила Маша. — Правда. Просто я не могу от тебя отойти. Мне, наверное, теперь до конца жизни будет сниться, как ты залез в горящую машину. А если бы она взорвалась?

Машин голос дрогнул, и Роман поднял руку, чтобы коснуться ее щеки, но потом вспомнил, что кисть у него забинтована, к тому же бинт оказался почему-то грязным. Спрятав руку за спину, он произнес:

— Она не взорвалась бы. Все было под контролем.

Маша несколько секунд смотрела на него не отрываясь, а потом улыбнулась сквозь слезы:

— Свой лимит убедительного вранья ты сегодня исчерпал в разговоре с инспектором.

Плачущую Машу нестерпимо хотелось обнять, но он даже представить себе не мог реакцию родителей. Особенно Ирины Петровны. Поэтому разумней всего сейчас было наконец переодеться.

Повернувшись к Маше спиной, Роман принялся расстегивать пуговицы, но сделать это забинтованными руками оказалось проблематично. В конце концов он с силой рванул полы рубашки в разные стороны. Пара верхних пуговиц оторвалась, остальные сидели крепко.

— Качественно шьют в ваших границах, — пошутила Маша, и от осознания того, что она за ним наблюдает, уши Романа запылали с удвоенной силой.

Стягивая рубашку через голову, он мог думать лишь о том, что Маша стоит в паре шагов и не отводит взгляда. Пospешно натянув футболку, Роман повернулся к ней, чувствуя, как пылают щеки.

— Можешь не краснеть. Ты уже при мне раздевался, — выдала Маша и улыбнулась как-то по-особенному.

— Я? — удивился Роман.

— Да, ты однажды переодевался при мне дома, пока разговаривал по телефону. Я сначала слегка обалдела, но потом поняла, что ты про меня забыл.

Роман прикрыл глаза ладонью. Было стыдно и смешно, а еще очень приятно, что у них уже есть свое прошлое, пусть даже такое позорное.

— Надевай толстовку. Не май месяц, — строго произнесла Маша, и Роман подумал, что таким же тоном Маша порой разговаривает с Волковым. Как к этому относиться, он пока не решил.

Их родители тем временем вели весьма неприятную беседу, и Роман с Машей, не сговариваясь, решили не приближаться к линии фронта. Ирина Петровна стояла, сложив руки на груди, и выглядела такой непримиримой, что Роману стало искренне жаль отца.

Глядя на то, как отец засунул руки в карманы деловых брюк, чего категорически не разрешал делать Роману, если они выходили куда-то вместе, потому что это — моветон, Роман подумал, что дело все же не в них с Машей. Они стали катализатором, но и без этого их родителям было что сказать друг другу.

— Ты уверен, что остаться в Москве — хорошая идея? — подала голос Маша, также наблюдавшая за экспрессивной беседой взрослых.

— Я уверен в обратном, — со вздохом ответил Роман, думая, что отец еще не раз припомнит ему этот день.

Маша вдруг взяла его под локоть и прижалась щекой к его плечу, и Роман, несмотря на усталость, расправил плечи.

До финала этой истории было еще очень далеко, но ему хотелось верить, что финал этот будет счастливым.

Глава 30

Сможем смириться с собой и со всеми.

Пока Ляльке делали МРТ, Димка до крови обгрыз заусенец на большом пальце. А ведь казалось, что он отвык от этой привычки за последние годы. Бахилы раздражающе шуршали, стоило ему хоть чуть пошевелиться, подсохшая на джинсах грязь выглядела в больничном коридоре вызывающе, и Димка каждую минуту ждал, что его попытаются отсюда выдворить. Однако приветливая медсестра, несколько раз подходившая к нему, чтобы спросить, не нужно ли ему что-нибудь, ничего по поводу грязи не говорила.

Потом Ляльку без объяснений отвезли в просторную палату, где на столике стояли живые цветы. Димка обратился к медсестре с вопросом о результатах, но та только мило улыбнулась в ответ и сказала, что доктор все объяснит чуть позже. Лялька свернулась клубочком на кровати, а Димка подтащил к кровати стул и сел рядом. В висках ныло, и жутко хотелось пить.

— Ты чего-нибудь хочешь? — спросил Димка сестру.

Лялька молча покачала головой. Димка неловко подоткнул ей одеяло. У мамы это получалось намного лучше. Сглотнув, он посмотрел на Лялькину макушку. Сейчас отсутствие мамы чувствовалось особенно остро. Он понимал, что нужно что-то сказать, как-то расшевелить сестру, чтобы ее опять не утянуло в болото молчания и полной оторванности от реальности, но в его голове было пусто, а в груди ныло от сочувствия: ему самому хотя бы было уже пятнадцать, когда пропали родители.

Время тянулось медленно. Лялька дышала так тихо, что Димку несколько раз накрывало паникой. Вскоре пришла

медсестра и прикатила на каталке какую-то медицинскую фиговину. С улыбкой пояснила, что доктор назначил Ляльке ингаляции и Димке нужно подписать разрешение на проведение процедур. И тут Димку прорвало. Он выпустил Лялькину ладонь, бросив сестре «сейчас вернусь», ухватил медсестру за локоть и потянул ее к выходу.

— Молодой человек... — Может быть, в ее голосе и не было кокетства, но Димке оно послышалось.

— На выход, — процедил он сквозь зубы и почти силой выпихнул медсестру из палаты.

— Что вы себе позволяете? — воскликнула та, вырывая руку из его хватки.

Никакого намека на кокетство в ее тоне больше не было.

— Мы здесь уже сорок пять минут, — стараясь говорить спокойно, произнес Димка. — Я до сих пор не видел врача. Мне никто не объяснил, что с моей сестрой.

— Врач объяснит, когда будет нужно. — Дружелюбием с ее стороны больше не пахло.

— Я не позволю проводить с ней какие-либо процедуры, пока не буду понимать, что они необходимы.

— Да неужели вы думаете...

Димка скрипнул зубами. Ему дико не хотелось привлечь дядю Лёву, но если так пойдет дальше...

— Потому что каждая процедура — это статья дохода вашей клиники, — терпеливо пояснил он.

Дверь в палату бесшумно открылась, и на пороге появилась Лялька. В выданной здесь ночной рубашке в мелкий фиолетовый цветочек она выглядела лет на десять.

— Дима, — негромко сказала она, — не нервничай, ладно?

Не веря своим ушам, Димка бросился к ней и подхватил на руки, наплевав на то, что на него смотрят медсестра, пожилая женщина, мывшая неподалеку полы, еще кто-то, высунувшийся из соседней палаты посмотреть на назревающие разборки.

— Лялька, — счастливо прошептал он. — Лялька!

— Не нервничай, — повторила Лялька, очень серьезно глядя на него сверху вниз, и попыталась пригладить ему

волосы. — Вдруг опять мигрень? Нас же тогда домой не отпустят.

Димка поставил ее на пол и кивнул:

— Я не буду. Обещаю.

Когда он обернулся к медсестре, той уже и след простыл.

— Ляль, ты пока побудь в палате. Я с врачом переговорю.

Лялька медленно кивнула и попросила:

— Спроси у него, когда домой можно, хорошо?

— Ага.

Димка завел Ляльку в палату и, только убедившись, что она легла на кровать, пошел на поиски врача. Оставлять сестру одну не хотелось до дрожи в животе. Казалось, что она снова может пропасть. Поэтому, дойдя до лестницы, он малодушно вернулся к палате и остановился у двери. Женщина, мывшая пол, добралась до этой части коридора, и Димка собрался было вернуться в палату, чтобы не мешать, как та вдруг обратилась к нему:

— Ну что ты расшумелся? Веронику зря обидел.

— Извините, — смутился Димка и зачем-то начал оправдываться: — Мы здесь уже долго, а мне до сих пор не сказали, что с ней.

— А ты ей кто? Кавалер? — усмехнулась старушка. Впрочем, по-доброму.

— Брат я ей, — неожиданно для самого себя вполне мирно пояснил Димка.

— Ну вот и подожди, брат. Родители подъедут, Марат Валерьевич все и объяснит, чтобы по десять раз язык не бить.

— Не подъедут они, — ответил Димка и вдруг почувствовал, что жутко устал. Будто в нем внезапно кончился заряд. Прислонившись спиной к стене, он съехал вниз и уселся на еще не вымытый пол. — Они пропали без вести три года назад. А дядя наш в другом городе и вернется только через неделю.

Он и сам не знал, зачем все это рассказывает. Просто вдруг стало так тошно, что держать лицо не осталось никаких сил. Женщина долго молчала, а потом отставила

швабру, стащила резиновые перчатки и, подойдя к Димке, потрепала его по торчащим в разные стороны волосам:

— Ну ничего, — сказала она и добавила совершенно бессмысленную фразу, которую Димка слышал раз сто за последние три года: — Наладится все. Вот сейчас Вероника за Маратом Валерьевичем сходит, он все тебе расскажет. Он доктор толковый. Лишнего не назначит. Не тревожься за девочку. Ну-ну, будет уже. Хватит.

Димка не сразу понял, почему она говорит последние слова, и, только шмыгнув носом так, что стало слышно во всем коридоре, обнаружил, что снова плачет. В который раз за сегодняшний день. Прижав к глазам кулаки, он постарался успокоиться. Нельзя же. Крестовский просил Ляльку не пугать. Но ничего не получалось: слезы текли и текли, и остановиться Димка не мог.

Старушка куда-то ушла и вернулась со стопкой одноразовых бумажных полотенец.

Димка кивнул в знак благодарности и принялся утираться, но слезы никак не желали останавливаться. Женщина склонилась над ним и гладила его по волосам, что-то приговаривая ласковым тоном, а он бормотал:

— Вы только Ляльке не говорите, что я тут раскис... Я сейчас успокоюсь...

Сколько он так рыдал, Димка не знал. Медсестра успела вернуться, приведя с собой невысокого моложавого мужчину в зеленом медицинском костюме.

— Мальчику что-нибудь давали? — услышал Димка.

— Не назначали, — по-деловому ответила медсестра.

— Марат Валерьевич! — старушка кивнула куда-то в сторону, и доктор отошел с ней.

Димка про себя удивился тому, что доктор с такой готовностью ушел за уборщицей.

Медсестра Вероника продолжала стоять над Димкой. Тот видел ее белые туфли и точеные лодыжки. Было стыдно за то, что он повышал голос, за то, что рыдал здесь. Димка вспомнил, как вел себя сегодня Крестовский, и понял, что такой крутизны ему не добиться никогда. Поэтому на того девчонки и западают.

Доктор вернулся и присел перед Димкой на корточки.

— Смотри, у Лены сотрясение. — Димка испуганно икнул, доктор же продолжил: — К счастью, несильное, но отпустить мы ее не можем. Надо понаблюдать хотя бы до утра. Ингаляция — потому что она какое-то время провела в горячей машине. Дым в салон тоже шел. Ожога дыхательных путей нет, но небольшое отравление кровь показывает. Ей сейчас еще и капельницу поставят.

— В вену? — хрипло спросил Димка.

Доктор терпеливо кивнул.

— Да у нее же ручки тоненькие, — прошептал Димка.

— Вероника Андреевна помимо нашего центра работает еще в детской реанимации. Она малышам капельницы ставит, так что тут тоже все получится.

Димка кивнул и снова икнул.

— Тебя в скорой осматривали? — спросил доктор.

Они так и сидели в коридоре: Димка на полу у стены, доктор на корточках перед ним.

— Да. Но я дымом не дышал. Ее мой друг из машины вытащил.

— Друга осматривали?

— Не знаю. Я не видел, — признался Димка.

— Понятно, — ответил доктор, поднялся на ноги и обратился к старушке: — Анна Семёновна, у вас будет сладкий чай?

— Будет, — улыбнулась та.

Доктор протянул Димке руку и, когда тот подал свою, помог ему встать на ноги.

— К сестре иди, — сказал он и после паузы спросил: — Так и молчит?

— Нет. — Димка невольно улыбнулся. — Сказала, чтобы я не волновался.

— Вот и не волнуйся, — хлопнул его по плечу доктор.

Лялька сидела на кровати нахохлившись, как воробей. Увидев Димкино лицо, она встревоженно вскочила на ноги и тут же, сморщившись, плюхнулась обратно. Димка бросился к ней.

— У тебя сотрясение. Тебе нельзя так скакать.

— Ты плакал, — дрожащим голосом произнесла Лялька.

— Немного. Я просто... испугался сегодня, — признался Димка, наплевав на то, что рядом маячит Вероника Андреевна.

Лялька позволила уложить себя на кровать, ничего не сказав.

— Тебе нужно сделать ингаляцию и капельницу. Но ты не бойся. Вероника Андреевна ее даже детям делает.

Димка нехотя оглянулся на медсестру и увидел, как та улыбается Ляльке, открыто и мило, как, наверное, улыбалась детям в реанимации. «Вот если бы она сразу так себя вела, не случилось бы никакого недоразумения», — подумал Димка.

Пока Ляльке делали ингаляцию и ставили капельницу, Димка стоял у окна и смотрел на ухоженный дворик, стараясь не думать о последних часах. Это оказалось неожиданно легко. Он вдруг понял, что совсем не помнит произошедшего. Помнит только, что рядом был Крестовский, который каким-то образом знал, что надо делать. Поэтому Димка с удовольствием подыграл памяти, думая лишь о Крестовском. Тот, как ни крути, был жутко странным чуваком: они не общались три года, Димка выказывал свое презрение как только мог, Крестовский молча это терпел и прикидывался ветошью, а сегодня он вытащил Ляльку и вообще вел себя так, будто последних трех лет и не было.

После капельницы Ляльку начало клонить в сон.

Димка некоторое время сидел рядом с ней, а потом спохватился, что нужно предупредить остальных, что Ляльку оставляют. Он потянулся за телефоном, чтобы позвонить дяде Лёве, но в это время дверь открылась, и в палату вошла Анна Семёновна. В ее руках был поднос с двумя чашками чая и шоколадкой.

— С едой у нас к ночи негусто, — ласково произнесла она, — но внизу есть автомат со всякой этой вашей гадостью.

— Спасибо! — искренне сказал Димка и подтащил к кровати столик, чтобы Анна Семёновна могла поставить поднос.

Он торопливо отпил горячего чая, вторую чашку и шоколадку пододвинул к Ляльке. Та отчего-то улыбнулась и сонно покачала головой, а потом прошептала:

— Ты иди домой. Я же все равно спать буду.

— Вот еще. Я буду здесь сидеть.

Анна Семёновна, наблюдавшая за ними, вздохнула и молча вышла.

— Нет, ты лучше иди, — уперлась Лялька. — А завтра приходи. Только с Ромкой.

Димка едва не поперхнулся очередным глотком. Завтра утром Крестовский улетит, но как сообщить об этом Ляльке, Димка не имел ни малейшего понятия.

— Я лучше побуду, — упрямо повторил он.

— Ты чокнутый, — сказала Лялька.

Димка отодвинул столик от кровати, вновь придвинул свой стул и устроился головой на краю Лялькиной подушки.

— Чокнутый, — прошептал он. — Слово такое смешное.

— Ага, — подтвердила Лялька. — Как будто копытом по голове стукнутый.

— Почему копытом? — приснул Димка.

— Ну, как будто лошадь шла «чок-чок» — и по голове.

Лялька тоже приснула. Некоторое время они молчали, а потом Лялька сонно пробормотала:

— Ты все-таки иди. У тебя, кажется, температура снова поднялась.

Димка вдруг вспомнил то, о чем думал, пока дергал заевшую намертво дверь машины:

— Ляль, насчет многогранников...

— Не надо, — еле слышно попросила Лялька, мгновенно проснувшись.

— Нет. Надо. Это ерунда, понимаешь? Не бывает совпадения граней. Да даже если бы и было, невозможно быть повернутыми друг к другу только одной стороной. Жизнь долгая, и в ней всякое бывает. Нужно просто уметь мириться с тем, что что-то в человеке тебе не подходит, а потом эти грани и вовсе сгладятся.

Лялька некоторое время молчала, а потом прошептала:

— Он клялся, что любит. Я даже не знала сначала, что это Андрей. Мы просто переписывались. Мне казалось, что он так меня понимает, совпадает во всем...

Лялька негромко всхлипнула, а Димка в сотый раз подумал, как же не хватает сегодня мамы.

— Он просто хотел денег, Ляль. Мне очень жаль. Правда. — Здесь Димка лукавил, потому что отчасти был рад, что все закончилось именно так, что Лялька наконец поймет, что виртуальная жизнь — полный отстой, и что, лишь глядя человеку в глаза, можно что-то о нем понять. Хотя иногда и здесь выходят промахи.

— Значит, меня можно любить только из-за денег?

— Пф, — фыркнул Димка и подумал, что девочкам иногда важно слышать красивые слова. Даже если девочки выглядят сильными и уверенными в себе, как Шилова. — Я тебя люблю. Забесплатно.

— Пф, — фыркнула Лялька в ответ. — Ты не считаешься.

Димка вздохнул и выдал последний козырь. Это было не слишком честно, но в критических ситуациях, как говорится, все средства хороши.

— Ляль, я три года гнобил Крестовского, но, услышав о том, что ты в опасности, он все бросил, спер новую тачку отца и поехал тебя спасать.

Лялька приподнялась на подушке и посмотрела на Димку сверху вниз:

— Правда?

Димка медленно кивнул.

— А что он сказал?

— Что все будет хорошо и мы тебя заберем. Так и вышло.

Лялька несколько секунд смотрела на Димку, а потом опустила на подушку и прижалась виском к Димкиной макушке.

— И это все тоже забесплатно, — пробормотал Димка.

На это Лялька ничего не сказала. Димка полежал рядом с ней еще какое-то время, а потом понял, что она уснула.

Он осторожно встал, поправил Лялькино одеяло и вышел из палаты. Анна Семёновна уже домыла пол и теперь что-то читала, сидя на диванчике.

— Домой? — спросила она.

— Я не знаю, — с сомнением ответил Димка. — Как я ее оставлю?

— Вероника — милая девочка. Да и я сегодня тут буду, посмотрю.

Димка подошел к диванчику и опустился рядом с Анной Семёновной. Некоторое время они сидели в тишине, а потом Димка достал бумажник и, вытащив пятитысячную купюру, протянул женщине.

— Вы присмотрите за ней, пожалуйста, — попросил он, чувствуя себя неловко.

— Убери немедленно! — строго произнесла Анна Семёновна.

Димка смутился, но деньги не убрал.

— Возьмите, пожалуйста, — попросил он. — У вас же, наверное, зарплата небольшая.

— Зато у меня дома все живы-здоровы, — ответила Анна Семёновна и настойчиво отвела в сторону Димкину руку. — Присмотрим мы за девочкой. И Марат присмотрит, и Вероника, и я. Отдыхай иди.

И она опять потрепала его по волосам.

Димка встал и поплелся к лестнице. Купюру он убрал в бумажник только на выходе.

В больничном двореке его ждали. Крестовский и Машка, сидевшие на пионерском расстоянии друг от друга, тут же вскочили со скамейки и замерли как изваяния. Дядя Лёва затушил сигарету о бок урны и, выкинув окурочек, направился к Димке. За ним по пятам шла Ирина Петровна. Димка, не готовый к ее появлению, напрягся, потому что сил на то, чтобы выглядеть нормально, не осталось.

Дядя Лёва принялся расспрашивать о Ляльке. Димка подробно отвечал, следя за тем, чтобы голос звучал бодро, а сам то и дело косился на стоявшего поодаль Крестовского, у которого снова оказался залеплен нос, а обе

кисти были замотаны, как у мумии, и думал о том, что это все-таки классно, когда тебя кто-то ждет.

— Дима, как ты? — вдруг спросила бледная и обеспокоенная Ирина Петровна, оттеснив дядю Лёву в сторону. Будто в самом деле волновалась.

— Здравсте, — сказал Димка. — Я нормально.

Он скованно улыбнулся Ирине Петровне и посмотрел на Машку. Та стояла позади матери и выглядела подавленной. Димка вдруг вспомнил, что Ирина Петровна терпеть не может Крестовского, и ему стало неприятно. Появилось нелепое желание рассказать, какой Крестовский на самом деле, но Димка, конечно же, смолчал. Ирина Петровна зачем-то его обняла и потрепала по волосам. У Димки сложилось впечатление, что это было сделано для того, чтобы полюбовался Крестовский. Тот полюбовался: закусил щеку и отвернулся. Димка заметил, что Крестовский успел сменить заляпанную кровью рубашку на толстовку. Все-то у него получается. Во всем-то он круче Димки, от которого до сих пор несет гарью.

Переведя взгляд на Машку, Димка увидел, как та опустила голову, и почти физически почувствовал ее неловкость. Дурацкая, конечно, сложилась ситуация. Как ни крути. Вот если бы они были героями фильма, то титры начались бы еще на моменте его выхода из больничных дверей. А так приходилось стоять и лихорадочно придумывать, что сказать.

У Дяди Лёвы зазвонил телефон, и он обреченно выдохнул: — Сергей.

У Димки екнуло в груди, и его тут же затопило волной недоверия вперемешку со страхом, что Сергей их бросит.

— Да, дорогой, — до безобразия бодро произнес дядя Лёва. — А у нас все хорошо... Да... Не берет? Они в кино были с Ромкой. Наверное, забыл звук включить...

Димка смотрел на то, как вдохновенно дядя Лёва врет, и думал, что Крестовскому не мешало бы поучиться.

— Да нормально у них все. Мужики у нас выросли. По-говорили.

Дядя Лёва некоторое время молча слушал, а Димка снова покосился на Крестовского. Тот потер лоб запястьем

и тоже посмотрел на Димку. Выглядел он таким напряженным, что Димка подошел к нему и, толкнув плечом в плечо, заставил отступить подальше от остальных. Когда они оказались на приличном отдалении, Димка спросил:

— Как тут?

Крестовский пожал плечами и попытался было спрятать руки в карманы, но сморщился и отвел свои перевязанные конечности подальше от тела.

— Проблемы с Ириной Петровной? — напрямую спросил Димка.

— Не то слово, — одними губами ответил Крестовский и уже громче спросил: — Как Лялька?

Димка просветлел:

— Она заговорила. Сама. Я там поскандалить попытался, а она мне сказала, чтобы я не волновался.

Крестовский облегченно выдохнул и тут же нахмурился:

— А зачем ты скандалить пытался?

Димка дернул плечом и невольно потупился:

— Не хотели ничего о ее состоянии говорить. Взрослых ждали.

— Понятно, — протянул Крестовский.

В их беседе наступила неловкая пауза. Димка кашлянул и спросил:

— А Машка чего до сих пор здесь?

— Тебя ждала, — тут же отозвался Крестовский.

Димка поднял голову и посмотрел ему в глаза. Крестовский не отвел взгляда. С заклеенным носом и красными пятнами на морде он выглядел нелепо и очень по-взрослому.

— Спасибо, что поехал со мной.

— Ты уже говорил, — напомнил Крестовский, перевел взгляд на кирпичную стену и с преувеличенным интересом принялся разглядывать кладку. — Не надо больше. Я не мог не поехать. Лялька мне не чужая.

«А я?» — хотелось спросить Димка, но он, понятное дело, не спросил, вместо этого сказав:

— Ты только Ляльке сам скажи, что улетаешь. Она просто просила завтра вдвоем с тобой прийти. Я не смог ей сказать. Ты сам, ладно?

Он поднял взгляд на Крестовского, понимая, что выглядит до дебильного жалко.

— Дим, тут такое дело... — начал Крестовский, глядя в землю и старательно подбирая слова.

— Да понял я уже твое дело, — перебил его Димка. — Роман на расстоянии, все такое... Будешь себя хорошо вести — присмотри за Машкой.

Димка не понимал, зачем он это говорит. Он не собирался присматривать за Машкой. Еще вчера он хотел Машку себе. Сегодня же он не был ни в чем уверен, потому что случившееся с Лялькой так перетряхнуло ему мозги, что ни о каких девушках он и думать не хотел. Он хотел быть дома, знать, что Лялька за стенкой смотрит своих японских мальчиков и читает свою дурацкую мангу и что так будет всегда. Или, по крайней мере, в ближайшие несколько лет.

— Дим, — снова начал Крестовский, наконец посмотрев на Димку, — я, кажется, не улетаю.

— Так не улетаешь или тебе так только кажется? — спросил Димка, с ходу не решив, как относиться к новости, хотя сердце отчего-то радостно подпрыгнуло.

— Не улетаю. То есть я еще билет не сдавал, но решил остаться.

Подошедший дядя Лёва сунул Димке в руку свой мобильный. Тот был горячим и пах одеколоном дяди Лёвы.

— Алло! — сказал Димка, стараясь придать голосу бодрость.

— Дима, у вас все точно хорошо? — услышал он настоящий голос Сергея.

— Да.

— Как фильм?

— Какой? — не понял Димка, на что стоявший рядом Крестовский сделал страшные глаза и зашептал:

— Мы были в кино.

— А! В кино, в смысле? — заорал в трубку Димка. — Да нормальный фильм. Фигня какая-то.

— А почему Лена не отвечает?

— А она телефон разбила, — нашелся Димка. — Я ей скажу, чтобы она тебе завтра перезвонила, хорошо? Прямо

с утра? Просто пока до дома доберусь, уже поздно будет, ну, чтобы ее не будить...

— Дима, — сказал Сергей и замолчал.

— Что? — негромко спросил Димка после паузы.

— Ничего, — отозвался Сергей. — Я Лене купил матрешку с этой ее корейской группой.

— Всю жизнь был уверен, что она японская, — произнес Димка.

Сергей усмехнулся, а потом сказал:

— Пока, Дим.

— Пока, — ответил Димка и передал трубку дяде Лёве.

Тот засунул трубку в карман пиджака и некоторое время смотрел на Ромку, а потом спросил:

— Ты уверен, Ром?

Крестовский молча кивнул.

— Проблемы будут, — произнес дядя Лёва.

— Я понял. Ты тоже против?

— Еще как! — раздраженно ответил дядя Лёва. — Но предпочитаю позволить тебе набивать шишки самому.

— Спасибо, пап! — Крестовский расцвел так, будто вдруг наступило Рождество.

Димка отвернулся, потому что смотреть на разговор сына с отцом было больно. Так больно, что даже дыхание перехватывало.

— А вот к тебе это не относится, — вдруг услышал он, и дядя Лёва обнял его за плечи. — С тебя я планирую согнать семь потов, чтобы ты не просто догнал Лёшку, а еще и перегнал его, понятно?

— А куда мы бежим? — Димка шмыгнул носом, хотя и не собирался вновь расклеиваться.

— В светлое будущее, — с усмешкой ответил дядя Лёва.

— Лев! — Тон Ирины Петровны был таким, будто она выругалась.

Димка слегка опешил от того, как Машкина мать обратилась к дяде Лёве. А уж выражение лица дяди Лёвы, когда он пошел на зов, привело Димку в полное замешательство.

Несколько секунд понаблюдав за общением взрослых, Димка повернулся к Крестовскому.

— А чё происходит? — спросил он.

— Все равно не поверишь, — в голосе Крестовского послышалась досада.

— Они что, знакомы? — предположил Димка, хотя не видел ни одной точки соприкосновения у этих людей.

— Учились вместе, — коротко ответил Крестовский.

Димка, прищурившись, повернулся к взрослым и некоторое время наблюдал за их беседой. Дядя Лёва коснулся локтя Ирины Петровны, явно пытаясь ее успокоить, а та отдернула руку с таким лицом, что Димка, медленно развернувшись к Крестовскому, вполголоса произнес:

— Да ладно.

Крестовский посмотрел на него исподлобья.

— Да ладно, — уже громче повторил Димка. — У них был роман?

— Тише, — прошипел Крестовский, бросив на него предупреждающий взгляд, и Димку прорвало.

Кажется, он никогда так не смеялся. До колик. До икоты.

— Хватит ржать! — с периодичностью раз в несколько секунд повторял Крестовский.

Боковым зрением Димка видел, что к ним подошла Машка, но остановиться уже не мог.

— У него истерика? — участливо спросила Машка у Крестовского.

— Типа того, — ответил Крестовский. — Узнал о знакомстве наших родителей.

— И что тут смешного? — спросила Машка и скрестила руки на груди, совсем как Ирина Петровна.

Димка, согнувшись, упер руки в колени и несколько секунд пытался отдышаться. Потом выпрямился и, еле дыша, проговорил:

— Это так смешно, что я даже комментировать не буду. Это... бли-и-ин. Это... Крестовский, ты попал! Как ты это делаешь? Бли-и-ин!

— Димыч, включи телефон! — крикнул дядя Лёва, и Димка, нащупав в кармане телефон, включил звук.

На экране светилось несколько пропущенных от Сергея. Димка поднял взгляд на Машку. Та смотрела встревоженно и расстроено. Не выдержав его взгляда, Машка посмотрела себе под ноги и тихо спросила:

— Сердишься?

— Ага, — не стал отпираться Димка. — Но это ведь ничего не изменит.

— Дим... — начал Крестовский, но Димка перебил:

— Хватит.

Он ведь точно знал, что хочет сказать этот придурок. Только на фиг Димке такое благородство? Дружбы у них все равно нет. Так ради чего Крестовскому страдать и мучиться, вздыхать по Машке украдкой?.. Пусть развлекаются. У него и без них теперь дел будет навалом.

Отвернувшись, он набрал номер Сергея.

— Дима, я не могу дозвониться до Андрея. Приедешь домой, попроси его завтра встретить меня в аэропорту.

— Завтра? — растерянно переспросил Димка.

— Завтра. В шестнадцать сорок по Москве.

— Ты же должен был вернуться через неделю.

— Так, вот сейчас я начну напрягаться всерьез. Лев кричит, что проведет неделю с вами и, мол, я не должен волноваться. Ты вопишь, что я тоже должен прилететь через неделю. Вы вдруг помирились с Романом. Лена не берет трубку. Что у вас за ерунда там творится?

Димка широко улыбнулся:

— А ты — курица-наседка, ты в курсе?

— Да пофиг мне! Я завтра прилетаю!

— До завтра, — сказал Димка и, нажав отбой, повернулся к Крестовскому: — А я могу ведь заказать такси из города до аэропорта и обратно?

— Можешь, но если тебе дядю встречать, я могу отвезти на твоей машине. Все равно тебе ее от моего дома забирать. Или ты сам?

— А мы типа опять дружим? — спросил Димка, понимая, что его тон звучит неуместно нагло и совсем не подходит тому, что он сейчас чувствует.

— А вы, по-моему, и не переставали, — вдруг подала голос Машка.

Димка посмотрел на нее, собираясь сказать какую-нибудь колкость, просто для профилактики, но, перехватив предупреждающий взгляд Крестовского, только скорчил гримасу и махнул рукой. Пусть считает, как хочет.

Позже, сидя рядом с Крестовским на заднем сиденье в машине дяди Лёвы, Димка думал о том, что, если мыслить Лялькиными категориями, в дружбе, так же как и в любви, необязательно совпадать гранями. Нужно просто не ранить близких специально. Даже если тебе кажется, что они этого заслуживают. Потому что они ведь не перестанут быть близкими и, раня их, ты будешь ранить самого себя. Как-то так.

Его мысли окончательно спутались, и Димка, уронив голову на плечо Крестовского, забылся сном без сновидений.

Ты — многогранник, и я — многогранник.

Но это нормально в нашей системе.

Благодарности...

...моей семье за поддержку и терпение,

моей команде — Татьяне Магомедовой и Оксане Логиновой — за безграничную веру в меня,

моим прекрасным читателям за душевное тепло и сопереживание героям,

и отдельная благодарность выпускающему редактору Анне Неплюевой за удивительно бережное и чуткое отношение к истории.

МИО Проза

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

**НОВЫЕ ИМЕНА МИРОВОГО
МАСШТАБА**

ПРОБЛЕМАТИКА XXI ВЕКА

РОМАНЫ ВЗРОСЛЕНИЯ

КНИЖНЫЙ КЛУБ

#mifproza

Подписывайтесь
на полезные книжные письма
со скидками и подарками:
mif.to/proza-letter

Вся проза
на одной странице:
mif.to/proza

 mifbooks

Литературно-художественное издание
Серия «Red Violet. Задержи дыхание»

Способина Наталья

Многогранники

Руководитель редакционной группы *Ольга Киселева*

Ответственный редактор *Анна Неплюева*

Арт-директор *Яна Паламарчук*

Дизайн обложки *Вера Голосова*

Верстка *Владимир Снеговский*

Корректоры *Татьяна Чернова, Надежда Лин*

ООО «Манн, Иванов и Фербер»
123104, Россия, г. Москва, Б. Козихинский пер.,
д. 7, стр. 2

mann-ivanov-ferber.ru
vk.com/mifbooks

Что делать, если враг твоего лучшего друга становится для тебя кем-то особенным?

Маша, девушка из простой семьи, учится в престижном столичном вузе. И хотя Маша не вписывается в блестящий мир «золотых деток», ее лучший друг Димка — один из них. Димка намеренно игнорирует однокурсников, предпочитая всем общество Маши. Но когда в их группу переводится студент из Англии по имени Роман, это не только бросает вызов дружбе Маши и Димки, но и запускает цепочку событий, которые навсегда изменят жизни многих людей.

Наталья Способина — лингвист-переводчик, автор легендарного фанфика «Цвет надежды». В 2019 году рассказ Натальи «Голос в лабиринте» был опубликован в сборнике «Удивительные истории о любви».

Эта книга пронизана щемящей беззащитностью ранней юности, ее порывистостью, ранимостью, ершистостью, искренностью. Что такое первая любовь? Как совладать с пугающим вихрем чувств? А что такое дружба? И какая между ними разница?

Отзыв на **LiveLib**

#yamif

МИО mann-ivanov-ferber.ru @mifbooks

Иллюстрации на обложке и форзацах:
Анастасия Сингирцова (lunariq)